

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

научный журнал

№2 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Левкина Л.И. Элитные сообщества. Краткий исторический обзор и современный подход..... 3

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Козлова М.А. Социально-философский анализ молодежной безработицы (в странах с различными экономическими моделями)..... 11

Сизинцев П.В. Анализ переживаний как свойства человеческой личности в статьях И.П. Четверикова 19

ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Азеева К.А., Абросимов В.Н., Жукова Л.А. Хроническая сердечная недостаточность и глубокие гипокапнические нарушения газообмена..... 23

Хасанова Л.А., Баренина О.И., Чернобавская М.Н., Колесников А.В., Мартынов В.А. Электрофизиологическое, функциональное и морфометрическое состояние зрительного нерва у больных серьезными менингитами в период реконвалесценции. 26

Абросимов В.Н., Азеева К.А., Перегудова Н.Н., Филатова Т.Е. Хроническая обструктивная болезнь легких и тест 6-минутной ходьбы 31

ФАРМАКОЛОГИЯ

Катаев Д.О. Анализ номенклатуры фармацевтических субстанций, включенных в государственный реестр лекарственных средств для медицинского применения 37

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ

Палаткин В.В. Влияние сахара на организм человека 44

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Темпоральные референты в методологии социальной динамики 47

Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Темпоральные границы социального процесса и феномен длящегося настоящего 52

Малофеев И.В., Келлер П.А. Социальные услуги: сущность и принципы 55

Осьмух Л.А. Развитие и трансформация современных технологий в работе с семьей на региональном уровне 62

Фаст С.П. Формирование социальной идентичности молодежи посредством реализации проектов и программ органом исполнительной власти региона (на примере ЯНАО) 68

Шеляпин Н.В. Идеологический язык современной российской социальной группы (на примере группы ритмологов) 74

Жемерикин А.Б. Корреляционный анализ социальных проблем развития городов 83

Мамедова Л.В., Кобазова Ю.В. Гендерная социализация старших школьников в контексте общего процесса социализации 86

Хасиева А.Д. Историко-философская проблематика зарождения и развития мусульманского сообщества Дальнего Востока 92

Комарова С.А. Модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида 98

Жуков А.В. Религиозные идеи Китая на территории современного Забайкалья 102

Злыгостева М.Н. Духовное наследие писателя-богослова архимандрита Макария 108

Кашлатова Л.В. «Между кочек живущая женщина» в культуре обских ургов 112

Гапанюк А.Е. Мистериальная культура (западного богослужения) 116

Цивцевадзе Е.Б., Рязанцева Е.В., Новикова С.В., Бочарова И.И., Климова И.В. Беременность и эпилепсия: акушерские и перинатальные исходы 122

Магомедова М.А., Арбуханова М.С. Динамика уровня некоторых метаболитов углеводного обмена в крови у детей, подростков и юношей, проживающих в условиях высокогорья Дагестана. 127

Мельник К.Н., Баишева Г.М., Гильмиярова Ф.Н., Алпатов Т.А. Оценка стресс-ориентированных психофизиологических показателей и состояние цитокинового профиля ротовой жидкости на фоне различных моделей питьевого поведения. 130

Дан М.В. Эмоциональное отношение к ребенку и роль личностной зрелости матери в ситуации впервые возникшего тяжелого психического заболевания у совершеннолетнего ребенка 137

Шаимов Р.Б., Шаимова В.А., Гоздеева О.Г., Шаимов Т.Б. Классификации периферических дистрофий сетчатки 144

Лисина Е.А. Мирское и священное в современном мире 150

Фусу Л.И. Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление 153

Васин А.С., Давыдов В.В., Свирина Ж.А. Исследование влияния релактивных препаратов на фиброзно-кистозную мастопатию 156

Фишер И.И. Психологическая реабилитация пациентов с переломами нижней челюсти 160

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-64221 от 31.12.2015
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2499-9652

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»

Издаётся с 2010 года

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.fapz.ucoz.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абдумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Апресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук, проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф., Терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАО; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук, проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Каплунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского мед. исследовательского ун-та им. И.М. Сеченова; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., ИГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук, проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБНУ НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсумович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропф Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Салиенца; **Чжан Шууха**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениус**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Ли Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Техничко-экономического института в Чешских Будейовицах (Чехия); **Христиан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракаускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 15.07.2017
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Table of Contents

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

- Levkina L.I.*
Elite communities. Short historical review and modern approach 3

PHILOSOPHICAL VIEWS

- Kozlova M.A.*
The social and philosophical analysis of youth unemployment (in the countries with various economic models) 11
- Sizintsev P.V.*
The analysis of experiences as properties of the human person in I.P. Chetverikov's articles 19

TREATMENT-AND-PROPHYLACTIC TECHNOLOGIES

- Ageeva K.A., Abrosimov V.N., Zhukova L.A.*
Chronic heart failure and deep gipokapnichesky disturbances of gas exchange 23
- Chasanoff L.A., Barenina O.I., Chernobavskaya M.N., Kolesnikov A.V., Martynov V. A.*
An electrophysiologic, functional and morphometric condition of an optic nerve at patients with serous meningitis in the period of a convalescence 26
- Abrosimov V.N., Ageeva K.A., Peregudova N.N., Filatova T. E.*
Chronic obstructive pulmonary disease and test of 6-minute walking 31

PHARMACOLOGY

- Katayev D.O.*
The analysis of the nomenclature of the pharmaceutical substances included in the State Register of Medicines for a medical use 37

MODERN APPROACHES IN HEALTH PROTECTION

- Palatkin V.V.*
Influence of Saccharum on a human body 44

CROSS-DISCIPLINARY RESEARCHES

- Timofeyenko V.A., Music O.A., Popov V.V.*
Temporal referents in the methodology of social dynamics 47
- Popov V.V., Music O.A., Timofeyenko V.A.*
Temporal boundaries social process and the phenomenon of lasting present..... 52
- Malofeev I.V., Keller P.A.*
Social services: essence and principles..... 55
- Osmuk L.A.*
Development and transformation of modern technologies in work with family at the regional level 62
- Fast S.P.*
Formation of social identity of youth by means of implementation of projects and programs by executive authority of the region (on the example of YaNAO). 68

- Shelyapin N.V.*
Ideological language of modern Russian social group (on the example of group of ritmolog) 74
- Jimerikin A.B.*
Correlation analysis of social problems of urban development 83
- Mamedova L.V., Kobazova Ju.V.*
Gender socialization of senior schoolchildren in the context of the general process of socialization 86
- Khasieva A.D.*
Historical and philosophical problems of the origin and development of the Muslim community of the Far East 92
- Komarova S.A.*
Model of network social mobility interregional look ... 98
- Zhukov A.V.*
Religious ideas of China in the territory of modern Transbaikalia 102
- Zlygosteva M.N.*
The ecclesiastical heritage of a theologian writer and archimandrite Macarius..... 108
- Kalachova L.V.*
"Between hummocks living woman" in the culture the Ob Ugrians..... 112
- Gapanyuk A.E.*
Mysterical culture (of western rite) 116
- Tsivtsivadze E.B., Ryazantseva E.V., Novikova S.V., Bocharova I.I., Klimova I.V.*
Pregnancy and epilepsy: obstetric and perinatal outcomes 122
- Magomedova M.A., Arbukhanova M.S.*
Dynamics of the level of some metabolites of carbohydrate metabolism in blood in children, adolescents and young men living in the highlands of Dagestan 127
- Melnik K.N., Baisheva G.M., Gilmiyarova F.N., Alpatova T.A.*
Assessment of stress-oriented psychophysiological indicators and the state of the cytokine profile of the oral fluid against the background of various patterns of drinking behavior..... 130
- Dan M.V.*
Emotional attitude to the child and the role of personal maturity of the mother in a situation of severe mental illness of adult child..... 137
- Shaimov R.B., Shaimova V.A., Pozdeeva O.G., Shaimov T.B.*
Classification of peripheral retinal degenerations: a review 144
- Lisina E.A.*
The profane and the sacred in the modern world.... 150
- Fusu L.I.*
Borderline states of the individual and society: borderline, crisis and its overcoming..... 153
- Vasin A.S., Davidov V.V., Svirina J.A.*
Study of the effect of release-active drugs on fibrocystic breast disease..... 156
- Fisher I.I.*
Psychological rehabilitation of patients with mandibular fractures 160

Элитные сообщества. Краткий исторический обзор и современный подход

Левкина Лилия Ивановна

кандидат педагогических наук, докторант, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИГСУ РАНХиГС), LevkinaLI@gmail.com)

В работе осуществлен поиск ответа на вопрос: существует ли в современном российском обществе элита как наиболее логичный выразитель стратегии его развития и интегратор идей для проведения стратегии в жизнь? Либо мы являемся свидетелями процветания квазиэлиты. Для поиска ответа на данный вопрос совершен небольшой экскурс в историю феномена. Представлены подходы ученых современности, изложена позиция автора. Вскрыты особенности российской протоэлиты. Показан потенциал ее влияния на трансформационные процессы. Элиты рассмотрены как социальные сообщества.

Научная новизна заключается в выявлении и соотнесении характерных свойств российских сообществ и элит; в описании результатов исследования потенциала акцентированных в статье элитных сообществ и возможностей их влияния на трансформационные процессы. В статье приведена авторская трактовка понятия «потенциал элитных сообществ». Формирование российской элиты новой формации преподнесено как стратегическая инновационная технология.

Ключевые слова: элита, квазиэлита, элита как сообщество, свойства, характеристики и потенциал элит, самоорганизация, институционализация.

Основное содержание.

Древне-семитское слово Эль (El) имеет значение Бог (источник: глиняные древне-сирийские миры «Список богов») [1]. Ал или Эл (евр.) представляется как Бог, означая «могущественный», «наивысший» [2]. АЛА – означает также некоторый объем вселенной, вместителище, где покоится дух Ал. В тюркском языке Эль выступает имя образующим для понятий «Родина, страна, народ» [3]. Есть версия, что корень leg причисляется к праиндоевропейскому – подбирать, собирать. В переводе с латинского термин *eligerе* определяет «выбирать»; сегодняшнее звучание слова относится к старофранцузскому *elite* - избранный, лучший, отборный, а нынешнее значение приобрело к 1360 г. [4, 1529]. Во французский язык слово попало из библейской терминологии.

Многочисленные трактовки происхождения слово *Elite* (элита) означают не только отбор, избрание, но и представляют содержание этого понятия – божественное, обозначая могущественную душу, мудрость, наивысшее явление. Следовательно, элита – это сообщество (сосуд), наполненное избранными Божьими, обладающими мудростью и наивысшими качествами. Вспомним, что по одной из легенд мир из тьмы был произведен семью богами, да простит нас история за сравнение, сообществом богов. Значит, и элита призвана из тьмы сотворить справедливость во имя страны и народа. Так ли обстоят дела в действительности, попробуем найти ответ.

Краткий исторический экскурс в развитие дефиниции элита и ее содержания. Зарубежный аспект.

Обратившись к истории, мы увидим принципы, имеющие разную основу для отнесения групп индивидов к элитным структурам. В частности, Конфуций (551 г. до н/э) по принципу соблюдения моральных устоев считал, что правящую элиту формируют «благородные мужья», предельно требовательные сами к себе, а простолюдины – это удел большинства, стремящегося лишь к получению прибыли. Основные качества элиты: доброта, бережливость, требовательность к выполнению трудовой обязанности, отсутствие алчности, гордыни, жестокости. Платон (427/428 г. до н/э) полагал, что элита складывается по принципу «добротели души», мудрости для правителей; мужества - для воинского люда; желаний утех и наслаждений для ремесленного люда и тех, кто возделывает землю. Отбор в элиту, по мнению Платона, должен происходить из числа тех, кому будет дано высокое воспитание и образование.

По теории Н. Макиавелли (1469 - 1527), обществом управляет высокоорганизованное меньшинство, авторитет или власть которого лежит в поддержке сторонников. Элиту представляют два противостоящих меньшинства: правящее меньшинство и меньшинство, желающее править. Народ же стоит за неприкосновенность имущества, чести, и только во имя этого готов изменить пассивное действие на активное. Мысли Н. Макиавелли распростерлись до циклического развития таких форм государства, как монархия, олигархия, демократия.

Парето В. (1848 - 1923) полагал, что те, кто не составляют элиту, могут подготавливать преемников для замены её представителей. «Циркуляция» элит обусловлена временной утратой их активности. Исчезновение, «кладбище элит», составляет историю. Моска Г. (1858 - 1941) выделял наследование, кооптацию или выборы в качестве средства возобновления элиты. Оба ученых: и В. Парето, и Г. Моска подходили к элите как группе, отличающейся сплоченностью, осознающей преобладание над массами и являющейся носителем феноменальных качеств. Михельсу Р. (1876 - 1936) принадлежит описание смысла бюрократизации господствующей элиты, ибо демократия не возможна, т.к. рано или поздно трансформируется в олигархию. Причины трансформации со стороны элиты: умение использовать «массы» для продвижения своих целей; способность к организации политических процессов; формирование иерархической структуры управления; создание структуры профессиональных руководителей, со временем абстрагирующихся от «массы»; создание закрытой группы, в итоге присваивающей власть. Со стороны «массы»: пассивность, сопровождающаяся потребностью в вождях; некомпетентность, несостоятельность в вопросах управления, организации и организованности; доверие профессионалам; недостаточный уровень просвещенности. Элитистские взгляды макиавеллевской школы на теорию элит выразил Ж. Сорель (1847 – 1922) – трибун идей революционного синдикализма [5]. Современный подход к теории элит заключен в работах Дж. Бернхейма (1905 - 1987) и назван «менеджментной теорией» в связи с появлением элиты управленцев, призванных подходить к управлению с позиции компетентности. Дж. Бернхейм, как и К. Маркс, убежден, что доступ к ревизии над средствами производства открывает путь к *политической власти*, социальному превосходству и высокой обеспеченности. Источником коррупции Бернхейм считает отсутствие контроля за действиями элиты со стороны организованного общества. В информационном обществе новая интеллектуальная элита направляет свой знаменитый информационный багаж на развитие общества, полагает прародитель концепции «постиндустриального общества» Д. Белл (1919 - 2011). При этом в постиндустриальном обществе интеллект гарантирует элите политическую власть. Теория элит Р. Миллза (1916 - 1962, США) зиждется на институциональном подходе. Элита власти состоит из сложного сочетания группировок: «Под эли-

той власти мы понимаем те политические, экономические и военные круги, которые в сложном переплетении группировок разделяют право принятия решений, по меньшей мере, общенациональной важности» [6]. Нам известен репутационный подход к элите Р.-Ж. Шваценберга, в концепции которого элита - закрытая группа, итоги функционирования которой могут оцениваться другими группами. А. Бентли (1879-1957) представил политику как процесс сольватации различных социальных групп, в т.ч. групп интересов и групп давления. Одной из функций государственной власти является задача регламентации их деятельности и урегулирования споров с целью достижения баланса сил. Вместе с А. Бентли «теорию плюрализма элит» разрабатывали Арон Р. (1905 - 1983, Франция), Даль Р. (1915 - 2014, США), Шаран П. (1986, Индия). Смысл теории в том, что с развитием общества, научно-технической мысли усложняется само общество, в котором элита, теряя монолитность, представляет собой содружество/соперничество противоборствующих групп, усложняя структуры власти и процессы управления.

Элита как сообщество. Характерные черты элиты власти: общность интересов, тесная групповая сплоченность, солидарность, основанная на идентичности образовательного ценза, социального положения, образа жизни, схожести межличностных отношений, некоторого психологического единства. Эта характеристика коррелируется с нашей трактовкой сообщества. Под *сообществом* мы понимаем структурную единицу общества, объединение людей, связанное устойчивыми формами взаимодействия в определенном временном континууме, чья деятельность направлена на достижение общих целей и осуществляется с той или иной степенью активности в различных подсистемах жизнедеятельности.

Если рассматривать социальную структуру общества, то элиты одновременно являются социальными общностями, социальными группами, социальным слоем, и, как показывает сегодняшняя история, социальным институтом.

Приведем авторскую трактовку элиты. *Элита* - это сообщество индивидов, представляющее собой стратификационную социальную группу, находящуюся на высокой ступени общественной иерархии, обладающее достаточной полнотой прав, привилегий, влиянием, характеризующееся общностью интересов, солидарностью, основанной на идентичности образовательного ценза, образа жизни, схожести межличностных отношений, некоторого психологического единства, перерастающее в современном обществе в социальный институт. Современной элите свойственны потеря монолитности, соперничество противоборствующих групп в борьбе за власть.

Отечественная элитология формировалась еще в дореволюционный период благодаря работам российских и эмигрировавших ученых, исследовавших культуру, право, политологию, социологию, психологию и др. К ним следует отнести Бер-

дяева Н.А., Ильина И.А., Сорокина П.А. и др. Сегодня в данной области работает московская школа элитологии, которую представляют Ашин Г.К., Афанасьев М.Н., Гаман О.В., Крыштановская О.В., Кузнецов И.И., Охотский Е.В., Шутов А.Ю. и др. Большую поддержку развитию актуальных вопросов элитологии оказывают Слизовский Д.Н., Аверин А.Н. и др. В Ростове-на-Дону сформирована собственная школа элитологов под руководством Понеделкова А.В., Старостина А.М., в нее входят также Кислицын С.Е., Игнатов В.Г. и др. Санкт-Петербургская школа представлена именами Дука А.В., Кугеля С.А. и др. В Астрахани над проблемой работают Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х. Очирова В.М. - в республике Бурятия. Можно приветствовать сформировавшуюся отечественную школу элитологов. Главная энтимема элитологов заключается в том, что политическая элита страны сегодня несостоятельна в вопросах построения и принятия программы развития государства, способной наладить взаимоотношения между властью и обществом, выявить ценностные идеалы.

Пляйс Я.А. полагает, что «новой элиты» в России нет. В период перестройки и распада СССР новой элите взяться было неоткуда – в стране свершилась революция. По мнению Мау В.А. и Стародубовской И.В.: «Даже при поверхностном взгляде на экономическую динамику 1985-2002 гг. нетрудно разглядеть тенденции, типичные для революционных эпох, а также те экономические проблемы, которые встают перед государством и обществом в период революции» [7]. Они же указывают на то, что в роли движущих сил в свершившейся революции выступили представители партийно-государственных структур, «теневой экономики», интеллигенции, национальной элиты на фоне индифферентности народных масс, отвернувшихся от коммунистов. Особенности российской революции стало поэтапное вхождение в термидор и постепенное формирование условий для созревания постреволюционной диктатуры, а также отсутствие массового и сокрушительного насилия. При этом революции внутри бывшей советской элиты не произошло, полагает Я.А. Пляйс: «Людям с принципиально другой политической ментальностью просто неоткуда было взяться. Системы подготовки оппозиционной элиты в СССР не существовало, а постсоветская Россия о необходимости создать новую элиту даже не задумалась» [8]. «Антиэлите, безусловно, не место у рычагов власти. На смену ей должна прийти оппозиция, которую мы обязаны воспитать» [8].

Старостин А.М. полагает, что в сегодняшней России элиты не существует, поскольку для её формирования необходимо не менее 80-100 лет. То, что сегодня мы называем элитой, - это «протоэлита» [8]. Лоскутов В.А. постулирует, что в период перестройки народ вновь был отстранен от политики, и «чиновники переиграли политиков». Для того, чтобы изменить элиту, элита должна отказаться «от себя самой как предельного основания и единственного источника общественного развития» [8].

Воронцов С.А. указал на некоторые характеристики тех, кто причислен к элите: куначество с главной персоной, тесная взаимосвязь с элитной группой, грандиозное финансовое обеспечение и, как правило, невысокая грамотность. Последствия: элита насыщена коррупцией; потребность в развитии отсутствует за ненадобностью. Причины: взаимопроникновение корпоративного сектора экономики и номенклатурного чиновничества; злоупотребление властью административным ресурсом, нецелевое использование информационных ресурсов; неразвитость в стране гражданского общества, недоразвитие общественного контроля; отсутствие ротации состава элиты за счет представителей общественности, интеллигенции, профессиональных кадров [9].

Турчинов А.И. обращается к вопросу состоятельности кадров, насыщающих российскую политическую и управленческую элиту [10]. Магомедов К.О. настаивает на выделении вопроса кадровой коррупции в отдельную сферу социологических исследований: «Кадры государственного и муниципального управления являются объектом коррупционных интересов. Они же являются социальными носителями коррупционного поведения, включая его аксиологическую, социально-психологическую и этическую составляющую» [11, с. 213].

Ошибкой правящей элиты России было провозглашение рыночной экономики без выработки национальной идеи, без определения принципов стратегического развития, которые могли бы консолидировать потенциал всех элитных групп России и народонаселения страны во имя достижения глобальной цели (Мохов В.П.). Карабущенко П.Л. вскрывает вопросы существования элиты в условиях гражданского общества. Галицкий В.П., Фарукшин М.Х., Рябова Е.Л. обращают внимание на проблемы взращивания политической культуры у этно- и этнократических элит: «Формирование культуры конфликтного взаимодействия в современном обществе - достаточно долгий и сложный процесс. Он предполагает использование новых подходов и технологий регулирования социальных конфликтов, их апробации, адекватного восприятия обществом и управленческой элитой, разумного использования с учетом соответствующих условий» [12, с. 47].

Институциональный аспект освещает теорию элит как набор статусов, наделенных стратегическими функциями. Ученые приходят к выводу об институционализации элиты в стране. В т.ч. о рождении института коррупции, института выборов и отдельно электората (Юсов С.В.). Мы выделяем несколько элитных сообществ, сосредотачивающих в себе основную часть потенциала и возможностей развития российского социума. Их условный перечень таков: управленческая элита, финансовая элита, силовые структуры, интеллектуальная элита. От степени реализации ими своих усилий, от эффективности взаимодействия прямо зависит вектор развития государства. Мы осознанно не выделяем здесь религиозные элиты, а

также сообщества, возникающие снизу, - их исследование проводится нами параллельно. Политические описаны выше.

Акцентированные элиты рассмотрим подробнее.

Управленческая элита - неофициально оформленная тесно взаимодействующая совокупность индивидов, объединенных присутствием во власти; сообщество, главным признаком которого выступает управление социальными структурами и процессами различного уровня, возможность изменять социальные структуры, несмотря на природно-присущую им способность к самоорганизации. Управленческая элита во многом перекликается с политической. Сообщество прямо взаимосвязано с управленческо-административной подсистемой жизнедеятельности. Оно объединяет в себе руководителей, чья компетентность оказывается на уровне управления большими социальными группами соответствующего ранга, а также людей, причастных к управлению. Сюда относятся государственные чиновники всех уровней, а также региональные и местные управленцы. Управленческая элита может дать импульс развитию всему обществу, но и полностью развитие остановить. Она представляет собой относительно небольшую, но довольно сплоченную группу. Главным фактором сплоченности ее членов выступает основная цель и идентичный вектор деятельности, направленной на управление социальными структурами и процессами. Ее деятельность открывает возможности для усиления влияния сообщества управленцев на другие подсистемы жизнедеятельности, например, финансово-экономическую. Одновременно сообщество характеризуется заметной степенью внутренней конфликтности, прямо определяющейся процессами борьбы за власть и владения ресурсами внутри нее. Велико количество угроз как внутренних (в результате конкурентной борьбы за власть), так и внешних (в итоге давления со стороны других групп). В связи с чем одним из основных факторов сплоченности сообщества является стремление обезопасить себя и самосохраниться во власти. Другая важная черта заключается в достаточно высоком уровне замкнутости группы и ее привилегированном положении по многим параметрам. Как правило, доступ в данное сообщество сопровождается рядом фильтров, которые необходимо пройти новому члену, стать и быть «своим». Ротация членов сообщества довольно мала. Члены сообщества «управленческая элита» взаимодействуют на самых различных социальных уровнях, однако эти связи довольно формальны и не влияют на статус. Реальные коммуникативные зависимости строятся с группами и индивидами, обладающими схожим статусом и влиянием, при этом не конкурируют с управленческой элитой. Таких взаимодействий не много. Общий статус сообщества высок, отличается особым престижем, что усиливает его социальное влияние.

Финансовая элита. Сложность описания данной страты общества осложняется тем, что финансовую элиту условно можно подразделить на

псевдоэлитой и собственно элиту. Под псевдоэлитой понимается класс финансовых руководителей, случайно или протекционистским образом попавших на руководящие посты, либо руководителей, должности которым достались «по наследству» прошлой эпохи, либо непрофессиональные кадры. Социальный класс современной финансовой элиты изучен недостаточно. Наше определение таково: финансовая элита - часть элиты, профессионально воплощающая в жизнь наиболее значимые финансовые цели общества, государства, отдельных корпораций и личностей, обладающих значительным капиталом; основной принадлежностью элиты является денежный капитал, посредством которого создаются финансовые потоки. К финансовой элите можно также отнести руководство частных корпораций и банков, представителей крупного бизнеса, лиц, владеющих значительным капиталом, и даже некоторых представителей организованной преступности, легализующих свои капиталы. Профессиональная деятельность финансовой элиты осуществляется при помощи финансовых регуляторов в рамках своей специфичной системы, состоящей из: финансовой политики государства, регионов, отдельных предприятий и организаций, в т.ч. частных, крупного бизнеса; финансовых механизмов управления, представляющих собой совокупность различных видов, форм, методов организации финансовых отношений; финансовых рынков, банков, организаций. Вес финансовой элиты определяется тем, что она сосредотачивает в себе материальные и денежные ресурсы, которые могут быть мобилизованы для полноценного социального развития. Реализация ее потенциала заключается в преумножении и инвестировании ресурсов в различные подсистемы жизнедеятельности и общественное развитие, в ином случае ее социально-экономический потенциал будет утрачиваться. При этом высокий уровень внутригрупповых противоречий часто нивелирует этот потенциал.

По многим параметрам это самое разнородное сообщество, так как единственным значимым фактором, определяющим принадлежность к нему, является обладание значимым капиталом. Оно обладает высоким социальным статусом и престижем. Но внутренние конфликты проявлены здесь наиболее остро. Важнейшими факторами сплоченности финансовой элиты являются обладание денежными средствами и контроль над крупнейшими финансовыми потоками, также наличие внешних угроз. Однако соперничество внутри сообщества, которое подкрепляется его неоднородностью, часто эти факторы сплоченности превосходит.

Силловые структуры. К силовым структурам в России относятся: Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил РФ (ГРУ), Служба внешней разведки РФ (СВР), Федеральная служба безопасности РФ (ФСБ), Министерство Юстиции РФ (МИНЮСТ), Следственный комитет РФ (СК), Генеральная прокуратура РФ (ГП), Министерство Внутренних дел (МВД),

Министерство обороны РФ (МО); Федеральная служба охраны РФ (ФСО), Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков РФ (ФСКН), Федеральная служба исполнения наказаний РФ (ФСИН). Основная социальная роль данного сообщества имеет функциональный характер и связана с охраной государственной и общественной безопасности как от внутренних, так и от внешних угроз. Сюда можно добавить пенсионеров данных систем, достаточно молодых, но накопивших опыт. Основные факторы влияния сообщества на социальную систему можно описать следующими параметрами. Первый определяется специфичностью навыков и возможностей данного сообщества, которые при этом носят официальный характер, их использование разрешено только в рамках данного сообщества. Второй параметр определяется монополией на применение силы: внутри социальной системы на официальном уровне только данное сообщество может применять силу по отношению к другим группам и индивидам. Третий параметр зависит от контакта данного сообщества с различными маргинальными группами и преступными организациями, на которые оно может иметь существенное влияние. Сплоченность определяется выполнением уникальной роли и находится на максимально высоком уровне по сравнению с другими сообществами. Оно также имеет установившийся моральный кодекс и сформированную субкультуру, которые отличают его от остальных групп. Бесспорно, субкультурные признаки есть, например, и у государственных служащих, но в данном случае они, во-первых, в определенной части имеют давнюю историю и собственные, что крайне существенно, традиции, во-вторых, что важнее, эта субкультура для многих других социальных групп часто выступает референтной. Сообщество силовых структур и его свод моральных правил является престижным.

Интеллектуальная элита. Интеллектуальный потенциал данного сообщества максимален по сравнению с интеллектуальным потенциалом других. Именно оно сосредотачивает в себе максимальный потенциал развития. При этом в нем продолжает оставаться традиционное значение сохранения и преумножения знания обо всех подсистемах жизнедеятельности, что является гарантом неизменности базовых человеческих ценностей. Р. Коллинз придерживается такого подхода к понятию «интеллектуал»: «Интеллектуалы - это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике» [13, с. 65]. Вопросы интеллектуальных сообществ нашли свое отражение в теоретической мысли российских ученых. Интересной является мысль Розова Н.С. об использовании интеллекта в качестве «ресурса для создания новых смыслов» [14, с. 570-571].

Существуют различные определения понятия «интеллектуальное сообщество», подчеркивающие, как правило, одну из сторон этого явления –

коммуникативную, институциональную либо содержательно-деятельностную. Тем не менее, в некоторых определениях они частично соединяются. Если исходить из того, что данное понятие имеет не только нормативное, но и качественное содержание, то интеллектуальное сообщество – это общность людей, ориентированных на креативность, использующих интеллект как ресурс для производства новых смыслов и способных создавать новые социально значимые формы» [15, с. 138].

Положение интеллектуального сообщества сегодня является кризисным, т.к. на современном этапе значение данной социальной группы существенно проигрывает значению всех остальных. Исследователи ставят под сомнение однородность данного сообщества, подчеркивая, что единый фактор сплоченности нивелирован. Разнородность интеллектуального сообщества имеет исторические корни. Процесс формирования интеллектуального сообщества представлял собой примерно следующую последовательность: яркая интеллектуальная личность или организационное ядро трансформировалось в объединение лиц по интересам или моральным представлениям. Группы могли образовываться по социальному статусу, по интеллектуальным склонностям, по организационному признаку, по степени открытости, по научным интересам. Мало что изменилось в настоящее время. Единым фактором сплоченности интеллектуальной элиты была единая цель сделать жизнь лучше, провозгласить свободу и справедливость. Сегодня ее попытки следовать этой цели разбиваются об углубление социальной дифференциации, о противостояние целей, средств и возможностей социального усовершенствования. Образ интеллектуала имеет и свои культурно-национальные характеристики. «Российского интеллектуала отличает полная сублимация его духовно-интеллектуального потенциала в создании религиозных, философских и социально-политических утопий, проявление невиданной силы духа, жертвенности, моральности и одновременно размах стихийно-деструктивных сил и движений (политический терроризм, тоталитаризм, репрессии как инструмент политики)» [16, с. 62].

Отметим и тот факт, что П. Бурдые и Р. Коллинз, воспринимают культурный капитал (КК) как совокупность предшествовавших и приобретенных знаний. Уровень интеллектуала обуславливается как его доступом к наибольшему объему КК (основы производства новых идей), так и «обращением» КК с повышенной скоростью» [16, с. 64]. При этом «творческие люди обладают сильным желанием формулировать собственные суждения; это, в свою очередь, обычно соотносится с возможностями еще с самого детства получать независимость и доступ к новым и новым порциям опыта» [13, с. 83].

Эта цитата подтверждает жизнеспособность интеллектуальной элиты лишь в том случае, когда она допущена к большому объему новой информации. Сегодня прозрачность новейшей информа-

ции проблематична. «Структуру интеллектуального сообщества определяют различные (по происхождению, содержанию и результатам) формы коммуникации, интеллектуального взаимодействия, информационного обмена идеями, символами, идеологиями, текстами, программами, мыслями. «Архетипы взаимодействия» (Э. Дюркгейм), т.е. общение, коммуникации объединяют людей в сообщества, союзы, институты» [17].

Существенными для репрезентации интеллектуальных сообществ предстает теории коммуникации и сетевого анализа. Кастельс М. считает, что «именно сети составляют новую социальную морфологию наших сообществ» [18, с. 232.]. В настоящее время возникают разнообразные интеллектуальные сообщества типа «сетевых научных школ» вокруг электронных изданий, появились «виртуальные мастерские», клубы интеллектуалов, «площадки для организации дискуссий», научные сообщества. Научное сообщество деконструируется в традициях мертоновской «нормальной» социологии науки как своеобразная «профессиональная корпорация» со своими законами, нормами и правилами поведения, содействующими корпоративной социализации ученых. Эффективность реализации потенциала интеллектуальной элиты определяется насыщенностью информационно-коммуникативного потока и осуществляется в условиях прозрачности. Это также является и фактором ее сплочения, что позволит выработать единый вектор духовно-идеологического развития сообществ и общества в целом, усиливает духовно-идеологическую подсистему жизнедеятельности всего общества.

Представленные сообщества, конечно, не являются единственными, оказывающими влияние на социальное развитие и реализующими социальный потенциал, но на наш взгляд, оказывают ключевое влияние на социальные процессы в современной России.

Потенциал акцентированных элит.

Обратимся к потенциалу рассмотренных сообществ. *Потенциал управленческой элиты* заключается в базировании на демократических методах управления, ротации и рациональной расстановке кадров, в усилении информационно-коммуникативного взаимодействия, расширении поля взаимодействия с другими сообществами, в прозрачности информации, совершенствовании информационно-коммуникационных методов, усилении мощности информационного потока и коммуникаций.

Реализация *потенциала финансовой элиты* заключается в преумножении и инвестировании ресурсов в различные подсистемы жизнедеятельности и общественного развития. В ином случае ее социально-экономическое значение утрачивается для государственного и общественного развития. При этом высокий уровень внутригрупповых противоречий может нивелировать этот потенциал, следовательно, необходимо снимать их остроту. Потенциал развития – в рисках инвестирования. Распределение багажа имеющихся средств, рискованных и мало рискованных инвестиций должно

обсуждаться со всеми сообществами в открытом диалоге. Необходимо тесное взаимодействие и сотрудничество с государством и силовыми структурами для снижения внешних и внутренних угроз. Финансовая элита осуществляет информационно-коммуникативные связи с управленческой элитой, гораздо в меньшей степени контактирует с силовыми структурами и ограниченно взаимодействует с интеллектуальной элитой. Финансовая элита должна установить и развивать информационно-коммуникативные связи с интеллектуальной элитой с целью поиска научных идей и разработок, в которые необходимо инвестировать.

Потенциал силовых структур заключается в ответственном использовании материально-технических и финансовых ресурсов, в направлении значительной части финансовых ресурсов на переоснащение армии, подготовку и переподготовку специалистов, в тесном взаимодействии с интеллектуальной элитой с целью внедрения новейших разработок в военное дело и в оборону государства. Это влечет за собой необходимость расширения коммуникативно-информационного поля с финансовой элитой и интеллектуальной элитой.

Потенциалом интеллектуальной элиты является не хранение, а реализация накопленного багажа знаний в деятельности всех сообществ, борьба за прозрачность информационных потоков, укрепление коммуникативных связей со всеми сообществами, привлечение финансирования на научные разработки.

Одним из ресурсов, направленных на развитие сообществ и общества в целом является возможность самоорганизации элитных сообществ. Самоорганизация сообществ на сегодняшний момент наибольшая в среде интеллектуальной элиты, менее проявлена она в финансовой элите, и еще меньше в административно-управленческой. Минимален потенциал самоорганизации в силовых структурах в силу их функциональной роли в обществе.

Степени влияния сообществ на процессы самоорганизации общества в целом также различны: в мирное время наибольшее влияние имеет административно-управленческая элита, далее (по мере ослабления влияния) следуют финансовая элита, силовые структуры, интеллектуальная элита. В военное время ситуация меняется. Наибольшее влияние оказывают в равной мере административно-управленческая элита и силовые структуры, финансово-экономическая переходит на второй план, позиция интеллектуальной элиты остается наиболее слабой.

Заключение. Основным потенциалом рассмотренных элитных сообществ, направленным на поступательное развитие жизнедеятельности общества являются, на наш взгляд, следующие: возможность консолидации усилий, мобилизация ресурсов и резервов, высокая самоорганизация, изменение направленности интересов с внутренних на общественные, привлечение к управлению самоорганизующиеся и местные сообщества, пре-

следующие цели прогресса, коренное изменение кадровой политики, использование демократических форм управления, установление необходимого баланса и консенсуса между элитными сообществами, между элитными и всеми другими существующими сообществами или, в критических случаях, достижение т.н. «пакта элит» (В.П. Елизаров).

Потенциал для развития общества заключен во многом в возможностях использования информационно-коммуникативных связей сообществ между собой, между всеми существующими сообществами, включая самоорганизующиеся и местные, прозрачность информационных потоков, совершенствование технического обеспечения и доступности информационно-коммуникативного поля, введение в практику демократических форм коммуникации, полноценная возможность реализации права на информацию как для каждого члена сообщества, так и для населения страны в целом. Информационно-коммуникативный потенциал взаимодействия элитных сообществ должен накапливаться и реализовываться гармонично и прозрачно.

Любая политическая система должна искать наиболее оптимальные варианты равновесия в отношениях между современной политической элитой и населением. Можно согласиться с К. Поппером, который писал, что «...проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой - проблемой проектирования институтов для контроля за тем, чтобы плохие правители не делали слишком много вреда» [19, с. 153].

«Исторически изживающий себя современный тип власти, опирающийся преимущественно на физическое, экономическое и психологическое насилие, должен закономерно уступить место новому типу стратегического государственного управления, при котором основным видом применяемого насилия станет насилие интеллектуальное, осуществляемое в ходе селекции оптимальных решений. А ведущей ветвью власти станет инновационная (или эволюционная) управленческая элита, осуществляемая оверстратом. Инновационная деятельность рассматривается в качестве ведущей экзистенциальной силы общества; общество становится способным к осознанию и использованию того очевидного факта, что вложения в эволюционно эффективные стратегические инновационные технологии - наиболее экзистенциально рентабельное помещение общечеловеческого капитала» [20].

Литература

1. Значение и происхождение имени Эль. Электронный ресурс. URL: <https://imya.com/name/35653>. Дата обращения: 16.06.2017.
2. Теософский словарь Е.П. Блаватской «Ал». Электронный ресурс. URL: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d40/126.html> Дата обращения: 16.06.2017.
3. Имя. Электронный ресурс. URL: <https://imya.com/name/35653> Дата обращения: 16.06.2017.
4. Grand Larousse de la langue française en six volumes / Sous la direction de L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey, avec le concours de H. Bonnard, L. Casati, A. Lerond. T. 2. – Paris: Librairie Larousse, 1972. - P. 1529.
5. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. - 293 с.
6. Миллс Р. Властвующая элита. Монография / Пер. с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. - 542 с.
7. Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. - 440 с.
8. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Первый Всероссийский элитологический конгресс о современной российской политической элите и направлениях ее модернизации // Муниципальная экономика и управление. Электронный ресурс. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/03/32/> Дата обращения: 17.06.2017.
9. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Зырянов С.Г. Индикаторы коррупционной деятельности в системе государственной власти и местного самоуправления // Социум и власть. 2017. № 1(63). С. 30-37.
10. Турчинов А.И. Кадровая политика и административно-политическая элита современной России // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: мат. Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. - С. 59.
11. Магомедов К.О. Социологический мониторинг кадровой коррупции в системе государственного и муниципального управления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 213-215.
12. Рябова Е.Л. Управление конфликтными взаимодействиями как феномен культуры // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 4. С. 47 - 49.
13. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. – 1280.
14. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М.: Логос, 2002. – 655 с.
15. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета: история и филология, 2014. Вып. 3. С. 137 – 142. Электронный ресурс. URL: http://ru.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_14_053_20.pdf Дата обращения: 12.06.2017.
16. Колесник И.И. Интеллектуальная элита. Сетевое сообщество. С. 55 – 86. Электронный ресурс. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/15/1251234474/4.pdf> Дата обращения: 09.06.2017.
17. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25/1. М.: Книжный дом «ЛИБРО-

КОМ», 2008. - 400 с. Электронный ресурс. <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-25-1.pdf> Дата обращения: 23.06.2017.

18. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе: антол. М.: Academia, 1999. – 640 с.

19. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с. Электронный ресурс. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pop/per_3.htm Дата обращения: 19.06.2017.

20. Бородин И.Н., Качанова Е.А. Управленческая элита в системе государственной власти России. Электронный ресурс. URL: http://www.rusnauka.com/21_DSN_2012/Gosupravlenie/1_107201.doc.htm Дата обращения: 23.06.2017.

21. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Справедливость как нравственная, социальная и юридическая категория // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции: сборник / Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 31-38

22. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 10-12.

23. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4-16.

Elite communities. The brief historical review and modern approach

Levkina L.I.

The Institute of State Service and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Does the modern Russian society submit the elite as the most logical exponent of its development strategy and the integrator of ideas for strategy implementation? Either we are witnessing the prosperity of kvazielite. To answer this question the author places a short excursion into the history of the phenomenon. The approaches of scientists of modern times and the author's position on this issue are presented. In the paper the features of the Russian protogelity are revealed. The elite's potential and its effects on transformation processes are shown. The elite are considered as social communities.

Scientific novelty is in the identification and correlation of the characteristic properties of Russian communities and elites; is in describing the results of research on the potential of elite communities accentuated in the article and the possibilities of their influence on the transformational processes in society. The author's interpretation of the definition of "potential of elite communities" is given in the article. The creation of the Russian elite of the new formation is presented as a strategic innovation technology.

Key words: elite, kvazielite, community, elite as a community, elite properties and characteristics, elite potential, self-organization, the institutionalization.

References

1. The meaning and origin of the name El. Electronic resource. URL: <https://imya.com/name/35653>. Date of circulation: 16.06.2017.
2. The Theosophical Dictionary of EP. Blavatsky's "Al." Electronic resource. URL: <http://slovar.plib.ru/dictionary/d40/126.html> Date of circulation: 16.06.2017.
3. First name. Electronic resource. URL: <https://imya.com/name/35653> Date of circulation: 06/16/2017.
4. Grand Larousse de la langue française en six volumes / Sous la direction de L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey, avec le concours de H. Bonnard, L. Casati, A. Lerond. T. 2. - Paris: Librairie Larousse, 1972. - P. 1529.

5. Sorel Zh. Reflections on violence. Moscow: Falanster, 2013. - 293 p.
6. Mills R. The ruling elite. Monograph / Transl. With the English. E.I. Rosenthal, L.G. Roshal, V.L. Kon. M.: Publishing house of foreign literature, 1959. - 542 p.
7. Mau VA, Starodubrovskaya IV Great revolutions. From Cromwell to Putin. M.: Vagrius, 2001. - 440 c.
8. Vorontsov SA, Ponedelkov A.V. First All-Russia Elite Congress on the current Russian political elite and directions of its modernization // Municipal Economy and Management. Electronic resource. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/03/32/> Date of circulation: 17.06.2017.
9. Vorontsov SA, Ponedelkov AV, Zyryanov SG Indicators of corruption in the system of state power and local self-government // Social life and power. 2017. No. 1 (63). Pp. 30-37.
10. Turchinov A.I. Personnel Policy and the Administrative and Political Elite of Modern Russia // Elitologiya Rossii: Current State and Prospects for Development: Mat. The First All-Russia Elite Congress with international participation. T. 1. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2013. - P. 59.
11. Magomedov K.O. Sociological Monitoring of Personnel Corruption in the System of State and Municipal Administration // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 2. P. 213-215.
12. Ryabova E.L. Managing Conflict Interactions as a Cultural Phenomenon // Vestnik PFUR. Series: Sociology. 2009. № 4. P. 47 - 49.
13. Collins R. Sociology of Philosophy: A Global Theory of Intellectual Change. Novosibirsk: The Siberian Chronograph. 2002. - 1280.
14. Rozov N.S. Philosophy and theory of history. Book. 1: Prolegomena. M.: Logos, 2002. - 655 p.
15. L.P. Repina, G.P. Myagkov. Intellectual Culture and Scientific Communications // Bulletin of the Udmurt University: History and Philology, 2014. Issue. 3. С. 137 - 142. Electronic resource. URL: http://en.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_14_053_20.pdf Date of circulation: 12/06/2017.
16. Kolesnik I.I. Intellectual elite. Networking community. Pp. 55 - 86. Electronic resource. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/15/1251234474/4.pdf> Date of circulation: 09/06/2017.
17. Dialogue with time. Almanac of intellectual history. 25/1. M.: The book house "LIBROKOM", 2008. - 400 с. Electronic resource. [Http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-25-1.pdf](http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-25-1.pdf) Date of circulation: June 23, 2017.
18. Castells M. The formation of a network of network structures // A new post-industrial wave in the west: anthol. M.: Academia, 1999. - 640 с.
19. Popper K.R. Open society and its enemies. M.: Phoenix, International Fund "Cultural Initiative", 1992. - 448 p. Electronic resource. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pop/per_3.htm Date of circulation: 19.06.2017.
20. Borodina IN, Kachanova EA The managerial elite in the system of state power in Russia. Electronic resource. URL: http://www.rusnauka.com/21_DSN_2012/Gosupravlenie/1_107201.doc.htm Date of circulation: 06/23/2012.
21. Kuksin I.N., Chechelnickey I.V. Justice as a moral, social and legal category // Social justice and law: problems of theory and practice. Materials of the international scientific-practical conference: collection / Under the general editorship of T.A. Sosnikova. 2016.S. 31-38
22. Kuksin I.N., Aznagulova G.M. The rule of law, law and universal values // The rule of law: theory and practice. 2014. No. 3 (37). S. 10-12.
23. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Criteria of state power // Law and education. 2016. No. 6. S. 4-16.

Социально-философский анализ молодежной безработицы (в странах с различными экономическими моделями)

Козлова Маргарита Андреевна

соискатель, старший преподаватель кафедры английского языка факультета экономических и социальных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, qmargo@inbox.ru

В данной статье рассматривается социальное положение современной молодежи трех стран: Испании, Финляндии и России. Экономические модели данных стран формируют разные специфические рынки труда, с разными возможностями для учащейся и работающей молодежи и с разным уровнем безработицы. Исследование проблемы безработицы молодого поколения сопровождается анализом социальной политики Испании, Финляндии и России в области молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная безработица, молодежная политика, Россия, Испания, Финляндия, рынок труда

В данной статье рассматривается социальное положение современной молодежи трех стран: Испании, Финляндии и России. Выбор этих государств представляется нам обоснованным, поскольку указанные страны представляют собой примеры трех разных экономических моделей. Данные модели формируют разные специфические рынки труда, с разными возможностями для учащейся и работающей молодежи и с разным уровнем безработицы. Исследование проблемы безработицы молодого поколения сопровождается анализом социальной политики Испании, Финляндии и России в области молодежной политики.

Объектом данного исследования является молодежь - специфическая группа населения с высокой динамикой развития и с собственным статусом в структуре общества. Этот статус определяется не только возрастом, но и наличием специфических интересов, мнений, ценностей, определенных социальных функций. Другими словами, молодежь – это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств».¹ Возрастные границы молодого поколения обычно определяются периодом от 16 до 29 лет. На 2017 год молодежь такого возраста составляет в Испании - 21% (около 11 млн человек), в Финляндии – 20 % (около 1,1 млн), в России – 22% (32 млн).

Структуру молодежи составляют, прежде всего, школьники старших классов, студенты и работающие молодые специалисты. Таким образом, большая часть молодежи или уже работает, или в самом скором времени выйдет на рынок труда. Рынку труда молодежи - особенно сложному элементу механизма трудовых отношений, имеющему собственные закономерности и особенности, в данной статье уделяется отдельное внимание.

В XXI веке происходит невиданная трансформация рынка труда. Мир вступил в период объединения промышленности и информационных технологий, или в период так называемой Индустрии 4.0., или четвертой промышленной революции (ЧПР). Третья промышленная революция, связанная с развитием информационных технологий, переходит в принципиально новую фазу, где происходит объединение информационных техноло-

¹ Кон И.С. Молодежь / И.С.Кон Молодежь // Философ. Энциклопедический словарь М., -2-е изд. – М.: Советская энцикл., 1989. –С.375

гий с промышленностью. Программы Индустрии 4.0. запущены в Германии, Нидерландах, Франции, Великобритании; некоторые признаки ЧПР отмечаются и в России. Одним из важнейших элементов ЧПР является так называемый Интернет вещей – концепция подключения бытовых предметов к интернету, благодаря чему они могут взаимодействовать между собой или с внешней средой и совершать действия без участия человека. В 2015 году «Российские космические системы» и «Ростелеком» создали Ассоциацию содействия развития промышленного интернета, которая предполагает объединение усилий крупнейших компаний и научно-исследовательских организаций. Индустрия 4.0. радикально меняет производственные процессы, особенно рутинные. Как в своё время человек значительно освободился от тяжёлого физического труда, а затем и от части монотонных работ, так ЧПР призвана освободить человека от множества типовых рутинных задач в банковских, юридических сферах, в страховании, здравоохранении, логистике и т.д. Председатель Сбербанка Г.Греф объявил о планах замещения в течение 2017 года 5000 юристов банка роботами.

В наиболее развитых странах активно ведется автоматизация производств. Так, Министерство труда США предполагает к 2050 году автоматизировать от 47% рабочих мест, в планах Японии – 50%. Стремительно развивается внедрение роботов. Например, в Испании, которая по уровню автоматизации Испании занимает 7-ое место в мире, на 10 000 работников приходится 883 робота, в США – 1 218, в Германии – 1 147, в Японии – 3 300, в России – 9. Причем, речь идет уже не просто о роботах, а так называемых коботах, выполняющих производственные операции вместе с работниками, что делает возможными постоянные и почти мгновенные изменения производственных процессов.

Научно-техническая революция преобразовывает рынок труда: во-первых, исчезают десятки традиционных профессий; во-вторых, многие традиционные профессии инновационно переосмысливаются; в-третьих, появляется еще больше профессий, которых прежде не было и которые вызваны технологическими новациями. По мнению экспертов ОЭСР и Оксфордского университета, 50% профессий 2030 года пока еще не существуют или только сейчас становятся профессиями. И одновременно, более половины нынешних профессий находятся под угрозой исчезновения.²

Согласно Randstad Research, в ближайшие 10 лет в Европе наиболее востребованными окажутся 6 категорий работников: 38% составят «работники знаний» (knowledge workers), высоко квалифицированные профессионалы, которых можно заменить даже искусственный интеллект, 35% – менеджеры по управлению изменениями и инно-

вациями, 18% – специалисты с различными техническими функциями, 5% – рабочие без какой-либо квалификации, 3% – специалисты со знанием специфических ремёсел, занятий и 2% – работники на повторяющихся операциях, которые не генерируют, а лишь используют идеи или знания.³

Новые тренды постиндустриального развития определяют повышенный спрос на кадры так называемых профилей STEM (англ. аббревиатура направлений: Science, Technology, Engineering, Mathematic). В прогнозируемом будущем именно эти специальности будут задавать ход цифровой и технологической революции. В Испании, с ее чрезмерной безработицей, безработных физиков или математиков нет как явления. Поэтому, согласно данным INE, 84% работников, если бы имели возможность вернуться в вуз, поменяли бы имеющуюся профессию на связанную с STEM.⁴

Эксперты ведут острые дискуссии по поводу того, как новые технологии повлияют на рынок труда. Топ-менеджеры глобальных компаний пытаются доказать, что новые технологии создают рабочих мест больше, чем забирают; в то же время анализ национальных рынков труда приводит к прямо противоположному выводу. Так, исследование института McKinsey⁵, охватившем 46 стран и 80% рабочих мест мира, показало, что к 2050 году в Японии 55% производственных задач будут выполнять роботы или информационные программы, но при этом они не создадут и половины замещенных мест; в Испании на долю автоматов придется 48% задач и будут потеряны 15-20% рабочих мест.⁶

В целом, экономисты приходят к выводу о постепенном росте численности безработных в мире и связанных с этим экономических потерь. Так Eurofund EU, просуммировав те средства, которые социальные службы направляют на пособия, переподготовку, деятельность служб занятости и от «упущенной выгоды» предприятий, рассчитал, что из-за выросшей за последние пять лет безработицы страны Европы в 2016 году потеряли 153 млрд евро, или в 1,2% ВВП.

Исследования социологов показывают, что это тяжелое социальное явление представляет собой прямое следствие той экономической модели, которое реализуется конкретным государством.

Рассмотрим этот тезис на примере **Испании**. Основная часть трудоспособного населения Испании занята в трех отраслях: строительстве, туризм-

³ Randstad Research outlines how Tech Professionals score well on Career Prospects League // What Does Career Progression Mean To People Today? 21 June 2016 <https://www.randstad.co.nz/jobseekers/career-advice-blog>

⁴ Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 2/2016 <http://www.ine.es/>

⁵ Anne Grosse-Ophoff, Saskia Hausler; Kersten Heineke; Timo Möller McKinsey Center for Future Mobility How shared mobility will change the automotive industry // April 2017 <http://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/how-shared-mobility-will-change-the-automotive-industry>

⁶ Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 1/2017 <http://www.ine.es/>

² Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD, Enhancing employability and skills to meet labour market needs, 30 June 2017 эл.источник <http://www.oecd.org/employment/> Дата обращения 06.07.2017

ме и сервисе. Для сравнения: в области науки и технологий, по данным Instituto de Estudios Económicos, занято только 23% активного населения страны, при этом среднеевропейский показатель равен 35%, а в Финляндии 45%.⁷

С 90-х годов прошлого века в Испании развернулось невиданное по масштабам и по темпам строительство жилья, дорог, гостиниц, других объектов инфраструктуры. Сформировалась прорывная отрасль промышленности, получившая название industria de ladrillo («кирпичная промышленность»). Подобно пылесосу, она втянула на стройки миллионы работников, в большинстве своем работников невысокой квалификации (каменщиков, плотников, маляров и т.п.) и подсобных рабочих. Привлеченные реальной работой с неплохой по средним меркам оплатой, миллионы молодых испанцев предпочли не оканчивать обучение в вузах, а другие – даже в школах, чтобы начать трудовую жизнь и стать финансово и личностно самостоятельными. До 2009-2010 годов «кирпичная индустрия» была настоящим локомотивом испанской экономики, но, когда начался мировой экономический кризис, испанская «индустрия кирпича» рухнула, как карточный домик, и вмиг сделала безработными полтора миллиона бывших старшекласников и студентов.

Особое значение в экономическом и социальном устройстве Испании имеет туризм. Сегодня в этой сфере заняты 1,7 млн человек. Испания занимает третье место в мире по числу иностранных туристов. В 2016 году страну посетили более 75 миллионов человек, принеся испанской казне выручку в 78 млрд евро. На туризм и сектор услуг (гостиницы, рестораны) приходится 70% роста испанской экономики; здесь создаются десятки и даже сотни тысяч рабочих мест⁸. В то же время, применительно к Испании туризм нельзя безоговорочно назвать «социальным благом». Испанский туризм как рынок труда – явление сезонное: пик отдыхающих приходится на лето, когда и происходит мощный рост числа новых рабочих мест. Но с окончанием сезона заканчивается и срок действия трудового договора у подавляющего числа работников, и их тут же увольняют. Именно туризм делает Испанию страной «временных» трудовых контрактов и «сезонной безработицы». Так, в 2016 году 25% всех трудовых контрактов у молодежи до 35 лет были временными. При среднем показателе в 14% по ЕС, ОЭСР ставит Испанию на первое место по временным контрактам среди 34 стран-членов, 2,6 млн молодых испанцев получали работу только на одну неделю в месяц. По данным профсоюзов, за 2016 год заключено 19 миллионов трудовых контрактов; из них только 1,7 млн – бессрочные, а 36,8% - на срок меньше одного месяца⁹.

Итак, экономическая модель Испании несовершенна не только тем, что сервис, строительство, туризм создают слишком низкую прибавочную стоимость, но и тем, что они порождают серьезные проблемы на рынке труда: в них, как нигде, высока текучесть кадров, частичная и временная занятость, сезонная работа и массовые увольнения, всё это приводит к тому, что Испания остается единственной страной Европы, которой за последние тридцать лет ни разу не удалось снизить безработицу ниже 20%¹⁰. Хотя Испания пытается менять модель, развивая индустрию телекоммуникаций, машино- и судостроение, она по-прежнему остается «страной официантов» (país de camareros) - именно такое определение дают стране испанские СМИ и рядовые жители.

Примечательно, что, несмотря на уроки глубочайшего социально-экономического кризиса, Испания пытается решить проблему безработицы через стимулирование всё тех же отраслей (в 2016 году 61,5% новых рабочих мест приходилось на сектор услуг и 35% - на сектор «кирпича»¹¹). Как видим, экономическая модель Испании остается «узкой», а ее зависимость от двух секторов очень схожа с зависимостью российской экономики от экспорта нефти и газа.

Массовая безработица среди испанской молодежи породила такую болезнь общества как «феномен «нинис»». (Это слово происходит от выражения ni estudia ni trabaja - «ни работает, ни учится»). Речь идет о молодых людях от 16 до 29 лет, которые не учатся из-за неспособности оплатить учебу, и не работают из-за отсутствия вакансий для них. Согласно ОЭСР, на середину 2017 года «нинис» составляют около 30% испанской молодежи. (А несколько лет назад, в разгар кризиса, их число среди молодежи от 16 до 19 лет доходило до 63%¹²). Для сравнения: В среднем по Европе «нинис» составляют около 12%, в Скандинавии – 10%.

Испанская специфика «нинис» состоит в том, что значительная их часть прежде имела работу, но потеряла ее. ОЭСР также отмечает, что «нинис» как социальная группа отличаются тем, что большая их часть (под подсчетам социологов Eurofund, две трети) вообще выключается из активной социальной жизни: не ведёт активных поисков работы, а живёт за счет случайных подработок или за счет других людей.

Следует признать, что за последние три года Испании удалось снизить число безработных с рекордных 7,6 миллиона человек (2014 год) до 4 миллионов (2017 год). Это удалось не благодаря социальным программам, а в силу особенности (на этот раз положительной) национальной экономической модели. Как во всех развитых странах, большинство населения Испании работает не в больших компаниях, а на средних и мелких предприятиях. Всего насчитывается примерно 2,5 милли-

⁷ (IEE). Instituto de estudios económicos Revista del Instituto de Estudios económicos La revolución digital № 1 y 2/2016

⁸ Ministerio de Hacienda y Administraciones Públicas. Boletín №2, 2017

⁹ (INE). Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 2/2017 <http://www.ine.es/>

¹⁰ Исследовательский центр ManpowerGroup

¹¹ (INE). Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 1/2017 <http://www.ine.es/>

¹² OECD Labor and Demographic Economics / Demand and Supply of Labor / Human Capital ; Skills ; Occupational Choice

она предприятий, из которых малые и средние составляют 99,6%; а из этого числа 90% приходится на предприятия с числом занятых до пяти человек. Согласно статистике, 75% новых рабочих мест в Испании дают малые и средние предприятия. По данным OCDE, в Финляндии показатель примерно такой же – 72%. Как видим, развитые государства стремятся решить проблему безработицы за счет развития предпринимательства. В России, согласно Роскомстату, в малых предприятиях работает 17 млн человек; на долю малых и средних предприятий приходится всего 20% ВВП.

Резюмируя, следует отметить, что ситуация с молодежной безработицей изменилась не так существенно, и на восстановление утерянных молодыми испанцами за 6 лет кризиса 2 510 000 рабочих мест еще потребуются немало лет. При этом многие эксперты сходятся во мнении, что Испания никогда не выйдет даже на среднеевропейский уровень молодежной безработицы.

Экономическая модель **Финляндии**, как и испанская, непосредственно определяет состояние национального рынка труда. Но здесь влияют факторы иного рода.

С 90-х годов, когда правительство приняло курс на сокращение государственного участия и привлечение иностранных инвесторов, в Финляндии отмечался устойчивый рост производительности труда, (если в 1990 году из 500 крупных финских компаний иностранным акционерам принадлежало 70, то в 1995 году их стало 150) что сделало Суоми одной из самых высоко конкурентоспособных стран мира. Но, как известно, международная конкуренция обрекает часть предприятий на банкротство, выводя их «из игры», а также толкает оставшиеся предприятия на тотальную оптимизацию расходов (в частности, расходов на персонал). В Финляндии следствием экономической открытости стала рецессия (с 2012 года) и высокий уровень безработицы, который до сих пор снижается медленно. По данным Статистического центра Финляндии, в феврале 2017 года на 2 390 000 трудоустроенных приходилось 242 000 безработных (9,2% трудоспособного населения).

Тем не менее, главной причиной рецессии и высокой для Финляндии безработицы оказались причины не национального, а глобального характера. В 2014 году А.Стубб, возглавлявший правительство, объяснил безработным финнам ситуацию таким образом: «Наши рабочие места забрал Стив Джобс». Имелось в виду то, что IT-гигант Apple победил в конкурентной схватке двух «киотов» финской экономики. Сначала, в противостоянии с айфонами и смартфонами, рухнула компания Nokia, на которую приходилась треть ВВП страны. И хотя Nokia вложила все силы в создание «переломной» модели – телефона Nokia 3310, ее презентация в 2017 году обернулась полным крахом. Второй сферой, попавшей «под каток» Apple, стала лесная, и в первую очередь, целлюлозно-бумажная промышленность. Причина в том, что из-за развития интернет-технологий и интернет-коммуникаций начался активный переход с бу-

мажных носителей на электронные, и, как следствие, спрос на знаменитую финскую бумагу стал неуклонно снижаться. К этому следует добавить и негативный эффект от поддержанных Финляндией антироссийских санкций и ответных мер России, которые прямо сказались на отраслях, традиционно ориентированных на экспорт в Россию. В частности, пострадала молочная промышленность: крупнейшей компании Valio пришлось искать иные рынки сбыта, однако, это оказалось затруднительным из-за высокой себестоимости финских товаров.

Неоспоримым преимуществом экономической модели Финляндии (и ее отличием от испанской и тем более от российской модели) является четкая социальная ориентированность. На социальные нужды перераспределяется около 80% расходной части бюджета (для сравнения: в Испании – около 50%, в России – около 30%). Благодаря этому уровень благосостояния граждан этой страны – один из самых высоких в мире: ВВП на душу населения составляет 38 200 евро в год. Финляндия занимает первое место среди стран OCDE по расходам на безработных и пенсионеров; в 2017 году здесь зарегистрирован самый низкий в Европе уровень безработицы среди женщин. Согласно статистической службе Евросоюза, финская молодежь – на втором месте в Евросоюзе по уровню удовлетворенности жизнью: 82%.

Таким образом, Финляндия представляет собой пример того, как возможные сбои экономической модели компенсируются фундаментальной социальной защитой населения со стороны государства.

Рассмотрим состояние экономики и рынок труда **России**.

В мире набирает темпы ЧПР, и Россия пытается следовать общемировому тренду. Крупные компании самых разных отраслей внедряют новые технологии, проводят автоматизацию и роботизацию производства, (например, Сбербанк в 2017 году планирует заменить 5 000 юристов, выполняющих рутинную работу, роботами – поскольку работа роботов эффективнее и дешевле). Вместе с тем, наша страна по-прежнему остается страной «догоняющего развития»: в мировой гонке со стремительно развивающимися инновационными технологиями Россия занимает «одну из самых слабых стартовых позиций»¹³. При этом прогнозируется, что «разрыв между странами дауншифтерами и странами-победителями будет больше, чем во время прошлой индустриальной революции». Эксперты указывают, что наша страна оказалась среди стран, которые не просто не следуют модернизации, а сопротивляются ей. «И Россия будет сопротивляться как минимум до тех пор, пока еще буду остатки ренты, которой можно оплачивать жизнь дауншифтера»¹⁴.

¹³ Греф Г.О., Из выступления на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге 27.02.2017

¹⁴ Кашеев Н.А., директор по исследованиям и аналитике Промсвязьбанка Из выступления на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге 27.02.2017

Сложившаяся экономическая модель российской экономики, которая с трудом поддается какой-либо модернизации, определяет малоподвижный характер рынка труда: по-прежнему более половины работников заняты простым неквалифицированным трудом или трудом средней сложности. Оценку ситуации дала вице-премьер О.Голодец: «В России сегодня нарушены основные принципы работы экономики. Основным препятствием роста является отсутствие у предпринимателей стимулов вкладывать деньги в техническое перевооружение. К этому их подталкивает абсолютно дешевая, заниженная стоимость рабочей силы. Предприятия привыкли получать прибыль не за счет инвестиций и развития, а за счет экономии на зарплатах работников. В России за минимальный уровень оплаты труда работает 4,9 миллиона человек, а МРОТ - ниже прожиточного уровня». Низкая оплата труда в развитых странах может иметь не только экономический, но и социально-политический эффект. Так, в США зарплаты не повышались с 60-х годов прошлого века; этот факт во многом предопределил голосование американцев на выборах 2016 года в пользу кандидата, пообещавшего, наконец, поднять минимальную заработную плату. Как, например, это было сделано в Великобритании во времена кризиса 2008 года, где теперь безработица не превышает 4%. О.Голодец указывает на то, что в России существует «уникальный тип бедности» - бедность работающего населения. По ее словам, в стране около 5 млн человек работают, но при этом получают настолько маленькую зарплату, что влечет жалкое существование. По состоянию на май в 2017 года, прожиточный минимум равен 9 900 рублям, а МРОТ - только 7 800 (минус подоходный налог). Средний размер зарплат россиян составляет 634 доллара в месяц (для сравнения: в США - 3 746 долларов, во Франции - 3 060 евро, в Финляндии - 3 180 евро, в Испании - 1 930). По мнению О.Голодец, «нет такой квалификации, которая заслуживала бы вознаграждение на таком уровне; даже если человек закончил обычную среднюю школу, его труд должен оплачиваться по-другому¹⁵». Такая зарплата, сопоставимая с пособием по безработице, не только влечет за собой тормозящее экономику катастрофическое падение покупательной способности населения, но и открыто нарушает нормы социальной несправедливости. В итоге Россия стала автором парадокса: по ВВП наша страна - на 6-ом месте в мире, а по качеству жизни и по многим социальным показателям не входит даже в первую сотню стран (нельзя не согласиться с известной фразой В.В.Путина «Россия - богатая страна бедных людей»).

Еще одной «язвой» российского общества стала огромная диспропорция в доходах между богатыми и бедными - социальный феномен, который 41% россиян назвали источником своего «крайне-го недовольства». При разрыве в доходах в 15 раз,

согласно официальным данным, в России быстрыми темпами растет число бедных. Эксперты Credit Suisse подсчитали, что 13,3% россиян находятся за чертой бедности; по данным Федеральной службы государственной статистики (за январь-март 2017 года), численность бедняков в России выросла до 20 миллионов. Что касается уровня безработицы, то в России он довольно низкий - около 5%, и, согласно опросам ВЦИОМ, только 20% россиян считают безработицу главной социальной проблемой. Отметим, что в Финляндии безработица вызывает беспокойство примерно у 15% населения, в Испании - около 70%, а в целом по ЕС - примерно у 35% населения¹⁶.

Вместе с тем ситуация с безработицей в России очень разнится в зависимости от региона страны: разница между регионами достигает 18 раз.

Молодежная безработица существенно выше средней. Особенно трудная ситуация в сотнях городов и провинциальных городов, где новые рабочие места практически не появляются. Причем, речь не идет о достойных рабочих местах, - местным предприятиям работники не нужны вообще. По данным Росстата, в 2016 году безработная молодежь (включая выпускников вузов и училищ, аспирантов, военнослужащих по призыву и др.) составляла около 30% от всей российской молодежи. Учитывая, что не каждый безработный обращается в службу занятости, этот показатель может быть и выше.

В целом, рынок труда России определяется двумя основными характеристиками: относительно низкой безработицей и крайне низкой оплатой труда. Очевидно, что государству необходимо скорректировать социально-экономическую модель (ввести прогрессивную шкалу налогообложения по совокупным доходам, создать эффективный механизм перераспределения доходов между различными категориями населения) с тем, чтобы приоритетом был не экономический прирост, а рост благосостояния населения, выравнивание социальных возможностей граждан, выполнение государством своих обязательств и гарантий в отношении молодого поколения.

Как показывает социально-философский анализ, социальные проблемы молодежи в Испании, Финляндии и России обусловлены причинами неодинакового характера и решаются государствами с неодинаковой степенью эффективности. Очевидно, что Финляндия как социально ориентированное государство уже разрешило те проблемы, которые не в состоянии разрешить правительства России и Испании. Речь идет, во-первых, о консервативных, «однобоких» моделях экономики этих двух стран; во-вторых, о ставке на низко квалифицированный труд с соответствующей низкой оплатой и столь же низким уровнем жизни части населения.

¹⁵ Голодец О.Ю. Из выступления на Санкт-Петербургском форуме. 27.02.2017

¹⁶ Global market and opinion research specialists // Ipsos Comcon, October 2016

Так, в Испании с 2008 по 2016 годы оплата труда упала на 35%: до кризиса зарплата в 1000 евро считалась симптомом бедности, во время кризиса для многих она стала мечтой. При зарплате в 890 евро становится реальным риск оказаться в числе бедных. Согласно индикатору, называемому At Risk of Poverty and Exclusion (AROPE), в 2016 году 36% молодых испанцев находились у черты бедности и социальной исключенности. Вследствие экономического кризиса стала наблюдаться изоляция и самоизоляция молодых людей, отчужденность, маргинализация, недоверие к обществу.

В Испании и России среди людей от 16 до 34 лет в особенно уязвимом положении оказываются те, кому от 25 до 34 лет. Именно в этом возрасте люди обычно становятся независимыми: приобретают собственное жилье, вступают в брак, создают семьи, в семьях появляются дети. В Испании это приходится на 29 лет, тогда как в Финляндии - на 20 лет. Социальные службы констатируют, что более 37% испанцев от 25 до 30 лет живут в домах родителей, в России – около 45%, в Финляндии - 19%¹⁷. Отмечается также явление «городской сегрегации» - возможность снять жилье только в отдаленных зонах с плохой медицинской, школьной, транспортной инфраструктурой и небезопасной социальной средой.

Еще одной общей проблемой для Испании и России является проблема «утечки мозгов». При этом цель отъезда у большинства молодых россиян и испанцев не одинакова: россияне направляются, главным образом, на учебу в университеты США и Великобритании, а испанцы - на поиски работы в США и странах Латинской Америки. В докризисном 2007 году за рубеж на ПМЖ уехали 1,4 млн испанцев, а в 2013 г. – уже 2,3 млн.; в 2017 году 34,5% испанцев выразили готовность ради работы переехать в другую страну¹⁸. Поток уезжающих неоднороден: его формируют как люди с низким уровнем подготовки, которым не находится работы на родине, так и специалисты с высоким уровнем образования, которые хотят работать за более высокую зарплату в сфере, соответствующей профилю их университетской подготовки (88% руководствуются именно этими двумя критериями)¹⁹. Заметим, что наиболее образованная часть испанской молодежи в эмиграционном потоке составляет большинство.

Из числа россиян, эмигрирующих в другие страны, основную часть, как и в Испании, составляют люди с высоким уровнем образования. В Финляндии, с ее высочайшим уровнем жизни, «утечка мозгов» как явление практически не отмечается. Здесь молодежь имеет достаточные условия как для обучения в вузах (все они – на бюджете государства), так и для трудоустройства или, по меньшей мере, на получение достойного пособия (минимум 550 евро). В Финляндии социальные

программы поддержки молодежи являются важнейшим аспектом государственного управления.

Общеизвестно, что острота такой социальной проблемы, как молодежная безработица, во многом определяется тем, насколько эффективно работает образовательная система государства. Другими словами, насколько образование в школах и вузах данной страны адаптировано к запросам рынка труда.

Трудоустройство выпускника вуза – это та точка, в которой сходятся (оценивают друг друга, оспаривают приоритетность, ищут взаимного согласования) два важнейших социальных института: система образования и рынок труда. Главный вопрос: насколько хорошо вуз подготовил выпускника к практической работе на предприятии? (Хотя столь же справедлив встречный вопрос: должен ли университет ограничивать высшее образование подстройкой обучения под узко прагматические запросы конкретного предприятия?).

Мировой экономический кризис 2009-2015 годов, сделавший безработными миллионы человек, показал, что в большинстве стран система образования и рынок труда рассогласованы, что содержание университетской подготовки не вполне соответствует запросам реальной экономики. Большинство экспертного сообщества сделало вывод о том, что на вузах лежит ответственность за то, чтобы сделать образовательный процесс процессом подготовки будущих специалистов, способных занять свою нишу на рынке труда и выстраивать профессиональную карьеру. Со своей стороны, большинство выпускников вузов Испании и России уверены в том, что причиной их трудовой невостребованности является не недостаток у них практических компетенций, а девальвация условий труда. Не только выпускники-специалисты и магистры, но даже бакалавры считают, что на предприятиях их образование оказывается невостребованным – работодателю чаще всего нужны рутинные навыки, не требующие приобретенных в вузах компетенций; поэтому они уверены в том, что причиной молодежной безработицы является не столько образование, сколько условия работы и оплаты для молодых специалистов.

Компания Deloitte опросила 7700 сотрудников (из 29 стран мира) с зарплатой около тысячи евро и выяснила, что две трети из них хотели бы через несколько лет поменять работу. Причем, не только и не столько ради большей зарплаты, сколько ради более интересной работы самой по себе, ради большей удовлетворенности своим трудом. В этой связи эксперты отмечают, что прежде выпускники вузов стремились попасть в «большую четверку» и другие мировые компании, а теперь более привлекательными стали малые предприятия, стартапы, где молодые люди могут проявить свои способности и таланты, а также использовать компетенции, полученные в университете.

В целом, не подлежит сомнению тот факт, что образование является своего рода «противоядием» от безработицы. Чем лучше образование, тем лучше обычно бывают условия труда и социаль-

¹⁷ OECD Labor and Demographic Economics; INE, Proyecciones de Población de España, Abril 2017, Роскомстат за январь-март 2017 г.

¹⁸ INE, Estadística de Migración Mayo 2017 <http://www.ine.es/>

¹⁹ INE, Estadística de Migración Mayo 2017 <http://www.ine.es/>

ная защищенность. А высшее образование можно назвать «социальным лифтом» молодого поколения. Об этом свидетельствует статистика. Так, в Испании работу имеют 55% выпускников средних школ, 77% выпускников бакалавриата, 79% окончивших MBA, 87% окончивших докторантуру. В годы кризиса в общей массе безработных доля выпускников университетов была намного ниже средней: в 2013 г. 12% против 21%, в 2017 г. 11% против общих 20%. Таковы же примерные пропорции зарплаток: выпускники вузов в целом получают на 38% больше, чем люди без высшего образования²⁰. Риск оказаться за чертой бедности у окончивших только начальную школу намного выше (25%), чем у окончивших вуз (7%).

В Финляндии трудоустроено 85% выпускников университетов. В России, по данным Росстата, число выпускников, получивших рабочее место, тоже довольно велико – около 70%. Однако, не следует забывать, что больше половины из них работают не по специальности, полученной в вузе.

В свете сказанного, высшее образование следует признать «социальным лифтом», который позволяет преодолеть неравенство. Выравнивание социального статуса молодежи за счет предоставления равных образовательных компетенций и равной социальной мобильности является важнейшей миссией системы образования, и в первую очередь, высшей школы. Благодаря этому, дети из менее привилегированных социальных групп поднимаются по социальной лестнице. Это происходит во всех странах. В частности, в Испании, дети из рабочих семей, закончившие вуз, становятся управленцами в 14 чаще, чем их сверстники без высшего образования; у средних семей разница составляет 3 раза, у семей управленцев – в 2 раза²¹.

Вышесказанное вполне применимо и к России: национальная образовательная система позволяет школьникам всех социальных групп, через систему ЕГЭ, поступить в любой вуз страны, и, получив высшее образование, выпускники могут начать строить успешную профессиональную карьеру.

Вместе с тем во всех исследуемых странах отмечается социальный феномен, прямо противоположный тренду на социальное выравнивание. Европейские эксперты единодушны в том, что к вопросам учебы и трудоустройства прямое отношение имеет социальный статус выпускника вуза, точнее, статус его семьи. Так, исследователи Randstad Research делят испанские семьи на три категории: рабочие, средние и управленческие и отмечают, что дети из семей управленцев имеют в два раза больше шансов получить должность в управленческом аппарате, чем дети из средних семей, и в шесть раз, чем дети из семей рабочих семей. Социологи выделяют две формы влияния статуса семьи. Во-первых, состоятельные семьи могут оплатить обучение своих детей в лучших

колледжах и вузах, включая иностранные. Как следствие, их образовательные компетенции, социальные навыки, владение иностранными языками, образовательная и рабочая мобильность оказываются выше и становятся преимуществом при поступлении на престижную работу. Во-вторых, в Испании, России социальный статус семьи во многих случаях по-прежнему играет существенную роль в трудоустройстве ребенка, когда деловые связи родителей оказываются решающим фактором для получения престижного рабочего места²².

Из вышесказанного можно сделать некоторые выводы социально-философского характера.

Во-первых, в условиях начавшейся ЧПР происходит трансформация рынка труда, которая влечет за собой исчезновение одних профессий и появление новых; происходит вытеснение человеческого труда трудом роботов, автоматов и информационных программ

Во-вторых, объективным следствием постиндустриального развития является неизбежное сокращение количества рабочих вакансий, рост безработицы, особенно среди молодежи. Таким образом, реализация молодым поколением своего права на труд становится затруднительной.

В-третьих, примеры Испании и особенно России ясно свидетельствуют о том, что массовая молодежная безработица в значительной мере является порождением национальных экономических моделей, основанных на труде работников низкой квалификации с низкой оплатой труда.

Литература

1. Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 2/2017 <http://www.ine.es/>
2. Observatorio social de “La Caixa”, Alan Daly Hemos subestimado la importancia de relaciones interpersonales en la educación Mayo 2017
3. Universidad Espanola en Cifras 2015-2017 Guía 2017
4. OECD Labor and Demographic Economics; INE, Proyecciones de Población de España, Abril 2017, Роскомстат за январь-март 2017 г.
5. Салтыков В.И. Рынок труда Российской Федерации на современном этапе развития // Инновации и инвестиции. 2017. №4. с. 61-64

²⁰ Universidad Espanola en Cifras 2015-2017 Guía 2017

²¹ Observatorio social de “La Caixa”, La educación como ascensor social Septiembre 2016

²² Observatorio social de “La Caixa”, Alan Daly Hemos subestimado la importancia de relaciones interpersonales en la educación Mayo 2017

Socio-philosophical analysis of youth unemployment (In countries with different economic models)

Kozlova M.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article examines the social situation of modern youth in three countries: Spain, Finland and Russia. The economic models of these countries form different specific labor markets, with different opportunities for students and working youth and with different levels of unemployment. The study of the problem of unemployment of the younger generation is accompanied by an analysis of the social policy of Spain, Finland and Russia in the field of youth policy.

Keywords: youth unemployment, youth policy, Russia, Spain, Finland, labor market

References

1. Instituto Nacional de Estadística / Encuesta de población activa 2/2017 <http://www.ine.es/>
2. Observatorio social de "La Caixa", Alan Daly Hemos subestimado la importancia de relaciones interpersonales en la educación Mayo 2017
3. Universidad Espanola en Cifras 2015-2017 Guía 2017
4. OECD Labor and Demographic Economics; INE, Proyecciones de Población de España, Abril 2017, Роскомстат за январь-март 2017 г.
5. Saltykov V.I. The labor market of the Russian Federation at the present stage of development // Innovations and Investments. 2017. No4. from. 61-64

Анализ переживаний как свойства человеческой личности в статьях И.П. Четверикова

Сизинцев Павел Васильевич,
аспирант, Московская Духовная Академия,
sizinpash@yandex.ru.

Статья посвящена философскому осмыслению натуралистической теории любви между людьми, возникшей в начале XX века на основе идей естествознания и отрицания при этом психологических атрибутов личности которые включают в себя переживания и восприятия, изучая телесные реакции и отторгая душевные чувствования. Автор в обзоре трудов профессора КДА И.П. Четверикова показывает, что имеет место осознание трагедии одинокого человека. Он обращает внимание на роль художественного творчества в развитии личности человека. Оригинальность исследования имеет максимальную степень, так как подробных аналитических исследований теологического и философского наследия И.П. Четверикова в мировой и российской научной среде до настоящего времени практически не проводилось.

Ключевые слова: материя, сознание, восприятие, потеря человека, изменения, физическая действительность, одиночество, церковь, таинства, иллюзорность знания, художественное творчество, любовь.

Первое условие для духовной любви, ее начало - утверждает И.П. Четвериков, - *нужно прежде всего, преодолеть свою индивидуальную замкнутость, раскрыть свою душу, разбив замыкающие ее грани.* [Четвериков, 1949, 1, 11]. Это совет образного, нежели философского или психологического порядка. Представляется, что имеется в виду широкая открытость в общении человека, высокий уровень его доверия к окружающим, искреннее желание узнать другого человека, личную заинтересованность в нем. Но где же здесь любовь? Что требуется для ее возникновения, когда любящие души *входят одна в другую?* [Четвериков, 1949, 1, 10]. Раскрытость или открытость – действительно основополагающая личностная черта любого человека. Современная теология личности считает, что эта личная черта Абсолюта унаследована человеком от Творца и имеет интенциональный характер - *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3., 20.). Понятием интенциональности обозначается предметная направленность сознания. Через интенциональность сознание изначально открыто вещам, это первичная открытость трансцендентального сознания предмету. Сознание как такое есть сознание в той мере, в какой оно интенционально. Интенциональность представляет собой трансценденцию, выход сознания за свои пределы, за рамки имманентной данности.

К наглядным явлениям Четвериков относил ощущения и представления. При этом он тесно связывает *психические процессы и жизнь личности, генетическую психологию и ее биологическую основу, рассматривает эволюцию понятия души и психологию творческой личности* [Четвериков, Программа..., 1913, 54]. Ощущения и представления суть *переживания индивидуального сознания, противопоставляемые в качестве объекта*, однако *ощущения есть первичные, личные переживания предметов, а представления - вторично воспроизведенные образы* [Извлечения..., 1910, 9, 337] их в символической форме в сознании.

Следующий этап любви – *преодоление своей самости, своей автономии, за которую так крепко держится греховный человек, смирение и преодоление своей гордости – основной черты греховной души* [Четвериков, 1949, 1, 11]. Очевидно, что под «самостью» в данном контексте Четвериков понимает не просто осознание человеком своего «Я» и объективной отделенности его от

внешнего мира. Он связывает самость с гордостью, самолюбием, личной автономией. Здесь надо иметь в виду, что, будучи глубоким знатоком древнегреческой философии и греческого языка, Четвериков, вероятно, понимал под автономией то, что понимали и древние греки – самозаконие (дословный перевод греческого слова «автономия»). А именно тот феномен человеческого поведения, при котором человек ставит себя, свои желания, свои пороки центром жизни, который в современной традиции именуется себялюбием, эгоцентричностью, эгоизмом.

Важно заметить, что в современной философии «автономия» есть принцип самостоятельности бытия, направляемого по Канту собственным разумом и совестью. *Ведь именно сам наш разум познает себя через высший и безусловный практический закон и [познает] существо, которое создал этот закон (нашу собственную личность) как принадлежащее к чистому умопостижаемому миру* [Кант, 2008, 212]. Это также и способность личности как морального субъекта к самоопределению на основе собственного законодательства. То есть, слово имеет совершенно иной смысл, нежели в трактовке рассматриваемой статьи. Естественно, при эгоистическом понимании «самости» ее преодоление требует от человека борьбы с эгоистическими наклонностями в отношении себя, и смирения в отношении любимого человека. Отсюда третья задача любви в понимании Четверикова – *терпеливое, снисходя любовью перенесение препятствий для единения двух любящих сердец. Источник препятствий кроется в трудности отказаться от своей самости, как себялюбия. Но жертвы на этом пути не в том, что любящий отказывается от своей мысли и воли и смиренно подчиняется мысли и воле другого. Требуется лишь отказаться от абсолютности своих точек зрения и искать высшую точку, которая в своей полноте объединяла бы их.* [Четвериков, 1949, 1, 11]. Он пишет о высшей форме любви, для достижения которой любому человеку требуется духовный подъем. Это означает, что *любовь это сила не только объединяющая, она поднимает любящих людей на новый духовный уровень. Любовь снимает с восприятий их ограниченность внешнею поверхностью и углубляет, давая возможность видеть «нетленную красоту» Духа в любимом человеке.* При достижении уровня духовной близости человек *узнает себя в «Ты» любимого им, поднимает «сокровенное» в свою сознательную жизнь и тем самым поднимает на новую высоту свое эмпирическое в повседневном опыте данное «Я»* [Четвериков, 1949, 1, 11]. Проводится мысль о том, что в человеческой личности наличествуют два вида личностного «Я». Первое «Я» - изначальное, любящее другого «Ты». Второе «Я» - эмпирическое, которое растет, поднимаясь к Богу под влиянием изначального «Я». Но и любящее «Я» *растет, стремится подняться до «Ты», происходит взаимный обмен «красотой» друг в друге, любящие все теснее срастаются друг с другом.*

Под красотой понималось название Абсолюта в русле христианской традиции, а применительно к человеку – чувство прекрасного. Таким образом, возвышаясь душой в любви, люди приближаются и друг к другу и к высшему божеству. Это внутреннее единение в любви имеет место и требует усилий и жертв, - *прежде всего отказа от самости.* Отсюда очевидно, что высшей формой человеческой любви для И.П. Четверикова была любовь, которая существует в духовном пространстве православия, где *жизнь должна состоять в непрерывном устремлении ко Христу и все большем единении с остальными через деятельную любовь и непрерывную помощь* [Четвериков, 1949, 1, 11].

Симптоматично, что на фоне этой духовной любви натуралистическая теория любви, отрицающая познание человеком чужой души и сводящая все к примитивной физиологии вызвала в людях массовое уныние. Ибо если между человеческими «Я» лежит непроходимая пропасть, если проникновение в человеческую душу есть только иллюзия и невозможно настоящее знание о душе, а только иллюзия знания, то и представление о человеческой любви как о выражении души познать человеку не дано. Момент единения в акте любви натуралистическая психология также не могла объяснить должным образом и *должна была признать иллюзорным* [Четвериков, 1916, 53]. Это и неудивительно, ибо оценивать уникальность душевной жизни по визуальным или телесным признакам непродуктивно. Хотя роль тела в личностном бытии человека нельзя и недооценивать. Существует ряд переживаний, т.е. элементов личности в понимании И.П. Четверикова, обусловленных связью человека с физическим миром. При этом состояние тела, как и мир его окружающий вызывают переживания в сознании человека. Их совокупность образует *физическую личность человека.* Он считал, что некоторых допустимо отнести к такому типу людей, которые живут в *неразрывной связи с природой. Физическая личность их представляет собой семя, носимое ветром,* при этом процессы мира тут же отражаются на *личности этих людей* [Четвериков, 1997, 335].

Вольно или невольно, но Четвериков называет здесь личностью то, что в психологии его времени именовалось термином «характер», допуская смешение понятий. Физические переживания природы, свидетельствуют именно об индивидуальном сочетании устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный способ поведения в определенных жизненных обстоятельствах. Это тип характера, а не личности. Поэтому, анализ показывает терминологическое смешение смыслов понятий «личность» и «характер» в текстах лекций по психологии у И.П. Четверикова. Возможно виной этому термин, на котором основан его концепт личности – совокупность переживаний. Ибо переживания могут включать в себя и эмоции, и характер и даже темперамент, в то же время, влияя и на способности человека и даже отражая волю человека, управляя ей. Это некое синтезированное понятие, применение ко-

того повлекло у Четверикова терминологическую эклектичность в определении личности. Единство и монолитность любой человеческой личности связывает все вышерассмотренные ее элементы в единое действо в реальной жизни человека. Далее, рассуждая в русле своей типологии личностей, И.П. Четвериков обращает внимание на влияние на человека людей, с которыми неизбежно связан он в этой жизни. Отношение человека к человеку и *жизнь его в социальной среде вызывают ряд психических переживаний – желаний, стремлений*. Он утверждает, что эти переживания в совокупности образуют социальную личность человека, которая также распадается на несколько личностей: классовую, сословную. Пример, им приводимый, проявляет, что он имел в виду: *Судья... может говорить преступнику: как человек я вас прощаю, но как судья я вас осуждаю. Здесь ярко выражено столкновение двух личностей* [Четвериков, 1997, 336].

Социальную личность человека Четвериков ставит в зависимость от его сословного состояния (сословная личность) или от достигнутого им социального статуса (классовая личность). Под классом понимается не термин «класс» в марксистском смысле, а социальный ранг, принадлежность к профессиональной корпорации (преподавателей, судей, военных, медиков). *Существование судов чести как отдельных организаций формирует понятие классовая этика, честь, и это свидетельствует об особой социальной личности* [Четвериков, 1997, 336] у тех людей, которые состоят в этих организациях. Очевидно, что переживания, которые человек испытывает в силу своей профессии или сословного происхождения интерпретируются Четвериковым как наличие у человека социальной личности.

При этом нет сомнения в том, что рождение в сословной среде сообщает человеку особые переживания. Работа крестьянина, офицера, преподавателя каждая несет для человека абсолютно разноплановый спектр отношений. Но это лишь эмпирическая оболочка, которая влияет на духовные и личностные черты человека. Эти опытные переживания вырабатывают у человека стандартные навыки общения и профессиональные привычки, некий набор психологически важных для его профессии качеств, нужных судье или крестьянину. Но эти переживания по сути дела только накладываются на душевную структуру и личностную основу человека, являясь вторичным, сопутствующим фактором развития его личности и природы. Безусловно, сама профессия как таковая, ее правила поведения, требуемая этика отношений внутри профессионального сообщества накладывают свою печать на поведенческие функции человека и в определенной степени корректируют его нравственные ценности. Переживания палача или профессионального диверсанта явно отличны от переживаний библиотекаря или дворника по поводу своей работы. Но наличие этического кодекса чести у профессии, не является основанием для именования профессиональных переживаний

личностью. При этом несомненно, что характер и темперамент, эмоции и способности человека, обуславливающие его переживания, играют важную роль при исполнении им профессиональных обязанностей. Одни люди, в силу своих личностных и природных особенностей предрасположены к одним видам работ, иные – к другим. Связь между душевными чертами и талантами человека и его социальными обязанностями по работе или среде общения однозначно присутствует. Но личность это не только эмпирическое влияние словесной среды или знание кодекса судейской чести. И.П. Четвериков опять допускает смешение психологических и социальных категорий переживаний, как допускал смешение психологических и телесно-физических переживаний, относя и собирая все в понятие «личность».

Также, человек живет и в культурной среде для того, чтобы творить культуру. Неоднократно он переживает различные эмоции в процессе творчества и эта совокупность переживаний, обусловленная жизнью в культурной среде, образует культурную или «духовную» (Джеймс) личность человека [Четвериков, 1997, 336]. Русский мыслитель апеллирует к концепции психологии религиозных переживаний Джеймса. Поэтому для необходимо остановиться на личности этого американского философа и психолога, одного из основателей и ведущего представителя прагматизма и функционализма. Он рассматривал сознание как индивидуальный поток внутреннего мышления [Джеймс, 1913, 110] в котором никогда не появляются дважды одни и те же ощущения или мысли. *Необходимость «сознания» вызвана потребностью объяснить факт, что вещи не только существуют, но еще фиксируются и познаются* [Джеймс, 1913, 105]. Одной из важных характеристик сознания Джеймс считал его избирательность. С точки зрения Джеймса, сознание является функцией, которая, как и другие биологические функции, развивалась потому, что была полезна человеку. Но сознание отражает не только внутри-душевные переживания человека. Ибо психология восприятия *представляет собою борьбу над разрешением парадокса, по которому то, что кажется единой реальностью, в действительности занимает два места: одно — во внешнем пространстве, а другое — в уме человека* [Джеймс, 1913, 108]. Исходя из прагматического характера сознания, У. Джеймс отводил важную роль инстинктам и эмоциям, а также индивидуальным физиологическим особенностям человека. Он обнаружил, что не так важно, что содержится в сознании, гораздо важнее, что сознание делает, ибо функция гораздо важнее, чем содержание. Основная функция человеческого сознания — выбор. Сознание определяет цели человека и служит им, и главная цель — выживание посредством активного приспособления к окружающей среде. От среды, переживаний в ней и волевых актов отталкивался в своих умозаключениях и И.П. Четвериков, утверждающий, что существуют личности:

1. Физическая,

2. Социальная,
3. Духовная [Четвериков, 1997, 336].

Последний тип личности активно проявляется именно в православной религии. Церковь означает целостное единство верующих в понятии *той целостности, которая характеризует личность как единство множественности переживаний человека*. По Четверикову *личность человека является самой маленькой ячейкой общества, и она сама по себе соборна*. Он выводил соборность из семейных отношений – *ребенок в акте любви впитывает в себя душу и лицо матери, отца, всех членов семьи. Муж и жена вводят в себя душу один другого и в этом смысле живут уже не изолированно, а общей жизнью* [Четвериков, 1949, 2, 8].

Любовь в этой общей жизни есть некое «впитывание души» другого человека, введение души одного в душу другого, что подразумевает максимальную общность людей, жизнь общей жизнью. Человек становится сопричастен глубинным душевным качествам другого человека и переживает все сообща. Таким образом, Четвериков приписывает личности даже черту соборности, как способности понимания другого, вхождения во внутренний мир другого через душевный контакт общения и слияния с душой другого. В церкви, человек *изменяется и поэтому, слившись душой с внутренне переродившимся человеком люди также внутренне перерождаются, хотя бы на небольшое мгновение*. Тут, по мнению Четверикова, слияние душой означает, *единодушие или единомыслие, как в семье*. Он применяет аналогию, сравнивая жизнь в семье с церковной жизнью, а духовную близость людей с действием на человека божественной благодати. При этом он представляет некую идеальную семейную любовь в полном единодушии. Именно такая любовь переходит в любовь к Абсолюту *через включение семьи в духовную жизнь*. Единство душ есть *высшая степень любви друг к другу, где эта любовь сливается к любовью к Богу, в нас живущему* [Четвериков, 1949, 2, 9].

Литература

Извлечения из журналов Совета КДА за 1909 – 1910 г. // Труды Киевской Духовной Академии. 1910. № 9. - С. 329-345.

Четвериков И.П., Программа лекций по психологии. // Отчет об общеобразовательно-педагогических курсах Херсонского губернского земства, организованных в Херсоне в 1913 г. – Херсон: Херсонская Губернская Земская Управа, 1913. – С. 54-56.

Четвериков И.П., Церковь. // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен., 1949. № 1. – С. 5-15.

Четвериков И.П., Церковь (окончание). // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен., 1949. № 2. – С. 8-17.

Четвериков Иван., Из лекций по общей психологии. — Гаврюшин Н.К., (ред.) // Русская религиозная антропология: в 2 Т. // Т. 2.- М.: Московский духовный фонд, МДА, 1997. – С. 335-343.

Джеймс У., Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. 1913. № 4. – 102-127.

Кант И., Критика практического разума. – СПб.: Наука, 2008. - 530 с.

Сизинцев П.В. Свойства Абсолютной Личности и человека в статье И.П. Четверикова. // Инновации и инвестиции. 2017. №6. с. 170

Сизинцев П.В. Анализ типов Абсолютной личности в статье И.П. Четверикова. // Инновации и инвестиции. 2016. №7. с. 148-151

Сизинцев П.В. Религиозно-философский обзор очерка И.П. Четверикова «Критический индивидуализм в русской философии». // Инновации и инвестиции. 2016. №8. с. 192-195

Title of the article: Analysis of the emotions as properties of the human person in articles I. P. Chetverikov Sizintsev P.V.

Moscow Spiritual Academy

The article is devoted to the philosophical interpretation of the naturalistic theory of love between people, emerged in the early twentieth century based on the ideas of natural science and denial as psychological personality attributes which include the experiences and perceptions of studying bodily reactions and rejecting the spiritual feeling. The author in the review of the works of Professor KDA I. P. Chetverikov shows that there is awareness of the tragedy of a lonely man. He drew attention to the role of artistic creativity in the development of the human personality.

The originality of the research has the maximum degree, as detailed analytical studies of theological and philosophical heritage of I. P. Chetverikova in Russian and world scientific community to date is scarce.

Keywords: Matter, consciousness, perception, the loss of a person, changes the physical reality, the loneliness, the Church, the sacraments, the illusory nature of knowledge, artistic creativity, love.

References

Extraction from magazines of Council of KDA for 1909 - 1910/Works of the Kiev Spiritual Academy. 1910. No. 9. - Page 329-345.

Chetverikov I. P., Program of lectures on psychology./The report on the general education and pedagogical courses of the Kherson provincial zemstvo organized in Kherson in 1913 – Kherson: Kherson Provincial Territorial Justice, 1913. – Page 54-56.

Chetverikov I. P., Church./The messenger (Body of RSHD in Germany). Munich., 1949. No. 1. – Page 5-15.

Chetverikov I. P., Church (termination)./The messenger (Body of RSHD in Germany). Munich., 1949. No. 2. – Page 8-17.

Chetverikov Ivan., From lectures on the general psychology. — Gavryushin N.K., (edition)//Russian religious anthropology: in 2 T./T. 2.-M.: Moscow spiritual fund, WELL, 1997. – Page 335-343.

James U., whether there is a consciousness?//The new ideas in philosophy. 1913. No. 4. – 102-127.

Kant I., Criticism of practical mind. – SPb.: Science, 2008. - 530 pages.

Sizintsev P.V. The properties of the Absolute Person and man in the article by I.P. Chetverikova. // Innovation and investment. 2017. No.6. from. 170

Sizintsev P.V. The analysis of types of the Absolute personality in the article by I.P. Chetverikova. // Innovation and investment. 2016. No7. from. 148-151

Sizintsev P.V. Religious and philosophical review of the essay I.P. Chetverikova "Critical individualism in Russian philosophy." // Innovation and investment. 2016. No8. from. 192-195

Хроническая сердечная недостаточность и глубокие гипокапнические нарушения газообмена

Агеева Кира Александровна,

ассистент кафедры инфекционных болезней с курсом инфектологии ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, inf-disease@mail.ru

Абросимов Владимир Николаевич,

д.м.н., профессор, заведующий кафедрой терапии и семейной медицины ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, abrosimov_v@mail.ru

Жукова Лидия Анатольевна,

к.м.н., доцент кафедры терапии и семейной медицины ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, veowulf@rambler.ru

Тест 6-минутной ходьбы (6МХ) является ключевым в функциональной диагностике ХСН и используется для определения толерантности к физической нагрузке. У больных ХСН важным является анализ реакции дыхательной системы на физическую нагрузку. В статье приведено клиническое наблюдение пациента ХСН с выраженной одышкой. Для интерпретации одышки в процессе проведения теста 6МХ проводилось динамическое капнографическое исследование, выявившее гипокапнию.

Динамическая капнография может быть использована как метод объективной оценки реакции дыхательной системы на физическую нагрузку.

Ключевые слова: тест 6-минутной ходьбы, ХСН, гипокапния, капнография.

Согласно рекомендациям ВНОК тест 6 – минутной ходьбы (6МХ) является ключевым в функциональной диагностике ХСН и используется для определения толерантности к физической нагрузке. Проведение шаговых нагрузочных тестов у пациентов с ХСН проводится для уточнения диагноза, определения функционального класса ХСН, общего сердечно-сосудистого риска, а также контроля за проводимой терапией [1,2]. Скорость движения испытуемого во время теста должна быть максимально переносимой, т.е. обеспечивать прохождение максимальной дистанции. Интерпретацию результатов проводят по расстоянию, пройденному больным за 6 минут, документируются возникшие жалобы [2,3]. В процессе выполнения теста 6МХ оценивается реакция сердечно-сосудистой системы на нагрузку (определение ЧСС, АД), анализируются жалобы больного.

У больных ХСН важным также является анализ реакции дыхательной системы на физическую нагрузку, которая оценивается путем объективной оценки одышки, определения частоты дыхательных движений. Наблюдаемые при физической работе изменения дыхания обеспечиваются сложным комплексом механизмов. Однако из-за индивидуально лимитирующих факторов биомеханики дыхания, особенностей человека, не всегда удается при выполнении одной и той же нагрузки полностью объяснить точное соответствие вентиляции легких уровню метаболизма [3].

Известно, что определение парциального давления углекислоты в альвеолярном воздухе является методом оценки соответствия вентиляции и интенсивности газообмена. Уровень PaCO_2 интегрально отражает деятельность системы внешнего дыхания [4]. Капнографическое исследование является ведущим в диагностике гипокапнических нарушений газообмена – основного критерия гипервентиляции. Снижение PaCO_2 – прямое свидетельство альвеолярной гипервентиляции. Решающим для объективного подтверждения гипервентиляции служат низкие значения PaCO_2 в покое или после пробы с произвольной гипервентиляцией.

Для более глубокого понимания реакции дыхания в процессе проведения 6 – минутного шагового теста осуществлялось проведение динамического капнографического исследования с помощью монитора жизненноважных функций капнографопульсоксиметра LifeSense LS1-9R компании MedAir АВ. Регистрация капнограммы осуществлялась до,

во время и после выполнения нагрузочного теста. В процессе проведения физической нагрузки колебания P_{ETCO_2} были самыми различными: у одних определялась нормакапния, у других - гипокапния, а в ряде ситуаций регистрировалась выраженная гипокапния.

Приводим **клиническое наблюдение**, которое демонстрирует развитие глубокой гипокапнии у больной ХСН в покое.

Больная Б., 60 лет находилась на стационарном лечении в терапевтическом отделении с 15.03.17 по 01.04.17 с диагнозом:

Основной: ИБС: Стенокардия напряжения III функционального класса.

Осложнение: Хроническая сердечная недостаточность II Б стадии (IV ФК по NYHA). Нарушение ритма по типу редкой желудочковой экстрасистолии.

Фоновое заболевание: Сахарный диабет II типа, инсулинопотребный. Диабетическая полинейропатия, ангиопатия, нефропатия, непролиферативная ретинопатия. Ожирение III степени.

Сопутствующие заболевания: Мочекаменная болезнь. Хронический пиелонефрит единственной почки в фазе нестойкой ремиссии.

Anamnesis morbi: считает себя больной с 1976 года, когда в связи с травмой почки произведена правосторонняя нефрэктомия. С этого момента отмечает повышение артериального давления до высоких цифр (более 220/120 мм рт.ст.) с нестойкой медикаментозной коррекцией.

С 2005 года появились приступы стенокардии, сначала редкие (соответствующие I ФК стенокардии напряжения), с января 2011 года - частные, возникающие при ходьбе на расстояние 150-200 м. Наряду с учащением приступов стенокардии начала беспокоить одышка при умеренной физической нагрузке; в последнее время - при незначительной физической нагрузке, за 2 недели до поступления одышка стала беспокоить даже в покое.

Ключевой жалобой при поступлении являлась выраженная одышка в покое, при самообслуживании, минимальной физической нагрузке (ходьбе по палате до 5-7 метров).

Объективно: общее состояние средней степени тяжести. Сознание ясное. Повышенного питания: рост- 165 см, вес-120 кг, ИМТ=44 кг/м². Кожные покровы и видимые слизистые обычной окраски и влажности. Акроцианоз. Периферические лимфоузлы не увеличены. Отеки стоп, голеней. Костно-мышечная система без видимых деформаций. Температура тела 36,7° С.

Грудная клетка правильной формы. Перкуторно границы легких не изменены, над всеми легочными полями легочный звук. Аускультативно дыхание везикулярное ослабленное, небольшое количество сухих и влажных мелко-пузырчатых хрипов в задне-нижних отделах, больше слева. ЧДД=24 в мин⁻¹.

Область сердца не изменена. Перкуторно расширение левой границы относительной тупости сердца влево (+1,5-2 см) от срединно-ключичной линии. Аускультативно тоны сердца ритмич-

ны, ослаблены, акцент II тона над аортой, ритм правильный. ЧСС=70 мин⁻¹. АД_s=АД_d =130/90 мм рт.ст.

Язык чистый, влажный. Живот увеличен в объеме за счет подкожно-жировой клетчатки, при пальпации мягкий, безболезненный во всех отделах. Печень- по краю реберной дуги. Селезенка не увеличена. Стул ежедневный, кал оформлен. Дизурии нет. Почки не пальпируются. Симптом поколачивания в поясничной области отрицателен с обеих сторон.

Дополнительные обследования:

Крови общий анализ: RBCs $4,5 \times 10^{12}/l$, hem - 156 г/l, WBCs $10,7 \times 10^9/l$, bands 1%, PMNs 59%, lymph. 35%, mono. 5%, ESR 13mm/h.

Биохимический анализ крови: глюкоза крови 9,0 mmol/l, AST-10 E/l, ALT-52 E/l, креатинин -80 μmol/l, мочевины-9,6 mmol/l, билирубин общ.-15,3 μmol/l /л, холестерин-4,4 mmol/l, β-ЛП- 58 Ед, ТГД- 2,39 mmol/l, протромбин- 0,86; калий- 4,5 mmol/l, натрий- 141 mmol/l.

ЛДГ-881 МЕ/л, КФК-166 МЕ/л, тропонин- отрицательный.

Кровь на RW отриц.

Мочи общий анализ: без патологии.

Рентгенологическое исследование органов грудной клетки от 16.03.17 Заключение: Двусторонний распространенный пневмофиброз.

УЗИ почек от 28.03 Признаки МКБ, хронического пиелонефрита единственной почки.

УЗИ сердца. Аорта уплотнена, расширена (диаметр 39 мм). Левое предсердие увеличено до 46 мм. Полость левого желудочка не увеличена (КДР - 49 мм, КСР - 34 мм). ТМЖП - 12 мм, ЗСЛЖ - 11 мм. Фракция выброса 58%. Правый желудочек расширен (ПЗР - 30 мм). Аортальный клапан - кальциноз фиброзного кольца аортального клапана, регургитация I ст. Митральный клапан - регургитация I-II ст. Признаки легочной гипертензии (давление в легочной артерии=26 мм рт.ст.)

ЭКГ от 15.03 - синусовый ритм. Признаки гипертрофии правых отделов сердца, диффузные изменения в миокарде. ЭКГ в динамике - улучшение метаболических процессов в миокарде.

Для уточнения характера одышки **16.03.2017** нами был проведен тест б - минутной ходьбы с динамической капнографией и пульсоксиметрией с помощью монитора жизненноважных функций капнографа-пульсоксиметра LifeSense LS1-9R компании MedAir AB.

В покое регистрировались следующие показатели: SpO₂ =88-89%, P_{ETCO₂} =25-26 мм рт.ст.

Следует обратить внимание, что во время проведения теста наблюдалось снижение SpO₂ до 85-86%, регистрировались очень низкие показатели P_{ETCO₂} (отмечалась гипокапния до 18 мм рт.ст.). Расстояние, пройденное за 6 минут, составило 40 м, что соответствует IV ФК по NYHA.

В восстановительном периоде: SpO₂ = 87%, P_{ETCO₂} = 26-28 мм рт.ст.

Таким образом, данное наблюдение демонстрирует больную с тяжелой ХСН, выраженной одышкой, у которой в покое определяется низкие

значения $P_{ET}CO_2$, SpO_2 , а при проведении нагрузочного теста эти показатели достигли более глубоких значений.

Механизм развития гипокпапнической гипервентиляции достаточно сложен. Известно, что нарастание одышки по мере прогрессирования ХСН, появление более частого и поверхностного дыхания, изменение паттерна дыхания, является во многом компенсаторным механизмом, направленным на сохранение постоянного суммарного внутрилегочного сопротивления. Однако нередко одышка при ХСН соответствует не увеличению внутрилегочного сопротивления или повышению общей работы дыхания, а становится «напрасной» («wasted ventilation»), приводит к гипервентиляции, гипокпапии, возникает порочный круг гипокпапии. Видимо, данные изменения находятся в соответствии с теорией самостоятельной механической активности легких [5,6,7]

Динамическая капнография у пациентов с ХСН может быть использована как метод объективной оценки реакции дыхательной системы на физическую нагрузку. Это позволяет выявить индивидуальные различия реакции дыхания у больных с тяжелой ХСН, часто ассоциированной с более выраженной одышкой.

Литература

1. Скрипченко Н.В., Лобзин Ю.В., Иванова Г.П., Команцев В.Н., Алексеева Л.А., Иванова М.В., Вильниц А.А., Горелик Е.Ю., Скрипченко Е.Ю. НЕЙРОИНФЕКЦИИ У ДЕТЕЙ. ДЕТСКИЕ ИНФЕКЦИИ. 2014;13(1):8-18. DOI:10.22627/2072-8107-2014-13-1-8-18

2. Команцев В.Н., Скрипченко Н.В., Войтенков В.Б., Савина М.В., Иванова Г.П. ВЫЗВАННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРИ НЕЙРОИНФЕКЦИЯХ У ДЕТЕЙ. ЖУРНАЛ ИНФЕКТОЛОГИИ. 2013; Т5 № 2: 55-62

3. Гладкий П. А., Сергеева И. Г., Тулупов А. А., Инфекционные поражения головного мозга: Учебное пособие – Новосибирск, 2015

4. Савко В.В., Наричина Н.И., Коновалова Н.В., Новик А.Я., Михайличенко Л.А. Клиническая оценка изменений глазного дна при застойном диске зрительного нерва. Офтальмологический журнал. 2010;№2:80-83

5. Алексеев В.Н. Офтальмология/Алексеев В.Н., Егоров Е.А., Астахов Ю.С., Ставицкая Т.В.//Издательство: Гэотар - Медиа, 2010. – 242

6. Крыжановская С.В., Шнайдер Н.А., Панина Ю.С., Чешейко Е.Ю. Состояние зрительной афферентации у больных с хроническим герпесвирусным энцефалитом: пилотное исследование. ВЕСТНИК Клинической больницы. 2011;№51:89-93

7. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Расчет эффективного времени замораживания при криохирургии рака легкого//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2016. № 4. С. 77-80.

8. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Сравнительные результаты лечения гемангиом кожи методом криодеструкции и диатермокоагуляции//Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2016. Т. 10. № 3. С. 194-199.

9. Котова Т.Г., Гурин А.В. Новейшие исследования в области криохирургии новообразований лёгких//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2015. № 12. С. 145-147. .

Chronic heart failure and deep hypo-capnic disorders of gas exchange

Ageeva K.A., Abrosimov V.N., Zhukova L.A.

The Ryazan state medical university of a name of the academician I.P. Pavlov

The 6-minute walk test (6MX) is the key in the functional diagnosis of CHF and is used to determine exercise tolerance. In patients with CHF, it is important to analyze the response of the respiratory system to physical activity. The article presents clinical observation of a patient with CHF with marked dyspnea. For interpreting dyspnea during the 6MX test, a dynamic capnography study was performed to identify hypocapnia.

Dynamic capnography can be used as a method of objective evaluation of the response of the respiratory system to physical activity.

Key words: 6-minute walk test, CHF, hypocapnia, capnography.

References

1. Skripchenko N.V., Lobzin V.V., Ivanova G.P., Komantsev V.N., Alekseeva L.A., Ivanova M.V., Vilnits A.A., Gorelik E.Y., Skripchenko E.Y. NEUROINFECTIOUS DISEASES IN CHILDREN. CHILDREN INFECTIONS. 2014;13(1):8-18. (In Russ.) DOI:10.22627/2072-8107-2014-13-1-8-18
2. Komantsev V.N., Skripchenko N.V., Voytenkov V.B., Savina M.V., Ivanova G.P. VYZVANNYYE POTENTIALY GOLOVNOGO MOZGA PRI NEYROIINFEKTSIYAKH U DETEY. ZHURNAL INFEKTOLOGII. 2013; T5 № 2: 55-62
3. Gladkiy P. A., Sergeyeva I. G., Tulupov A. A., Infektsionnyye porazheniya golovnogogo mozga: Uchebnoye posobiye – Novosibirsk, 2015
4. Savko V.V., Naritsina N.I., Konovalova N.V., Novik A.YA., Mikhailichenko L.A. Klinicheskaya otsenka izmeneniy glaznogo dna pri zastoynom diske zritel'nogo nerva. Oftal'mologicheskij zhurnal. 2010;№2:80-83
5. Alekseyev V.N. Oftal'mologiya/Alekseyev V.N., Yegorov Ye.A., Astakhov YU.S., Stavitskaya T.V.//Izdatel'stvo: Geotar - Media, 2010. – 242
6. Kryzhanovskaya S.V., Shnayder N.A., Panina YU.S., Chesheyko Ye.YU. Sostoyaniye zritel'noy afferentatsii u bol'nykh s khronicheskim herpesvirusnym entsefalitom: pilotnoye issledovaniye. VESTNIK Klinicheskoy bol'nitsy. 2011;№51:89-93
7. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Calculation of the effective freezing time for cryosurgery of lung cancer // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2016. No. 4. P. 77-80.
8. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Comparative results of treatment of skin hemangiomas with cryodestruction and diathermocoagulation // Bulletin of new medical technologies. Electronic edition. 2016.V. 10. No. 3. S. 194-199.
9. Kotova T.G., Gurin A.V. The latest research in the field of cryosurgery of lung tumors // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2015. No. 12. P. 145-147.

Электрофизиологическое, функциональное и морфометрическое состояние зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции

Хасанова Людмила Александровна

ассистент кафедры инфекционных болезней с курсом инфектологии ФДПО ФГБОУ ВО Ряз.ГМУ им. акад. И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ.
lyudmila.khasanova@mail.ru

Баренина Ольга Игоревна

аспирант кафедры глазных и ЛОР болезней ГБОУ ВПО Ряз.ГМУ им. акад. И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ

Чернобавская Мария Николаевна

ассистент кафедры глазных и ЛОР болезней ГБОУ ВПО Ряз.ГМУ им. акад. И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ

Колесников Александр Вячеславович

кандидат медицинских наук, заведующий кафедры глазных и ЛОР болезней ГБОУ ВПО Ряз.ГМУ им. акад. И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ

Мартынов Владимир Александрович

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедры инфекционных болезней с курсом инфектологии ФДПО ФГБОУ ВО Ряз.ГМУ им. акад. И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ.

Цель исследования. Оценить клиническую значимость электрофизиологического, функционального и морфометрического исследования зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции.

Материалы и методы. Нами обследован 41 пациент. 31 больной серозными менингитами и 10 пациентов группы контроля. Обследуемым назначалась традиционное офтальмологическое обследование, периметрия, оптическая когерентная томография зрительного нерва, зрительные вызванные потенциалы и электроретинография.

Результаты. Застойные изменения глазного дна в катарактальный период наблюдения у больных серозными менингитами диагностировались чаще 19,4% (6) по сравнению с изменениями на глазном дне в остром периоде 13% (4)). Анализ периметрических показателей выявил достоверное снижение светочувствительности у 80 % (8) больных серозными менингитами в период реконвалесценции по сравнению с контрольной группой. По данным оптической когерентной томографии у больных серозными менингитами выявлены значительные изменения у 90% (9) пациентов. По данным зрительных вызванных потенциалов и электроретинографии у больных серозными менингитами выявлено ухудшение зрительной афферентации.

Выводы. Необходимо пристальное наблюдение за состоянием зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции даже при отсутствии субъективных жалоб на нарушение зрения с целью ранней диагностики последствий острого процесса и своевременной медикаментозной коррекции.

Ключевые слова. Серозные менингиты, поражение зрительного нерва.

Введение. В настоящее время все больше исследователей волнуют особенности течения инфекционного процесса осложнений таких нейроинфекций, как серозные менингиты и менингоэнцефалиты [1]. Авторы заявляют о необходимости применения современных методов исследования для топической диагностики и контроля функциональной активности как корковых отделов мозга, так и черепных нервов [2]. Из черепно-мозговых нервов чаще поражаются слуховые и зрительные нервы [3]. На сегодняшний день в стандартные протоколы обследования больных менингитами входит консультация окулиста с обязательным исследованием глазного дна. При офтальмоскопии у больных серозными менингитами в остром периоде могут диагностироваться застойные диски зрительного нерва [4]. Исследователи связывают эти явления с повышением внутричерепного давления в остром периоде серозного менингита [5]. Однако диспансерное наблюдение больных серозными менингитами как правило не включает динамическое наблюдение за изменениями зрительных функций.

На сегодняшний день существует множество высокочувствительных неинвазивных методов исследования сенсорных систем позволяющие выявлять стертые и подострые формы офтальмологической патологии [6]. Такие методы как зрительные вызванные потенциалы (ЗВП), Электроретинография (ЭРГ), статическая, динамическая периметрия, оптическая когерентная томография позволяют оценить электрофизиологическое, функциональное и морфометрическое состояние зрительного нерва [7]. Вопрос отражения последствий нейроинфекционного процесса (серозного менингита) на состояние зрительного нерва и побудил нас к проведению настоящего исследования.

Цель исследования. Оценить клиническую значимость электрофизиологического, функционального и морфометрического исследования зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции.

Материалы и методы. Обследован 41 пациент из них 31 больной серозными менингитами среднетяжелого течения в возрасте от 18 до 60 лет, пролеченных в ГБУ РО «КБ им. Н.А. Семашко» (главный врач Сорокина Л.Ю.) в 2015 -2017 гг. Средний возраст больных 31±12,4 лет. Этиология была представлена герпетической (1), энтеровирусной (7) и неуточненной (23).

Традиционное офтальмологическое обследование больным (n=31) проводилось дважды: в острый период и в период реконвалесценции с 1 по 110 день с момента выписки из стационара. Офтальмологическое обследование больных включало определение остроты зрения в стандартных условиях освещенности с использованием аппарата Рота, таблиц Сивцева-Головина без коррекции и с коррекцией по общепризнанной методике в период реконвалесценции. Прямая и обратная офтальмоскопия с помощью прямого офтальмоскопа в условиях медикаментозного мидриаза.

Оценка состояния поля зрения проводилась с помощью компьютерной статической и кинетической периметрии (ОСГОРUS, Швейцария) у больных серозными менингитами (n=10) в период реконвалесценции и учитывались следующие показатели: средняя светочувствительность сетчатки (MS) в децибелах (dB) в целом и по секторам, среднее отклонение или средний дефект (MD) – общая разница между нормальной светочувствительностью (с учетом возраста) и светочувствительностью сетчатки у данного пациента в dB, квадратный корень от депрессии потерь (вариативности дефектов, sLV), являющихся мерой отличия поля зрения пациента от нормативного возрастного поля зрения с учетом возможного разброса показателей видимости метки от рефракции, прозрачности сред, возраста и других факторов и отражающей выраженность очаговых периметрических поражений.

Морфометрическое исследование диска зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции (n=10) осуществлялось с помощью оптического когерентного томографа (OCT Stratus, Германия), оценивались следующие показатели:

1. Vert. Integrated Rim Area (Vol.) – интегральный объем нейроретинального пояса (мм³);
2. Horiz. Intergated Rim Width (Area) – интегральная площадь нейроретинального пояса (мм²);
3. Disc Area – площадь диска зрительного нерва (мм²);
4. Cup Area – площадь экскавации (мм²);
5. Rim Area – площадь нейроретинального пояса (мм²);
6. Cup/Disc Area Ratio – соотношение площади диска зрительного нерва к площади экскавации (доля от диаметра диска зрительного нерва выражается десятичной дробью, в норме не превышает 0,46, с возрастом с 30 до 70 лет увеличивается на 0,1);
7. Cup/Disc Horiz. Ratio – соотношение горизонтального диаметра экскавации к диаметру диска зрительного нерва;
8. Cup/Disc Vert. Ratio – соотношение вертикального диаметра экскавации к диаметру диска зрительного нерва.
9. Заключение врача по результатам обследования.

Оценка электрофизиологического состояния проводилась с помощью ЭРГ и ЗВП с использова-

нием компьютерного диагностического комплекса Нейрософт (Иваново, РФ) Учитывались параметры амплитуды и латентности α - и β - волн электро-ретинограммы. А также параметры зрительных вызванных потенциалов на реверсивный шахматный паттерн с оценкой латентности N75 (проекция генерации конвексительной области – 17-е поле по Бродману), P100 (генерация в коре стриатума – 17–18 поле) и N145 (генерация проекции области зрительного анализатора, поля 18 и 19), и оценкой амплитуды N75-P100 и P100-N145. ЭРГ и ЗВП на реверсивный шахматный паттерн проводилось 11 больным серозными менингитами в наблюдаемый катамнестический период.

Сравнение проводили с контрольной группой пациентов без нейроинфекционной и офтальмологической патологии (n=10), средний возраст 24±2,6 года.

Результаты и их обсуждение. Анализ остроты зрения у больных серозными менингитами в период реконвалесценции выявил в среднем остроту зрения 0,94. В контрольной группе средняя острота зрения равна 1.

Анализ офтальмоскопии глазного дна у больных серозными менингитами в острый период выявил признаки застойных явлений на глазном дне у 13% пациентов (4) и явления ангиопатии сетчатки у 10% (1) пациентов. Офтальмоскопия глазного дна в период реконвалесценции выявила признаки застойных явлений на глазном дне у 19,4% (6) пациентов и явления ангиопатии сетчатки у того же пациента, что и в остром периоде (рисунок 1).

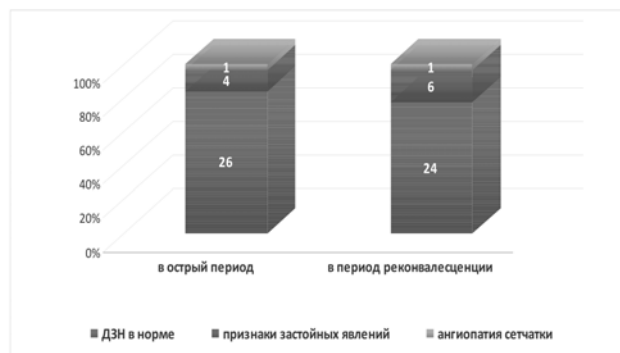

Рис. 1. Динамика изменений глазного дна (прямая и обратная офтальмоскопия) у больных серозными менингитами (n=31) в острый период и период реконвалесценции

Анализ показателей периметрии у больных серозными менингитами в период реконвалесценции, в сравнении с контрольной группой, выявил снижение средней светочувствительности сетчатки (MS) у 80% (8) больных (коэффициент Стьюдента $p \leq 0,05$) и увеличение среднего отклонения (MD) у 70% (7) больных (коэффициент Стьюдента $p \leq 0,05$) по сравнению с контрольной группой (рисунок 2).

Анализ динамики изменений показателей периметрии у больных серозными менингитами в зависимости от времени обследования пациентов (с 1-го по 110 дни с момента выписки из стационара) выявил прямую корреляционную зависимость восстановления показателя средней светочув-

ствительности от длительности восстановительного периода (коэффициент Спирмена $p \leq 0,01$).

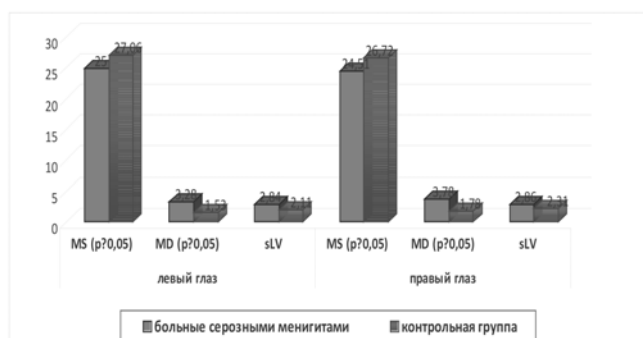

Рис. 2. Динамика показателей периметрии у больных серозными менингитами в период реконвалесценции

Анализ морфометрических показателей выявил у больных серозными менингитами в период реконвалесценции достоверное уменьшение площади нейроретинального пояса (Rim Area) на обоих глазах ($p \leq 0,05$), увеличение соотношения площади диска зрительного нерва к площади экскавации (Cup/Disk Area Ratio) (с правого глаза $p \leq 0,05$), увеличение соотношения вертикального диаметра экскавации к диаметру диска зрительного нерва (Cup/Disk Vert. Ratio) (с правого глаза $p \leq 0,05$) и увеличение площади диска зрительного нерва (Disk Area) (с левого глаза $p \leq 0,05$) (рисунок 3).

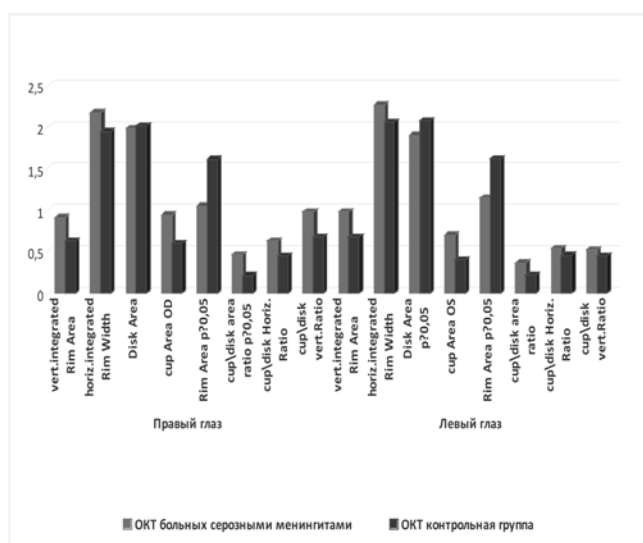

Рис. 3. Распределения средних морфометрических показателей оптической когерентной томографии у больных серозными менингитами в сравнении с группой контроля

Анализ корреляционной зависимости показателей ОКТ у больных серозными менингитами от остроты зрения пациентов, и времени обследования (с 1 по 110 день с момента выписки из стационара) достоверной корреляционной зависимости не выявил (у пациентов диагностировано уплощение экскавации зрительного нерва с 1 по 110 день с момента выписки из стационара) (таблица 1).

Анализ связи показателей ОКТ в период реконвалесценции с осмотром глазного дна в острый

период у больных серозными менингитами (застойные явления глазного дна в острый период диагностированы у 4 больных (40%)) выявил прямую корреляционную зависимость (критерий Спирмена $p \leq 0,05$). Анализ связи показателей ОКТ в период реконвалесценции с осмотром глазного дна в период реконвалесценции у больных серозными менингитами корреляционной зависимости не выявил (ни у одного больного в момент обследования в период реконвалесценции застойных явлений на глазном дне не выявлено).

Таблица 1

Динамика диагностированной уплощенной экскавации зрительного нерва у больных серозными менингитами от длительности восстановительного периода

Время проведения обследования с момента выписки из стационара (дни)	Количество больных с диагностируемой уплощенной экскавацией зрительного нерва (n=9)
1	3 (33%)
15	1 (11%)
30	2 (22%)
110	3 (33%)

Анализ параметров зрительных вызванных потенциалов выявил снижение амплитуды P100-N145 (генерация в коре стриатума и поля 18 и 19) у больных серозными менингитами по сравнению с контрольной группой. Показатели латентности ЗВП у больных серозными менингитами от контрольной группы не отличались. Выявлена зависимость нормализации параметров ЗВП у больных серозными менингитами от времени периода реконвалесценции (с момента выписки из стационара). Зависимости изменения параметров ЗВП у больных серозными менингитами от обнаружения уплощения экскавации зрительного нерва на ОКТ не выявлено. Выявлена зависимость параметров амплитуды N75 у больных серозными менингитами от застойных явлений на глазном дне в острый период болезни (коэффициент Спирмена 0,54 $p < 0,01$) и параметров латентности P100 от застойных явлений на глазном дне в период реконвалесценции (коэффициент Спирмена 0,3 $p < 0,05$).

Анализ параметров электроретинографии у больных серозными менингитами в период реконвалесценции выявил значительное увеличение (коэффициент Стьюдента $p \leq 0,01$) латентного периода α - и β - волн и снижение амплитуды β -волны (коэффициент Стьюдента $p \leq 0,01$) по сравнению с группой контроля. Обнаружена связь параметров латентности β -волн у больных серозными менингитами с застойными явлениями глазного дна в острый период (коэффициент Спирмена 0,42 $p \leq 0,05$) и латентности α - и β - волн с застойными явлениями глазного дна в период реконвалесценции. Однако корреляционной связи с изменениями морфометрических параметров (ОКТ) зрительного нерва при изучении параметров ЗВП и ЭРГ не обнаружено.

Таким образом, анализ традиционного офтальмологического исследования больных серозными менингитами в период реконвалесценции выявил запаздывание застойных явлений на глазном дне

(в катamnестический период наблюдения диагностировались чаще 19,4% (6) по сравнению с изменениями на глазном дне в остром периоде 13% (4)).

Анализ периметрических показателей выявил достоверное снижение светочувствительности у 80 % (8) больных серозными менингитами в период реконвалесценции по сравнению с контрольной группой.

Анализ показателей ОКТ у больных серозными менингитами выявил значительные изменения у 90% (9) пациентов, не зависящих от остроты зрения и длительности наблюдаемого катamnестического периода (110 дней с момента выписки из стационара). Выявленная прямая корреляционная связь уплощения экскавации зрительного нерва с диагностированными застойными явлениями глазного дна в остром периоде у больных серозными менингитами может указывать на патогенез изменений зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции и требует дальнейшего изучения этого вопроса.

Анализ параметров зрительных потенциалов (генерация в коре стриатума и поля 18 и 19) и электроретинографии (потенциалы с сетчатки) у больных серозными менингитами выявил ухудшение зрительной афферентации по сравнению с контрольной группой. Улучшение параметров ЗВП, ЭРГ и периметрии в динамике инфекционного процесса указывают на то, что возникающие нарушения (электрофизиологические и функциональные) носят преходящий характер и, вероятно обусловлены отеком головного мозга [2].

Выводы. 1. Современные методы электрофизиологического, функционального и морфометрического исследования зрительного нерва являются чувствительными объективными методами диагностики поражения зрительных путей у больных серозными менингитами в период реконвалесценции. 2. Необходимо пристальное наблюдение за состоянием зрительного нерва у больных серозными менингитами в период реконвалесценции даже при отсутствии субъективных жалоб на нарушение зрения с целью ранней диагностики последствий острого процесса и своевременной медикаментозной коррекции.

Литература

1. Скрипченко Н.В., Лобзин Ю.В., Иванова Г.П., Команцев В.Н., Алексеева Л.А., Иванова М.В., Вильниц А.А., Горелик Е.Ю., Скрипченко Е.Ю. Нейроинфекции у детей. Детские инфекции. 2014;13(1):8-18. DOI:10.22627/2072-8107-2014-13-1-8-18
2. Команцев В.Н., Скрипченко Н.В., Войтенков В.Б., Савина М.В., Иванова Г.П. Вызванные потенциалы головного мозга при нейроинфекциях у детей // Журнал инфектологии. 2013; Т5 № 2: 55-62
3. Гладкий П. А., Сергеева И. Г., Тулупов А. А., Инфекционные поражения головного мозга: Учебное пособие – Новосибирск, 2015
4. Савко В.В., Наричина Н.И., Коновалова Н.В., Новик А.Я., Михайличенко Л.А. Клиническая оцен-

ка изменений глазного дна при застойном диске зрительного нерва. Офтальмологический журнал. 2010;№2:80-83

5. Алексеев В.Н. Офтальмология/Алексеев В.Н., Егоров Е.А., Астахов Ю.С., Ставицкая Т.В.//Издательство: Гэотар - Медиа, 2010. – 242

6. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Сравнительные результаты лечения гемангиомы кожи методом криодеструкции и диатермокоагуляции // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2016. Т. 10. № 3. С. 194-199.

7. Котова Т.Г., Гурин А.В. Новейшие исследования в области криохирургии новообразований лёгких // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2015. № 12. С. 145-147.

Electrophysiological, functional and morphometric status of the visual nerve in patients with serous meningitis in the period of convalescence

Khasanova L.A., Barenina O.I., Chernobavskaya M.N., Kolesnikov A.V., Martynov V.A.

The Ryazan state medical university of a name of the academician I.P. Pavlov

Purpose of the study. To evaluate the clinical significance of electrophysiological, functional and morphometric examination of the optic nerve in patients with serous meningitis during the convalescence period.

Materials and methods. We examined 41 patients. 31 patients with serous meningitis and 10 patients of the control group. The examinees were assigned a traditional ophthalmological examination, perimetry, optic coherence tomography of the optic nerve, visual evoked potentials and electroretinography.

Results. Stagnant changes in the fundus in the follow-up period in patients with serous meningitis were diagnosed more often 19.4% (6) compared with changes in the fundus in the acute period of 13% (4). The analysis of perimetric indices revealed a significant decrease in photosensitivity in 80% (8) of patients with serous meningitis in the period of convalescence in comparison with the control group. According to optical coherence tomography in patients with serous meningitis, significant changes were detected in 90% (9) patients. According to visual evoked potentials and electroretinography in patients with serous meningitis, visual afferentation deteriorated.

Conclusions. It is necessary to closely monitor the condition of the optic nerve in patients with serous meningitis in the period of convalescence, even in the absence of subjective complaints of visual impairment with the purpose of early diagnosis of the consequences of acute process and timely medication correction.

Keywords. Serous meningitis, optic nerve damage.

References

1. Skripchenko N.V., Lobzin Yu.V., Ivanova G.P., Komantsev V.N., Alekseeva L.A., Ivanova M.V., Vilnits A.A., Gorelik E.Yu., Skripchenko E.Yu. Neuroinfection in children. Children's infections. 2014; 13 (1): 8-18. DOI: 10.22627 / 2072-8107-2014-13-1-8-18
2. Komantsev V.N., Skripchenko N.V., Voitenkov V.B., Savina M.V., Ivanova G.P. Evoked potentials of the brain in children with neuroinfections // Journal of Infectology. 2013; T5 No. 2: 55-62
3. Smooth P. A., Sergeeva I. G., Tulupov A. A., Infectious brain lesions: Textbook - Novosibirsk, 2015
4. Savko V.V., Naritsina N.I., Konovalova N.V., Novik A.Ya., Mikhailichenko L.A. Clinical evaluation of fundus changes in congestive optic disc. Ophthalmological Journal. 2010; No.2: 80-83
5. Alekseev V.N. Ophthalmology / Alekseev V.N., Egorov E.A., Astakhov Yu.S., Stavitskaya T.V.// Publisher: Geotar Media, 2010. - 242
6. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Comparative results of treatment of skin hemangiomas by cryodestruction and diathermocoagulation // Bulletin of new medical technologies. Electronic edition. 2016.V. 10. No. 3. S. 194-199.
7. Kotova T.G., Gurin A.V. The latest research in the field of cryosurgery of lung neoplasms // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and technical sciences. 2015. No. 12. P. 145-147.

Хроническая обструктивная болезнь легких и тест 6-минутной ходьбы

Абросимов Владимир Николаевич,

д.м.н., профессор, заведующий кафедрой терапии и семейной медицины ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, abrosimov_v@mail.ru

Агеева Кира Александровна,

ассистент кафедры инфекционных болезней с курсом инфектологии ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, inf-disease@mail.ru

Перегудова Наталия Николаевна,

ассистент кафедры терапии и семейной медицины ФДПО, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, docsperegudova@yandex.ru

Филатова Татьяна Евгеньевна,

к.м.н., ассистент кафедры внутренних болезней и поликлинической терапии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, tef1972@rambler.ru

Тест 6-минутной ходьбы (6MWT) является ключевым в функциональной диагностике ХОБЛ и используется для определения толерантности к физической нагрузке. У больных ХОБЛ важным является анализ реакции дыхательной системы на физическую нагрузку. В статье приведен анализ исследований с использованием 6MWT у здоровых обследуемых и пациентов с ХОБЛ. Применение дополнительных методов, в частности капнографии, может быть использовано как метод объективной оценки реакции дыхательной системы на физическую нагрузку. Ключевые слова: тест 6-минутной ходьбы (6MWT), ХОБЛ, капнография.

Своевременная диагностика и адекватное лечение хронической обструктивной болезни легких (ХОБЛ) имеет важное медико-социальное значение в связи с большой распространенностью заболевания, тяжестью клинических проявлений и частотой развития выраженного бронхообструктивного синдрома, прогрессирующей дыхательной недостаточности и хронического легочного сердца, являющихся основными причинами снижения качества жизни, утраты трудоспособности и преждевременной смерти больных ХОБЛ [1]. В настоящее время ХОБЛ занимает одно из ведущих мест среди всех причин смерти в промышленно развитых странах [1].

ХОБЛ вызвана воспалением дыхательных путей (повышением сопротивляемости дыхательных путей) и разрушением альвеол (уменьшение упругой отдачи), что приводит к «захвату» воздуха (GOLD, 2013) [1], в связи с чем одышка является наиболее частым симптомом ХОБЛ. Кроме того, воспаление при ХОБЛ проявляется не только в дыхательной системе, но и в системе кровообращения, так называемые «системные эффекты ХОБЛ», такие как атрофия скелета, дисфункция и сердечно-сосудистые заболевания. Возникновение одышки и системные эффекты ХОБЛ приводят к ограничению активности и физических нагрузок при прогрессирующей болезни.

Универсальным средством оценки уровня физической работоспособности и определения механизмов нарушений толерантности к физической нагрузке являются кардиопульмональные тесты с физической нагрузкой (cardiopulmonary exercise testing — CPET), считающиеся золотым стандартом для изучения уровня ограничения упражнений и его причин. CPET обеспечивает всестороннюю оценку интегративных ответов, связанных с легочной, сердечно-сосудистой, гемопозитической, нейропсихологической и скелетной системами.

CPET — высокоинформативные методы. Они позволяют не только объективно оценить степень нарушений толерантности к физической нагрузке и определить основные механизмы этих расстройств, но и оказать существенную помощь в установлении диагноза ряда заболеваний и патологических состояний, таких как астма физического усилия, ишемия сердца; в оценке одышки неясного генеза; в дифференциальной диагностике между одышкой сердечного и легочного генеза; при подозрениях на скрытую кардиальную патологию, окклюзию легочных сосудов; в оценке риска предстоящих оперативных вмешательств; в экс-

пертизе утраты трудоспособности [2]. Вместе с тем СРЕТ требуют значительного количества дорогостоящего оборудования и квалифицированного персонала, они достаточно сложны в исполнении и по этим причинам не нашли широкого применения в практике [3,4,5]. В связи с чем в последние годы активное развитие получила разработка более простых, не требующих сложного оборудования функциональных тестов с ходьбой (Functional Walk Tests — FWT), которые позволяют оценить уровень повседневной активности больных, поскольку предусматривают использование нагрузки на субмаксимальном уровне [3,4,5]. При этом оценивается именно тот вид нагрузки, который используется в повседневной жизни больных, то есть ходьба [5].

Впервые тест с ходьбой в 1963 году провел Balke для оценки физической формы обследуемых. Соорег использовал 12-минутный шаговый тест у здоровых военнослужащих военно-воздушных сил, чтобы продемонстрировать сильную корреляцию между максимальным потреблением кислорода и максимальными упражнениями. McGuffin использовал тест с ходьбой для оценки инвалидности у пациентов с ХОБЛ. 6-минутный шаговый тест был введен в качестве функционального теста физических упражнений Lipkin в 1986 году, результаты которого коррелировали с 12-минутным шаговым тестом и велоэргометрией. [7].

Существуют различные виды тестов с ходьбой:

- Тесты с фиксированным временем исследования — проба с 2-минутной ходьбой (2-min walk test — 2MWT), 5-минутной (5MWT), 6-минутной (6MWT), 9-минутной (9MWT) и 12-минутной (12MWT) [8,9,10].

- Тесты с фиксированной дистанцией — 100 м, 1 миля, 2 км [11,12,13,14].

- Тесты, основанные на оценке скорости ходьбы в ответ на стандартные инструкции: "идите в нормальном темпе", "не быстро и не медленно", "несколько быстрее, но без излишнего напряжения" (self-paced walk test — SPWT) [15].

- Тесты с заданной скоростью ходьбы — шаттл-тест с возрастающим темпом ходьбы (incremental shuttle walk test — SWT) [16].

Наибольшее распространение у больных заболеваниями легких получили тест с 6-минутной ходьбой [2,10,11,18,19] и шаттл-тест с возрастающей скоростью ходьбы [3,4,5,8,9,10,15,16].

В 2002 году ATS [17] изложили руководящие принципы (протокол) для 6MWT, где был проанализирован физиологический ответ на физические нагрузки.

6MWT проводится в соответствии со стандартным протоколом, согласно которому пациенты должны быть проинструктированы о целях теста, им предлагается ходить по измеренному коридору в своем собственном темпе, стараясь пройти максимальное расстояние в течение 6 мин.

У пациентов с долговременной кислородной терапией 6MWT можно проводить с переносным кислородом.

6MWT должен выполняться специалистом, сертифицированным в сердечно-легочной реанимации на базовом уровне жизнеобеспечения, хотя желательно провести расширенную сертификацию поддержки сердечной жизни. Пациентам разрешается останавливаться и отдыхать во время теста, однако они должны возобновлять ходьбу, когда они сочтут это возможным. Во время ходьбы разрешается подбадривать пациентов фразами: "Все идет хорошо", "Продолжайте в том же темпе".

Пациенты должны прекратить ходьбу при возникновении следующих симптомов: очень тяжелая одышка, боль в грудной клетке, головокружение, боль в ногах, а также при снижении SaO₂ до 80–86%, признаки сильного стресса, путаницы, головокружения, потоотделения, тяжелой усталости.

Во время проведения теста оцениваются следующие параметры (до начала выполнения ТШХ в течение 5 мин, во время физических нагрузок в течение 6 мин и в фазу восстановления в течение 10 мин):

- Частота сердечных сокращений

- Электрокардиограмма

- Частота дыхания

- Артериальное давление (включая систолическое артериальное давление, диастолическое артериальное давление, среднее артериальное давление)

- Периферическое насыщение кислородом (SpO₂)

- одышка по шкале Borg [20]

- Количество шагов 6-минутного теста ходьбы

- Расстояние, пройденное за 6 минут ходьбы

Дистанция, пройденная в течение 6 мин (6MWD), измеряется в метрах и сравнивается с должным показателем 6MWD (и).

6MWD (и) вычисляется по нижеприведенным формулам, которые учитывают возраст в годах, массу тела в кг, рост в см, индекс массы тела (ИМТ — отношение массы тела в кг к квадрату роста в м).

Для мужчин

$$6MWD (и) = 7,57 * \text{рост} - 5,02 * \text{возраст} - 1,76 * \text{масса} - 309 \text{ или}$$

$$6MWD (и) = 1140 - 5,61 * \text{ИМТ} - 6,94 * \text{возраст.}$$

Для женщин

$$6MWD (и) = 2,11 * \text{рост} - 2,29 * \text{масса} - 5,78 * \text{возраст} + 667 \text{ или}$$

$$6MWD (и) = 1017 - 6,24 * \text{BMI} - 5,83 * \text{возраст.}$$

Нижняя граница нормы = 6MWD (и) — 139 м.

Показания:

- ответ на медицинские вмешательства у пациентов с тяжелыми сердечно-легочными заболеваниями.

- однократное измерение функционального статуса в качестве критерия легочной привязанности и инвалидности.

- измерение функционального статуса до и после хирургического вмешательства.

- показатели сердечно-легочной заболеваемости и смертности.

Противопоказания

Инфаркт миокарда в предыдущем месяце, нестабильная стенокардия, частота сердечных со-

кращений > 120/мин, систолическое АД > 180 мм рт. ст., Диастолическое АД >100 мм рт. ст., обморок, артрит, скелетные или нервно-мышечные заболевания. Стабильная стенокардия не является абсолютным противопоказанием (после приема антиангинальных препаратов

Преимущества 6MWT

6MWT прост в выполнении, не требует сложного оборудования и может проводиться как в стационарных, так и в амбулаторных условиях. Тест позволяет оценить уровень повседневной активности больных. Результаты 6MWT хорошо коррелируют с показателями качества жизни и могут быть использованы в качестве дополнительных критериев оценки эффективности лечения и реабилитации больных.

Недостатки 6MWT

Результаты проведения 6MWT в значительной мере определяются влиянием субъективных факторов, основным из которых является характер мотивации пациента [14].

Мы провели анализ нескольких исследований, сделанных во всем мире у здоровых взрослых, в которых использовали 6MWD [3,16, 20-33].

В исследовании, опубликованном Enright & Sherril [3], было установлено, что возраст, пол и вес были независимым фактором, связанным с 6MWD. Они провели 6MWT 117 здоровым мужчинам и 173 здоровым женщинам в возрасте от 40 до 80 лет, медианное расстояние - 576 м для мужчины и 494 м для женщин. Данными исследователями была выведена формула подсчета должного 6MWD (см. выше). Средние значения 6MWD, описанные в различных исследованиях [20-33], составляли 613 ± 93 м и 659 ± 62 м для здоровых субъектов европейской и кавказской расы соответственно.

В исследованиях Devasahayam и др. [22] дистанция, пройденная за 6 минут, у 281 здорового взрослого обследуемого составила $480 \pm 62,33$ м, а в исследованиях Sivaranjani SS и др. [23] у 60 здоровых субъектов - $445 \pm 55,64$ м).

Al Ameri [24] изучил 129 пациентов Саудовской Аравии с ХОБЛ, легочной гипертензией, средняя дистанция 6MWT составила 341 ± 70 м.

В исследовании, проведенном Paul Enright & D Sherril [3] дистанция 6MWT (6MWD) у здоровых взрослых мужчин составила в среднем 576 м, а у женщин 494 м. В исследовании, проведенным Devasahayam et al. [22] - среднее 6MWD было 524 м и 425 м у мужчин и женщин, S. Sivaranjani S и др. [23] 6MWD составили $482 + 45,89$ и $408 + 29,86$ м у мужчин и женщин соответственно.

Таким образом, 6MWD может варьировать у здоровых пациентов.

Показания к проведению клинических испытаний с физической нагрузкой у пациентов с ХОБЛ включают:

- оценку физической работоспособности;
- помощь в диагностике причин ограничения упражнений и симптомов;
- оценку факторов, способствующих ограничению физических упражнений;

-назначение программы обучения физической подготовке;

-оценку потребности в конкретной терапии, которая может улучшить эффективность упражнений, например, кислородная терапия во время тренировок;

-оценку реакцию на терапию, например, легочная реабилитация.

Возможными методами оценки физической работоспособности являются полевые испытания (шестиминутные и шаттл-тесты) и кардиопульмональные тесты с физической нагрузкой (СРЕТ).

Как известно, ОФВ1 (FEV1) часто используется для оценки тяжести заболевания; Однако пациенты с ХОБЛ имеют системные проявления, которые не отражаются в FEV1. Исследователями было выявлено несколько факторов, которые прогнозируют плохую выживаемость при ХОБЛ, в том числе низкий FEV1, активное курение, гипоксемия, плохое питание, наличие *cog pulmonale*, тахикардия, более низкая способность к физической нагрузке, тяжелая одышка.

В исследовании, выполненном Casanova C, et al. [21] для 576 пациентов с ХОБЛ с широким спектром обструкции воздушного потока, наблюдаемых в 4 центрах в двух странах, сообщили о значении 6MWD и SpO2 в течение 6MWT, 6MWD был хорошим независимым предиктором всех причин и респираторной смертности, особенно для группы с FEV1<90%.

В исследовании Kadikar [34] было показано, что толерантность к физической нагрузке и кислородная десатурация во время 6MWT является предиктором смертности у пациентов с ХОБЛ. Показатели, полученные во время физической нагрузки, оказались лучшими предикторами прогноза, чем измерения функции легких, полученные в состоянии покоя.

У больных с ХОБЛ имеет место целый ряд объективных факторов, затрудняющих интерпретацию 6MWT. При заболеваниях легких в ограничении толерантности к физической нагрузке имеет значение целый ряд причин — бронхиальная обструкция, нарушения диффузии, эластических свойств легких, вентиляционно-перфузионные расстройства. Все эти факторы влияют на физическую работоспособность по-разному. При этом, больные с различными нозологическими формами по-разному субъективно воспринимают одышку, в связи с чем при интерпретации результатов нагрузочных тестов объединять их в одну группу ошибочно. Наблюдаемые при физической работе изменения дыхания обеспечиваются сложным комплексом механизмов. Однако из-за индивидуально лимитирующих факторов биомеханики дыхания, особенностей человека, не всегда удается при выполнении одной и той же нагрузки полностью объяснить точное соответствие вентиляции легких уровню метаболизма [35,35,37].

Например, у больного ХОБЛ с гипоксемией и гиперкапнией в покое повышается порог чувствительности хеморецепторов синокаротидной зоны к

гипоксическому стимулу и дыхательного центра к CO₂. Кроме того, хроническая гипоксемия обуславливает включение компенсаторных механизмов (например, увеличение содержания гемоглобина), в том числе и на уровне тканевого дыхания. В результате уменьшается значение одышки как лимитирующего фактора при выполнении теста с физической нагрузкой, и больной с гипоксемией и гиперкапнией в покое может показать хорошие результаты 6MWT. Однако это не означает, что результаты теста отражают уровень повседневной активности больного [37]. Просто больной выполнил нагрузку, превышающую по объему субмаксимальный уровень из-за низкого восприятия одышки как лимитирующего фактора. При этом объективные лабораторные показатели (например, PaO₂ и PaCO₂) в результате проведения теста значительно ухудшатся, увеличится степень ацидоза и как следствие — слабость, переутомление на долгие часы.

Известно, что определение парциального давления углекислоты в альвеолярном воздухе является методом оценки соответствия вентиляции и интенсивности газообмена. Уровень PaCO₂ интегрально отражает деятельность системы внешнего дыхания [36,37]. Капнографическое исследование является ведущим в диагностике гипокпапнических нарушений газообмена — основного критерия гипервентиляции. Снижение PaCO₂ — прямое свидетельство альвеолярной гипервентиляции. Решающим для объективного подтверждения гипервентиляции служат низкие значения PaCO₂ в покое или после пробы с произвольной гипервентиляцией [38].

Применение капнографии во время выполнения 6MWT у пациентов с ХОБЛ может быть использована как метод объективной оценки реакции дыхательной системы на физическую нагрузку (динамическая капнография). Это позволит выявить индивидуальные различия реакции дыхания у больных ХОБЛ, часто ассоциированных с более выраженной одышкой.

Заключение

ХОБЛ является актуальным медико-социальным заболеванием, которое не только влияет на качество жизни пациента, но также является бременем для семьи пациента и общества в целом. Улучшения в диагностике и лечении могут помочь свести к минимуму проблемы, однако на первом этапе стоит ранняя диагностика. Несмотря на то, что для этой цели существует множество различных протоколов обследований, все еще существует потребность в простом методе диагностики.

6MWT представляет собой простой, недорогой и эффективный инструмент оценки функциональной способности пациентов с ХОБЛ. Многочисленные исследования продемонстрировали, что 6MWT является безопасным методом оценки функционального статуса обследуемого. Его достоверность и воспроизводимость изучались в нескольких популяциях по всему миру [20-33].

6MWD является полезным маркером для тяжести и прогрессирования заболевания. Основным

недостатком 6MWT является отсутствие конкретизации о причине ограничения выполнения данного теста.

Дополнение 6MWT динамической капнографией у пациентов с ХОБЛ может быть использована как метод объективной оценки реакции дыхательной системы на физическую нагрузку, что позволит выявить индивидуальные различия реакции дыхания у больных ХОБЛ на нагрузку.

Литература

1. Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Disease 2015 update. [Internet]. [cited 2016 Jul 27]. Available from: http://www.goldcopd.it/materiale/2015/GOLD_Report_2015.pdf
2. Weisman I. M., Zeballos R. J. Cardiopulmonary exercise testing // Pulmonary Critical Care Update series. — 1995. — Vol. 11. — P. 1–9.
3. Alison, Anderson (1981) Six-minute walk test and exercise prescription. Phys Ther 61: 1278-1280.
4. Leach (1992) Improvement in the performance of test with training effects and oxygen supplementation. Thorax 47: 781-789.
5. Probst (2005) Standardized encouragement, medications and use of a wheeled walking frame. Chest 126: 1102-1107.
6. Qualitative systematic overview of the measurement properties of functional walk tests in the cardiorespiratory domain / Solway S., Brooks D., Lacasse Yv., Thomas S. // Chest. — 2001. — Vol. 119, No 1. — P. 256–270.
7. Nishant Kumar Chauhan, Parul Sanwaria, Surjit Singh., Naveen Dutt, Lokesh Saini, Sunil Kumar, Ashok Kuwal, Suryakant, Ajay Kumar Verma. Correlation between FEV1 Percentage Predicted and 6 Minute Walk Distance In Patients of Chronic Obstructive Pulmonary Disease. Indian J Physiol Pharmacol 2017; 61(1) : 38–42.
8. Buland R. J., Pang J., Gross E. R. Two — , six, and 12 — minute walking tests in respiratory disease // BMJ. — 1982. — Vol. 284. — P. 1607–1608.
9. Kaddoura S., Patel D., Parameshwar J. Objective assessment of the response to treatment of severe heart failure using a 9 — min walk on a patient — powered treadmill // J. Card. Fail. — 1996. — Vol. 2. — P. 133–139.
10. Knox A. J., Morrison J. F., Muers M. F. Reproducibility of walking test results in chronic obstructive airways disease // Thorax. — 1988. — Vol. 43. — P. 388–392.
11. Donnelly J. E., Jacobsen D. J., Jakicic J. M. Estimation of peak oxygen consumption from a sub — maximal half mile walk in obese females // Int. J. Obes. Relat. Metab. Disord. — 1992. — Vol. 16. — P. 585–589.
12. Laukkanen R., Oja P., Pasanen M. Validity of a two kilometre walking test for estimating maximal aerobic power in overweight adults // Int. J. Obes. — 1992. — Vol. 16. — P. 263–268.
13. Morice A., Smithies T. The 100 m walk: a sample and reproducible exercise test // Br. J. Dis. Chest. — 1984. — Vol. 78. — P. 392–394.

14. Oja P., Laukkanen R., Pasanen M. A 2 — km walking test for assessing cardio-respiratory fitness of healthy adults // *Int. J. Sports Med.* — 1991. — Vol. 12. — P. 356–362.
15. Basse E. J., Fentem P. H., MacDonald I. C. Self — paced Walking as a method for exercise testing in elderly and young men // *Clin. Sci. Mol. Med.* — 1976. — Vol. 51. — P. 609–612.
16. Singh S. The use of field walking test for assessment of functional capacity in patient with chronic airways obstruction // *Physiotherapy.* — 1992. — Vol. 78. — P. 102–104.
17. American Thoracic Society (ATS) Statement guidelines, for the sixminute walk test. *AM.J. Respir. Crit.Med.*2002; 166:111-117.
18. Pulmonary Rehabilitation Toolkit (2006) assessing exercise and standardization of 6 MWT <http://www.pulmonaryrehab.com.au>.
19. Enright PL, Sherrill DL Reference equations for the six-minute walk test in healthy adults, *Am.J. Respir Crit Care Med* 1998; 158: 1384-1387.
20. Borg G. A. V. Psycho — physical bases of perceived exertion // *Med. Sci Sports Exerc.* — 1982. — Vol. 14. — P. 377–381.
20. Basse E. J., Fentem P. H., MacDonald I. C. Self — paced Walking as a method for exercise testing in elderly and young men // *Clin. Sci. Mol. Med.* — 1976. — Vol. 51. — P. 609–612.
21. Casanova C, Celli BR, Barria P, Casas A, Cote C, et al. (2011) The 6-min walk distance in healthy subjects: reference standards from seven countries. *Eur Respir J* 37(1): 150-156.
22. Devasahayam, Christopher J, Naziya Tabasum (2007) 6MWD reference equation in healthy Indians, E-poster P-3526 European respiratory Annual congress 15-19.
23. Sivaranjini S1, Vanamail P, Eason J (2010) Six minute walk test in people with tuberculosis sequelae. *Cardiopulm Phys Ther J* 21(3): 5-10.
24. Hatem FS Al Ameri (2006) 6MWT in respiratory diseases: A university hospital experience. *Annals of Thoracic Medicine* 1(1): 16-19.
25. Bradley J., Howard J., Wallace E. Reliability, Repeatability, and Sensitivity of the Modified Shuttle Test in Adult Cystic Fibrosis // *Chest.* — 2000. — Vol. 117. — P. 1666–1671.
26. Brolin S.E., Cecins N. M., Jenkins S. C. Questioning the use of heart rate and dyspnea in the prescription of exercise in subjects with chronic obstructive pulmonary disease // *J. Cardiopulm. Rehabil.* — 2003. — Vol. 23, No 3. — P. 228–234
27. Buland R. J., Pang J., Gross E. R. Two — , six, and 12 — minute walking tests in respiratory disease // *BMJ.* — 1982. — Vol. 284. — P. 1607–1608.
28. Cahalin L., Pappagianopoulos P., Prevost S. The relationship of the 6 — min walk test to maximal oxygen consumption in transplant patients with end — stage lung disease // *Chest.* — 1995. — Vol. 108. — P. 452–459.
29. Carter R., Holiday D. B., Nwasuruba C. 6 — minute Walk Work for Assessment of Functional Capacity in Patient With COPD // *Chest.* — 2003. — Vol. 123. — P. 1408–1415.
30. Clinical exercise testing with reference to lung diseases: indications, standardization and interpretation strategies / Roca J., Whipp B. J., Agusti A. G. N. et al. // *Eur. Respir. J.* — 1997. — Vol. 10. — P. 2662–2689.
31. Donnelly J. E., Jacobsen D. J., Jakicic J. M. Estimation of peak oxygen consumption from a sub — maximal half mile walk in obese females // *Int. J. Obes. Relat. Metab. Disord.* — 1992. — Vol. 16. — P. 585–589.
28. Dyer C. A. E., Singh S. J., Stockley R. A. The incremental shuttle walking test in elderly people with chronic airflow limitation // *Thorax.* — 2002. — Vol. 57. — P. 34–38.
32. Enright P. L., Sherrill D. L. Reference equations for the six — minute walk in healthy adults // *Am. Respir. Crit. Care Med.* — 1998. — Vol. 158. — P. 1384–1387.
33. Enright P. L. The six — minute walk test // *Respir. Care.* — 2003. — Vol. 48, No 8. — P. 783–785.
33. Gallagher C. Exercise and chronic obstructive pulmonary disease // *Med. Clin. N. Am.* — 1990. — Vol. 74. — P. 619–641.
34. Kadikar A., Maurer J., Kesten S. The six — minute walk test: a guide to assessment for lung transplantation // *J. Heart Lung Transplant.* — 1997. — Vol. 16. — P. 313–319.
35. Канаев Н.Н. Общие вопросы методики исследования и критерии оценки показателей дыхания // *Руководство по клинической физиологии дыхания* / Под ред. Л.Л.Шика, Н.Н.Канаева.-Л.: Медицина, 1980.-С.21-36.
36. Тетенов Ф.Ф. Биомеханика дыхания / Ф.Ф. Тетенов. — Томск, 1981. - 309с.
37. Тетенов Ф.Ф. Особенности механики дыхания при различных формах патологии бронхолегочной системы. Обоснование гипотезы о механической активности лёгких: автореф. дис. д-ра мед. наук / Ф.Ф. Тетенов.- М., 1976. — 50с.
38. Абросимов В.Н. «Порочные круги» одышки и ХОБЛ / В.Н. Абросимов // *Одышка и ассоциированные синдромы: сб. науч. тр. / под ред. проф. В.Н. Абросимова. - Рязань, 2005. - С. 7-15.*
39. Котова Т.Г., Гурин А.В. Новейшие исследования в области криохирургии новообразований лёгких // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки.* 2015. № 12. С. 145-147.
40. Котова Т.Г., Цыбусов С.Н. Улучшение результатов лечения рака легкого путем оптимизации метода криодеструкции // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки.* 2016. № 5. С. 79-81.
41. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Расчет эффективного времени замораживания при криохирургии рака легкого // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки.* 2016. № 4. С. 77-80.
42. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Сравнительные результаты лечения гемангиом кожи методом криодеструкции и диа-

термокоагуляции // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2016. Т. 10. № 3. С. 194-199.

Chronic obstructive pulmonary disease and the 6-minute walk test

Ageeva K.A., Peregodova N. N., Abrosimov V.N., Filatova T.E.

Ryazan State Medical University

The 6-minute walk test (6MWT) is the key to the functional diagnosis of COPD and is used to determine exercise tolerance. It is important for patients with COPD to analyze the response of the respiratory system to physical activity. The article analyzes the studies using 6MWT in healthy subjects and patients with COPD. The use of additional methods, in particular capnography, can be used as a method of objective evaluation of the response of the respiratory system to physical activity.

Key words: 6-minute walk test (6MWT), COPD, capnography.

References

1. Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Disease 2015 update. [Internet]. [Cited 2016 Jul 27]. Available from: http://www.goldcopd.it/materiale/2015/GOLD_Report_2015.pdf
2. Weisman I. M., Zeballos R. J. Cardiopulmonary exercise testing // *Pulmonary Critical Care Update series*. - 1995. - Vol. 11. - P. 1-9.
3. Alison, Anderson (1981) Six-minute walk test and exercise prescription. *Phys Ther* 61: 1278-1280.
4. Leach (1992) Improvement in the performance of the test with training effects and oxygen supplementation. *Thorax* 47: 781-789.
5. Probst (2005) Standardized encouragement, medications and use of a wheeled walking frame. *Chest* 126: 1102-1107.
6. Qualitative systematic tests in the cardiorespiratory domain / Solway S., Brooks D., Lacasse Yv., Thomas S. // *Chest*. - 2001. - Vol. 119, No. 1. - P. 256-270.
7. Nishant Kumar Chauhan, Parul Sanwaria, Surjit Singh., Naveen Dutt, Lokesh Saini, Sunil Kumar, Ashok Kuwal, Suryakant, Ajay Kumar Verma. Correlation between FEV1 Percentage Predicted and 6 Minute Walk Distance In Patients of Chronic Obstructive Pulmonary Disease. *Indian J Physiol Pharmacol* 2017; 61 (1): 38-42.
8. Buland R. J., Pang J., Gross E. R. Two -, six, and 12 - minute walking tests in respiratory disease // *BMJ*. - 1982. - Vol. 284. - P. 1607-1608.
9. Kaddoura S., Patel D., Parameshwar J. Using a 9-min walk on a patient-powered treadmill, *J. Card. Fail.* - 1996. - Vol. 2. - P. 133-139.
10. Knox A. J., Morrison J. F., Muers M. F. Reproducibility of walking test results in chronic obstructive airways disease // *Thorax*. - 1988. - Vol. 43.-P. 388-392.
11. Donnelly, J. E., Jacobsen, D. J., Jakicic, J. M. Estimation of the peak oxygen consumption from a sub-maximal half mile walk in obese females, *Int. J. Obes. Relat. Metab. Disord.* - 1992. - Vol. 16.-P. 585-589.
12. Laukkanen R., Oja P., Pasanen M. Validity of a two kilometer walk test for estimating maximal aerobic power in overweight adults // *Int. J. Obes.* - 1992. - Vol. 16. - P. 263-268.
13. Morice A., Smithies T. The 100 m walk: a simple and reproducible exercise test // *Br. J. Dis. Chest.* - 1984. - Vol. 78.-P. 392- 394.
14. Oja P., Laukkanen R., Pasanen M. A 2 - km walking test for assessing cardio "Intensive J. Sports Med. -- 1991. - Vol. 12. - P. 356- 362.
15. Bassey, E. J., Fentem P.H., MacDonald I. C. Self-paced. Walking as a method for the exercise of testing in elderly and young men. *Clin. Sci. Mol. Med.* - 1976. - Vol. 51.-P. 609-612.
16. Singh S. The use of field walking test for assessment of the functional capacity in the patient with chronic airways obstruction // *Physiotherapy*. - 1992. - Vol. 78.-P. 102-104.
17. American Thoracic Society (ATS) Statement of guidelines, for the sixminute walk test. *AM.J. Respir. Crit.Med.*2002; 166: 111-117.
18. Pulmonary Rehabilitation Toolkit (2006) assessing exercise and standardization of 6 MWT <http://www.pulmonaryrehab.com.au>.
19. Enright PL, Sherill DL Reference for the six-minute walk test in healthy adults, *Am.J. Respir Crit Care Med* 1998; 158: 1384-1387.
20. Borg, G. A. V. Psycho-physical bases of perceived exertion, *Med. Sci Sports Exerc.* - 1982. - Vol. 14. P. 377-381.
20. Bassey, E. J., Fentem P.H., MacDonald I. C. Self-paced. Walking as a method for exercise in elderly and young men, *Clin. Sci. Mol. Med.* - 1976. - Vol. 51.-P. 609-612.
21. Casanova C, Celli BR, Barria P, Casas A, Cote C, et al. (2011) The 6-min walk in healthy subjects: reference standards from seven countries. *Eur Respir J* 37 (1): 150-156.

22. Devasahayam, Christopher J, Naziya Tabassum (2007) 6MWD reference equation in healthy Indians, E-poster P-3526 European respiratory Annual congress 15-19.
23. Sivaranjini S1, Vanamail P, Eason J (2010) Six minute walk, test in people with tuberculosis sequelae. *Cardiopulm Phys Ther J* 21 (3): 5-10.
24. Hatem FS Al Ameri (2006) 6MWT in respiratory diseases: A university hospital experience. *Annals of Thoracic Medicine* 1 (1): 16-19.
25. Bradley J., Howard J., Wallace E. Reliability, Repeatability, and Sensitivity of the Modified Shuttle Test in Adult Cystic Fibrosis // *Chest*. - 2000. - Vol. 117.-P. 1666-1671.
26. Brolin, S.E., Cecins, N.M., Jenkins, S.C., "Questioning the use of heart rate and dyspnea in the prescription of exercise in subjects with chronic obstructive pulmonary disease." *J. Cardiopulm. Rehabil.* - 2003. - Vol. 23, No. 3. - P. 228-234
27. Buland R. J., Pang J., Gross E. R. Two -, six, and 12 - minute walking tests in respiratory disease // *BMJ*. - 1982. - Vol. 284. - P. 1607-1608.
28. Cahalin L., Pappagianopoulos P., Prevost S. The relationship of the 6-minute walk test to maximal oxygen consumption in transplant patients with end-stage lung disease // *Chest*. - 1995. - Vol. 108.-P. 452-459.
29. Carter R., Holiday D. B., Nwasuruba C. 6-minute Walk Work for Assessment of Functional Capacity in Patient With COPD // *Chest*. - 2003. - Vol. 123.-P. 1408-1415.
30. Clinical exercise testing with reference to lung diseases: indications, standardization and interpretation strategies / Roca J., Whipp BJ, Agusti AGN et al., *Eur. Respir J.* - 1997. - Vol. 10. - P 2662-2689.
31. Donnelly, J. E., Jacobsen, D. J., Jakicic, J. M. Estimation of the Maximum Oxygen Consumption from a sub-maximal half mile walk in obese females, *Int. J. Obes. Relat. Metab. Disord.* - 1992. - Vol. 16.-P. 585-589.
28. Dyer, C. A. E., Singh, S. J., Stockley, R., The incremental shuttle walk, *Thorax*. - 2002. - Vol. 57. - P. 34-38.
32. Enright P. L., Sherrill, D.L., Reference equations for the six-minute walk in heal of adults, *Am. Respir. Crit. Care Med.* - 1998. - Vol. 158.-P. 1384-1387.
33. Enright P. L. The six-minute walk test // *Respir. Care*. - 2003. - Vol. 48, No. 8. - P. 783-785.
33. Gallagher C. Exercise and chronic obstructive pulmonary disease // *Med. Clin. N. Am.* - 1990. - Vol. 74.-P. 619-641.
34. Kadikar A., Maurer J., Kesten S. The six-minute walk test: a guide to assessment for lung transplantation. *J. Heart Lung Transplant.* - 1997. - Vol. 16. - P. 313-319.
35. Kanaev NN General questions of the research methodology and criteria for assessing respiration rates // *Guide to clinical respiratory physiology*, Ed. LL Shika, NN Kanaeva.-L. : Medicine, 1980.-P.21-36.
36. Tetenev F.F. Biomechanics of respiration / F.F. Tetenev. - Tomsk, 1981. - 309s.
37. Tetenev F.F. Features of breathing mechanics for various forms of pathology of the bronchopulmonary system. Justification of the hypothesis of mechanical activity of the lungs: author's abstract. *Dis. Dr. med. Sciences / F.F. Tetenev, M., 1976. 50c.*
38. Abrosimov V.N. "Vicious Circles" of dyspnea and COPD / VN Abrosimov // *Dyspnea and Associated Syndromes: Sat. Sci. Tr. / Ed. Prof. V.N. Abrosimova. - Ryazan, 2005. - P. 7-15.*
39. Kotova T.G., Gurin A.V. The latest research in the field of cryosurgery of lung tumors // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2015. No. 12. P. 145-147.*
40. Kotova T.G., Tsybusov S.N. Improving the results of lung cancer treatment by optimizing the cryodestruction method // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2016. No. 5. P. 79-81.*
41. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Calculation of the effective freezing time for cryosurgery of lung cancer // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2016. No. 4. P. 77-80.*
42. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Comparative results of treatment of skin hemangiomas with cryodestruction and diathermocoagulation // *Bulletin of new medical technologies. Electronic edition. 2016.V. 10. No. 3. S. 194-199.*

Анализ номенклатуры фармацевтических субстанций, включенных в государственный реестр лекарственных средств для медицинского применения

Катаев Давид Олегович

аспирант, РНИМУ им. Пирогова кафедра фармации фармацевтический факультет, d.k.015@yandex.ru

Статья посвящена анализу номенклатуры фармацевтических субстанций разрешенных к обращению на территории РФ. Проведен анализ Государственного реестра лекарственных средств, изучена динамика включения фармацевтических в ГРЛС, за период с 2008 по 2017 гг. Выявлены факторы макросреды, оказавшие наибольшее влияние, на динамику включения фармацевтических субстанций в ГРЛС.

Ключевые слова: фармацевтические субстанции; государственный реестр лекарств средств; предприятия по производству фармацевтических субстанций; АТХ – классификация.

Введение

Фармацевтическая субстанция (ФС) - лекарственное средство в виде одного или нескольких обладающих фармакологической активностью действующих веществ вне зависимости от природы происхождения, которое предназначено для производства, изготовления лекарственных препаратов и определяет их эффективность [1].

Производство фармацевтических субстанций является одним из важнейших направлений фармацевтической промышленности. Количество и качество ФС, производимых в стране, определяют инновационный уровень фармацевтической промышленности и степень независимости лекарственного обеспечения.

Вместе с тем именно это направление фармацевтической индустрии пережило наиболее глубокий кризис в последние два десятилетия и является наиболее слабым звеном в российском производстве лекарственных средств (ЛС) [2].

До распада СССР организационная структура и уровень производств советской химической промышленности, позволяли в целом обеспечивать потребность отечественных производителей лекарственных препаратов (ЛП) в ФС. Отечественная промышленность практически полностью обеспечивала ФС не только свои заводы по выпуску готовых ЛП, но и производила ФС на экспорт [2]. Однако сам ассортимент ЛП советского производства был не достаточно широким и, во многом, устаревшим. Высокоэффективные импортные ЛП находились в дефиците на отечественном фармацевтическом рынке и для большинства граждан были недоступны.

Распад Советского Союза в 1990-1991 гг. нарушил сложившиеся внутренние экономические и индустриальные связи фармацевтической отрасли. Химические предприятия, производившие ФС, остались в бывших республиках СССР, не имеющих производств ЛП, и наоборот. Тяжелое экономическое положение республик, начавших самостоятельное и независимое существование, создало предпосылки поиска новых форм сотрудничества с другими государствами. Производство ФС, представляющее наукоемкую и экономически затратную отрасль, для новых суверенных государств являлось затратным и нецелесообразным из-за сокращения рынка сбыта данной продукции, в том числе и для Российской Федерации. Переход экономической политики государства с планового принципа на рыночные отношения поставил перед предприятиями задачу самосто-

ятельно решать вопросы хозяйственной деятельности. Прошедшая при этом масштабная акция приватизации привела к закрытию или репрофилированию многих промышленных предприятий, в том числе и предприятий, специализирующихся на производстве ФС.

Начиная с 1990-х годов, производство ФС стало резко снижаться. За период с 1992 по 2008 гг. объемы производства субстанций в России сократились более чем в 20 раз [3]. В 2005 году использование мощностей по производству ФС составило всего 22,4 % из них, по производству витаминов – 23,9 %, антибиотиков - 5,5 % [4].

В этот же период на российский фармацевтический рынок обрушился поток недорогих ФС зарубежного производства, преимущественно индийского и китайского [5]. Этому способствовала внутренняя политика данных государств, направленная на расширение объема производства ЛС и рынков их сбыта на мировом фармацевтическом рынке. Независимые государства, образовавшиеся после распада СССР, стали благодатной почвой для реализации данной кампании. Несмотря на сомнительное качество, данная продукция была востребована у производителей ЛП, так как выигрывала по экономическим показателям у отечественных ФС.

Многие отечественные предприятия по производству ЛП перешли на использование импортных ФС, отдавая предпочтение продукции Китая и Индии как более дешевой, и оригинальным ФС из стран Европы и США, отвечающим международным стандартам качества [3,6]. Данная ситуация во многом сохраняется и в настоящее время.

При этом импортеры ФС, получив достаточно большие дополнительные средства за счет активных продаж на российском рынке, имели возможность улучшить и качество своей продукции и еще более снизить ее цену. В связи с этим перспектива импортозамещения ФС на российском фармацевтическом рынке пока остается сложной.

По экспертной оценке, доля ФС произведенных в России, в настоящее время составляет менее 8 % от объема рынка этой продукции, остальной объем – импорт [7].

В настоящее время вопрос об увеличении объемов производства российских ФС, их качества и совершенство технологий поставлен на государственный уровень.

Некоторые федеральные нормативно-правовые акты, направленные на решение данной задачи, были введены в действие на территории Российской Федерации с целью создания особых условий для отечественных производителей ФС на российском рынке лекарственных средств [3,4,8,9,10,11].

В данной статье проведено исследование, направленное на анализ номенклатуры и динамики присутствия на фармацевтическом рынке Российской Федерации отечественных и зарубежных ФС.

Целью исследования являлась оценка изменений номенклатуры ФС, разрешенных к исполь-

зованию в производстве ЛП, для медицинского применения в Российской Федерации в период с 2008 по 2016 годы.

Для достижения поставленной цели исследования были поставлены следующие задачи: изучение динамики изменения номенклатуры ФС российского и зарубежного производства в количественных показателях за данный период; изучить изменения номенклатуры ФС, разрешенных к применению в Российской Федерации, в части терапевтической активности; определить динамику соотношения доли отечественных и зарубежных ФС; провести сравнения номенклатуры количества отечественных и зарубежных ФС включенных в ГРЛС.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для получения достоверной информации по данной теме использованы данные государственного реестра лекарственных средств для медицинского применения (ГРЛС), а также данные федеральной службы государственной статистики [12, 13].

В процессе исследования были использованы следующие методы:

- ретроспективный анализ – для изучения сложившихся тенденций по включению ФС в ГРЛС за изученный период;
- сравнительный анализ – для анализа номенклатуры ФС включенных в ГРЛС по различным показателям;
- метод группировки – для определения групп ФС по выбранным признакам;
- индуктивный и дедуктивный метод - для формулировки выводов проведенного нами исследования;
- графический метод – для представления результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ данных ГРЛС показал, что в 2008 году, взятом за базовый показатель, в РФ были разрешены для производства ЛП 733 наименования ФС российского производства и 566 –зарубежного (56,5 % и 43,5 % соответственно) [12]. Таким образом, в количественном соотношении отечественные ФС с небольшим отрывом превосходили ФС зарубежного производства. Проведя анализ ассортимента ФС, разрешенных к применению в 2008 году установлено, что отечественные ФС были представлены в основном следующими терапевтическими группами: средства для лечения заболеваний респираторной системы, противомикробные средства для системного использования, средства для лечения заболеваний нервной системы и т.д.; ФС зарубежного производства - противомикробные средства для системного, средства для лечения заболеваний нервной системы, препараты, влияющие на кроветворение и кровь итд. [12].

Наиболее активными предприятиями-производителями ФС на 2008 год были: ЗАО «Обнинская химико-фармацевтическая компания», ОАО «Усолъе-Сибирский химико-фармацевтический завод», ОАО «Ирбитский химико-фармацевтический завод», ООО «Полисинтез».

Исследование показало снижение активности отечественных производителей в период 2008 по 2016 годы. Максимальный спад активности наблюдался в 2012 году. Количество ФС, включенных российскими предприятиями в ГРЛС на этот период составило 70 наименований, что в сравнении с 2008 годом, принятым нами как базовый, на 165 наименований ниже (70, 2 %) и на 31 наименование ниже (30,7 %) показателя предыдущего 2011 года [12].

Для установления макро-факторов, вызвавших негативную динамику по расширению ассортимента российских предприятий-производителей ФС нами были рассмотрены данные, представленные Росстатом за период с 2008 по 2016 гг. [13].

Таблица 1

Макроэкономические факторы внешней среды.

Показатель	Период (г.)									
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
ВВП, млрд. руб.	41276,8	38807,2	46308,5	59698,1	66926,9	71016,7	79199,7	83232,6	86043,6	
Инфляция	13,28	8,80	8,78	6,10	6,58	6,45	11,36	12,91	5,38	
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	17290,1	18637,5	20952,2	23369,2	26628,9	29792,0	32495,4	34029,5	17290,1	

Рассмотрены экономические макро-факторы внешней среды, представленные Росстатом в частности: валовой внутренний продукт (ВВП), инфляция и среднемесячная заработная плата за период 2008-2016 (Таблица 1). Изучив изменения вышеуказанных показателей, был сделан вывод об отсутствии неблагоприятных экономических факторов внешней среды, способных повлиять на активность производителей ФС РФ. Было установлено, что показатель ВВП за исследуемый период имел стабильную положительную динамику и увеличился к 2016 г. более чем в 2 раза в сравнении с 2008 г. Уровень инфляции, наоборот, динамично снижался от 13,28 в 2008 г. до 5,38 в 2016 г. [13]

Исключив экономические причины снижения активности российских производителей предприятий по внедрению в производство новых ФС нами были рассмотрены правовые факторы, способные оказать влияние на изучаемые процессы.

Одним из значимых правовых актов данного периода стало введение в действие Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [1]. Закон вступил в действие с 1 сентября 2010 г., но проект данного документа прошел многомесячное обсуждение в фармацевтическом сообществе.

Данный Федеральный закон внес существенные изменения в порядок государственного регулирования обращения ЛС, в том числе и в порядок включения ФС в ГРЛС и последующем выведении их в обращение ЛС. Поскольку дискуссия по спорным вопросам приняла длительный характер многие производители как ФС, так и ЛП приостановили процесс подачи заявлений о включении в ГРЛС и/или государственной регистрации до принятия оконча-

тельной редакции данного закона. Вступивший в действие закон и подзаконные акты значительно изменили порядок и требования к процедурам включения ФС в ГРЛС. Для перехода к новым требованиям отечественным производителям потребовалось определенное время. Данный правовой фактор оказал значительное влияние на показатель включения ФС в ГРЛС российских производителей, значительно снизив его в период с 2009 по 2012 гг.

Отчасти это подтверждается положительной динамикой данного показателя в последующий период (Рисунок 2).

Еще одной предполагаемой причиной наблюдаемой отрицательной динамики приказа Минпромторга России от 14.06.2013 № 916 «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики», гармонизированного с международным стандартом GMP. Вследствие чего внимание и значительные средства производителей ФС были направлены на техническое перевооружение процесса производства [14].

В отношении ФС зарубежного производства динамика также была не ровной. В 2008 и 2009 годах количество включенных в реестр зарубежных ФС практически не отличалось и составляло 180 и 179 наименований [11].

Значительное увеличение показателя прироста ФС введенных в обращение на территории РФ в 2011 году 33 наименования (18 %) по сравнению с базовым 2008 годом и на 78 наименований (57,7 %) по отношению к предыдущему 2010 году, как предполагается, было связано с передачей полномочий по включению ФС от Росздравнадзора Минздравсоцразвития России, что ускорило завершение процедуры включения ряда зарубежных субстанций в ГРЛС [12].

В 2012 году наблюдалось снижение данного показателя, темп прироста составил (- 59 %) в сравнении с базовым 2008 годом и (- 55,4 %) соответственно в сравнении с предыдущим годом, что так же возможно связано с введением в действие указанного выше Федерального закона № 61 ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [1].

Динамика изменения активности отечественных и зарубежных производителей представлена на рисунке 1.

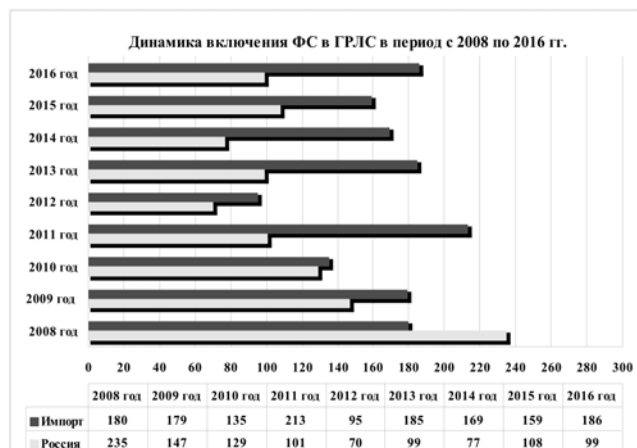

Рис. 1. Динамика включения ФС в ГРЛС в период с 2008 по 2016 гг.

В исследуемый период среди отечественных производителей были выделены следующие компании, активно выводящие ФС в обращение:

Наибольшее количество разрешенных к обращению на территории РФ ФС в своем ассортиментном портфеле имеют следующие предприятия: ОАО «Усолъе-Сибирский химико-фармацевтический завод» - 49 наименований ФС, ЗАО «Активный Компонент» - 48 наименований ФС, ООО «Натива» - 32 наименования и.т.д. (Таблица 2).

Таблица 2

Топ-12 отечественных производителей ФС по количеству наименований ФС включенных в ГРЛС

№ пп	Наименования предприятий-производителей	Количество наименований ФС
1.	«Усолъе-Сибирский химико-фармацевтический завод» ОАО	49
2.	«Активный Компонент» ЗАО	48
3.	«Натива» ООО	32
4.	«Обнинская химико-фармацевтическая компания» ЗАО	30
5.	«Органика» ОАО	30
6.	«Ирбитский химико-фармацевтический завод» ОАО	29
7.	«Бион» ООО	28
8.	«Синтез» ОАО	27
9.	«Полисинтез» ООО	25
10.	«Технология лекарств» ООО	24
11.	«Татхимфармпрепараты» ОАО	24
12.	«Марбиофарм» ОАО	23

На конец декабря 2016 года в ГРЛС было включено всего 3865 наименования ФС, из них 1798 – отечественного производства, 2067 – зарубежного. Соотношение общего количества отечественных и зарубежных ФС, включенных в ГРЛС на конец 2016 года составляет **46:54** соответственно

Наиболее активными, предприятиями за период с 2015 по 2016 годы, включившими наибольшее количество ФС в ГРЛС являются: ООО «Натива» (14 наименований), ООО «ЮжФарма» (13 наименований), ЗАО «Вифитех», АО «Усолъе-Сибирский химфармзавод» (по 9 наименований), ООО «Бион» (7 наименований) [12].

Процентное распределение ФС отечественного производства включенных в ГРЛС по АТС – классификации имеет следующий вид (Рисунок 2): наиболее востребованной терапевтической группой среди ФС отечественного производства, за анализируемый период является группа ЛС для лечения заболеваний нервной системы - 17,05 %, на втором месте группа противомикробных ЛС – 14,3

%, на третьем – ЛС для заболевания органов кожи и далее в порядке убывания противоопухолевые ЛС – 12 %, ЛС для лечения заболеваний сердечно-сосудистой – 9,11 %, пищеварительный тракт 8,71 %, ЛС для лечения респираторной системы - 7,05 %, ЛС влияющие на кроветворение и кровь – 6,35 %, противопаразитарные ЛС инсектициды и репелленты – 4,64 %, ЛС для лечения заболеваний урогенитальных органов и половые гормоны -2,8 %, прочие ЛС – 2,71 %, ЛС для лечения заболеваний костно - мышечной системы - 2,35 %, гормональные ЛС для системного использования – 1,63 %, ЛС для лечения заболеваний органов чувств - 1,58 %.[12].

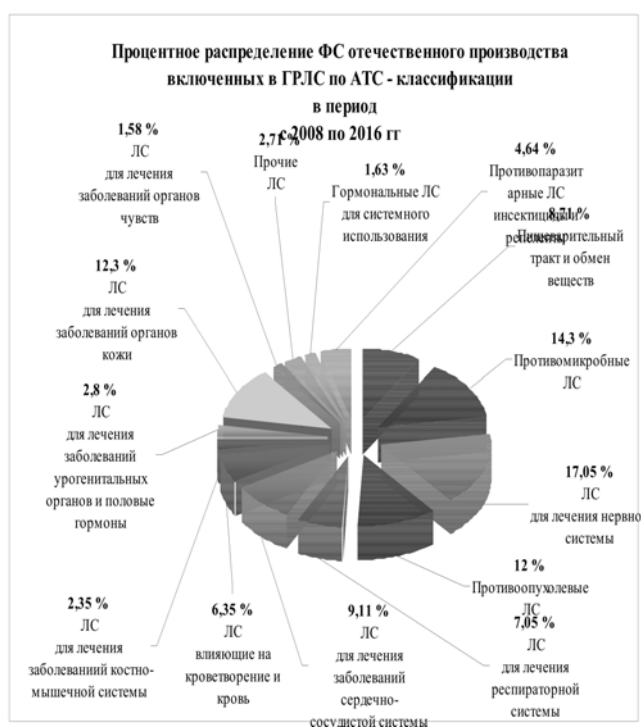

Рис. 2. Процентное распределение ФС отечественного производства включенных в ГРЛС по АТС – классификации в период с 2008 по 2016 гг.

Среди стран импортеров лидерами по включению ФС в ГРЛС с большим отрывом являются Китай и Индия. Они составляют 34 % и 28 % от общего количества наименований импортных ФС, включенных в ГРЛС и далее по убыванию Италия - 6,0 %, Германия 5,31 %, Испания – 4,75 %, Словения – 2,93 %, Венгрия – 2,31 %, Франция – 2,12% и США – 1,25 %. (Рис. 3).

Процентное распределение зарубежных ФС включенных в ГРЛС по АТС - имеет следующий вид: наибольшее количество зарубежных ФС включенных в ГРЛС за период с 2008 по 2016 гг. составляет группа противомикробных ЛС – 18,68 %, на втором месте группа ЛС для лечения нервной системы 17,06 %, на третьем месте ЛС влияющие на пищеварительный тракт и обмен веществ 14,6 % и.т.д. (Рис. 4) [12].

ственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд".

9. Федеральная целевая программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу».

10. Постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. N 1047 "Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат, понесенных при реализации проектов по организации лекарственных средств и (или) производства фармацевтических субстанций, в рамках подпрограммы "Развитие производства лекарственных средств" государственной программы Российской Федерации "Развитие фармацевтической и медицинской промышленности" на 2013 - 2020 годы".

11. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 23 октября 2009 г. № 965 "Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года".

12. Государственный реестр лекарственных средств. Электронный ресурс: <http://www.grls.rosminzdrav.ru/grls.aspx>.

13. Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс: <http://www.gks.ru/>

14. Юрчук М.А. Государственное регулирование инновационной деятельности предприятий фармацевтической промышленности. // Инновации и инвестиции. 2014. №7. с.99-104

The analysis of the nomenclature of the pharmaceutical substances included in the state register of medicines for medical application

Kataev D.O.

Russian National Research University named after Pirogov

The article is devoted to the analysis of the nomenclature of pharmaceutical substances allowed for circulation on the territory of the Russian Federation. The analysis of the State Register of Medicines was carried out, the dynamics of the inclusion of pharmaceutical in State Register of Medicines was studied, for the period from 2008 to 2017. The factors of the macroenvironment, which exerted the greatest influence, were revealed on the dynamics of the inclusion of pharmaceutical substances in the State Register of Medicines .

Key words: pharmaceutical substances; State register of medicines ; Enterprises producing pharmaceutical substances; ATC - classification.

References

1. Federal law No. 61 Federal Law "About Drug Circulation".
2. Lin A. A., Sokolov B.I., Slepnev D. M. The pharmaceutical market production of medicines in Russia//Problems of modern economy. – 2013. - No. 1 (45).
3. Strategy of development of pharmaceutical industry of the Russian Federation until 2020, <http://pharma2020.ru/>
4. The strategy of provision of medicines of the population of the Russian Federation till 2025.
5. Romanova S. Pharmaceutical substances. prerequisites and the prospects of development of production//Remedium – 2015 No. 7-8 of page 8-14.
6. From pharmaceutical substance to a ready medicinal preparation: control at all stages//Pharmaceutical technologies and packing - 2014 No. 1 is necessary from 32-33
7. Romanova S., Zakharova V., Zhurov D. Hope springs eternal//Remedium. — 2006. — March. — Page 61.
8. The resolution of the Government of the Russian Federation of 30.11.2015 N 1289 "About restrictions and conditions of the admission of the medicinal preparations coming from the foreign states included in the list of vital and essential drugs for exercise of purchases for ensuring the state and municipal needs".
9. Federal target program "Development of the Pharmaceutical and Medical Industry of the Russian Federation until 2020 and Further Prospect".
10. The resolution of the Government of the Russian Federation of October 1, 2015 N 1047 "About the approval of Rules of granting subsidies from the federal budget to the Russian organizations on compensation of a part of the expenses incurred at implementation of projects on the organization of medicines and (or) productions of pharmaceutical substances within the sub-programme "Development of production of medicines" of the state program of the Russian Federation "Development of the pharmaceutical and medical industry" for 2013 - 2020".
11. The order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of October 23, 2009 No. 965 "About the approval of the Strategy of development of pharmaceutical industry of the Russian Federation until 2020".
12. State Register of Medicines. Electron resource: <http://www.grls.rosminzdrav.ru/grls.aspx>.
13. Federal State Statistics Service. Electron resource: <http://www.gks.ru/>
14. Yurchuk M.A. State regulation of innovative activity of pharmaceutical industry enterprises. // Innovation and investment. 2014. No7. p. 99-104

Влияние сахара на организм человека

Палаткин Владимир Владимирович

магистрант, кафедра физиологии, морфологии, генетики и биомедицины, Астраханский государственный университет,

В современных научных исследованиях прослеживается неоднозначная позиция по отношению к влиянию сахара на человека. С одной стороны, доказано, что избыток сахара в питании наносит вред здоровью и провоцирует ряд заболеваний (кариес, диабет, атеросклероз, ожирение и др.) сокращая жизнь человека. С другой стороны, сахар, который вырабатывает углеводы - основа существования большинства живых организмов и источником энергии человека. Однако известна и роль сахара как источника образования в организме гликогена. Это вещество дающее поддреживающее работу печени, мышц и сердца. Сахар является важнейшим средством нормализации деятельности центральной нервной системы. В связи с этим необходимо исследовать влияние сахара и его производных на организм человека.

Ключевые слова: сахар, углеводы, питание, нарушение работы организма

Питание как важный фактор, воздействующий на здоровье человека, при неправильном его организации (недостаточное или чрезмерное потребление пищевых микроэлементов), становится предпосылкой развития онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, а также нарушений органов пищеварения, эндокринной системы и обмена веществ, крови и кровеносных органов. Рациональное питание человека обеспечивает развитие меньшего количества рисков заболеваний.

Стоит отметить, что только третья часть респондентов перенесших инфаркт миокарда (37,5%) «формируют рацион питания исходя из рекомендаций здорового питания, контроля веса и соблюдения диеты, более 40% отпущенных руководствуются вкусовыми предпочтениями и не задумываются о характере питания (43,8%)» [2]. Люди «с ожирением реже, чем с нормальным весом, следуют рекомендациям здорового питания, диеты и контроля веса (27,2% против 42,9%)» [2].

При этом особо отмечается возникновения алиментарно-зависимых болезней от избыточного употребления сахара.

По данным ВОЗ число людей, страдающих ожирением, во всем мире выросло более чем вдвое с 1980 по 2014 год. Избыточный вес и ожирение, ранее считавшиеся характерными для стран с высоким уровнем дохода, теперь становятся все более распространенными в странах с низким и средним уровнем дохода, особенно в городах. В целом, в мире от последствий избыточного веса и ожирения умирает больше людей, чем от последствий аномально низкой массы тела. Число людей с ожирением превышает число людей с пониженной массой тела. При этом отмечается, что на индивидуальном уровне каждый может ограничить калорийность своего рациона за счет снижения количества потребляемых сахаров. Переход к здоровому питанию может обеспечивать и пищевая промышленность снижая содержание сахара в переработанных пищевых продуктах, обеспечивая наличие в продаже здоровых и питательных продуктов по цене, доступной для всех потребителей, ограничивая рекламу продуктов с высоким содержанием сахаров [8].

Исследования полезных и вредных свойств сахара ведется достаточно давно. Сегодня выявлено достаточно много таких свойств (см. таблицу1).

Сладость является искусственной пищей и привыкание к ней возникает инстинктивно, когда нам не хватает калорий, получаемых из натуральной пищи. Подсчитано, что в год среднестатистический человек съедает около 80 кг сахара – это очень много, т.к. суточная доза не должна превышать 50-

100 граммов. Конечно, кто-то ест всего 1/4 или 1/8 этого количества, а кто-то не ест сахар вообще, но мы говорим именно о злоупотреблении сладким. Оно может привести к следующим последствиям.

Таблица 1
Полезное и вредное воздействие сахара на организм

Вредное воздействие	Полезное воздействие
Риск возникновения: сахарного диабета, ожирения, кариеса, нарушения кишечной микрофлоры, язвенный колит, ухудшение состояния кожи, молочницы, повышения уровня холестерина, эпилептических припадков, атеросклероза	Толстый кишечник служит хорошей питательной средой для полезных микроорганизмов, ведущих борьбу с бактериями гноеродными. Поддерживает барьерную функцию печени против токсических веществ благодаря участию в образовании в печени так называемых парных серных и глюкуроновых кислот.
Уменьшение количества витаминов группы В приводит к хронической слабости, быстрой утомляемости, депрессии.	Обеспечивает более половины энергетических затрат организма. Способствует выработке «гормона счастья» (серотонина). Способствует своевременному пополнению антиоксидантов, поэтому организм способен более стойко выносить внешнее воздействие природы.

Сахара - синоним понятия углеводы, название, которых произошло из-за того, что многие из первых открытых углеводов имели сладкий вкус.

Сахар и блюда, приготавливаемые с его использованием могут приносить вред организму. Так, сладости, содержат в большом количестве простые углеводы, которые составляют жировую ткань. При этом сахар, попадая в организм повышает уровень глюкозы в крови, поэтому поджелудочная железа начинает усиленно вырабатывать инсулин, что может привести к сахарному диабету, который представляет собой «заболевание эндокринной системы, возникающее при недостаточности инсулина в организме человека, что приводит к нарушению углеводного обмена, а впоследствии и всех остальных видов обмена» [6, с. 15].

В мире насчитывается более 100 млн. человек, страдающих сахарным диабетом этим заболеванием [1, с. 18]. Им страдает 6 % населения, в цивилизованных странах число заболевших удваивается каждые 15 лет. Сахарный диабет занимает третье место среди причин смерти после сердечнососудистых заболеваний и онкологии» [6, с. 15]. Количество таких больных увеличивается и «по прогнозу ВОЗ к 2030 году может составить до 400 млн. человек» [1, с. 18].

При этом заболевании отмечается нарушение функционирования сердечно-сосудистой, мочевыделительной и нервной систем, «которые развиваются вследствие гипергликемии (повышение уровня глюкозы в крови)» [6, с. 15]. Увеличивается количество беременных, впервые страдающих сахарным диабетом, который называют «гестационный» (диабет беременных).

Кроме того, употребление большого количества сладостей способствует размножению болезне-

творных бактерий в желудочно-кишечном тракте и нарушению кишечной микрофлоры. Также сахар увеличивает вероятность язвенного колита и даже может спровоцировать возникновение рака кишечника, ухудшение состояния кожи, которое происходит за счет нарушения кишечной микрофлоры, вызывая высыпания на лице, спине, шее и груди, ускорение старения клеток, что способствует появлению морщин.

Кандидозный вульвовагинит может быть следствием употребления большого количества сахара, так как дрожжеподобные грибки, которые вызывают ее питаются простыми углеводами (глюкозой), поэтому от сладкого они активно размножаются. «Поэтому наиболее часто кандидозный вульвовагинит возникает при заболеваниях желез внутренней секреции (в первую очередь - сахарный диабет)» [9, с. 70].

Кариесогенная роль сахара зависит как от большого количества, так и от частоты его употребления [4, с. 1082]. Сахар питает бактерии, провоцирует разрушение зубной эмали, вызывает кариес и болезнь десен – пародонтоз. Возникновение кариеса зубов обуславливает свойства самого сахара как пищевого продукта и психологические особенности человека. Сахар является «единственным продуктом питания, метаболизм которого начинается и может завершиться в полости рта. Достаточная влажность и оптимальная постоянная температура, наличие полного набора ферментных систем микробного происхождения, необходимых для процесса гликолиза» [5, с. 392].

Бесконтрольное использование сладостей, «как последнего продукта питания при приеме пищи (десерт), между приемами пищи, на ночь» [5, с. 392] препятствует «самоочищению полости рта, усугубляют кислотопродукцию и ее вредное влияние на зубы» [5, с.392].

Наличие в крови излишнего количества глюкозы ослабляет стенки сосудов и повышает уровень холестерина.

Постоянное употребление сладостей приводит к быстрому уменьшению количества витаминов группы В, вследствие чего наблюдается хроническая слабость, быстрая утомляемость, депрессия.

При исследовании редкой наследственной болезни - синдром Лафора, испанские специалисты доказали, что сахар способствует развитию эпилептических припадков в результате того, что гликоген скапливается в клетках мозга, также могут возникнуть слабоумие и двигательные нарушения. Для того чтобы гликоген не «оседал» на клетках головного мозга, в человеческом организме вырабатывается 2 вида особого белка, за производство каждого отвечает свой определенный ген. Вот именно в случае повреждения даже одного из этих генов и развивается синдром Лафора. Ученые из Калифорнийского государственного университета в процессе научных исследований сделали интересные выводы. Они провели исследования в 9 колониях и 803 школах-интернатах для несовершеннолетних, где из рациона питания детей исключили сахар и сладости, заменив его фруктами

и овощами. Результаты эксперимента превзошли все ожидания: через год оценки детей (по пятибалльной шкале) выросли в среднем на 1 балл, а 50% всех детей с задержкой умственного развития были признаны здоровыми.

Шведские учёные доказали, что женщины, которые употребляют регулярно сладкое 3 раза в неделю, имеют на 33% больше шансов заболеть раком матки, чем те, кто ест сладости редко. Американские и немецкие учёные выяснили, что люди, употребляющие большое количество сахара сокращают свою жизнь в среднем на 15 лет, так как сахар провоцирует развитие атеросклероза.

Сахар вырабатывается преимущественно растениями под действием солнечного света. Основные поставщики сахара (сахарозы) - сахарная свекла и сахарный тростник

Сахар, содержащийся в плодах и овощах (сахароза), приносит только пользу. Так, при лечении виноградом больной съедает в день 3 кг винограда, в котором содержится 550 г. сахара, и в его моче все-таки сахар не появляется, между тем уже от 250 г. ягодного варенья, в котором сахара в 3 раза меньше, но этот сахар искусственный, у человека болит печень и в моче появляется сахар.

Искусственный сахар в желудочно-кишечном тракте разлагается с выделением углекислоты, которая, освобождаясь, соединяется с основаниями солей и отнимает таким образом их у организма. Такое обессоливание ведет к общему увяданию всех тканей организма и ослаблению иммунитета. Органический же сахар (сахар овощей и фруктов) сам всегда соединен с солями — железом, известью, фосфором и кроме того богат витаминами группы В. В финиках, например, сахар имеет формулу декстрозы, что делает его готовым к немедленному усвоению кишечником без всякой дополнительной переработки в желудке.

Сахар может поступать в организм также в виде мальтозы и лактозы. Когда зерно прорастает, крахмал в нем переходит в солод, особый вид сахара. Такой сахар — мальтоза, в 3 раза лучше усваивается организмом, чем сахар искусственный. Он очень богат микроэлементами и витаминами и полезен для любого организма. Он не так сладок как сахар искусственный (свекловичный) и поэтому может употребляться в большом количестве.

Молочный сахар — лактоза, в питании человека имеет большое практическое значение. Сахар этот рассасывается в кишечнике медленнее других сахаров, часть его доходит до толстого кишечника, где служит хорошей питательной средой для полезных микроорганизмов, ведущих борьбу с бактериями гноеродными.

Но, сегодня научно доказано, что при низкокалорийном питании организм испытывает острую нехватку энергии. Глюкоза обеспечивает более половины энергетических затрат организма.

Быстрые углеводы, которые содержатся в сладких десертах, позволяют истощенному организму буквально мгновенно поднять уровень глюкозы в крови и быстро получить порцию энергии.

Простые сахара и углеводы, не обладающие сложными структурными связями, во-первых, быстро выводятся из организма, а во-вторых, дают ему молниеносный заряд бодрости. В связи с чем, сладости являются полезным продуктом именно для студентов, так как в любых сладких продуктах находятся сахара, которые являются углеводами, а они, в свою очередь, участвуют в построении клеточных мембран и белков, в образовании гормонов. А главное сладости являются одним из основных источников энергии для развития организма.

Кроме того, для очищения от шлаков и токсинов организму нужна растительная клетчатка, которая заставляет работать кишечник, а так же надолго дает чувство сытости. Хлеб из муки грубого помола хорошо сдобренный сухофруктами, булочки и бисквиты той же серии, тоже богаты клетчаткой. Поэтому при потреблении такого бисквита студент получает удовольствие и обогащает свой организм органическими кислотами, клетчаткой, витаминами и минералами, при отсутствии жира.

Людей всегда и во все времена тянуло к сладкому. Тяга эта настолько сильна, что от слова «сладость» произошли такие слова как «наслаждение», «улада» и выражение «сладкая жизнь». То есть сладость всегда воспринимается как удовольствие, радость и праздник. В сознании человека связь между сладким и удовольствием появилась очень давно, вероятно, еще на заре эволюции.

В природе сладкая пища, а это мед, многие фрукты и некоторые овощи, всегда богата углеводами (сахарами). Потребляя такую пищу, человек мог быстро восстановить силы организма после напряженного труда, потому что в организме человека углеводы являются лучшим источником энергии. Вероятно, сладкая пища у древних людей была в недостатке: мед приходилось отлавливать у диких пчел, а фрукты были не во все времена года и их приходилось делить с соплеменниками. Поэтому природа заложила тягу к сладкому на уровне инстинкта, а потребление сладкого превратило в удовольствие.

Человек имеет определенные генетические вкусовые предпочтения в пище. С младенчества ребенок выдает позитивную реакцию на сладкий и отрицательную на горький вкус. Такая «врожденная особенность сформировалась эволюционно, помогая нашим предкам выбирать безопасные богатые энергией продукты» [4, с.82].

Взрослея человек начинает испытывать определенную психологическую потребность (иногда даже зависимость) в ощущении сладкого.

Существует взаимосвязь между питанием и настроением. Сахар и крахмал стимулируют работу головного мозга и вызывают появление некоего «нейропроводника», названного ими серотонином. Действие серотонина аналогично эффекту транквилизатора, позволяющего не только непосредственно успокаивать возбужденный мозг, но и снижать тягу к сладкому и мучному. Он является прямым регулятором связи настроение-питание.

Когда содержание серотонина в мозгу слишком низкое, человек становится раздражительным, появляются беспокойство и нетерпение. Низкое содержание серотонина существенно влияет на тягу к крахмалосодержащим, мучным и сладким блюдам. Едва стоит принять такую пищу, как количество серотонина в крови увеличивается и тяга к еде снижается.

Таким образом, можно считать, что серотонин непосредственным образом определяет связь между настроением и питанием, по крайней мере, в отношении сладкой и крахмалосодержащей пищи. Сахар способствует выработке «гормона счастья» (серотонина). Благодаря зависимости от содержания серотонина можно с полной уверенностью сказать, что подавленное настроение наступает через 1-2 часа после приема большого количества сладостей, а умеренное насыщение ими ведет к комфорту и удовлетворению.

Следует отметить, что сладкие блюда способствуют своевременному пополнению антиоксидантов, которые содержатся в шоколаде, меде, изюме и черносливе, поэтому организм способен более стойко выносить внешнее воздействие природы.

Нормальная концентрация глюкозы в крови поддерживается на уровне 80-120 миллиграммов сахара в 100 миллилитрах. Глюкоза обладает способностью поддерживать барьерную функцию печени против токсических веществ благодаря участию в образовании в печени так называемых парных серных и глюкуроновых кислот. Вот почему прием сахара внутрь или введение глюкозы в вену рекомендуется при некоторых заболеваниях печени, отравлениях.

Как видно из анализа полезных и вредных свойств сахара, нельзя однозначно утверждать о его вреде или пользе для здоровья.

Литература

1. Александров Е.И. Стоматологические проблемы и питание беременных на фоне сахарного диабета / В сборнике: Стоматология славянских государств Сборник трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. под. ред. А.В. Цимбалитова, Б.В. Трифонова, А.А. Копытова. 2015. С. 17-20.
2. Головенкин С.Е. Факторы увеличения продолжительности и улучшения качества жизни лиц, перенесших инфаркт миокарда // Электронный научный журнал Социальные аспекты здоровья населения. 2015, - № 6 (46) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/719/30/lang,ru/>
3. Егорова М. И. Особенности создания профилактических продуктов на основе сахара [Текст] / М. И. Егорова, Л. С. Чугунова, Е. Б. Артюшкова // Ваше питание. - 2001. - № 1 - С. 27 - 29.
4. Изотова Е.А., Пак А.В. Значение культуры питания и гигиенического ухода за полостью рта в развитии кариеса у школьников средних классов // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 9. С. 1092-1093.

5. Леонтьев В.К. Кариес зубов – болезнь цивилизации // Биосфера. 2010. Т. 2. № 3. С. 392-396.

6. Мелконян Ж.А., Потапова Ю.В. Рациональное питание в лечении сахарного диабета // приоритетные научные направления: от теории к практике. -2013, № 4. - С. 15-18.

7. Могильный М.П., Фатихова Т.Е. Сахарозаменители - виды и использование в питании / Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма. VI Международная интернет-конференция. – Орел. - 2016. с. 82-86.

8. Ожирение и избыточный вес. Информационный бюллетень □ Июнь 2016 г. <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/>

9. Шляпников М.Е., Неганова О.Б., Портянникова Н.П. Микотический кольпит: этиология, патогенез, диагностика и клинико-лабораторная классификация (клиническая лекция) // Тольяттинский медицинский консилиум. 2016. № 5-6. С. 69-78.

Influence of sugar on a human body

Palatkin V.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University"

In modern scientific research, there is an ambiguous position with respect to the effect of sugar on humans. On the one hand, it is proved that the excess of sugar in the diet damages the health and provokes a number of diseases (caries, diabetes, atherosclerosis, obesity, etc.) reducing a person's life. On the other hand, sugar, which produces carbohydrates - the basis for the existence of most living organisms and a source of human energy. However, the role of sugar as a source of energy in the body of glycogen is also known. This substance gives the functioning of the liver, muscles and heart.

Sugar is the most important means of normalizing the central nervous system. In this connection, it is necessary to investigate the effect of sugar and its derivatives on the human body.

Key words: sugar, carbohydrates, nutrition, disruption of the body

References

1. Alexandrov E.I. Stomatologic problems and a delivery of pregnant women against the background of a diabetes mellitus / In the collection: An odontology of the Slavic states the Collection of works on materials VIII of the International scientific and practical conference. under. edition of A.V. Tsimbalistov, B.V. Trifonov, A.A. Kopytov. 2015. Page 17-20.
2. Golovenkin S. E. Factors of augmentation of duration and improvement of quality of life of the persons who transferred a myocardial infarction // Electron scientific magazine Social aspects of health of the population. 2015, - No. 6 (46) [An electron resource] an access Regimen: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/719/30/lang,ru/>
3. Egorova M.I. Features of creation of preventive products on the basis of Saccharum [Text] / M.I. Egorova, L.S. Chugunova, E.B. Artyushkova // your delivery. - 2001. - No. 1 - Page 27 - 29.
4. Izotova E.A., Pak A.V. Znachenije of the culture of a delivery and hygienic care of an oral cavity in development of caries in school students of middle school // the Bulletin of medical Internet conferences. 2013. T. 3. No. 9. Page 1092-1093.
5. Leontyev V.K. Caries of teeth – illness of a civilization // the Biosphere. 2010. T. 2. No. 3. Page 392-396.
6. Melkonyan Zh.A., Potapova Yu.V. A balanced diet in treatment of a diabetes mellitus // the priority scientific directions: from the theory to practice. -2013, No. 4. - Page 15-18.
7. Sepulchral L. S., Fatikhova T. E. Sweeteners - types and use in the delivery / Strategy of development of the industry of hospitality and tourism. VI International Internet conference. – Eagle. - 2016. page 82-86.
8. Obesity and excess weight. Newsletter - June, 2016 of <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/>
9. Shlyapnikov M.E., Neganova O.B., Portyannikova of N.P. Mikoticheskiya ~ colpitis: etiology, pathogenesis, diagnostics and clinical laboratory classification (clinical lecture) // Tolyatti medical consultation. 2016. No. 5-6. Page 69-78.

Темпоральные референты в методологии социальной динамики

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

Тимофеев Вероника Андреевна,

кандидат философских наук, кафедра отраслевых юридических дисциплин ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматриваются методологические и теоретические аспекты исследования внутренней структуры социального развития. Показывается, что в теоретический анализ вовлечено достаточно много понятий, которые не имеют однозначного толкования в современной социально-философской литературе. Подчеркивается, концептуально-семантические вопросы, связанные с построением семантических рядов динамических категорий, занимают приоритетное место, т.к. в ином случае сама внутренняя система и структура исследования, рассмотрения и изучения всех возможных выходов от самого исторического процесса к более широкой методологии социально-гуманитарного знания, будет в значительной степени затруднена. Исследуется феномен прошлого времени. Демонстрируется, что, исследуя различные сегменты, касающиеся будущего и прошлого времени с учетом темпоральной шкалы в рамках изучаемого социального процесса, возникают проблемы, касающиеся того, как в этих конструкциях исследуются не только комплексы социальных событий, но также взаимодействия и связи, которые при этом образуются. Выявлено, что если зафиксировать точку настоящего длящегося времени, то вполне правомерно говорить, что от этой точки будут исходить различные возможности и перспективы по отношению к будущему времени. Отмечается позитивность данной ситуации, обращается внимание на то, что проблема, касающаяся периода настоящего, дает возможность изучить случаи, когда на темпоральной шкале длящегося настоящего может внутри себя нести целый спектр тех тенденций, которые не просто дойдут до своеобразной границы фрагмента будущего, но и которые выйдут за эти границы и которые будут реализовываться в будущем времени.

Ключевые слова: структура социального развития, прошлое время, социальная динамика, сегмент времени, тенденция, альтернатива, сценарии будущего транзит, социальное событие, социальный процесс.

В рамках исследования внутренней структуры социального развития с точки зрения социального субъекта, на приоритетное место выходит общая схема стрелы времени. Однако подчеркнем, что эта схема, конечно, не дает решения проблемы конструирования социальных и исторических процессов, хотя намечает общую тенденцию в развитии, и, что особенно важно, стрела времени, естественно, показывает связь процессов – социальных и исторических с темпоральной референцией[1],[2],[3].

В работе показывается, что в используемом случае схемы стрелы времени, необходимость связана с демонстрацией тех характеристик и той специфики социального процесса относительно которых исследователь может выбирать разные темпоральные референты и уже потом социальный субъект, с учетом этих референтов, будет обозначать имеющиеся социальные события, явления, факты и т.д. Подчеркнем, что ряд проблем, касающихся методологии исследования социального развития с точки зрения его теоретического осмысления и поднятия целого ряда проблем, касающихся исторических и социальных процессов в общем контексте социально-исторического развития, имеют прямой выход к социальному субъекту с точки зрения понимания последнего, как действительного субъекта[4],[5],[6].

Первоначальное обращение к анализу социального развития, особенно с концептуально-семантических позиций, показывает, что в теоретический анализ вовлечено достаточно много понятий, которые не имеют однозначного толкования в современной социально-философской литературе. Хотя бы рассмотрим понятие интервала, стадии, фазы и т.д., то есть, в любом случае, в рамках данной статьи исследование в этом направлении представляется оправданным с точки зрения построения соответствующих концептуальных аспектов, необходимых для адекватного отражения социального развития в целом, социальных изменений, социальных процессов и т.д. С другой стороны, можно говорить и о том, что авторы вносят и определенный вклад в разработку семантики динамических категорий, т.к. в данном случае, эти вопросы обычно уступают место сегментам общей схемы стрелы времени[7],[8],[9].

Подчеркивается, что в этой ситуации концептуально-семантические вопросы, связанные с построением семантических рядов динамических категорий, занимают приоритетное место, т.к. в ином случае сама внутренняя система и структура

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности», № 16-33-00003

исследования, рассмотрения и изучения всех возможных выходов от самого исторического процесса к более широкой методологии социально-гуманитарного знания, будет в значительной степени затруднена. В этом смысле, не целесообразно уходить с позиций реальной методологии гуманитарных и социальных наук, т.к. в данном случае, обращение к анализу социальных и исторических процессов, конечно, предполагает использование тех или иных фрагментов из историософии, историографии, а также, собственно, социально-философский подход к различным позициям историка, пытающегося рассматривать те или иные проблемы социума[10].

Действительно, если исследователь желает рассмотреть различные аспекты самого исторического процесса, то он неминуемо будет коррелировать социальное и историческое, и эта корреляция, конечно же, имеет приоритетное значение. При этом, с одной стороны, безусловно, социальность, в данном случае, будет связываться с социальным субъектом, с его восприятием исторического процесса, с его компетенциями, с его сознанием и самосознанием. Но имеется, в данном случае, и вторая сторона, которая, безусловно, есть не что иное, как социальный объект, имеющий достаточно непростую структуру, некоторый интегрированный характер. И, в данном случае, можно сказать, что социальный субъект соотносится как с социальными событиями, происходящими внутри исторического процесса, так и с различными аспектами соотношения темпоральной хронологии и социальных исторических событий в рамках самого исторического процесса. Т.е. вновь достаточно четко вырисовывается функциональный подход к проблеме, тем более, в данном случае, эта проблема приобретает характер структурно-функционального подхода[11],[12],[13].

Авторы отдельно отмечают, что в этой ситуации, как правило, историк или философ обращаются к такой корреляции субъекта и объекта в рамках стрелы времени, когда не только о тех или иных темпоральных сегментах может идти речь. На приоритетное место выходит понятие социального времени, и поэтому, именно социальному времени должен быть дан основной приоритет в исследовании. Между тем, конечно, никто не отменяет роль прошлого, настоящего и будущего, хотя, в данном случае, при соотношении социального и исторического, эти проблемы, в большей степени, переходят из контекста социальной философии в контекст историософии[14].

Учитывая значимость социального времени и его соотношенности с теорией процессов, авторы представляют некоторое видение ситуации, которое имеет прямой выход с прагматических позиций на структуру социального и исторического процесса. Такое решение достаточно тесно связано с допущением того, что социальное время напрямую может использовать различные темпоральные структуры, например моментную структуру времени, интервальную структуру времени или смешанную моментно-интервальную структуру.

Конечно, в таком случае исследователь предполагает, что возможны какие-то производные варианты, и есть смысл рассуждать об интервальной структуре, интервальной периодической структуре, или историко-интервальной структуре времени, но данное сочетание, разумеется, вносит свой определенный оттенок, и с ними нужно достаточно осторожно обращаться с концептуальными позициями. Поэтому, видимо, справедливо будет спрогнозировать, что вопросы, связанные с темпоральной онтологией, темпоральной референцией, которые весьма важны при построении и моделировании социальных процессов, будут непосредственно коррелировать с прошлым временем, с настоящим временем, и соответственно будут учитывать сегмент времени будущего. Учитывая тот факт, что в авторы выделяют целый ряд темпоральных структур, видимо следует ожидать некоторых неординарных оценок и оригинальных интерпретаций по отношению к этим структурам[15].

Безусловно, в этой ситуации, авторы не просто представляют свою позицию по отношению к достаточно серьезной проблеме, каковой является рассмотрение сущностных характеристик и параметров социального развития с позиции исследователя, но задача заключается и в том, чтобы попытаться минимизировать те вопросы, которые в современной философской литературе не получили должного освещения, а они необходимы для рассмотрения социального развития.

В тех случаях, когда дискурс идет о сегменте прошлого времени, то в современной литературе с точки зрения многих ученых проблема является, до некоторой степени, стандартизированной в том плане, что сегмент прошлого времени рассматривается в соотношении с принятой линейной хронологией, при этом нередко обращают внимание на то, что фактически, сегмент прошлого времени реально не существует, и, социальный субъект может говорить и рассуждать о нем лишь в той мере, в какой это прошлое время может оказывать какое-то влияние на исследование сегмента настоящего времени. Имеется и такая точка зрения, что относительно прошлого времени, в какой-то степени, бессмысленно утверждать существование определенных вариаций для развития социальных процессов, комплексов событий и т.д.

Впрочем, в данном случае, серьезные аргументы скорее не приводятся, дискурс больше заходит о том, что это прерогатива не социальной философии, а исторической науки. По мнению авторов, подобные позиции выглядят недостаточно убедительно, т.к. в реальности, проблема прошлого получила достаточно серьезное изучение в рамках современной философской литературы, и целый ряд весьма известных отечественных ученых, равно как и зарубежных, в той или иной степени поднимали эти проблемы, которые авторы обозначили в своем исследовании. Например, он выделяются работы Р. Арона, М. Блока, Е. М. Сергейчика, К. В. Хвостовой и др. Заметим, что именно обращение философов к источникам, имеющим прямое отношение к сегменту прошлого времени оправ-

дано в большей степени тем, чтобы продемонстрировать определенные знания в этой конкретной области, т.к. именно прошлое время формирует как сегмент настоящего, так и от прошлого, через настоящее в будущее могут идти различные комплексы событий. Тем более, что говорить в целом об историческом процессе, отрицая сегмент прошлого, на наш взгляд, кажется не совсем корректным.

При этом весьма справедливо сказать: «История как процесс происходит во времени, и правильно сформулированная темпоральная структура будет являться той базисной и той адекватной структурой, которая позволит продемонстрировать действительно различные варианты моделирования исторических процессов, описать те модели, которые в условиях подобного конструирования могут появляться» [16, С. 45-46.]

Безусловно, никто не будет спорить, что в истории философской мысли к вопросу о статусе, о сущности и содержании прошлого времени обращались многие ученые, но при этом, если несколько уточнить проблему, а именно в направлении выработки какого-то своеобразного механизма и внутренней структуры социально-исторического процесса, то в этом плане вряд ли можно выделить достаточно серьезные достижения. Отметим, что если социально-исторический процесс имеет приоритетное значение в социально-философском исследовании, то, обычно, в этом случае, конечно, больше говорят о социальном развитии, хотя подразумевается, что в рамки социального развития входят и социальные, и исторические процессы.

Но существует еще одна проблема, а именно: подобный социальный процесс, с учетом индекса прошлого времени, как бы имеет своеобразный предел в своем развитии. Этот предел связан с прошлым временем, можно говорить даже о «левом пределе». Реально, дискурс идет о том, что целесообразно рассматривать социальный процесс, его содержание, внутреннюю структуру, факты, явления, социальные события, которые имеют место, но если это все относится к сегменту прошлого, то каждый исследователь должен достаточно четко обозначить свою позицию, работает ли он с этим историческим материалом, либо же для него те или иные проблемы прошлого времени становятся материалом отработанным.

Авторы отмечают, что вопросы, связанные с теми или иными аспектами прошлого являются интегральными, и поднимают различные, весьма серьезные аспекты, что, впрочем, касается и отношения к настоящему и к будущему сегментам времени.

Но конкретно, относительно прошлого, отмечается, что если рассуждение касается того, что исследователь пытается отобразить параметры и основные и базисные характеристики социального развития и начинает данное отображение с фиксированного момента, то тогда следует понимать, что этот зафиксированный момент на шкале времени будет выступать для самого исследователя некоторой границей или разделом между сегмен-

том прошлого и сегментом настоящего. В этой связи, необходимо отметить, что в такой момент и осуществляется первоначальная интерпретация или оценка социального развития, т.к. происходит первый раздел относительно фрагмента прошлого и тем, что встречается в настоящем.

Литература

1. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития// Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

2. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека// Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

3. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

4. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368.

5. Попов В.В., Музыка О.А. Альтернативы социальных процессов в контексте будущего времени// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-1. С. 126-129.

6. Попов В.В., Музыка О.А., Максименко Л.В. Концептуальные аспекты социальной динамики в контексте интервальной концепции времени// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-1. С. 130-133.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Феномен транзитивного общества: нелинейный аспект// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 143-146.

8. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 147-150.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Роль темпоральности в социальном процессе// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5-2. С. 378-381.

10. Попов В.В., Дзюба Л.М. Социальные события, переходные периоды и фактор темпоральности// Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 14-16.

11. Попов В.В., Максимова С.И. Альтернативность в развитии общества// Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 17-19.

12. Попов В.В., Дзюба Л.М. Фактор настоящего времени в конструировании будущего// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 1А. С. 186-193.

13. Попов В.В., Дзюба Л.М. Фактор настоящего времени в конструировании будущего// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 1А. С. 186-193.

14. Попов В.В., Максимова С.И. Феномен альтернативности в трансформирующемся социуме: социально-философский анализ// Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 1А. С. 60-67.

15. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления[Текст]/Г. Саймон // Thesis. - 1993. -вып.3. -С. 16-38.

16. Сергейчик Е. М. Философия истории[Текст]/ Е. М. Сергейчик// СПб., 2002. – 490с.

17. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Справедливость как нравственная, социальная и юридическая категория // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции: сборник / Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 31-38.

18. Адыгезалова Г.Э. Правообразующий интерес в социолого-правовой теории Р. Паунда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 23-25.

Temporal referents in the methodology of social dynamics

Timofeyenko V.A., Music O.A., Popov V.V.

State University of Economics (RINH), Taganrog Institute named A. P. Chekhov (branch)

The article considers methodological and theoretical issues in the study of internal structure social development. It is shown that in the theoretical analysis involved a lot of concepts that have no clear interpretation in the modern socio-philosophical literature. Emphasizes the conceptual and semantic issues related to the construction of semantic ranks of the dynamic categories that are a priority because otherwise, the very internal system and structure research, consideration and study of all possible outputs from the historical process to a broader methodology of socio-humanitarian knowledge, will be greatly hampered. Examines the phenomenon of the past time.

Key words : the structure of social development, past time, social dynamics, time segment, trend, alternative scenarios for the future of transit, social event, social process.

References

1. Popov V. V., Music, O. A., Maksimova, S. I., Alternativistics in the context of social development// Eurasian law journal. 2017. № 4 (107). P. 373-375.
2. Popov V. V., Music, O. A., Dzyuba, L. M. Factor and the levels of temporality in the context of the subjective reality of the person// Eurasian law journal. 2017. № 4 (107). P. 419-421.
3. Popov V. V., Music by O. A. timofeyenko, V. A. Social conflict in the context of nonlinear processes// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 1-2. S. 361 to 364.
4. Popov V. V., Music, O. A., Kiselev S. A., the Concept of transitivity and transformation of society// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 1-2. P. 365-368.
5. Popov V. V., Music by O. A. Alternatives to social processes in the context of the future// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 2-1. S. 126-129.
6. Popov V. V., Music, O. A., Maksimenko L. V. Conceptual aspects of social dynamics in the context of the interval concept of time// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 2-1. S. 130-133.
7. Popov V. V., Music by O. A. timofeyenko, V. A. the Phenomenon of transitional societies: a non-linear aspect// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 3-1. S. 143-146.
8. Popov V. V., the Music of O. A. the Historical process: alternatives and assessment// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 3-1. P. 147-150.
9. Popov V. V., Music by O. A. timofeyenko, V. A. the Role of temporality in social processes// international journal of applied and fundamental research. 2017. No. 5-2. P. 378-381.
10. Popov V. V., Dzuba, L. M. Social events, transition periods and the factor of temporality// Society: philosophy, history, culture. 2017. No. 5. P. 14-16.
11. Popov V. V., Maksimova I. S. Alternatives in the development of society// Society: philosophy, history, culture. 2017. No. 5. S. 17-19.
12. Popov V. V., Dzuba, L. M. a Factor present in designing the future// Context and reflection: philosophy of the world and man. 2017. Vol. 6. No. 1A. P. 186-193.
13. Popov V. V., Dzuba, L. M. a Factor present in designing the future// Context and reflection: philosophy of the world and man. 2017. Vol. 6. No. 1A. P. 186-193.
14. Popov V. V., Maksimov I. the Phenomenon of alternativeness in a transforming society: social-philosophical analysis// Context and reflection: philosophy of the world and man. 2017. Vol. 6. No. 1A. S. 60-67.
15. Simon, Rationality as process and product of thought[Text]/G. Simon // Thesis. -1993. -vol.3. -P. 16-38.
16. Sergeichik E. M. the Philosophy of history[Text]/ E. M. Sergeichik// SPb., 2002. – 490с.
17. Kuksin I.N., Chechelnickey I.V. Justice as a moral, social and legal category // Social justice and law: problems of theory and practice. Materials of the international scientific-practical conference: collection / Under the general editorship of T.A. Sosnikova. 2016.S. 31-38.
18. Adygezalova G.E. Law-building interest in the socio-legal theory of R. Pound // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 3-1. S. 23-25.

Темпоральные границы социального процесса и феномен ддящегося настоящего

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

Тимофеев Вероника Андреевна,

кандидат философских наук, кафедра отраслевых юридических дисциплин ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал). e-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматриваются методологические и теоретические аспекты исследования темпоральных границ социального процесса. Исследуется феномен ддящегося настоящего. Демонстрируется, что, исследуя различные сегменты, касающиеся будущего и прошлого времени с учетом темпоральной шкалы в рамках изучаемого социального процесса, возникают проблемы, касающиеся того, как в этих конструкциях исследуются не только комплексы социальных событий, но также взаимодействия и связи, которые при этом образуются. Выявлено, что если зафиксировать точку настоящего ддящегося времени, то вполне правомерно говорить, что от этой точки будут исходить различные возможности и перспективы по отношению к будущему времени. Отмечается позитивность данной ситуации, обращается внимание на то, что проблема, касающаяся периода настоящего, дает возможность изучить случаи, когда на темпоральной шкале ддящееся настоящее может внутри себя нести целый спектр тех тенденций, которые не просто дойдут до своеобразной границы фрагмента будущего, но и которые выйдут за эти границы и которые будут реализовываться в будущем времени.

Ключевые слова: структура социального развития, прошлое время, социальная динамика, сегмент времени, тенденция, альтернатива, сценарии будущего транзит, социальное событие, социальный процесс, ддящееся настоящее.

В современной литературе появляются вопросы относительно того, как оценивать комплексы событий, имеющих индекс, при этом дискурс может касаться не только различных комплексов событий, но социального развития вообще. Появляется проблема, необходимости проведения определенной интерпретации, и что следует особо отметить – это касается, прежде всего, оценки ддящегося настоящего времени : следует ли подобную оценку и интерпретацию осуществлять, а если следует, то каким-образом в данном случае интерпретировать сегмент настоящего времени [1][2].[3].

Необходимо учитывать, что в социально-философской литературе имеется множество мнений относительно того, каким образом существует в социальной действительности параметр ддящегося настоящего, что представляет собой интервал, вмещающий в свою обозначенную структуру динамические характеристики социального процесса. Следовательно, необходимо вести дискурс относительно оценки ддящегося настоящего времени с позиции рассмотрения характеристик и параметров моментно-интервальной концепции, связанной с темпоральной хронологией и шкалой времени. В этой связи следует обратить внимание на то, что интегральный комплекс явлений и событий, касающийся реконструированного прошлого времени, с выделенной границей как настоящего, так и прошлого времени, предполагает ряд интерпретаций в зависимости от исходной позиции философа [4].[5].[6].

Так, В.В. Попов и Б.С. Щеглов отметили, что «оценка представляется как некоторый процесс, в ходе которого ценностная сущность события, факта, явления актуализируется в форме той или иной ценности или относится к иному разряду . В этой связи оценка - это необходимый момент развития содержания сознания. При подобной интерпретации оценка будет выступать в качестве универсального свойства субъекта, выражающего продуктивно-функциональный характер субъектно-объектных взаимосвязей. Она будет реализовываться во всех формах деятельности и социума в целом, а также в ходе осуществления тех сфер, которые связаны с познанием человека, окружающей действительности и самого себя» [18, С. 144].

Проблема заключается в том, что в контексте некоторой области сегмента прошлого имеется весьма значительное количество разнообразных процессов, влияющих на исходные предпосылки зарождающихся процессов и, конечно, среди них будет интересу-

ющий нас процесс социального развития, который будет отвечать нашим исследовательским задачам и, с которым будем соотносить определенный интервал времени. Поэтому ясно, что имеющиеся социальные изменения, которые имели место или случались в рамках сегмента прошлого, касаются процессов, которые могли бы начинаться в сегменте далекого прошлого и заканчиваться тоже в прошлом, и это одна сторона проблемы. Но нельзя отвергать и тот случай, когда социальные процессы такого плана могли иметь место в прошлом, в прошлом они начинались, и могли заканчиваться в том же прошлом, не подходя к настоящему, т.е. об интервальности прошлого и настоящего даже нет смысла говорить[7],[8],[9].

При этом, в качестве своеобразного допущения, можно указать на такие процессы, которые имели место и в прошлом сегменте, и, соответственно, имплицитно переходили в сегмент настоящего, где заканчивались, и даже те процессы, которые могли начинаться в прошлом времени, проходить из прошлого через настоящее время и заканчиваться уже в будущем времени, причем это окончание, будет весьма условным, потому что данные процессы приобретают уровень тенденций, альтернатив или перспектив, образуя в целом сценарий будущего времени[10],[11],[12].

Поэтому, полагаем, что социальное развитие в целом, как и социальные, и исторические процессы представляют собой достаточно сложные явления, рассмотрение которых в контексте определенной темпоральной хронологии представляется, возможно, не самым лучшим вариантом, хотя это во многом зависит от тех целей и задач, которые ставит перед собой социальный субъект[13],[14].

Однако заметим, что подобный случай все же касается, в большей степени, тех конструкций, которые могут быть использованы тогда, когда к исследованию привлекаются линейные темпоральные структуры и, в данном случае, изучение социальных событий будет происходить внутри линейных моделей. Кстати, именно подобная модель и приводила к достаточно неоправданному увеличению сегмента настоящего в качестве процесса как линейного интервала, причем, предполагала чередование социальных и исторических позиций в настоящее времени[15],[16],[17].

Исследования в этом направлении вызывают некоторые проблемы, поскольку имеются достаточно серьезные возражения, связанные с тем, как в этом случае решать проблему с возможными сценариями, которые можно рассматривать и относительно исходной точки сегмента настоящего в социально-историческом процессе, так и с позиции зафиксированного завершения подобного процесса. Случай с движением по отношению к сегменту будущего времени напрашивается сам собой. В этой связи, если дискурс идет о характеристиках с точки зрения количества в отношении прошлого, есть смысл производить оценку социальных процессов, которые напрямую влияют на внутреннюю структуру подобных процессов, и которые связаны с социальным и историческим временем[19],[20].

Более того, в данном случае принципиально важным является то, что на приоритетное место выходит понятие длительности, и не просто длительности, а интервальной длительности социального процесса, и этот процесс будет относиться и фиксироваться в контексте такой структуры времени, которая одновременно отражает свойства и периодов, и интервалов, т.е. перед нами вариант периодическо-интервальной структуры. Кстати, на наш взгляд данную структуру можно, вполне, сочетать и с другой структурой, например метрическо-интервальной структурой, и это сочетание является, весьма, прагматичным и позитивным с точки зрения достижения новых результатов. Нельзя не отметить и другую позицию[21].

Если дискурс касается сегмента прошлого с учетом интерпретационного и оценочного уровней, и осуществляется переход на такие характеристики, которые рассматриваются с точки зрения качества, то имеет место и другой вопрос, связанный с тем, что находясь в пределах прошлого с учетом имеющихся различных процессов, которые в нем были и которые в нем будут, независимо от того, достигли ли они сегмента настоящего времени, они должны получить свое истолкование, получить свою интерпретацию и оценку.

Поэтому, авторы считают, что в данном случае социальный субъект должен отдать приоритет методам герменевтики лишь для того, чтобы задействовать настоящее время, а иногда и обращаться к сегменту будущего, возможно именно с учетом герменевтики рассмотреть ситуацию, когда конкретные характеристики могут, так или иначе, повлиять на сегмент прошлого времени, имеются ввиду различия между процессами, некоторой их внутренней определенностью, а также множество событий, явлений и т.д.

Следовательно, останавливаясь на том, что изучение внутренней структуры социального развития социальным субъектом предполагает утверждение, что для него является принципиальным отобразить, что именно в этом случае имеется множество направлений или исторических реконструкций, направленных к сегменту прошлого, и это будет отдельное исследование, которое представляется весьма важным именно с методологических позиций. Авторы работы обоснованно предлагают, что такие обращения имеют во многом реальный интерпретационный и оценочный характер, т.к. иначе ни качественные, ни количественные характеристики не получают своей собственной интерпретации и не получают даже оценки, с одной стороны, и исследователь не сможет выйти на изучение реальных семантических контекстов, с другой стороны[22].

Но при этом следует учитывать и то, что сегмент прошлого имеет свои качественные и количественные характеристики, которые обозначат как бы начало и некоторый настоящий сегмент рассматриваемого социально-исторического процесса, поэтому исследование смещается в сторону поиска необходимого семантического инструментария, пригодного для того, чтобы существо-

вала возможность иметь целый арсенал необходимых идеализаций и абстракций, которые давали бы возможность реконструировать сегмент прошлого времени.

С другой стороны, при переходе от сегмента прошлого к сегменту настоящего, в рамках которого будет фиксироваться внутренняя структура социального развития, исследователь обязан представить ряд необходимых замечаний, касающихся, в первую очередь, того, что социальное развитие, как и социальный, и исторический процессы исследуются с позиций имеющегося определенного начала и имеющейся определенной завершенности, хотя прямо нужно сказать, что оба эти понятия имеют оттенок идеальных объектов.

Другими словами, авторы предполагают то, что рассмотрение внутренней структуры социального развития, которое, так или иначе, касалось стрелы времени, на что было указано выше, конечно, касалось того, что социально-исторический процесс приобретал свое некоторое начало и некоторое завершение, но блоки завершения и начала можно понимать по-разному – и как точки, и как интервалы, и как длительности, и как границы, и т.д.

Поэтому обратимся к современной научной литературе, в которой идет обсуждение сходных и подобных проблем. Авторы, конечно, не будут вступать в дискуссию по данному вопросу, т.к. дискуссия весьма интересная, но, в то же время, она длительная, однако принципиально отметить, что и концепт начала, и концепт завершенности социального развития, равно как и социального процесса, и исторического процесса увязывается с тем, что напрямую выходит не только на общую схему стрелы времени, но и коррелирует с множеством процессов, имеющих место в рамках общей структуры.

Поэтому вполне справедливо полагается, что вообще настоящее с точки зрения роли в рамках социально-исторического исследования необходимо представлять в рамках структуры интервальной, а не в рамках сочетания структур времени.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности», № 16-33-00003

Литература

1. Попов В.В., Тимофеев В.А. Социальные противоречия в социальных переходах// *News of Science and Education*. 2017. Т. 4. № -9. С. 36-38.
2. Попов В.В., Шатун В. Особенности внутренней структуры трансформации// *News of Science and Education*. 2017. Т. 4. № -9. С. 39-41.
3. Попов В.В., Разуваева М. Темпоральность социального субъекта в социокультурном аспекте// *News of Science and Education*. 2017. Т. 4. № -9. С. 33-35.
4. Попов В.В. Концепт «смысл культуры» в социокультурном познании. в сборнике: современные концепции развития .2016. С. 160-164.
5. Попов В.В., Музыка О.А. Концептуальный подход к транзитивному обществу// *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12-3 (74). С. 128-130.
6. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества// *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7-0. С. 111-114.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Сценарии и альтернативы будущего в контексте социальной синергетики// *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 9-2. С. 307-310.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Уколов А.О. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетики// *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 10-1. С. 150-153.
9. Попов В.В., Музыка О.А., Максименко Л.В., Уколов А.О. Теория предпочтений в синергетической парадигме// *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 8-2. С. 311-314.
10. Попов В.В., Музыка О.А., Разуваева М.И., Уколов А.О. Особенности постнеклассической интерпретации мира// *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 9-2. С. 305-308.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Шатун В.И., Уколов А.О. Социальная рациональность в контексте синергетики// *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 9-3. С. 462-465.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция стабильности в социальных трансформациях// *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Т. 5. № 6А. С. 239-247.
13. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Структура социального процесса в контексте комплекса событий// *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Т. 5. № 6А. С. 96-104.
14. Лукьянов Г.И., Пудовкина О.Е., Ивашова В.А., Мигачева М.В., Хохлова Е.В., Атласов Д.И., Тюленев В.А., Нагевичене В.Я., Бекижева Д.И., Силантьева В.А., Жабчик С.В., Попов В.В.// *Научные исследования: информация, анализ, прогноз*. Воронеж - Москва, 2015-. Том 48-272с.
15. Попов В.В., Музыка О.А., Уколов А.О. Специфика «настоящего» в контексте философии истории// *Современное общество, образование и наука.-ч.4-Уфа*. 2015-. С. 130-131.
16. Попов В.В., Музыка О.А., Уколов А.О. Темпоральное становление в концепции а. грюнбаума// *Современное общество, образование и наука.-ч.4-Уфа*. 2015-. С. 131-133.
17. Попов В.В., Музыка О.А., Щеглов Б.С. Становление и «стрела времени» в концепции д. уитроу// *Современное общество, образование и наука.-ч.4-Уфа*, 2015-. С. 133-134.
18. Попов В.В., Щеглов Б.С. Философия настоящего времени в контексте постнеклассического

дискурса// Современное общество, образование и наука.-ч.4-Уфа, 2015-. С. 134-135.

19. Попов В.В., Музыка О.А., Щеглов Б.С. Вероятность и случайность в контексте концептуализации постнеклассической науки// Science, technology and life -Vienna, 2014 С. 656-664.

20. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности// Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

21. Попов В.В., Ковтунова Д.В., Лойтаренко М.В. Социальный субъект в контексте нестабильного общества// Философия права. 2015. № 6 (73). С. 92-96.

22. Попов В.В., Музыка О.А. Рациональность как фактор оценки саморазвивающейся системы// Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 864-867.

23. Куксин И.Н., Чечельницкий И.В. Справедливость как нравственная, социальная и юридическая категория//Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции: сборник/Под общей редакцией Т.А. Сошниковой. 2016. С. 31-38.

24. Адыгезалова Г.Э. Карл Никерсон Ллевеллин//Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2 (283). С. 182-191.

25. Адыгезалова Г.Э. Теория и практика в осуществлении права: социально-правовое исследование//Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 96-99.

26. Адыгезалова Г.Э. Правообразующий интерес в социолого-правовой теории Р. Паунда//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 23-25.

Temporal boundaries social process and the phenomenon of lasting present

Popov V.V., Music O.A., Timofeyenko V.A.

State University of Economics (RINH), Taganrog Institute named A. P. Chekhov (branch)

The article considers methodological and theoretical issues in the study of internal structure social development. It is shown that in the theoretical analysis involved a lot of concepts that have no clear interpretation in the modern socio-philosophical literature. Emphasizes the conceptual and semantic issues related to the construction of semantic ranks of the dynamic categories that are a priority because otherwise, the very internal system and structure research, consideration and study of all possible outputs from the historical process to a broader methodology of socio-humanitarian knowledge, will be greatly hampered. Examines the phenomenon of the past time.

Key words : the structure of social development, past time, social dynamics, time segment, trend, alternative scenarios for the future of transit, social event, social process, continuing now.

References

1. Popov V. V., V. A. Timofeyenko Social contradictions in social transitions// News of Science and Education. 2017. Vol. 4. No. -9. S. 36-38.
2. Popov V. V., Rod V. Peculiarities of the internal structure of the transformation// the News of Science and Education. 2017. Vol. 4. No. -9. S. 39-41.
3. Popov V. V., Razuvaeva, M. Temporality of the social subject in the socio-cultural aspect// News of Science and Education. 2017. Vol. 4. No. -9. S. 33-35.

4. Popov V. V. Concept "sense of culture" in the socio-cultural knowledge. in the book: modern concepts of development .2016. P. 160-164.
5. Popov V. V., Musica O. A. Conceptual approach to the transitive society// Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2016. No. 12-3 (74). S. 128-130.
6. Popov V. V., Musica O. A., Timofeyenko, V. A. Contradictions in the context of transitional periods transitional societies// international journal of experimental education. 2016. No. 7-0. P. 111-114.
7. Popov V. V., Musica O. A. Timofeyenko, V. A., Ukolov A. Scenarios and alternatives for the future in the context of social synergetics// international journal of experimental education. 2016. No. 9-2. P. 307-310.
8. Popov V. V., Musica, O. A., Ukolov A. O. Value evaluation factor in the context of sociocentricity// international journal of applied and fundamental research. 2016. No. 10-1. P. 150-153.
9. Popov V. V., Musica, O. A., Maksymenko L. V., A. Ukolov, O., Theory of preferences in terms of the synergetic paradigm// international journal of applied and fundamental research. 2016. No. 8-2. P. 311-314.
10. Popov V. V., Musica, O. A., Razuvaev M. I. Ukolov O. A. Features of post-non-classical interpretation of the world// international journal of applied and fundamental research. 2016. No. 9-2. P. 305-308.
11. Popov V. V., O. A. Musica. Social rationality in the context of synergetics// international journal of applied and fundamental research. 2016. No. 9-3. P. 462-465.
12. Popov V. V., Musica, O. A., Kiselev S. A. Concept of stability in social transformation// the Context and reflection: philosophy of the world and man. 2016. Vol. 5. No. 6A. P. 239-247.
13. Popov V. V., Musica, O. A., Kiselev S. A. Structure of the social process in the context of complex event// Context and reflection: philosophy of the world and man. 2016. Vol. 5. No. 6A. P. 96-104.
14. Loginov G. I., Pudovkina O. E., Ivashov, V. A., Migachev, M. V., Khokhlova E. V., Atlas, D. I., Tyulenev, V. A., V. J. Nagovicina, Bukireva D. I., Silantieva V. A., Gabcik S. V., Popov V. V.// Scientific research: information, analysis, forecast. Moscow - Voronezh, 2015-. Volume 48-272c.
15. Popov V. V., Musica O.A, Ukolov A. A. Specifics of "real" in the context of the philosophy of history// Modern society, education and science.-part 4-Ufa. 2015-. Pp. 130-131.
16. Popov V. V., Musica, O. A., Ukolov A. O. Temporal development of the concept. grünbaum// Modern society, education and science.-part 4-Ufa. 2015-. S. 131-133.
17. Popov V. V., Musica, O. A., Scheglov B. S. Formation and the "arrow of time" in the concept of D. Withrow, Contemporary society, education and science.-part 4-Ufa, 2015-. P. 133-134.
18. Popov V. V., Scheglov B. S. Philosophy of the present time in the context of post-nonclassical discourse of Modern society, education and science.-part 4-Ufa, 2015-. P. 134-135.
19. Popov V. V., Musica O. A., Scheglov B. S. Probability and randomness in the context of the conceptualization of post-non-classical science// Science, technology, and life-Vienna, 2014 Pp. 656-664.
20. Popov V. V., Scheglov B. S., Litarenko M. V. Features of an integrated interpretation of probability in the context of the evaluation factors and temporality// Filosofiya Prava. 2015. No. 2 (69). P. 23-27.
21. Popov V. V., Kovtunova D. V., M. V. Litarenko. Social subject in the context of an unstable society// Philosophy of law. 2015. No. 6 (73). S. 92-96.
22. Popov V. V., Musica O. A. Rationality as a factor in the evaluation of the self-developing systems// Fundamental research. 2015. No. 2-4. P. 864-867.
23. Kuskun I.N., Chechelnitsky I.V. Justice as a moral, social and legal category // Social justice and law: problems of theory and practice. Materials of the international scientific-practical conference: collection / Under the general editorship of T.A. Sosnikova. 2016.S. 31-38.
24. Adygezalova G.E. Karl Nickerson Llewellyn // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2009. No. 2 (283). S. 182-191.
25. Adygezalova G.E. Theory and practice in the implementation of law: socio-legal research // Theory and practice of social development. 2016. No. 4. P. 96-99.
26. Adygezalova G.E. Law-building interest in the socio-legal theory of R. Pound // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 3-1. S. 23-25.

Социальные услуги: сущность и принципы

Малофеев Иван Вячеславович,

д.соц.н., профессор кафедры Теории и технологии социальной работы, ГАУ города Москвы "Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы", ivan_malofeev@inbox.ru

Келлер Павел Анатольевич,

аспирант Института дополнительного профессионального образования ДТЭСН г. Москвы, pavelkeller@yandex.ru

В статье исследуются парадигмальные подходы к развитию социальных услуг классиков социологии, сущностное содержание понятия социальной услуги. Обобщены структурные компоненты системы социальных услуг, принципы, основания для классификации услуг. Также в работе показаны ограничения применения действующих классификаций социальных услуг, в том числе нормативно определенных действующими в России классификаторами видов хозяйственной деятельности. Авторами предложена модель классификации системы социальных услуг с позиции целостности и системности их совокупности как отдельного социального института.

Ключевые слова: социальные услуги, структурные компоненты системы социальных услуг.

В настоящее время завершена институционализация системы социального обслуживания, сформированы ее все основные составляющие. Этот социальный институт, целью которого является удовлетворение наиболее значимых потребностей общественного развития является системой, компонентами которой являются социальные услуги. Фундаментальные работы в данной области, в том числе посвященные определению сущности категории социальной услуги, содержания, структуры занимают ученые и специалисты различных отраслей научных знаний: социологи, политологи, философы, экономисты, медики, культурологи и т.д.

Классикам социологической науки принадлежит ведущее место в разработке теоретической базы социальных услуг. К первой группе исследований можно отнести теории, определяющие институциональные формы исследуемой системы, функцией которой является реализация в обществе социальных услуг в качестве нормативно определенных механизмов взаимодействия независимо от действий отдельного индивида. Среди концепций в рамках данной постановки вопроса ведущее место занимает структурно-функциональный подход, сформированный трудами таких ученых, как Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Роберт Мертон, Нейл Джозеф Смелзер, Ян Щепаньский и другие зарубежные социологи).

Теории субъективной направленности следует отнести ко второй группе социологических концепций институционализации. Они рассматривают социальные институты в качестве характеристик внутреннего общественного устройства. В данных концепциях центром проблемы институционализации определено социальное действие личности и ее социальная идентификация.

В теоретических подходах Макса Вебера, Джорджа Герберта Мида, Герберта Блумера, Питера Людвиг Бергера, Ирвинга Гофмана, Томаса Лукмана, Альфреда Шюца и других основу образует субъективный смысл, который вкладывают индивиды в социальное действие. В трудах Макса Вебера подробно изучаются типы социального действия.

Талкотт Парсонс рассматривал действие с точки зрения системного подхода. Если отнести данный подход к социальным услугам, то они являются ключевым элементом системы социального обслуживания. При этом основным согласно данному подходу является реализация субъект-объектные отношения в определенных ситуациях. Согласно определению Т. Парсонса, воздействия, организованные посредством взаимоотношений индивидов, формируют

«социальную систему» действия.¹ Кроме того, показано, что предметом науки социологии является сущность институционализации эталонов ценностной ориентации в социальной системе, при этом условия этой институционализации и изменений в мотивационных процессах, образцах, условиях использования их и отклонения от какой-либо совокупности указанных эталонов. Причем исследователь подчеркивает, что с позиции экономики эти процессы не могут быть объяснены только с позиции теории рационального поведения экономических агентов.²

В рамках общих положений структурно-функциональной теории Талкотт Парсонс концентрирует внимание не на само действие во всей его комплексности и неделимости, а на ориентации на конкретную ситуацию действий объектов. Поиски в поле детерминации человеческого действия синтеза субъективного и объективного выражаются, по мнению ученого, в совокупности понятий. Но, при этом исследователь отмечает, что «объективный момент, воплощенный в ситуации, выходит далеко за пределы действия как такового, к макропроцессам и структурным свойствам социальной системы».³ Опираясь на данные теоретические подходы можно и нужно рассматривать социальную услугу в контексте макропроцессов, структурных и функциональных свойств системы социальной защиты населения, как социального института, социальной сферы и общества в целом.

К середине XX века в профессиональном сообществе социологов сформировался запрос на разработку такой социальной теории, которая смогла бы преодолеть противоречия и поляризационное восприятие дихотомий объективного и субъективного, структуры и индивида. И эта научное положение была развита Энтони Гидденсом - в 1986 году он выступил с докладом «Девять тезисов о будущем социологии». Социальная реальность «до» Энтони Гидденса определялась в фундаментальных работах как единая система. В качестве же основного критерия его развития мыслились факторы институциональных изменений и эволюции структур в структуры с другими свойствами. По сути ученый выступил против основ наиболее распространенной в то эволюционной теории постиндустриального общества и предложил «дискретную» интерпретацию современной социальной динамики, в которой современные институты, формирующие социальную жизнь общества, определяются как уникальные, существенно отличающиеся от институтов, сложившихся в традиционных обществах.

Э. Гидденс указывает, что социальные системы представляют собой совокупность опыта, организованного как зависимость субъекта воздействия и определенной социальной группы.⁴ При этом ука-

занное взаимодействие происходит в определенном пространственно-временном континууме, поэтому социальные системы интерпретируются как структурные поля, в которых агенты находятся на определенных институциональной средой позициях, определяемых характером взаимоотношений между собой. При этом сама категория системы связана с понятиями определяющих ее правил и ресурсов — структурных составляющих социальных систем.⁵

В трудах многих представителей социологической науки - теоретиков классической социологии, структурно-функциональный анализ определяется, как принцип системного подхода к исследованию социальных структуры и динамики социальных процессов, определенной на принципах комплексности как несводимости элементов к целому, в которой каждый из элемент структуры имеет функциональное значение, а его роль определяется системой взаимосвязей.

Ученые, сторонники структурно-функционального анализа, отмечают, что в результате его применения в исследовании должны быть получены следующие результаты: 1) получена сложносоподчиненная и подробная типология взаимосвязей частей и элементов друг с другом и с целым; 2) описаны возможные и допустимые (в смысле сохранения стабильности системы) состояния социальной системы (системы систем) в целом; 3) установлен определенный набор функций, которые реализуются посредством системы действий, 4) полученные результаты должны быть типологизованы и операционализированы для уровня исследований переменных в конкретных исследованиях. С точки зрения методологии основной круг проблем структурно-функционального анализа был оформлен в вектор изучения отношений между классом структур и классом функций. Данная методология конкретизировалась, в свою очередь, в проблемы функциональной необходимости и функциональных альтернатив действия.⁶

Исследуя парадигмальные подходы классиков социологии применительно к развитию социальных услуг, можно констатировать, что был выработан фундамент концептуальных подходов к данной проблеме, определено ее корневое, сущностное содержание.

Социальные услуги в самой общей формулировке это «часть структуры социальной сферы, имеющая признаки социального института, осуществляющая взаимодействие между юридическими лицами и потребителями услуг по удовлетворению их потребностей на основе права и установленных норм в законодательстве Российской Федерации».⁷

Как структурные компоненты (или подсистемы) системы социальных услуг можно выделить:⁸

⁵ Там же.

⁶ См. Новейший философский словарь изд. испр., Минск, Книжный дом – 2003, с.997.

⁷ Малофеев И.В. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012 – 176 с. ISBN 978-5-394-01677-5

⁸ Воронцова М.В., Макаров В.Е. Социальная защита и социальное обслуживание населения. Учебно-методическое пособие. – Таганрог: Изд-во С.А. Ступина, 2015. – 309 с. 2015 – 308 с. ISBN 978-5-9906613-3-2

¹ Parsons T. The social system. N.Y., 1964, p. 552.

² Parsons T. Там же

³ Ковалева М.С. Теория действия Толкотта Парсонса / История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса, М., 2010, с.155.

⁴ Малофеев И.В. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012 – 176 с. ISBN 978-5-394-01677-5

- объекты социальных услуг, которые определяются как отдельные индивидуумы, социальные группы, имеющие потребности, намерения и интересы в выявлении и решении имеющихся у них существенных проблем;

- субъекты сферы социальных услуг, которые определяются как отдельные индивидуумы, специализированные социальные организации, реализующие компетентность и осуществляющие профессиональную деятельность в сфере предоставления определенного спектра социальных услуг, а также лица, осуществляющие волонтерскую деятельность, а также потребители услуг (клиенты), обладающие социальной субъектностью;

- институционально определенные в соответствующих нормативных документах стандарты и нормы предоставления социальных услуг, методики оценки потребности в них, технологии, методы и формы предоставления услуг;

- материально-финансовые ресурсы;

- человеческие ресурсы институтов, оказывающих социальные услуги;

- социальные связи и отношения, создающиеся в процессе субъект-объектных отношений;

- культурная среда субъектно-объектных отношений в процессе предоставления социальных услуг;

- методики и инструменты оценки результативности и уровня качества оказываемых социальных услуг.

В структуре системы социальных услуг целесообразно выделить четыре главных компонента.

В качестве ключевого выступает объектный компонент системы, включающий в себя и потребителей социальных служб, имеющих свои индивидуальные потребности, интересы, особенности и др. В изучении объективного компонента при организации услуг, по мнению авторов, необходимо сосредоточиться на применении индивидуального, адресного подхода, с учетом оценки потребности в жизнеобеспечении клиента.

Вторым компонентом системы является субъектный. Он включает в себя «производителей» социальных услуг: сотрудников социальных служб, волонтеров, работающих в некоммерческих организациях осуществляющих предоставление социальных услуг, обладающих профессиональными знаниями, умениями и навыками в этой области. При этом необходимо учитывать такой фактор, как качество системы подготовки специалистов, их личностные и профессиональные качества, особенности мотивации ведения данного вида деятельности, наличие ценностных установок гуманизма и т.д.

Третий компонент структуры – средовой. Он представляет собой конкретный социум, в котором проходит процесс развития социальных услуг. Необходимо соизмерять и учитывать уровень адаптации социума к предоставляемым услугам, его отношение и доверие к социальным службам. Также важно создание достаточно высокого уровня доступности выбора их широкого спектра соци-

альных услуг, влияние их предоставления на социальное благополучие общества, а также такой фактор, как уровень востребованности социальных услуг в данном социуме.

В качестве четвертого компонента системы выступает содержательный компонент. Он включает в себя следующее: нормативно определенные стандарты и нормативы, принципы, формы, методы и технологии предоставления услуг, методики оценки их эффективности и результативности в качестве инструментов реализации социальной политики государства. По мнению авторов, к ним относятся следующие: социальная помощь, социальная диагностика, терапия (в широком смысле), коррекция, профилактика, социальный надзор, аудит социальной деятельности, мониторинг социальной среды и т.д.⁹

По мнению авторов, при применении такого подхода, структура системы социальных услуг определяется как совокупность взаимосвязей, определяемых характером отношений, в которые вступают между собой лица и социальные группы нуждающиеся в социальных услугах и хозяйствующие субъекты, государственные органы и индивидуумы, их предоставляющие.¹⁰

Категория услуги может быть основана на различных базисах. Так, например, ряде случаев можно говорить о характере таких системных ограничениях потребителя социальных услуг как разрушение семейных отношений, потеря работы, смерть близкого человека, потеря трудоспособности и инвалидность, с другой – об особенностях клиента, которые могут представлять собой как отдельного индивида, так и группу с наличием потребности в одном виде услуг или страдающие от последствий одного непредвиденного события.

Другой базис возникает, когда с одной стороны, когда рассматривается проблемы сферы деятельности, в процессе которой возникают системные ограничения взаимодействия с различными субъектами социальной и экономической сферы (например, здравоохранения, образования, финансовых институтов, транспорта); с другой – о статусе этих организаций (государственные, частные, благотворительные).

Рассматривая в качестве системного основания для классификации типов клиентов социальных услуг учитывая его социальные проблемы, можно говорить о следующих службах:

а) организации социальной помощи населению, включая выявление объектов предоставления социальных услуг - семей, групп социального риска (многодетных, неполных, студенческих, имеющих ребенка-инвалида, имеющих родителя или родителей с инвалидностью, проживающих в неблагоприятных жилищных условиях и не имеющих возможности их улучшить, лиц, склонных к асоциальному поведению и низкой социальной ответствен-

⁹ Малофеев И.В. Услуги в системе социального обслуживания населения в условиях модернизации социальной сферы / Дисс... д.с.н. – М., РГСУ, 2012 -

¹⁰ Там же

ности, одиноких и не имеющих заботы, престарелых и нуждающихся в дополнительной помощи) и оказание им содействия в получении полного спектра помощи, в том числе материальных ресурсов, медицинских и юридических услуг, психолого-педагогической помощи, социально-бытовой и иной необходимой помощи; выявление у населения различного возраста социальных, личных и ситуативных трудностей; помощь в их преодолении путем оказания услуг, направленных на поддержку, защиту, реабилитацию; привлечение в необходимых случаях с этой целью специалистов, напрямую не относящихся к социальной сфере — юристов, психологов, педагогов и др.;

б) служба, предоставляющая услуги социальной реабилитации, целью которой является социальная помощь лицам, ситуативно попавшим в трудную жизненную ситуацию в следствии несчастных случаев, а также ресоциализации лиц освобожденных из мест лишения свободы, освободившихся из закрытых учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений;

в) службы, объектом деятельности которой является оказание различных видов помощи семье: семейные консультации психологов с целью сохранения брака и улучшения взаимопонимания детей и родителей, службы знакомств с целью создания семьи и помощи в преодолении одиночества и социальной изоляции, различные виды семейного образования и воспитания, сексологические кабинеты, юридические консультации, финансовые советы и др.

Базисом для построения классификации может также выступить профессиональная сфера деятельности:

а) служба, целью которой является предоставление бытовых услуг и помощь в их получении, ключевыми задачами которой, прежде всего, является расширение перечня услуг предоставляемых престарелым, одиноким лицам, инвалидам; содействие обеспечением данной категории людей; развитие специализированным жильем, формирование институциональных условий совершенствования системы обеспечения инвалидов; протезно-ортопедической помощью и специальными изделиями для компенсации дефекта, замещения потерянных конечностей, устройствами для облегчения ведения быта;

б) служба социальной профилактики девиантного поведения, целью которой является работа по предупреждению поступков, связанных с пониженной социальной ответственностью - преступности различных видов, алкоголизма, наркомании, суицида, бродяжничества, правонарушений и других асоциальных явлений среди несовершеннолетних; содействие формированию и функционированию в учебных заведениях системы формирования устойчивой социализации, профилактики всех видов девиантного поведения и социальной дезадаптации.

По мнению авторов, система социальных услуг строится на принципах:

- адресности, т.е. на предоставлении персонализированной помощи конкретному лицу в сроки, позволяющие как можно менее эффективно снизить социальные проблемы нуждающихся в них лиц;

- доступности социальной помощи, предполагающей обеспечение возможности беспрепятственного и своевременного бесплатного и частично платного получения социальных услуг, которые включены соответствующими нормативными актами как в федеральный, так и территориальные перечни гарантированных государством социальных услуг;

- добровольности получения социальных услуг – добровольного обращения как самого нуждающегося так и его опекуна, попечителя, другого законного представителя, федерального органа государственной власти, регионального или муниципального органа власти, некоммерческой организации или общественного объединения;

- гуманности, предполагающей право граждан, получать качественную помощь вне зависимости от социального статуса, пола, возраста, наличия судимости, инвалидности, инфекционных заболеваний);

- приоритетности предоставления полного спектра социальной помощи оказавшихся в трудной жизненной ситуации несовершеннолетних;

- конфиденциальности предоставления социальной помощи, предусматривающей, что сведения личного характера, ставшие известными работникам учреждения социального обслуживания при оказании социальных услуг, а также специализированным привлеченным специалистам, оказывающих, например юридические или информационные услуги составляют профессиональную тайну.

В России в настоящее время действует несколько классификаторов, описывающих сложившуюся структуру в сфере услуг. Органы государственной статистики в соответствии положениями Общероссийского классификатора технико-экономической и социальной информации разделяют услуги на два класса в зависимости от субъектно-объектных отношений:

- услуги населению, определенные в Общероссийском классификаторе услуг населению, (ОКУН),

- дифференцированные по видам деятельности услуги и определенные Общероссийским классификатором видов экономической деятельности, введенном соответствующим нормативным актом с 01.01.2003 г.¹¹

Следует отметить, что Общероссийский классификатор услуг населения является составной

¹¹ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности Russian Classification of Economic Activities ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1) УТВЕРЖДЕН Постановлением Госстандарта РФ от 06.11.2001 N 454-ст Дата введения 2003-01-01 (в ред. Изменений 2/2011, утв. Приказом Ростехрегулирования от 17.06.2011 N 134-ст) Электронный документ. Режим доступа - <https://www.nbconsulting.ru/documents/OKVED.pdf>

частью Единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации (ЕСКК ТЭИ). Таким образом, в качестве объектов нормативно определенной классификации являются услуги населению, оказываемые хозяйствующими субъектами и отдельными индивидуальными гражданами, использующими различные подходы, инструменты, технологии и методы их предоставления. Этот классификатор включает в себя 13 составных группировок на высшем уровне обобщения и более 1500 наименований конкретных услуг, непосредственно входящих в данные уровни классификации с различной степенью полноты и охвата, среди которых можно выделить следующие:

«бытовые услуги»,
«услуги связи»,
«жилищно-коммунальные услуги»,
«услуги учреждений культуры»,
«туристические и экскурсионные услуги»,
«услуги физической культуры и спорта»,
«медицинские услуги»,
«услуги правового характера»,
«услуги банков»
«услуги в системе образования»
«услуги торговли и общественного питания, услуги рынков»
«прочие услуги населению».¹²

Тем не менее, указанная классификация не является комплексной. По мнению авторов, она не учитывает такие инновационные виды социальных услуг, характерные для социально-экономической системы, например, аудиторские, информационно-телекоммуникационные, а также социальные услуги и услуги учреждений социального обслуживания населения. Кроме того, данная классификация недостаточно взаимосвязана с принятой в международной практике классификацией услуг.

Так, например, совокупность статистических показателей в ESSPROS представляет собой схему услуг в рамках системы социальной защиты населения.¹³ В рамках этой системы различаются восемь основных направлений, которые прямо или косвенно могут быть связаны с соответствующими услугами:

- по поддержке здоровья;
- по поддержке инвалидности;
- по обеспечению старости;
- в области социальной поддержки семьи, детей, материнства;
- по поддержке безработных;
- по помощи в иных ситуациях, возникающих в отношении необходимости получения услуг здравоохранения, образования, трудоустройства, обеспечения материальных потребностей.¹⁴

Вышеперечисленные типы и виды классификаций в сфере социальных услуг демонстрируют тот

факт, что есть существенные различия в перечне действий, которые в настоящее время относятся к классу услуг. Тем не менее, следует отметить, что наличие разнообразных методов классификации обусловлено объективными причинами, среди которых следует выделить такие классификационные признаки, как: большое разнообразие и неоднородность услуг; значительное расширение сферы услуг и возникновение новых видов услуг; дифференцированная целевая аудитория потребителей сферы услуг. По параметру реализации услуг: исполнение одних из них в большей степени зависит от особенностей средств и технологий их предоставления, другие определяются уровнем компетентности субъектов, их реализующих и т.д. Помимо этого, различаются подходы к классификации услуг в отдельных странах, и этот фактор в современных условиях, несмотря на процессы глобализации становится структурным ограничением на пути развития социальных услуг.

По признаку наличия или отсутствия инноваций - услуги можно классифицировать как традиционные и инновационные. К первым относятся в большей степени те, которые сложились и годами не изменяются ни по форме, ни по содержанию. В то время, как инновационные услуги нацелены на внедрение в практику работы социального обслуживания новые виды услуг, более качественные, более эффективные, более адресные и дифференцированные.

Следующую классификационную категорию услуг представляют собой социальные услуги, типологизованные по признаку метода их предоставления. В практике услуг таких услуг применяются в широком диапазоне. К ним относятся как услуги материального характера а натуральной и денежной форме, психологическая помощь в форме психотерапии и психокоррекции, услуги области образования и воспитания, медицинские услуги в виде физиотерапии, санитарно-курортного обслуживания, восстановительной терапии и реабилитации, коммуникативные услуги (информационные, социально-досуговые), комплексные - которые сочетают в себе различные в различной комбинации ранее предложенные методы.

Следовательно, предлагаемая авторами модель классификации системы социальных услуг комплексно, системно формируют подпространство социального единого социального института, реализующего эти функции.

В практическом плане показательно рассмотрение системы социальных услуг на примере Москвы. В столице основным инструментом реализации государственной политики в области социальной защиты населения является Государственная программа города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы». Основные цели программы ориентированы на создание условий для повышения уровня и качества жизни граждан, нуждающихся в социальной защите, развитие адресных форм социальной

¹² Там же

¹³ Кашина О.Н., Королева Д.Ю. Социальные риски: понятие, классификация, проблемы измерения (на примере западноевропейских стран) // Известия Санкт-Петербургского университета Экономики и финансов. – 2003. - № 1. – С.117–119.

¹⁴ Там же

поддержки населения, на развитие современных социальных услуг.

В настоящее время в системе социальной защиты населения города Москвы предоставляют услуги по социальному обслуживанию населения: 37 центров социального обслуживания, в которых более 128 тыс. человек москвичей получают социальные услуги на дому; 10 пансионатов для ветеранов войны и труда, 18 психоневрологических интернатов, Геронто-психиатрический центр милосердия, Социально-реабилитационный центр ветеранов войн и Вооруженных Сил, Пансионат «Никольский парк», «Пансионат для инвалидов по зрению», 4 социальных жилых дома, в которых ежегодно получают услуги социального обслуживания более 16 тысяч человек; 1838 человек получают социальные услуги на дому в патронажных отделениях при организациях стационарного социального обслуживания.

Кроме того, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы реализует мероприятия, направленные на активное долголетие пожилых москвичей, в рамках исполнения Плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения города Москвы» и Плана мероприятий по реализации Комплекса мер «Лучшая половина жизни», в соответствии с которыми профильными органами исполнительной власти города Москвы людям старшего поколения оказывается медицинская, социальная, культурная, оздоровительная помощь и поддержка.

По данным общегородского Регистра лиц с ограничениями жизнедеятельности в настоящее время в городе Москве проживает около 1,1 млн. инвалидов, в том числе, детей-инвалидов около 38, 5 тыс. чел. (3,4%).

Услуги по социальной реабилитации предоставляются инвалидам, проживающим в городе Москве, в нестационарной и стационарной форме, а также с выездом на дом или на специально созданных площадках Мобильными группами. Для оказания своевременной, квалифицированной помощи в системе социальной защиты населения города Москвы функционируют 8 центров социальной реабилитации инвалидов, 8 реабилитационно-образовательных учреждений, 93 реабилитационных отделения при территориальных центрах социального обслуживания и социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, из них - 36 отделений для детей-инвалидов.

В 2017 году услуги комплексной реабилитации в подведомственных организациях оказывают 25 Мобильных служб реабилитации. По состоянию на 20 июня 2017 г. в городе Москве реабилитационными учреждениями и отделениями инвалидам мобильными бригадами было проведено 907 курсов реабилитации. Кроме того, 104 инвалида в возрасте до 40 лет получили аналогичные услуги в АО «Реабилитационный центр для инвалидов «Преодоление».

В 2012-2013 гг. Департаменту труда и социальной защиты населения города Москвы от Департамента семейной и молодежной политики города Москвы и Департамента образования города Москвы были переданы 40 организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – организации для детей-сирот): 20 детских домов; 9 школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 11 домов ребенка. При этом, в ведении Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы уже находились 7 детских домов-интернатов для умственно отсталых детей.

В рамках реализации в г. Москве модели профилактики социального сиротства и развития семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, все детские дома, школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детские дома-интернаты для умственно отсталых детей, дома ребенка реорганизованы в 29 Центров содействия семейному воспитанию (далее – Центр). По состоянию на 1 июля 2017 г. в Центрах находятся 2 855 воспитанников (2016 г. – 2 917, 2015 г. – 3 463, 2014 г. – 3 975, 2013 г. – 3 818). В целях совершенствования деятельности организаций для детей-сирот в ряде Центров содействия семейному воспитанию работали инновационные опытно-экспериментальные площадки.

Развивается система предоставления социальных услуг негосударственным сектором. Так, в г. Москве также функционируют 7 негосударственных организаций для детей-сирот. В указанных организациях проживают 93 ребенка, оставшихся без попечения родителей (2016 г. – 90, 2015 г. – 113, 2014 г. – 135, 2013 г. – 146).

Осуществляется разработка и внедрение новых технологий предоставления социальных услуг гражданам, проживающим в сельской местности. В целях повышения качества и доступности предоставления социальных услуг в отдаленных поселениях организована работа 12 Клиентских служб - структурных подразделений центров социального обслуживания, созданных на территориях Троицкого и Новомосковского административных округов города Москвы.

Клиентские службы обеспечивают в пределах своей компетенции выполнение функций, связанных с реализацией единой государственной политики в области социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, граждан пожилого возраста, инвалидов, в том числе детей-инвалидов и лиц с ограничениями жизнедеятельности, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, семей с детьми, а также иных нетрудоспособных и малообеспеченных групп населения, нуждающихся в социальной поддержке, проживающих на обслуживаемой территории:

- осуществляют прием населения по вопросам социальной защиты, оказывают консультационные услуги, в том числе по вопросам о мерах социальной поддержки, установленных действующим за-

конодательством для отдельных категорий граждан, информируют о деятельности учреждений социального обслуживания;

- принимают заявление и документы на оказание услуг социального обслуживания и адресной социальной помощи на получение технических средств реабилитации;

- проводят обследование материально-бытовых условий граждан, нуждающихся в социальной поддержке;

- производят постоянный мониторинг граждан пожилого возраста и инвалидов, относящихся к категории «группы риска»;

- оказывают помощь гражданам в подаче заявлений на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде через сайт государственных и муниципальных услуг города Москвы.

Литература

1. Антонова Н.Л. Потребности семьи в социальных услугах // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. №2 (57). С.177-180

2. Басников О.В. Современные проблемы функционирования и развития сферы социальных услуг // Вестник ЧГУ. 2010. №4. С.302-307

3. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995. - 352 с.

4. Ерусланова Р.И. Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому: Учебное пособие / Р.И. Ерусланова. – 4-е изд.- М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. - 164 с.

5. Кашина О.Н., Королева Д.Ю. Социальные риски: понятие, классификация, проблемы измерения (на примере западноевропейских стран) // Известия Санкт-Петербургского университета Экономики и финансов. – 2003. - № 1. – С.117–119.

6. Ковалева М.С. Теория действия Толкотта Парсонса/ История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса, М., 2010, с.155.

7. Малофеев И.В. Развитие социальных услуг в современном обществе: теория вопроса. Монография.- М.: ИПК ДСЗН, 2010.

8. Малофеев И.В. Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. №4. С.169-172

9. Маяцкая И. Н. Эффективность и качество предоставляемых услуг в учреждениях социального обслуживания населения // Бизнес в законе. 2012. №2. С.231-234

10.Новейший философский словарь изд.испр., Минск, Книжный дом – 2003, с.997.

11.Parsons T. The social system. N.Y., 1964, p. 552.

12.Стандартизация и сертификация в сфере услуг. / Под ред. А. Ракова. - М., 2002. - 208 с.

13.Топчий Л.В. Социальное обслуживание населения: ценности, теория, практика: Учебное пособие. - М.: Изд. РГСУ, 2011. – 320 с.

14.Общероссийский классификатор видов экономической деятельности Russian Classification of Economic Activities ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1) УТВЕРЖДЕН Постановлением Госстандарта РФ от 06.11.2001 N 454-ст Дата введения 2003-01-01 (в ред. Изменений 2/2011, утв. Приказом Ростехрегулирования от 17.06.2011 N 134-ст) Электронный документ. Режим доступа - <https://www.nbconsulting.ru/documents/OKVED.pdf>

15.Адыгезалова Г.Э. Правообразующий интерес в социолого-правовой теории Р. Паунда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 23-25.

16.Джамалудинова М.Ю. Государственное и муниципальное управление. Введение в специальность. Москва, 2015.

17.Джамалудинова М.Ю. Теоретические аспекты и проблемы государственного управления региональным воспроизводством в условиях трансформационной экономики // Вопросы экономики и права. 2011. № 31. С. 90-93

18.Куксин И.Н. Ответственность: социальное и юридическое содержание // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2015.№ 3 (19). С. 52-62.

19.Социально-экономическое развитие: проблемы и решения: монография в 2-х книгах / Блюм М.А., Валишвили М.А., Глянцева Е.И., Калякина И.М., Кошечкина Е.А., Кулыняк И.Я., Малышев Д.Н., Марченко Е.В., Рыбина З.В., Сушко А.И., Сушко В.А., Хазанова Д.Л., Чеснокова Ю.В. / под редакцией Н. С. Клунко. Ставрополь, 2014. Том Книга 2

Social services: essence and principles

Malofeev I.V., Keller P.A.

Institute of Additional Professional Education of Workers for Social Services of DLSPP of Moscow

In article paradigmaly approaches to development of social services of classics of sociology, the intrinsic maintenance of a concept of social service are investigated. Structural components of system of social services, the principles, the bases for classification of services are generalized. Also in work restrictions of application of the operating classifications of social services, including standardly certain are shown by the qualifiers of types of economic activity operating in Russia. Authors have offered model of classification of system of social services from a position of integrity and systemacity of their set as separate social institute.

Key words: social services, structural components of the social services system.

References

1. Antonova N.L. Needs of family for social services//Messenger. Series: Social humanities. 2006. No. 2 (57). Page 177-180
2. Basnikov O.V. Modern problems of functioning and development of the sphere of social services//ChGU Bulletin. 2010. No. 4. Page 302-307
3. Durkheim E. Sociology: her subject, method, mission. - M.: Canon, 1995. - 352 pages.
4. Eruslanova R.I. Technologies of social service of elderly people and disabled people at home: Manual / R.I. Eruslanova. – 4 prod. - M.: Publishing and trade corporation "Dashkov and To", 2010. - 164 pages.
5. Kashina O.N., Queen D. Yu. Social risks: a concept, classification, measurement problems (on the example of the Western

- European countries)//News of St. Petersburg University of Economics and Finance. – 2003. - No. 1. – Page 117-119.
6. Kovalyova M.S. Theory of action of Tolkott Parsons//Istoriya of theoretical sociology. Stabilization consciousness and the sociological theory in a century of crisis, M., 2010, page 155.
 7. Malofeyev I.V. Development of social services in modern society: theory of a question. Monograph. - M.: IPK DSZN, 2010.
 8. Malofeyev I.V. Development of system of social services for the population: experience and problems//Scientific notes of ZABGU. Series: Philosophy, sociology, cultural science, social work. 2012. No. 4. Page 169-172
 9. Mayatskaya I. N. Efficiency and quality of the provided services in institutions of social service of the population//Business in the law. 2012. No. 2. Page 231-234
 10. The newest philosophical dictionary of prod.ispr., Minsk, Book house – 2003, page 997.
 11. Parsons T. The social system. N.Y., 1964, p. 552.
 12. Standardization and certification in a services sector. / Under the editorship of A. Rakov. - M, 2002. - 208 pages.
 13. Topchy L.V. Social service of the population: values, theory, practice: Manual. - M.: Prod. RGSU, 2011. – 320 pages.
 14. The ALL-RUSSIAN CLASSIFIER OF ECONOMIC ACTIVITIES of Russian Classification of Economic Activities OK 029□2001 (KDES of the Edition 1) is APPROVED by the Resolution of Gosstandart of the Russian Federation from 11/6/2001 N 454 st Date of Introduction 2003□01□01 (in an edition. Changes 2/2011, утв. Order Rostekhregulirovaniya from 6/17/2011 N 134 st) Electronic document. The mode of access is <https://www.nbconsulting.ru/documents/OKVED.pdf>
 15. Adygezalova G.E. Law-building interest in the socio-legal theory of R. Pound // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 3-1. S. 23-25.
 16. Jamaludinova M.Yu. State and municipal government. Introduction to the specialty. Moscow, 2015.
 17. Jamaludinova M.Yu. Theoretical aspects and problems of state management of regional reproduction in a transinformation economy // Problems of Economics and Law. 2011. No. 31. S. 90-93
 18. Kuksin I.N. Responsibility: social and legal content // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Jurisprudence. 2015.No 3 (19). S. 52-62.
 19. Socio-economic development: problems and solutions: a monograph in 2 books / Blum MA, Valishvili MA, Glyantseva E.I., Kalyakina I.M., Koshechkina E.A., Kulynyak I. .Ya., Malyshev D.N., Marchenko E.V., Rybina Z.V., Sushko A.I., Sushko V.A., Khazanova D.L., Chesnokova Yu.V. / Edited by N. S. Klunko. Stavropol, 2014. Volume Book 2

Развитие и трансформация современных технологий в работе с семьей на региональном уровне

Осьмук Людмила Алексеевна,

доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий и реабилитации, заведующая кафедрой социальной работы и социальной антропологии Новосибирский государственный технический университет, osmuk@mail.ru

В статье поднимается проблема изменения содержания и формы новых технологий в работе с семьей, появившихся в рамках внедрения семейно-центрированного подхода. Предлагается периодизация реформирования семейной политики с объяснением использования релевантных технологий. Процесс внедрения технологий диагностики психосоциального благополучия, сопровождения семьи, семейной медиации, работы с территориальными сообществами и др. описывается в дискурсе инновационного конфликта с анализом возникающих барьеров.

Ключевые слова: семейная политика, семейно-центрированный подход, технологии сопровождения семьи и детей, психосоциальное благополучие семьи, семейная медиация, развитие территориальных сообществ.

Реформирование социальной сферы – есть процесс, имеющий определенную логику. Поскольку принципиальные перемены в сфере российской социальной политики, в том числе, в сфере социальной защиты семьи и детей, имеют место уже на протяжении более, чем десяти лет, есть возможность отследить происходящее. Основным смыслом реформирования сферы социальной защиты семьи и детей сводился к необходимости создания эффективной системы, основанной на принципах субсидиарности и использующей такие же релевантные (эффективные) технологии. Отсутствие семейной политики как таковой заставило политиков, ученых, общество – приступить к моделированию системы поддержки семьи и стратегии развития семейных институтов (социальных практик выстраивания семейных отношений). Акцент в исследованиях был сделан на новых подходах к решению проблем семьи с учетом ее социально-психологических особенностей и потребности в специалистах, способных учитывать эти особенности: О.В. Аллаhverдова, С.А. Васильева, Е.А. Воронова, И.А. Захарьева, А.Д. Карпенко, О.И. Михайлова, Г.В. Петровский, Н.И. Сенькова, Т.В. Тихонова, Н.А. Федорова, А.В. Щукина и др. В поисках эффективных технологий специалисты и общество обратились к европейскому опыту, что было очевидным после социального кризиса 90-ых и снятия «железного занавеса».

Таким образом, период с начала XXI тысячелетия до 2008-2011 годов может быть обозначен как поиск инновационных социальных технологий и время копирования европейских моделей. Потребность в новых моделях и технологиях была связана с поиском оптимальной структуры социальной защиты детства (Рыбинский Е.М., С.142). Другими словами, понадобилось десятилетие, для того, чтобы познакомиться, осмыслить и принять решение об использовании новых форм и институтов, при этом европейские технологии работы с семьей и детьми принимались без всякой критики. По понятным причинам неадаптированные технологии не смогли сразу стать эффективными, но положительный эффект дали: 1) локальные социальные эксперименты, связанные с внедрением технологий на отдельных территориях (при поддержке зарубежных грантов); 2) появление целой когорты исследователей, обученных и прошедших стажировку за рубежом, способных и готовых моделировать и проектировать новые социальные технологии для работы с семьей и детьми, осно-

вываясь на полученных знаниях; 3) формирование социальной среды (соответствующего дискурса), основой которой выступило быстро, но хаотично развивающееся гражданское общество.

Второй этап осмысливается сейчас как адаптация социальных технологий работы с семьей и детьми, заимствованных из европейских практик. Этот этап начался в 2010-2011 годах и продолжался до 2013-2014 года, т.е. был достаточно непродолжительным, однако представляется важным выделить его в отдельный, поскольку была предпринята попытка внедрения некоторых технологий и моделей во всех российских регионах и создать модели работы с семьями и детьми. Период моделирования совпал со становлением семейной политики, принятием принципов, и в целом – идеологии в отношении семьи как института, способного помочь решить государству и обществу целый ряд жизненно важных вопросов: демографический; успешной социализации детей; профилактики девиаций и др.

Так, в рамках второго этапа в дискурсе формирования семейной политики начал активно внедряться семейно-центрированный подход. В центре внимания данного подхода оказалась семья, рассматриваемая как вполне активное социальное образование, что обещало прервать патерналистскую тенденцию поддержки иждивенчества. Подчеркивался очевидный, но забытый в революционной агонии 90-ых факт: семья – есть социальный институт, способствующий становлению личности, восприятию человеком культурных образцов поведения и норм общества. Необходимость поддержки института семьи, переживающего явный кризис, аргументировалась, прежде всего, способностью семьи быть условием стабильности общества и социальной основой для его развития. Проблема института, обеспечивающего стабильность общества, актуализировалась ситуацией кризиса и темпами современного общества: «Семейная среда становится изолированной, во многом приватной крепостью, защищенной от внешних вмешательств посторонних структур, в том числе государственных и религиозных институций» (Короленко, Дмитриева, С.16).

Специалистами и политиками признавалась вся сложность ситуации, в которой следовало заниматься укреплением семьи: 1) повторяющиеся, перманентные трансформации, происходящие с российским обществом, способствующие разрушению механизмов адаптации семьи в постоянно изменяющейся социально-экономической ситуации; 2) рост девиаций (алкоголизма, наркомании, криминального поведения) в отсутствие системы профилактики неблагополучия семьи; 3) снижение значения семейных ценностей и стереотипов ролевого поведения в семье.

Принципами семейно-центрированного подхода, первоначально составившим базовую идею семейной политики, стали: 1) признание семьи базовым социальным институтом; 2) приоритет ранней профилактики; 3) совместные действия государственных и негосударственных структур,

направленные на воссоздание и укрепление семьи; 4) развитие личности и самореализация ребенка в семье; 5) интерактивный подход и участие семьи в решении ее проблем; 6) мониторинг проблем защиты семьи и детства. Казалось бы, указанные принципы, каждый из которых закладывал отдельное направление работы, должны были поддержать и укрепить институт семьи, однако все они требовали трансформации старой системы, переворота в патерналистском сознании и финансовой поддержки.

Пристальное внимание к семье (прежде всего, семье с ребенком/детьми) и предложенная система насторожили радикальные православные группы, а вместе с ними часть российского общества. Основная претензия – вмешательство в семью, а формирование параллельно ювенальной юстиции привело к резкой отрицательной реакции части общественности на технологии, позволяющие выявить жестокое обращение к ребенку. Реформирование и активизация органов опеки, озвученные СМИ непрофессиональные действия специалистов, закрепили негативную реакцию части общества. Так, общество, еще даже не создав новые социальные практики, начало сворачивать уже реализуемый проект. Ситуация имела характер «классического» инновационного конфликта, который разворачивался в глобальных масштабах всей отечественной социальной сферы.

В соответствии с логикой инновационного конфликта, некоторые идеи семейно-центрированного подхода были восприняты как «правильные», безобидные, и оказались подхвачены развивающейся семейной политикой. Речь идет о смещении фокуса внимания с неблагополучной семьи на благополучную. Точнее, если в патерналистской, советской, модели объектом помощи выступали семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации и неблагополучные семьи, что формировало позицию иждивенчества, то новый подход поставил вопрос о поддержке благополучных семей и выявлении рисков на начальном этапе (так называемая первичная профилактика семейного неблагополучия). Проблема благополучия/неблагополучия заставила уточнить некоторые понятия. Так, в качестве основного критерия для оценки состояния семьи, в том числе, на отдельно взятой территории, всегда использовалась характеристика благополучия. Новый подход к оценке благополучия заключался в мониторинге не только экономического благополучия (благосостояния), но и социально-психологического. Не то, что до этого отсутствовало понимание здоровой в социальном и психологическом плане семьи, – это не рассматривалось как объект управления.

Известно, что факторами (критериями) экономического благополучия выступают: 1) детская нагрузка на занятых; 2) демографический тип и гендерная структура; 3) статус и сектор занятости; 4) регион; 5) наличие высшего образования; 6) количество членов семьи; 7) нагрузка пожилых на занятых; 8) тип населенного пункта. По оценке социологов, более 40% семей в российских регионах

находятся за гранью бедности, т.е. экономически неблагополучны, при этом причины часто имеют не объективный, но субъективный характер, когда семья живет, например, на пенсию пожилых родителей, или на социальные пособия, или удовлетворяется случайными подработками и супруги принципиально не ищут работу. Экономическое благополучие полностью не может определить состояние семьи, поскольку и небогатая семья может быть вполне счастлива.

Психосоциальное благополучие дополняет картину и его не просто надо иметь ввиду при организации работы с семьей, эта характеристика требует мониторинга и использования понятия в нормативных документах. Однако, интересен тот факт, что даже понятие «благополучная семья» до последнего времени отсутствовало. Между тем, новая стратегия семейно-центрированного подхода потребовала введения данного термина. В настоящий момент признано, что психосоциальное благополучие ощущается семьей как позитивное внутреннее состояние гомеостаза, комфорта, проявляется внешне через неагрессивное, уравновешенное, конструктивное и активное поведение членов семьи. Это состояние характеризуется набором психологических и социальных показателей, влияющих на социальное поведение и социальный статус семьи: 1) социальный статус и распределение социальных ролей; 2) удовлетворение социальных потребностей и возможность самореализации; 3) благополучный социальный психологический климат; 4) общение и совместная деятельность. Основными факторами психосоциального благополучия выступают: 1) семейные ценности; 2) принятые в обществе и семье нормы поведения; 3) семейные традиции; 4) психическое здоровье членов семьи; 5) готовность к поддержке отношений и совместной деятельности. В настоящий момент мониторинг психосоциального благополучия семей на территории не реализуется и не разработан, частично эта задача решена в рамках исследования психосоциального благополучия ребенка (Варшал А.В., Сафронова М.В., Слободская Е.Р. и др.)

Выбор стратегии семейной политики и ориентация в работе не только на неблагополучную семью определили выбор социальных технологий, которые должны были соответствовать новым представлениям. В качестве признанной эффективной технологии (точнее, комплекса технологий) начала внедряться технология сопровождения, или технология ведения случая. Основная цель использования данной технологии заключалась как можно более раннем выявлении проблемы (трудной жизненной ситуации), поддержки семьи постоянно на всем протяжении решения данной проблемы, или вплоть до стабилизации ситуации. При этом кейсменеджер, сопровождающий семью, должен был выступать в качестве организатора, привлекая внутренние ресурсы с учетом распределения ролей в семье (Самохвалова, С.112-114) и внешние ресурсы, включая профильных специалистов. Сопровождение предполагает, что семью

не бросают, а оказываемая помощь не может иметь временный характер. Сопровождение (социальное) – есть процесс соучастия и поддержки социальных субъектов (семей) в определенной ситуации, предполагающий совместную деятельность в отношении разрешения случая и на всем протяжении его существования.

Ведение случая (case-management) сегодня является одной из ведущих западных технологий современной социальной работы, кейсменеджмент используют в индивидуальной социальной работе с различными клиентами: бездомными, людьми, живущими с ВИЧ, людьми, освобождающимися из заключения, пожилыми, эмигрантами, в сфере восстановительного правосудия, зависимыми людьми, неблагополучными семьями и др. Кейс-менеджеры помогают спланировать работу, получить медицинские, психологические, социальные и другие услуги. Кейс-менеджмент в организациях, осуществляющих социальную работу с семьей и детьми, имеет специфику и направлен на сопровождение отдельной жизненной ситуации, вызванной неблагоприятным стечением обстоятельств, развивающейся во времени и социальном пространстве, которой можно управлять через использование внешних и внутренних ресурсов.

Внимание кейс-менеджера направлено на семью в целом (не отдельно на ребенка, или его родителей) и ее окружение. Специалист, ведущий случай, является координатором ресурсов и защищает интересы семьи в различных организациях и учреждениях. Ведение случая – это технология помощи, в рамках которой специалист анализирует потребности клиента, а затем организует, координирует, добивается предоставления, отслеживает получение и оценивает эффективность оказанных услуг, призванных улучшить качество жизни каждого конкретного клиента (семьи). Метод ведения случая направлен на преодоление фрагментации между системами социальной защиты, образования, здравоохранения, психологической и юридической помощи, с которой социально-дезадаптированный клиент самостоятельно справиться не в состоянии. То есть, именно куратор случая содействует согласованности и целостности деятельности различных ведомств.

Введение семейно-центрированного подхода позволило разработать и апробировать целую систему технологий сопровождения: 1) социальные участковые службы при районных комплексных центрах социального обслуживания населения (КЦСОН); 2) выездные мобильные бригады при КЦСОН и социальных центрах; 3) службы психологической помощи семьям в состоянии развода; 4) службы сопровождения замещающих семей; 5) службы ранней помощи детям; 6) службы социально-психологической и социально-правовой помощи беременным; 7) службы постинтернатного патроната; 8) службы инклюзивного сопровождения. Службы системы развивались фактически параллельно, прикрывая различные проблемы сопровождения семей, при этом все службы основывались на принципе ведения случая и должны

были: 1) выходить из ситуации вместе с семьей, ориентируясь на ее потребности и ресурсы и активизируя ее на выход из ситуации; 2) добиваться результата и не оставлять семью (деятельность по выходу из ситуации), сколько бы не длилась ситуация.

На основании представлений о кейсменеджменте в Новосибирской области (и целом ряде других регионов) (См.: Сб. «Социальное сопровождение семей с детьми») была создана модель сопровождения на территории, где в качестве основного ядра вводился институт социальных участковых (кураторов семья), каждый из которых отвечал за определенный участок на территории (внедрялся принцип выявления случая). Социальный участковый (кейсменеджер) должен был: осуществлять первичную диагностику семей на участке; выявлять ресурсы на территории, которые могут быть использованы для решения проблем семей; организовывать работы по профилактике; информировать семьи о ресурсах, создавать организационные условия для взаимодействия структур. Как показала практика, практически во всех районах Новосибирской области между специально обученными кураторами и семьями были установлены контакты, служба социальных участковых начала приобретать позитивный имидж и пользоваться популярностью, появились прецеденты успешного ведения случая. В то же время с прекращением финансирования проекта социальные участковые службы в том формате, как планировалось, прекратили существование. Был почти полностью разрушен алгоритм кейсменеджмента, хотя некоторые идеи и принцип сопровождения сохранились.

Внимание к проблемам семьи и понимание необходимости поддержки семьи как социального института заставило различные организации объединять свои ресурсы и усилия. Так возникла идея Консолидированной политики (аналогичные идеи коллобарационной социальной политики можно найти, например, в США), основными механизмами функционирования которой стали межведомственное и межструктурное социальное партнерство. В основе межведомственного партнерства лежат нормативно-правовые механизмы, которые регулируют отношения между различными ведомствами (подведомственными организациями), решающими проблемы семьи, данный механизм может эффективно работать только при наличии нормативно-правовых документов, в том числе, единой для всех ведомств Концепции и Программ. В большинстве случаев межведомственное взаимодействие сводится к обозначению конкретных функций тех или иных подведомственных организаций и к совместным совещаниям и обсуждениям проблемы. При сопровождении конкретного случая этого оказывается недостаточно, и технология дает сбой.

Межструктурное (межсекторное) партнерство (в классическом варианте: власть – бизнес – НКО) представляет собой механизм (технологии), который работает в рамках отдельных социальных

проектов. Количество социальных проектов в последнее время сократилось, сокращены и областные гранты, поддерживающие проекты по поддержке семьи. Некоммерческие (общественные) организации, работающие с семьей или решающие проблемы семей в рамках конкретного проекта, в большинстве своем научились писать социальные проекты и реализовывать их (освоили общий алгоритм), однако качество социальных проектов стало значительно проигрывать.

В рамках семейно-центрированного подхода, для оперативного решения ситуаций в районах, создавались консолидированные органы (на базе КЦСОН и/или на базе администрации района, Советы по проблемам профилактики безнадзорности и правонарушений, Семейный совет, Комиссия по раннему выявлению семейного неблагополучия и др.), способные привлечь ресурсы для вывода семьи из трудной жизненной ситуации. Целью консолидированных органов стали планирование, реализация и координация деятельности специалистов по работе с семьями и детьми.

Особое место в процессе реализации модели профилактики социального сиротства заняли Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые в контексте реализации своих задач и функций, определенных ФЗ от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" и Закона Новосибирской области от 11 декабря 2005 г. N 345-ОЗ «О порядке образования и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Новосибирской области» должны организовывать межведомственное взаимодействие по работе всех ведомств системы профилактики с семьей и детьми на территории. Новые принципы семейной политики и новые технологии привели к изменению форм и методов работы комиссий, произошли некоторые трансформации силовых способов решения проблем.

Сложность внедрения за короткое время социальных технологий в рамках реализации современной семейной политики оказалось достаточно точным индикатором перехода к субсидиарности. Наблюдаемый в настоящее время откат нарушает ожидания триумфального и безбарьерного реформирования социальной сферы и семейной политики. В результате прерывания финансирования проектов, обеспечивающих внедрение институтов сопровождения и других новых технологий, семейно-центрированный подход оказался трансформированным. Не смотря на возвращение к традиционным формам работы с семьей, уже в них теперь начали использовать элементы описываемых выше технологий.

Одна из причин трансформации новых технологий заключается в состоянии (уровне) социальной базы (социальных институтов, сообществ, специалистов). В современном подходе к решению проблем семьи особое место отводится работе с сообществами. Поскольку семья составляет основу сообщества (пресловутая «ячейка»), то, если ак-

тивна семья – активно сообщество, и – наоборот. Структуру сообщества составляют: общественные объединения, значимое для семьи социальное окружение (родственники, соседи, знакомые), социально активные граждане. Работая с сообществом, необходимо ориентировать людей на поддержку семей, возвращение семейных традиций, соседских практик. Так, одной из эффективных технологий социальной интервенции в сообщество, изменяющей его отношение к семьям (фактически к самим себе) и активизирующей семью, является совместное социальное картирование, предполагающее совместное изображение территории и располагающихся на ней ресурсов, с помощью которых можно решить конкретные проблемы конкретных семей. После того, как в процессе совместного социального картирования (группового анализа) выявляются ресурсы для решения проблем, необходима институционализация новых форм работы. Например, территориальные бизнес-инкубаторы по социальному предпринимательству или креативным индустриям (пример, Колыванский район Новосибирской области) позволяют выстраивать работы с целыми семьями.

Особое место в работе с территориальными сообществами в дискурсе активизации семьи занимает школа, утратившая за последнее время многие свои функции, в том числе, роль центра социальной политики на территории. Между тем, именно школа может быть связующим звеном между семьей и сообществом: привлекая родителей в активную жизнь школы и формируя взаимную ответственность по поводу детей, школа формирует активных субъектов территориальных сообществ, а, следовательно, активизирует само сообщество как социальную группу способную и готовую решать совместные проблемы.

Особое место в системе работы с семьей занимает семья, имеющая ребенка /детей. Дело даже не в репродуктивной функции, которую выполняет семья, а в особом социальном пространстве, которое она создает для развития ребенка. В современную эпоху семья начинает играть защитную функцию, функцию инкубатора, защищающего маленького человека от агрессивной внешней социальной среды. Современное общество, с его излишней информацией, шумами, жесткими социальными правилами и ритмом требует постепенной адаптации и научения успешности вместе с бережным отношением к духовным и общечеловеческим ценностям. Можно было бы сказать, что семья приобретает новую функцию – защитного социокультурного пространства, которое должно иметь психосоциальное благополучие. Если семья и школа начнут конструировать общее пространство, защищающее ребенка от агрессивной, эффект будет значительно выше.

Тем не менее, семья сама подвергается внешним воздействиям и семейные конфликты между супругами, в которые вовлекаются дети, между родственниками, между родителями и детьми – имеют тенденцию к увеличению. Возможность ци-

вильзованного разрешения достигается посредством привлечения медиативных технологий. Если институционализация семейной медиации продвигается с трудом, то медиативные технологии, используемые специалистами, работающими с семьей и детьми, делают решение проблем более успешным. Так, специалист, может не только влиять на социально-психологический климат в семье и подсказывать как решать конфликты, но и выступать посредником между семьей и учреждением, семьей и социальным окружением. Формирование устойчивых практик разрешения семейных конфликтов через одновременное создание двух структур: школьных служб примирения и территориальных служб примирения – приводит к хабиутализации технологий медиации.

Не смотря на установку государства на развитие инновационных технологий в социальной сфере, их внедрение имеет определенные закономерности. Апробировав одни технологии в области работы с семьей, специалисты переходят к другим, которые также не проходят, или не успевают пройти, этап хабиутализации. В результате система работы с семьей приобретает неустойчивый характер: отсутствие устойчивых хабиутализированных профессиональных практик лишает ситуацию предрасположенности к рациональному в данном случае поведению (Шилкина, С. 72). Положительным эффектом от внедрения новых технологий можно считать, то, что они изменяют сознание специалистов, повышают их компетентность. Практика показывает, что социальные технологии работы с семьей не исчезают, они остаются в системе в трансформированном виде. Причина этого кроется в характере самой системы, так и не ставшей субсидиарной, а также в уровне развития общества и его территориальных сообществ. Такова особенность третьего периода, который мы наблюдаем в настоящее время: с одной стороны, семейная политика характеризуется фальсификацией инновационных технологий, которые прошли апробацию, с другой – начало формирования значительно упрощенных социальных практик.

Литература

1. Жданова И.В., Осьмук Л.А., Серебрянникова О.А., Мозговая Т.П. Руководство по сопровождению семей, находящихся в трудной жизненной ситуации: Учебно-методическое пособие (методические материалы) / И.В. Жданова, Л.А. Осьмук, О.А. Серебрянникова, Т.П.Мозговая – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – 165 с.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – 248 с.
3. Райкус С.Д., Хьюз Р.С. Социально-психологическая помощь семьям и детям групп риска: практич.пособие: в 4 т. – Т.1. Концептуальные основы социальной работы с детьми. – Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2008. – 288 с.

4. Рыбинский Е.М. Управление системой социальной защиты детства / Е.М. Рыбинский. – М.: Издательский центр «Академия». – 2004. – 150 с.

5. Сафронова М.В., Осьмук Л.А. Технологии социальной работы: методика оценки риска семейного неблагополучия: учеб.-метод. Пособие / М.В. Сафронова, Л.А. Осьмук. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 96 с.

6. Самохвалова И.Г. Проблема семейного ролевого конфликта мужчины в современном обществе // Психолого-педагогическое сопровождение семьи в реалиях современного социокультурного пространства [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 112-114с.

7. Социальное сопровождение семей с детьми / Информационно-методический сборник. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2015. – 242 с.

8. Шилкина Н.Е. Социальное поведение: привычность vs неопределенность: монография / Н.Е. Шилкина. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 268 с.

9. Новикова В.В. Денежные выплаты как вид государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам. // Инновации и инвестиции. 2014. №8. с.63-67

10. Куксин И.Н., Маркгейм М.В. Права человека в XXI веке: ценность или имитация? // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского: сборник статей. 2015. С. 125-132.

11. Перцев В.В. Дореволюционная гимназия как воспитательная система // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № 3. С. 41-45.

12. Джамалудинова М.Ю. Основные проблемы и перспективы государственной поддержки социально-экономического развития муниципального образования // Инновации и инвестиции. 2015. № 6. С. 110-114.

Development and transformation of modern technologies in work with family at the regional level

Osmuk L.A.

Novosibirsk State Technical University

The article raises the problem of changing the content and form of new technologies in working with the family, which appeared in the framework of the implementation of family-centered care approach. Suggested periodization of the reform of family policy explaining the use of relevant technologies. The process of introduction of technologies of diagnostics of psychosocial well-being, family support, family mediation, work with the local communities, etc. is described in the discourse of the innovation conflict with the analysis of emerging barriers.

Key words: family policy, family-centered care approach, models of support for families and children, psychosocial well-being of the family, family mediation, development of territorial communities.

References

1. Zhdanov I.V., Osmuk L.A., Serebryannikova O.A., Brain T. P. The guide to escort of the families which are in a difficult life situation: An educational and methodical grant (methodical materials) / I.V. Zhdanova, L.A. Osmuk, O.A. Serebryannikova, T.P. Mozgovaya. – Novosibirsk: NGTU publishing house, 2013. – 165 pages.
2. Korolenko Ts.P., Dmitriyeva N.V. Homo Postmodernus. Psychological and mental violations in the postmodern world. – Novosibirsk: NGPU publishing house, 2009. – 248 pages.
3. Raykus S.D., Hughes R.S. Social psychological assistance to families and children of risk groups: практич. grant: in 4 t. – Т.1. Conceptual bases of social work with children. – The national Children's Defense Fund from ill treatment, 2008. – 288 pages.
4. Rybinsk E.M. Management of the system of social protection of the childhood / E.M. Rybisky. – М.: Publishing center "Akademiyu". – 2004. – 150 pages.
5. Safronova M.V., Osmuk L.A. Technologies of social work: technique of assessment of risk of family trouble: studies. - a method. Grant / M.V. Safronova, L.A. Osmuk. – Novosibirsk: NGTU publishing house, 2011. – 96 pages.
6. Samokhvalova I.G. A problem of the family role conflict of the man in modern society//Psychology and pedagogical escort of family in realities of modern sociocultural space [Text]: Materials of the International scientific practical conference / Urals. state. ped. un-t. – Yekaterinburg, 2012. – the 112-114th.
7. Social escort of families with children / Information and methodical collection. – М.: IDPO DTSZN, 2015. - 242 pages.
8. Shilkina N.E. Social behavior: habitualness vs uncertainty: monograph / N.E. Shilkina. – Barnaul: ALPHABET, 2014. – 268 pages.
9. Novikova V.V. Cash payments as a form of state social assistance to low-income families and low-income single citizens. // Innovation and investment. 2014. No8. p. 63-67
10. Kuksin I.N., Markheim M.V. Human Rights in the 21st Century: Value or Imitation? // Rights and freedoms of man and citizen: theoretical aspects and legal practice materials of the annual International Scientific Conference in memory of Professor Felix Mikhailovich Rudinsky: collection of articles. 2015.S. 125-132.
11. Pertsev V.V. Pre-revolutionary gymnasium as an educational system // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2016. No. 3. P. 41-45.
12. Jamaludinova M.Yu. The main problems and prospects of state support for the socio-economic development of the municipality // Innovations and Investments. 2015. No. 6. P. 110-114.

Формирование социальной идентичности молодёжи посредством реализации проектов и программ органом исполнительной власти региона (на примере ЯНАО)

Фаст Светлана Петровна аспирант,
ФГБОУ ВО «Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева» (филиал) Тюменского государственного университета, fast.yamal@gmail.com

Работа посвящена обобщению современных теоретических исследований в области формирования социального процесса воспитания социальной идентичности в целом и гражданской активности в частности современной молодежи. Показано, что современной социологической наукой к настоящему времени систематизировано достаточное количество эмпирических исследований в самых различных аспектах социальной идентичности российской молодежи, сформирован социологический инструментарий выявления проблем в процессе формирования гражданской идентичности, гражданского сознания и поведения представителей различных социальных подгрупп молодежи, включая этнические и субкультурные. Кроме того, в работе проанализирована практика в части имплементации целей государственной молодежной политики в части воспитания патриотизма на уровне региона на примере деятельности Молодежного Правительства ЯНАО. Увеличение финансирования сферы молодежной политики автономного округа за последние два года позволило продолжить развитие традиционных направлений молодежной политики, поддерживать молодежные общественные инициативы, сосредоточить ресурсы вокруг крупных знаковых проектов, позволяющих развивать интеллектуальные и творческие способности молодых людей, целенаправленно осуществлять профилактическую работу с подростками и молодежью. В работе показано, что как теоретические предпосылки, так и методическое основание молодежной политики нуждаются в дальнейшем развитии. Системное представление об управлении социальным инновационным проектированием в молодежной политике как инструмента позволяющего создать мощные социальные процессы, можно достичь только за счет ее реализации концепции функциональной полифонии триединства методологической, теоретической и технологической функций. Обосновано, что необходима трансформация существующего подхода к формированию принципов молодежной политики на основе патернализма к подходу, основанному на принципах равенства и плюрализма мнений. Показано, что молодежная политика должна служить инструментом развития социальной ответственности среди молодежи.

Ключевые слова: молодежная политика, социальные инновации, органы исполнительной власти, региональная политика, молодежное правительство, ЯНАО, социально-экономическая система, гражданская активность, социализация молодежи

Современная практика социальной работы в области формирования социальной активности молодежи позволяет выявить ряд системных ограничений, связанных с имплементацией проактивных жизненных стратегий молодежи. Между тем, именно формирование молодежной идентичности является концептуальной основой процесса управления социальным инновационным проектированием. Определенные в соответствующих программных документах цели в сфере реализации современной модели гражданской активности реализуются на практике работы с молодежью с существенными системными ограничениями и не целостно. Однако даже их частичная реализация имеет большое значение для формирования социальных процессов в молодежной среде, формирует среду для диалога, позволяющий осуществлять поиск инновационных форм вовлечения данной социальной группы в жизнь общества.

Следует отметить, что проблема формирования социальной идентичности молодежи системной не изучена не только с позиции формирования теоретических предпосылок на основании современных достижений в социологии и других социальных науках, но также и в части формирования подхода к обобщению эмпирического опыта формирования социальных процессов в молодежной среде. Вместе с тем, исследователи предлагают различные подходы к изучению предмета исследования, в частности такие как:

- психодинамический подход, развитие которое было получено в работах З. Фрейда, Х. Салливана, Э. Фромма, Э. Эриксона, О. Кернберга, Ф. Гринейкера, Р. Лейнга, Дж. Марсиа, М. Розенберга, Э. Берна интеракционистский (Ч. Кули, Дж.Г. Мид, И. Гофман);
- когнитивный подход, в основе которого лежат фундаментальные работы Дж. Тернера и Г. Тэшфела;
- феноменологический подход, развиваемый в работах К. Роджерса и А. Маслоу;
- социологический подход, предлагаемый Э. Дюркгеймом, М. Хайдеггером, Т. Парсонсом, Э. Гидденсом, П. Бергером, Т. Лукманом;
- антропологический подход, наиболее распространенный в современных исследованиях и нашедший наибольшее развитие в работах Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мид, Ж.-П.Сартра, Л. Фейербаха, Э. Фромма, П.Тейяр де Шардена, М. Фуко, М. Хайдеггера.

Кроме определения непосредственно концептуальных подходов к изучению данной проблемы, в современных работах определены структурные компоненты личности. В частности, системное описание таких компонент как семейная, этническая и профессиональная в работах отечественных психологов и

социологов В.С. Агеева, Г.М. Андротеева, Н.В. Антонова, В.В. Гриценко, М.В. Заковоротной, Ю. Н. Качалова, И.С. Кон, И.С. Клецина, Б.Ф. Поршнева, Г.У. Солдатова, В.Ф. Соколова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец, Л.Б. Шнейдер, В.А. Ядова.

Среди отечественных авторов, занимавшихся проблемами социальной идентичности личности, следует выделить фундаментальные исследования Р.Г. Абдулатипова, Ю.В. Арутюняна, Л.Д. Гудкова, А.В. Кузнецовой, Е.А. Кублицкой, В.В. Лапкина, Ю.А. Левады, В.И. Пантина, И.С. Семеновко, В.Г. Федотовой, В.А. Ядова, посвященные вопросам формирования социальной идентичности под воздействием процессов глобализации.

Весьма вклад в исследование гражданской идентичности как составляющей общей социальной идентичности был внесен отечественным ученым Л.М. Дробижевой, в работах которой были систематизированы результаты реализованных социальных проектов, целью которых был анализ и проектирование российской идентичности в региональном разнообразии. Исследовав вопросы, посвященные становлению социальной идентичности в России, в том числе в молодежной среде были сделаны выводы о необходимости разделения категорий государственной и гражданской идентичности. В дальнейшем, данные идеи были развиты в работах Н.А. Галактионовой, З.Т. Голенковой, В.В. Лапкина, Л.М. Левина, Ю.А. Семеновой, где было выявлено соотношение понятий «государственная идентичность» и «гражданская идентичность». Остановимся на ключевых положениях Так, Н.А. Галактионова отмечает, что категорию «россиянин» необходимо рассматривать в государственном и гражданском аспекте. По этому по мнению Н.А. Галактионовой государственный аспект выражается только посредством административным определением статуса гражданина страны, который присваивается с помощью соответствующих институциональных процедур - по праву рождения или с помощью нормативно определенных процедур получения гражданства. В противопоставление ему, гражданский аспект означает социальное и ценностно-когнитивное наполнение, реализуемое посредством реализации патриотических чувств, приверженности нормам и ценностям конкретной страны.

В российской социологии также существует ряд работ, посвященных исследованию социальной идентичности молодежи, определяемой как особую социально-демографическую группу общества. Совокупность работ Ю.Г. Волкова, В.П. Воробьева, В.И. Добренкова, Ю.А. Зубок, А.И. Ковалева, В.И. Чупрова рассматривают социальную идентичность в контексте различных аспектов процесса социализации, в также формирования ее идентичности. Соотношение гражданской и правовой социализации молодежи в различных аспектах анализируется в работах М.Ю. Попова, П.С. Самыгина, С.И. Сергейчик, а в аспекте социальной в самом общем смысле и гражданской активности в исследованиях С.П. Иваненко, Д.С. Карпунин, А.В. Кострикин, Е.Л. Омельченко, В.И. Скоробогатова. Среди эмпирических исследований гражданских и правовых ценностей, а также базовых установок

современной российской молодежи следует выделить исследования К.А. Гордеева, В.И. Кузнецова, Т.А. Панкова, Е.А. Певцова, Ф.Э. Шереги, М.А. Ядова.

Отдельно необходимо отметить научные труды, посвященные гражданской идентичности молодежи как особого социального процесса. В первую очередь к ним относится монография М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет». В данной работе, проведен системный анализ российской молодежи как объекта социализации и самореализации, определены ее роли в воспроизводстве социальной структуры российского общества в целом. В рамках данной работы определен процесс социализации и самореализации молодежи, а также показано, что авторами он отождествляется с ее социальной и гражданской идентичностью.

Современной социологической наукой к настоящему времени систематизировано достаточное количество эмпирических исследований в самых различных аспектах социальной идентичности российской молодежи, сформирован социологический инструментарий выявления проблем в процессе формирования гражданской идентичности, гражданского сознания и поведения представителей различных социальных подгрупп молодежи, включая этнические и субкультурные. В то же время в массиве работ, посвященных анализу процессов формирования гражданской идентичности молодежи, в большей степени исследуются проблемы ценностно-эмоционального, а также деятельностного компонентов гражданской идентичности молодых людей в современном российском обществе. Однако работ, которые систематизируют процесс формирования гражданской идентичности молодежи в условиях социальных трансформаций российского общества недостаточно для формирования устойчивых научных положений, характеризующих данную предметную область. В частности, доказательством этого вывода является наличие разрыва между существующей действительностью российского общества и наличием научных положений, однозначной ее определяющих.

Между тем, исследование социальных характеристик идентичности молодежи взаимозависимо с эмпирической оценкой не только взаимодействия, но и взаимовлияния в целостной структуре личности набора ключевых индивидуальных и социально-психологических характеристик. Поэтому актуальность исследования данной проблемы определена эмпирически доказанным существующим противоречием между поиском личностной и социальной идентичностью современной молодежи, необходимостью поиска инструментов реализации самосознания молодежи и их институционализации на различных уровнях социально-экономической системы – образовательных учреждений, органов власти, общественных организаций и движений. Как следствие, изучение социальных характеристик идентичности молодежи позволит улучшить существующие подходы к формированию и реализации программ социализации молодежи в целом, а также воспитания гражданской активности и толерантности.

Теоретическими предпосылками к формированию модели эффективного воспитания активной гражданской позиции молодежи ЯНАО являются принципы:

- системно-организованного подхода, который предполагает целенаправленную и системную работу институтов, определяющих социализацию молодежи - всех государственных и общественных структур формированию активной гражданской позиции молодежи;

- адресного подхода в формировании гражданственности, предполагающего применение специальных форм и методов работы, с категорий, определяющих подгруппы социальной группы молодежи. Данный подход определяет разнородную вовлеченность в процесс воспитания молодежи с помощью таких социальных категорий как семья, ближайшее окружение, учебное заведение, этническая и культурная среда, трудовой коллектив, а также социально-экономическую среду региона проживания;

- активности и наступательности, который предусматривает настойчивость и разумную инициативу в трансформации мировоззрения молодежи и их ценностных установок, ориентированных на национальные интересы России и региона;

- универсальности основных направлений формирования активной гражданской позиции, который предполагает необходимость задействовать такие факторы как социально-ценный опыт прошлых поколений, который формирует чувство гордости за своих предков, приверженность или уважение к национальным традициям в быту, характеристиками внутрисемейных отношениях, ценности образования и труда, инструменты мотивации, методы творчества. По мнению автора, комплексный подход позволит охранить или восстановить историческую преемственность поколений, формирующих необходимую для современного российского общества гражданскую позицию;

- учета региональных условий в распространении идей и ценностей гражданственности не только российского, но и регионального уровня, определяемого привязанностью, любовью к родному краю и другим символам, например, местной спортивной команде и так далее, что, безусловно, помогает определять формирование активной гражданской позиции.

Эти принципы теоретически являются действительно основополагающими, но они могут быть эффективны только в случае систематичности и целенаправленности и должны быть взаимосвязаны и реализованы в единстве.

Основными молодежными сферами, выступающими объектами формирования активной гражданской позиции, являются:

- семья как базовая социальная ячейка общества, в которой закладываются основы системного развития личности, в аспекте нравственного, духовного, культурного, физического;

- молодежные общественные объединения и движения;

- военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и по контракту, воинские коллективы Вооруженных Сил и других войск, работники системы правоохранительных органов;

- трудовые коллективы предприятий, организаций, учреждений, предприниматели;

- представители органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне;

- творческая интеллигенция в самом широком смысле;

- представители средств массовой информации и коммуникации;

- преподаватели и воспитатели, научная интеллигенция;

- представители традиционных для России религиозных конфессий, как носители духовно-нравственных идеалов и традиций многонационального российского народа.

В теоретическом моделировании региональной политики, чтобы объединить усилия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, скоординировать и направить их работу на все социальные и возрастные группы, семью как главную ячейку общества, приоритетной определяется единая государственная и региональная политика, прерогативой и основным концептом которой является соответствующая этой политике государственная система воспитания молодежи, способная консолидировать и координировать эту многоплановую работу.

По мнению автора, формирование такой системы предполагает консолидацию деятельности всех институтом, прямо или косвенно отвечающих за социализацию молодежи. В частности к ним относятся органы исполнительной власти, научные и образовательные учреждения, общественные организации и объединения в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации. При этом необходимо выделить, что данные процессы необходимо осуществлять как в рамках единого центра, так и на региональном уровне. Это остается на протяжении долгого времени основным постулатом деятельности региона, направленной на формирование гражданской позиции молодежи в основных ключевых вопросах.

Система соответствующего воздействия в плане структуры включает в себя соответствующие государственные учреждения, общественные организации, нормативно-правовую и духовно-нравственную базу воспитательной, образовательной и массовой просветительской деятельности, а также комплекс мероприятий, направленных на воспитание и проявление гражданской позиции молодежи ЯНАО.

Исходя из статистических данных, можно определить, что система данной концепции охватывает все уровни формирующей деятельности, начиная с семьи, учебных заведений, трудовых, воинских и иных коллективов и заканчивая высшими органами государства. Она предполагает организацию ме-

роприятий различной направленности как на федеральном и региональном уровнях, в отдельных коллективах, так и проведение индивидуально-воспитательной работы с отдельно взятой личностью, что дает достаточно широкий охват молодежной среды. Но характер работы с молодежью носит в большей степени хаотический характер, построенный на ответную реакцию оперативного характера, ответа на вопросы, которые актуальны и важны, а также находящаяся в приоритете государственной политики. Нет общей стратегической программы социального проектирования.

В Ямало-Ненецком автономном округе проживает 142 307 человек в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 28 % от общей численности населения. Исполнительным органом государственной власти, осуществляющим реализацию полномочий в сфере молодежной политики, поддержки молодежных и детских общественных объединений, развития внутреннего и въездного туризма является департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа.

Основными документами, определяющими цели, задачи и перспективы развития сферы государственной молодежной политики и туризма в регионе, являются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года, Федеральный закон №132-ФЗ от 24.11.1996 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Закон автономного округа №70-ЗАО от 25.09.2009 г. «О молодежной политике в Ямало-Ненецком автономном округе», Закон автономного округа № 114-ЗАО от 03.12.2007 г. «О туристской деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе», а также ряд поручений Президента Российской Федерации органам государственной власти субъектов Российской Федерации в части вопросов, касающихся сфер государственной молодежной политики и туризма.

Деятельность департамента и подведомственных ему учреждений (государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Молодежный центр технологий занятости», государственное бюджетное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Окружной Молодежный Центр», государственное бюджетное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный центр патриотического воспитания», государственное бюджетное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямалтур») связана с выполнением задач, закреплённых в стратегических документах федерального и регионального уровней и направленных на создание условий для наиболее полного участия молодежи в социально-экономической, политической, культурной жизни автономного округа, поддержку и развитие приоритетных направлений туристской деятельности.

Среди основных направлений деятельности департамента:

- вовлечение молодежи в социальную практику, в том числе посредством активизации деятель-

ности молодежных трудовых отрядов, детских и молодежных общественных объединений, развития добровольческого (волонтерского) движения;

- формирование ценностных ориентиров молодежи через реализацию мероприятий по духовно-нравственному, гражданско-патриотическому воспитанию, внедрение принципов здорового образа жизни в молодежной среде;

- развитие творческого потенциала молодежи, позитивных форм организации молодежного досуга, развитие системы лидерских школ и проектов для активной молодежи;

- обеспечение эффективной социализации молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации;

- ресурсная поддержка сети учреждений сферы молодежной политики с целью развития новых форм работы с молодежью;

- организация отдыха и оздоровления детей и молодежи автономного округа;

- поддержка и развитие внутреннего, въездного и социального туризма в автономном округе.

Деятельность департамента по вышеперечисленным направлениям начала осуществляться посредством реализации мероприятий окружной долгосрочной целевой программы «Молодежь Ямала (2011-2014 годы)», целевой программы ведомства «Развитие внутреннего и въездного туризма в Ямало-Ненецком автономном округе на период 2012-2014 годов» и целевой программы ведомства «Организация отдыха и оздоровления детей и учащейся молодежи в Ямало-Ненецком автономном округе (2012-2014 годы)». Реализация мероприятий позволяет развивать традиционные направления молодежной политики и туризма, поддержать молодежные общественные инициативы, сосредоточить ресурсы вокруг крупных знаковых проектов, позволяющих развивать интеллектуальные и творческие способности молодых людей.

Поддержка молодежных инициатив и основных направлений реализации молодежной политики (патриотическое воспитание, поддержка творческой молодежи, добровольческого движения, системы лидерских школ и проектов для активной молодежи и др.) в автономном округе осуществляется как приоритетная социальная задача.

Увеличение финансирования сферы молодежной политики автономного округа за последние два года позволило продолжить развитие традиционных направлений молодежной политики, поддержать молодежные общественные инициативы, сосредоточить ресурсы вокруг крупных знаковых проектов, позволяющих развивать интеллектуальные и творческие способности молодых людей, целенаправленно осуществлять профилактическую работу с подростками и молодежью.

Одним из наиболее значимых событий молодежной политики автономного округа за исследуемый период стал Форум молодежи Ямала «Молодежь и власть», который был организован с целью вовлечения молодых людей в процессы развития граждан-

ского общества и объединил более 200 молодых людей из всех муниципальных образований региона.

По итогам работы Форума принимается резолюция с учётом наиболее актуальных предложений и идей о перспективах развития сферы молодёжной политики в регионе. В частности, отражается необходимость разработки стратегии развития молодёжного трудового движения на Ямале, которая определит приоритеты в организации работы студенческих трудовых отрядов в связи с региональной спецификой территории (отсутствие ВУЗов, сложная транспортная схема, климатические условия).

С января 2012 года в автономном округе начало свою работу Молодёжное правительство ЯНАО, созданное в соответствии с постановлением Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа № 215-РП от 23 декабря 2011 года в целях привлечения активной молодёжи для решения социально-экономических проблем региона, формирования активной жизненной позиции и гражданской ответственности, обеспечения участия молодых граждан в системе общественных отношений и полной их самореализации в интересах Ямало-Ненецкого автономного округа.

В процессе работы члены Молодёжного Правительства активно участвовали в деятельности по формированию Молодёжных советов при местных администрациях муниципальных образований автономного округа, реализовали инициативу по созданию Молодёжных приёмных, в результате которой в настоящее время осуществляется прием в 6 муниципальных образования автономного округа (гг. Ноябрьск, Новый Уренгой, Губкинский, Лабытнанги, Приуральский и Тазовский районы). Кроме того, члены Молодёжного Правительства организовали и проводят большое количество рабочих встреч со сверстниками в муниципалитетах.

Следует отметить, что на поддержку молодёжи Ямала помимо целевых программ в сфере молодёжной политики направлены и другие окружные долгосрочные целевые программы в сфере образования, развития культуры и спорта, решения жилищных проблем, трудоустройства и занятости.

В отношении молодых граждан, проживающих на территории автономного округа, осуществляются меры по гражданскому и патриотическому воспитанию, но, к сожалению, мероприятия носят не систематический характер, который, как представлено выше, является определяющим фактором в воспитании активной гражданской позиции и гражданского сознания.

Гражданское и патриотическое воспитание молодёжи осуществляется на основе программы автономного округа, утвержденной законом автономного округа. Уполномоченные исполнительные органы государственной власти автономного округа осуществляют соответствующие мероприятия исходя из направлений программы.

Поддерживается деятельность молодёжных и детских объединений. Думой автономного округа с привлечением представителей молодёжных объединений создаются общественные молодёжные объединения, которые носят в большинстве своем

совещательный и консультативный характер и осуществляют свою деятельность на общественных началах. Основными целями создания молодёжных объединений являются приобщение молодежи к парламентской деятельности, формирование правовой и политической культуры молодежи.

К сожалению, несмотря на усилия государственных и региональных структур на низком уровне находится формирование гражданской активности молодежи, постепенно утрачивается интерес к историческому прошлому, теряется самоидентичность национальной культуре.

Указанные проблемы определяют необходимость системной и эффективной поддержке молодежи в части ее собственных социально ориентированных инициатив.

Реализация современной государственной молодёжной политики на региональном уровне возможно при следующих условиях:

- формирования действующего органа по делам реализации молодёжной политики;
- создание вертикали управления государственной молодёжной политики (в частности, введение в поселковых и сельских администрациях должности специалиста по работе с молодёжью);
- организации системной работы с молодёжью;
- создание и поддержки молодёжных объединений;
- финансирования наиболее значимых молодёжных программ;
- совершенствование системы воспитания и подготовки кадров для работы с молодёжью в аспекте формирования активной гражданской позиции.

По мнению автора, для выработки системных направлений работы с молодёжью необходимо в первую очередь реализовать процессы совершенствования структуры управления молодёжной работой на различных иерархических уровнях органов исполнительной власти. Кроме того, Молодёжная работа должна реализовываться в субъектах Российской Федерации с учетом специфики культурной, этнической, религиозной и социальной-экономической составляющей региона. Однако при этом должны быть соблюдены цели и приоритеты нормативных программных документов, определяющих развития гражданской позиции молодежи. Реализация данных мер должна гарантировать молодым людям во всех субъектах Российской Федерации участие в общественном и государственном процессе формирования гражданского общества, а также обеспечить защиту их прав и законных интересов.

Поэтому весьма значимо, чтобы в учреждениях институтов по делам молодежи создавался особый стиль взаимоотношений, построенный принципах свободы, равноправия и взаимной уважении. Деятельность учреждений должна осуществляться на основе индивидуального подхода в работе с каждым человеком. Молодёжная работа, по мнению автора, должна быть основана не на инструментах опеки, а на стимулировании активности молодых людей к самостоятельному вовлечению в социальные процессы, созданию условий для самостоятельного решения проблем как молодежи, так и других социаль-

ных групп. Только в таких условиях могут создаваться условия для эффективного воспитания гражданской позиции. Отдельно необходимо отметить, что молодежная работа не ориентирована на создание льгот для данной социальной группы. Это в первую очередь адресная и системная инвестиционная политика, целью которой является поддержка работы молодежи с целью стимулирования ее работы с целью формирования ключевых навыков и качеств, значимых для гражданского общества. Поэтому разрабатываемые, принимаемые и реализуемые программы в области молодежной политики должны носить системный, долгосрочный и стабильный характер.

В современной российской молодежи основа будущего нашей страны. Поэтому направления дальнейшего развития это не только успешной экономических преобразований, а степень вовлечения в нее российской молодежи.

Поэтому, по мнению автора, ключевыми составляющими процесса управления социального инновационного проектирования в современной России являются следующие факторы: актуализация интересов молодежи с позиции формирования гражданской позиции, формирование ее социальной активности, их закрепление в правовых нормах и программных документах; формирование механизма общественного диалога различных социальных групп, в том числе молодежи и органов исполнительной власти, подготовка категории специалистов по реализации молодежной политики.

Системное представление об управлении социальным инновационным проектированием в молодежной политике как инструмента позволяющего создать мощные социальные процессы, можно достичь только за счет ее реализации концепции функциональной полифонии триединства методологической, теоретической и технологической функций. Кроме того, развитие изучения проблемы в теоретическом и практическом русле содержит транспарентно информирующие ориентиры, диагностику состояния, ориентацию на будущее в области внедрения молодежных инноваций в стране.

Литература

1. Государственная Программа Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодежи на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс] Департамент молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа [сайт]. – URL: <http://www.yamolod.ru/content/gosudarstvennaya-programma-yamalo-neneckogo-avtonomnogo-okruga-razvitiye-turizma-povyshenie> (Дата обращения 10.02.2014).

2. Ильинский И.М. Прошлое в Настоящем: Избранное. – М.: Изд-во МосУ, 2011. – С. 419–420.

3. Пересмотренная Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне от 23 мая 2003 г. / Конгресс местных и региональных властей Европы. – 29 с.

4. Положение молодежи в Ямало-Ненецком автономном округе. Российское общество социологов, департамент молодежной политики ЯНАО, Центр независимых исследований Горизонт. – СПб.: Любавич, 2011. – С. 34.

5. Максютова З.Г., Перонкова Е.Б. Общественные объединения как фактор социализации молодежи. // Инновации и инвестиции. 2015. №2. с.60-62

6. Марченко А.В. Привлекательность магистратуры РГГУ: анализ реализации образовательного исследовательского проекта // В сборнике: Гуманитарные чтения РГГУ - 2016 Сборник материалов. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет". 2017. С. 143-153.

Formation of social identity of youth by means of implementation of projects and programs by executive authority of the region (on the example of YaNAO)

Fast S.P.

The Tobolsk teacher training college of D.I. Mendeleev

Work is devoted to generalization of modern theoretical researches in the field of formation of social process of education of social identity in general and civil activity in particular of modern youth. It is shown that the modern sociological science has so far systematized enough empirical researches in the most various aspects of social identity of the Russian youth, sociological tools of identification of problems in the course of formation of civil identity, civil consciousness and behavior of representatives of various social subgroups of youth, including ethnic and subcultural are created. Besides, in work practice regarding implementation of the purposes of the state youth policy regarding fostering patriotism at the level of the region on the example of activity of the Youth Government of YaNAO is analysed. Increase in financing of the sphere of youth policy of the autonomous area has in the last two years allowed to continue development of the traditional directions of youth policy, to support the youth public initiatives, to concentrate resources around the large sign projects allowing to develop mental and creative abilities of young people to purposefully carry out scheduled maintenance with teenagers and youth. In work it is shown that both theoretical prerequisites, and the methodical basis of youth policy need further development. System idea of management of social innovative design in youth policy as the tool allowing to create powerful social processes can be reached the concept of functional polyphony of trinity of methodological, theoretical and technological functions only due to her realization. It is proved that it is necessary for transformation of the existing approach to formation of the principles of youth policy on the basis of paternalism to the approach based on the principles of equality and pluralism of opinions. It is shown that the youth policy has to serve as the instrument of development of social responsibility among youth.

Keywords: youth policy, social innovations, executive authorities, regional policy, youth government, YaNAO, social and economic system, civil activity, socialization of youth

References:

1. State Program of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug «Development of tourism, improving the implementation of youth policy, recreation and health of children and youth in 2014–2020 years» [electronic resource] Department of Tourism and Youth Policy of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug [site]. –URL: <http://www.yamolod.ru/content/gosudarstvennaya-programma-yamalo-neneckogo-avtonomnogo-okruga-razvitiyeturizma-povyshenie> (Date of application 10.02.2014).
2. Ilinskii IM Past in the Present: Selected. Moscow: Izd. humanity. University and, in 2011.Pp. 419–420.
3. Revised European Charter on the Participation of young people in public life at local and regional level on May 23, 2003 /Congress of Local and Regional Authorities of Europe. 29 p.
4. Situation of young people in the Yamal-Nenets Autonomous District. Russian Society of Sociologists, Department of Youth Policy YaNAO Independent Research Center Horizon. – St. Petersburg: Lubavitch, 2011. pp. 34.
5. Maksyutova Z. G., Peronkova E. B. Public associations as a factor in the socialization of youth. // Innovation and investment. 2015. No.2. p. 60-62
6. Marchenko A.V. The attractiveness of the master's program of the Russian State Humanitarian University: analysis of the implementation of an educational research project // In the collection: Humanitarian Readings of the Russian State Humanitarian University - 2016 Collection of materials. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, FSBEI HE "Russian State Humanitarian University". 2017.S. 143-153.

Идеологический язык современной российской социальной группы (на примере группы ритмологов)

Шеляпин Николай Викторович

к.соц.н., доцент, кафедра связей с общественностью, Российский государственный гидрометеорологический университет, nikol-pr@mail.ru

В данной статье анализируются причины и способы формирования идеологического языка на примере одной современной российской социальной группы в контексте общественно-политических трансформаций последних десятилетий.

Ключевые термины: идеология, идеологическое время, идеологическое пространство, миф, идеологический язык, социолект, идеологема, ритмология

После распада некогда относительно монолитной советской социальной системы в обществе достаточно быстро сформировались новые классы и социальные группы. Современное российское общество характеризуется высоким уровнем социальной дифференциации. Новые социальные общности, появившиеся в конце XX-начале XXI веков, в своей основе имеют разные базисные признаки. Так, в современной России существуют социальные группы, являющиеся составляющими элементами общественных классов, выкристаллизованные из социальной совокупности на основе материально-имущественных факторов. Вместе с тем, в основе существования других социальных групп лежат прежде всего общие духовные ценности. С точки зрения социальной науки, в широком смысле группа – это некая общность индивидов, связанных определенными отношениями. В узком смысле группа – это совокупность людей, которые: а) взаимодействуют друг с другом на регулярной основе; б) проявляют сплоченность, в) ожидают друг от друга форм поведения, не требуемых от других. Р. Мертон определял социальную группу как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других. От массовых общностей группы отличают более устойчивое взаимодействие и более высокая степень интеграции [Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА М, 1998, с. 54]. Ценность социальной группы, как для целой социальной системы, так и для отдельных членов данной группы, во многом определяется набором социально значимых функций, которые способна выполнять эта группа. Важнейшая функция, которую выполняет социальная группа - это функция социализации. Помимо социализации, группы выполняют множество других функций, важнейшими из которых являются инструментальная (осуществление замыслов, с которыми не способен справиться один человек) и экспрессивная (удовлетворение потребности членов групп в одобрении, уважении, доверии). Важнейшим признаком социальной группы, способной выполнять ряд общественно важных функций, является наличие частной групповой идеологии. Идеология - это теоретически сформулированное и систематизированное мировоззрение, отражающее экономические, политические, культурные, национальные и другие интересы. Идеология имеет свою структуру, в состав которой

входят определенные идеи, объединенные в особую доктрину, а также символы, социальные мифы, ритуалы, стереотипы, утопии и другие составляющие компоненты общественной психологии и духовной культуры.

Идеологическая система содержит частично объективное описание окружающей действительности и некоторые научные знания, идеология взаимосвязана с другими формами духовной культуры и духовной деятельности, в том числе, как с научными, так и с религиозными картинами мира, но остаётся самостоятельной формой духовной культуры и духовной деятельности общества. При этом, идеология выступает неотъемлемым компонентом социальной системы и фактором её формирования. В том или ином виде, идеологические доктрины как религиозные и моральные установки в любой период истории человечества всегда были присущи каким-либо социальным группам и общностям. С начала Нового Времени и до сего дня идеология остаётся универсальной формой мировоззрения, способной ответить на любые вопросы бытия и снять на уровне обыденной психологии все противоречия между научно-рациональным мышлением и иррационально-мифическими конструктами, изначально присущими человеческому сознанию. На рациональном уровне человеческого сознания идеологическая система выражает реальные интересы широких масс, собирая адептов под свои знамена и направляя их на достижение конкретных целей.

Одним из важных элементов любой идеологической системы являются идеи. По словам Ю. Кочешкова: «Идея выступает одним из внутренних источников саморазвития идеологии, она выступает своеобразным гносеологическим идеалом, к которому стремится идеология, отражая действительность, т.е. духовным (моральным) интересом. Но идея не может существовать как некая априорная форма, она всегда имеет под собой определенный «материальный» носитель, она в чем-то и как-то опредмечена. Таким общим и постоянным носителем идеи в структуре идеологии выступает интерес. Идея в этом смысле - идеальное отражение интереса, распредмеченный интерес» [Кочешков Ю. Идеология как средство сознания и реализации интересов. Казань, 1992.- с.8].

Именно интересы способствуют формированию рационального компонента теоретического мировоззрения, превращая его в важнейший фактор и в двигающую силу социальных процессов. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «Интерес существует не только в представлении как всеобщее, но и прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» [Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т.19. С.20 - 31]. Так, непосредственная взаимосвязь идей с реальными интересами представителей тех или иных социальных слоев делает идеологию более рациональной формой сознания по сравнению с общественной психологией (обыденным сознанием) и

религией. Также К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: "Идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса" [Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство.— Соч., т. 2, с. 89]. Интерес - это рациональное осознание своих потребностей, желаний, формулировка ориентиров для отдельных индивидов и широких масс, а также предмет заинтересованности, желания и побудительные мотивы действий экономических субъектов.

Принято выделять материальные, духовные, денежные, имущественные интересы, а также интересы человека, семьи, фирмы, отрасли, социальной группы. Таким образом, в современной социальной науке особое значение приобретает понятие "частные идеологии". *Частные идеологии* - это термин философа Н. Пуланзаса. По мнению Пуланзаса, такие идеологии функционируют на психологическом уровне, они акцентируют внимание на насущных интересах отдельных социальных групп. Такие идеологии в своей совокупности отражают весь спектр частных интересов социальных групп и слоев отдельного общества. В данном случае речь идет об идеологии классовой, корпоративной, групповой, партийной и т.п. Институциональным проявлением наличия частных политических идеологий является многопартийность, а также существование различных общественных формирований по интересам граждан (групп интересов). [Poulantzas N. State Power and Socialism. London, 1978. P. 12.].

Об особом значении идеологии для жизни любого сообщества писал русский философ А. Ф. Лосев. Он отмечал, что возникновение любого цивилизационно оформленного социума начинается с возникновения идеологии, способной объединить людей в определенную социальную общность. Если «логика в обычном смысле этого слова» может быть определена как «логос о логосе» [Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // М.: Мысль, 1993. - с.69], то идеологию можно определить как логос идеи, то есть словесным образом оформленную идею. Идея понимается нами, вслед за А.Ф. Лосевым, как «арена формирования смысла в слове» [Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие—имя—космос. — М.: Мысль, 1993., с.644]. В свою очередь, воплощение этого смысла, его окончательное оформление происходит в языке. Для формирования идеологической системы необходимо логически согласовать и объединить теоретическую доктрину, направленную на достижение рациональных целей, а также дополнить ее компонентами общественной психологии (социальными мифами, ритуалами, утопиями и стереотипами) для привлечения широких народных масс.

Таким образом, идеология, представляющая собою синтез идеи и логоса, является наиболее четким выражением и проявлением смысла, формирующегося в идее и оформленного в языке. Под я з ы к о м понимается «исторически возникший и развивающийся сложный знаковый механизм, работающий в единстве и взаимодействии с сознанием и мышлением человека [Головин Б.Н. Вве-

дение в языкознание. 4-е изд. М., 1983., с. 10]. Язык выполняет три фундаментальные функции: 1) коммуникативную (является средством человеческого общения), 2) познавательную – совместно с мышлением, 3) «мыслевыражающую» (служит орудием выражения мысли). [Сергеев Ф. П. Из истории взаимоотношений идеологии и языка. <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka> .

Выше указанное определение дополняет положение исследователей Е. С. Хиневич и О. А. Волковой: "Язык — знаковая система, используемая для передачи, принятия, сохранения информации в определенном территориальном и социальном пространстве и в определенное время. [Е. С. Хиневич, О. А. Волкова. Социальные проблемы: логика конструкционистского анализа. Проблемы теоретической социологии/ С.-Петерб. гос. ун-т ; Под ред. А.О. Бороноева. - Санкт-Петербург : Петрополис, 1994 с. 140]. *Институционализация и пропаганда различных идей* осуществляется с помощью языка. Любая идеология создает свой особый *идеологический язык*, где любое слово и понятие имеет особое значение, причем идеологический язык формируется тогда, когда происходит слияние идеологических терминов с обыденной речью. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «Идеи не существуют оторвано от языка» [Маркс К., Энгельс Ф. Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1935. С.99. - с.99], и сам язык становится мощным орудием идеологической пропаганды.

Согласно М. Эпштейну, изучавшему различные способы идеологического высказывания, существуют 3 класса слов: 1) слова, предметно-понятийные значения которых ничего не определяют в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям (такие слова, как «дом», «лес», «ходить», «востоковед» и др.), 2) слова, значение которых содержит оценку («хороший», «плохой», «вредный», «добрый» и т.д.), 3) третий класс слов указывает на определённое явление и одновременно выражает его оценку, предметное и оценочное значения предстают в них как бы склеенными, жестко связанными и потому уже независимыми от контекста («заклеймить», «отшельмовать» и т.д.). Эти слова наиболее идеологически значимы и их обычно называют прагмемами [Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX век. М., 1988. С.176-177]. Далее, продолжает М. Эпштейн, между прагмемами устанавливаются особые типы отношений.

Первый тип отношений - полная антиномия, противопоставленность как предметных, так и оценочных значений понятий. Примером такой противоположности могут быть такие пары слов, как «миролюбие - агрессивность», «коллективизм - индивидуализм», «интернационализм - национализм». По замечанию Л. Альтюссера, положительное или отрицательное значение того или иного понятия определяет сама идеологическая система, причем в то время, когда на смену прежней идеологической доктрине приходит новая, проис-

ходит так называемая «перестановка», т.е. переменна ролей у противоположностей. В новых условиях слово с некогда позитивным значением приобретает негативный смысл [Альтюссер Л. За Маркса // Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. М., 1974. Ч. 2. - с.94]. Так, если еще совсем недавно термин «коллективизм» имел ярко выраженное положительное значение как синоним советского образа жизни, то в российской публицистике в начале 90-х годов «коллективизм» начал ассоциироваться с устройством тоталитарного общества.

Второй тип - предметная синонимия при оценочной антиномии. К этому типу относятся понятия, обозначающие сходные явления, но при этом им присваивают противоположные или резко различные значения: «миролюбие - примиренчество», «свобода - вседозволенность», «хозяйствовать - хозяйничать», «сподвижник - приспешник» и др.

Третий тип отношений - предметная антиномия при оценочной синонимии. Например, такие слова, как «объективизм - субъективизм», «новаторство - преемственность» имеют противоположные значения, но предполагают равно положительную оценку обозначаемых качеств. Между такими словами устанавливается коррелятивная связь и в идеологической речи они часто дополняют друг друга (например, «Новации и традиции - основа искусства»).

И, наконец, четвертый тип отношений - полная синонимия. К этому типу относятся взаимно заменяемые слова, такие, как «организованность - сознательность» [Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX век. М., 1988- с.177].

Таким образом, при помощи приведенных типов отношений между прагмемами выстраивается особая логика идеологической речи. Для пропаганды своих принципов *идеологическая речь* использует метафоры, гиперболы, слова-символы, сарказмы и комизмы и наукообразные формулы. Так, по уточнению В. Ерофеева, для каждой идеологии характерны особые понятия. Если либерализм заимствует термины из математики и механики («равенство», «единство», «закон»), то ультраправые берут на вооружение биологические термины («семья», «раса», «организм», «почва», «кровь», «предки») [Ерофеев В. Идеологический язык и формирование сознания // Образ человека XX века. М., 1988. С.134-136.- с.134-136]. Слова, несущие идеологические нагрузки (идеологемы) постоянно вторгаются в обыденную речь и постепенно становятся составляющими элементами обыденной психологии, закрепляясь в общественном сознании на уровне «здорового смысла». В этих условиях идеология выступает реальной силой, рычагом управления обществом. Причем после утверждения (институционализации) данной идеологии в общественной психологии, «здоровый смысл» людей тяготеет к тому, что любой новый вопрос ставится, оценивается и решается по аналогии с уже имеющимся в прежнем опыте челове-

чества, что обуславливает определенную традицию.

Таким образом, стремление следовать определенным клише и стереотипам закрепляет идеологические установки в сознании. При этом идеология выполняет так называемую педагогическую функцию, «воспитывая людей в духе своих ценностей» [Прохоров М. Мировоззрение как самоидентификация человека. Н. Новгород, 1998. С.66.-с.66]. Например, для самосохранения идеология господствующего режима, отстаивая стабильность в обществе, опирается на банальные словесные клише и утвердившуюся риторику, но в противовес ей любая идеология, оппозиционная к существующему режиму и стремящаяся стать господствующей, выдвигает новые лозунги, поэтому язык становится полем идеологической борьбы, в которой каждая сторона с помощью своих идеологов стремится подчинить себе общественное сознание [Ерофеев В. Идеологический язык и формирование сознания // Образ человека XX века. М., 1988. - с.146-150]. Таким образом, утверждение (институционализация) какой-либо идеологии в сознании современных людей осуществляется преимущественно при помощи идеологической речи, укореняющейся в обыденном языке. Именно язык превращает идеологическую доктрину в реальную силу, способную управлять обществом. Социальная общность формируется, интегрируется и самосохраняется во многом при помощи особого языка, который в любом случае будет выполнять некоторые идеологические функции. *Идеологический язык представляет собой сложную вербальную и невербальную знаковую систему, которая способна отображать и транслировать основные смыслы, ценности и установки поведения данной социальной общности.* Носители одного и того же идеологического языка мыслят стандартными схемами, понятиями и стереотипами. Если данные схемы рассматривать на уровне формы, то, как известно, форма - это «переход содержания в форму», а содержание представляет собой «переход формы в содержание» [Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М.: Мысль, 1975., с.298].

Следовательно, языком задается стереотипность, формульность мышления и поведения. Идеологический язык создаёт, формирует и поддерживает особый тип мышления, а также систему поведения его носителя, что свойственно в той или иной степени любой языковой конструкции. «Язык, - как замечал Э. Сепир, - это путеводитель в «социальной действительности»... Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе... В действительности «реальность мира» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. - М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra

Fantastica, 2003, с.130-131]. По словам же Б.Л. Уорфа, «мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. - М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003., с.158].

Следовательно, структура языка во многом является определяющей по отношению к структуре мышления. Из этого следует, что язык продуцирует закономерности мышления, что, в свою очередь, делает процесс мышления стандартизированным, то есть подверженным идеологическому влиянию. По мнению М. Хайдегера, язык по отношению к человеку выступает именно как «дом бытия» [Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. - М.: Республика, 1993 -с. 192 - 220.], определяет его структуру мышления и тип поведения, оказывая серьёзное влияние на него и его формирование. Таким образом, именно язык функционально определяет собою все социальное бытие человека. Как говорил У. Эко, «рождается предозревание, что мир *sub specie communicationis* это не весь мир, что это только хрупкая надстройка над чем-то, что подспудно коммуникации. При этом, социальная коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности человека в существующей системе общественных отношений. Именно человек осваивает мир, и именно благодаря ему природа непрерывно превращается в культуру» [Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - СПб.: «Симпозиум», 2004, с.530].

Определяя социальное бытие человека, язык определяет и формирует и ту социально-идеологическую реальность, в которой существует человек как существо социальное. По утверждению Г.-Г. Гадамера, язык «есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным» [Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного - М., 1991., с. 29]. Отметим при этом, что, будучи реальностью языковой, социально-идеологическая реальность в то же самое время оказывается реальностью мифической. Миф также осуществляется именно через язык. По словам А.Ф. Лосева, миф «есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие—имя—космос. - М.: Мысль, 1993., с.169], сама же мифология - это «наука и знание о мире как личности и личностях и об его истории как личной судьбе одной определенной или многих личностей» [Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие—имя—космос. - М.: Мысль, 1993. с.774]. При помощи языка миф превращается в правдоподобную псевдореальность. Способом выражения и реализации мифа является особый риту-

ал, который в силу своей ритмичности лег в основание социокультурной деятельности человека.

Социальная идеология в современном обществе является своего рода гражданской религией и социальной магией, реализующей социальные мифы в социальном сознании при помощи специальных языковых конструктов. В последние десятилетия наблюдается усиление мифологической и частично религиозной составляющей в гражданских идеологиях. Люди, лишённые духовного и трансцендентного составляющего, в эпоху расцвета научно-технического прогресса стихийно создают новые мифы и ритуалы, которые объединяют их в группы, помогают сформировать самоидентификацию современной личности, найти ответы на смысложизненные вопросы и защитить человеческую психику от негативных воздействий технократической цивилизации. Политические и гражданские идеологии, по выражению Р. Беллы, трансформируются в гражданские религии, основанные на принципах новой псевдосакрализации, новых мифологемах и ритуалах, а также на иррациональной вере в новые мировоззренческие конструкты. [Robert N. Bellah. *Civil Religion in America // Religion American Style*, Harper & Row, NY, 1974, p.75.]

Итак, идеология и язык коррелируют друг с другом с помощью мифа, создавая и формируя социальную действительность, то есть на первом этапе формируется метафизическая реальность, существующая в сознании людей, а на втором уровне идёт строительство реальности по идеологическим образцам. Язык и идеология являются своего рода социальным кодом, который дает возможность сформировать и интегрировать данную группу. Поэтому для обретения своего бытия любая общность нуждается в создании единого лексико-семантического поля, в котором он мог бы существовать. Это возможно осуществить с помощью особого языка как четкой системы смыслов. Идеологический язык группы способствует формированию особых языковых конструктов у членов данной группы, которые называются социолектами и идеологемами. Социолéкт (англ. *sociolect*, от лат. *societas* — общество, и диалект), социальный диалект — групповые речевые (в первую очередь лексические и стилистические) особенности, характерные для какой-либо социальной группы — профессиональной, возрастной, субкультуры. [<http://wordhelp.ru/word/социолéкт>] Важнейшим составляющим элементом идеологического языка являются идеологема. Идеологема - это составляющие элементы идеологии, представляющие собой языковые конструкты, выражающие какие-либо взгляды на существующую социальную реальность и специфические оценки данной реальности. Данные вербальные конструкты представляют собой понятия, которые чётко отображают отношение данной идеологической доктрины к каким-либо субъектам, явлениям, событиям и процессам общественной жизни.

Идеологема - это устойчивое словосочетание, фразеологизм, имеющий определенную идеологи-

ческую нагрузку, окраску, например, известные идеологические клише из советской и постсоветской истории: "общечеловеческие ценности", "демократический выбор", "права потребителей", раньше - "коммунистическое строительство", "права трудящихся", "социалистический выбор", "социалистическое соревнование" и др. Важнейшим элементом идеологического языка являются лозунги. Лозунг — призыв или обращение в лаконичной форме, выражающее руководящую идею, требование — краткая формула, содержащая в себе одну-две фразы и выражающая содержание тех или иных задач и целей различных борющихся между собой классов в политике, экономике, философии, литературе и т. д. Слово «лозунг» пришло в русский язык из немецкого (*die Losung*). Начальное значение слова — пароль или опознавательный знак. Немецкое слово происходит от глагола *losen* — бросать жребий, решать что-либо с помощью жеребьевки (ср. нем. *das Los* — жребий). [Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939.] В СССР лозунги имели особое значение, по сути, лозунгами регулировалась вся человеческая жизнь и вся социальная деятельность.

После крушения советской социальной системы многие бывшие советские граждане фактически потеряли ориентацию в социальном времени и в социальном пространстве, частично утратив личную самоидентификацию, сформировавшуюся в условиях господства единой идеологии. Поэтому многие индивиды стали находить для себя различные группы и сообщества, которые давали им возможность найти жизненные ориентиры, настроиться на достижение важных экономических и социальных целей, а также помочь найти своё "Я" в новых политических реалиях.

Исходя из вышесказанного, особый интерес представляет доктрина российской исследовательницы Е. Д. Лучезарновой-Марченко — ритмология. Именно при помощи ритмологии в современной России сформировалась особое субкультурное сообщество с собственным идеологическим языком. Эта концепция оформилась в 80-е годы XX века, когда ценности советского образа жизни в нашей стране уже утратили прежнюю популярность в массовом сознании. В условиях потенциального идейного и духовного кризиса автор сформулировала острый вопрос о необходимости создания ценностей и ориентиров для раскрытия человеческого потенциала, с учётом необходимости приобретения актуальных знаний для полноценной человеческой жизни и удовлетворения базисных потребностей человека, без которых невозможно его всестороннее гармоничное развитие. В сложившихся общественных условиях поновому был сформулирован вопрос о роли и месте фактора времени в человеческой жизни. [Шеляпин Н. Баллада о времени (о футурологическом и социально-философском ресурсе концепции ритмологии)]

<http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100035895B>] Е. Д. Лучезарнова-Марченко, утверждая, что время есть объективная реальность, которую можно передавать и получать, менять, перебрасывать, останавливать, ускорять, замедлять, фиксировать, предложила способ познания этой субстанции. Данная работа началась в 1983 году. Проведённая работа по изучению феномена времени была систематизирована в новое учение – ритмологию, представляющую собой групповую идеологическую доктрину, аккумулировавшую как некоторые научные знания, так и мифологические конструкты, при этом, ориентирующую представителей данного сообщества на достижения ряда социально значимых целей. Исходя из своих исследований, Е.Д. Лучезарнова-Марченко приходит к следующим выводам: «Человек пользуется временем, живет во времени, живет за счет времени, мозг человека постоянно хронометрирует время. Время – субстанция надмыслия. Через определенный звукобуквенный ряд время можно перевести в пространство, в информацию, в энергию. Время хранится в изысканной речи, хранится в информозонах, в которых собраны слова. Человек способен думать за счет времени, переводить через язык свои мысли, передавать через слова время другим людям... [Марченко Е. Д. Освобождение от информации. — СПб., 2001. – 632 с.]. Основательница ритмологии Е.Д. Лучезарнова-Марченко подчёркивает, что именно особый язык даёт возможность усвоить и транслировать идеи данной концепции: "...Я пытаюсь передать и сообщить свои знания, люди понимают, что это единый информоэнергетический язык. Пользуясь этим языком, человек способен выйти в вечность и бесконечность на свою личную траекторию, встретиться со своим личным временем, личным пространством, личным светом, дающим возможность перемещаться». [Лучезарнова Е. Живой ритм СПб. Ритмовзлёт. 2016. с.63].

Как мы видим, автор ритмологии определяет главную цель представителей данной группы – это развитие и реализация личности. Этот факт подтверждают данные социологического опроса, проведённого ООО "Гортис-инфо" в 2017 году. Так, большинство участников опроса, входящих в группу сторонников ритмологии (62% из 702 опрошенных в разных регионах страны), считают самой важной ценностью развитие и самовыражение. 70% участников опроса являются работающими, экономически активными гражданами, доход которых колеблется в размере от 15 до 30 тысяч рублей в месяц (хотя присутствуют и более состоятельные люди). 60% активных последователей идей ритмологии - это женщины в возрасте от 40 до 64 лет. Согласно типологии американского социолога Л. Уорнера, данная группа относится скорее всего к группе "низшего среднего класса". Представители этой группы обычно занимаются умственным трудом, стремятся к комфорту и самовыражению, ориентируются на некоторые модные тенденции, умеренно консервативны, нацелены

ны на социальную стабильность и, как правило, лояльны к действующей власти и, конечно, используют в речи характерные для своего социального статуса, языковые конструкты [Warner W. L. Социальный класс и социальная структура //Рубеж (альманах социальных исследований) 1997. № 10-11 С. 42-57]. Поэтому с марксистской точки зрения, такую группу было принято называть "мелкобуржуазной".

В сознании данной группы существуют некие схожие и характерные для этого социума представления о жизненном укладе, уюте, досуге, культурных установках и о ценности тех или иных произведений искусства. Всё это в совокупности создаёт относительно цельную духовную культуру данного сообщества, которая включает в себя важные идеологические установки. Также в недрах данной общности формируются собственные языковые символы и конструкты, которые часто не только выражают определённые идеологические установки, но и являются особыми символами (паролями) самоидентификации, которые говорят о принадлежности к данной группе и выполняют функцию «отстройки» от представителей других групп и классов. Рассмотрим некоторые ритмологические идеологемы, ориентирующие представителей данной группы на достижение социально значимых целей: "Я обыкновенное, Я простое, Я Высшее, Я Великое" – описание состояний (стадий) эволюции (развития) личности. «Я» Обыкновенное становится разумным — оно уже не просто общается с едой, одеждой и предметами, а на самом деле что-то понимает, заведомо готовится куда-то идти, у него появляется цель. Второй «бунт» нашего «Я» называется выход из «Я» Простого. Здесь мы понимаем, что каждый пришёл на Землю со своей задачей, каждый пришёл с какой-то целью, но пока эту цель не может ни произнести, ни осознать, ни опознать. Информация выделяется, как-то складывается, но сначала очень слабо, и существо начинает много говорить — это называется стадия Свободного Философа; наверное, каждый в нее попадал. Начинают говорить как будто о Вселенском Начале, а на самом деле избитые фразы звучат вокруг. Третий «бунт» — это «бунт» «Я» Высшего. Этот «бунт» весьма особенный. Это третий «бунт», его достигают немногие, но если они его достигают, у них начинается Свет. И четвертый «бунт», который ожидает наше «Я» — это освобождение всех Великих, бывших на этой планете, когда вы понимаете, что должны оказаться Величественнее самого Великого, а иначе не было смысла так долго здесь находиться [Мезенцев С.Д. http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119].

Как мы видим, описываемый "бунт" направлен не на общественно-политическую борьбу, а на саморазвитие и на самореализацию каждого члена группы. Для контакта с окружающим миром, влияния на временные потоки и для самореализации представители ритмологического сообщества используют особый идеологический язык – хлада-

стеи. Понятие "хладастея" в ритмологии – это частица языка, которая связана с возможностью понимания феномена времени и прогнозирования будущего. Сторонники ритмологии полагают, что вполне реально не только осознать время (настоящее, прошлое и будущее), но и управлять временем в процессе своей жизнедеятельности. Действительно, осознание и интерпретация феномена времени занимает значительное место в различных духовных культурах мира. По мнению российского исследователя И. Чубайса, у любой идеологии важнейшую роль играет идеологическое время. «. [И. Б. Чубайс <http://prosvetitel.blagorussia.ru/prosvetiteli/razgadannaa-rossia---igor-cubajs/ideologiceskoe-vrema>]. В чём же особенность «идеологического» времени? Данное время без открытого будущего. Для идеологии никакой принципиальной неизвестности не существует, т. е. любая идеология в том или ином виде содержит образ будущего. По мнению И. Чубайса, «В контексте советской идеологии, заранее было ясно, что «силы мира победят», что «планы партии будут выполнены», что «победа коммунизма неизбежна». Все советские люди обязаны были жить «с верой в светлое будущее». Такое замкнуто-остановившееся время, когда «и дольше века длится день», а действительно новый день не может наступить в принципе, наносило страшный удар по изначальному смыслу человеческого существования. Поскольку реальное будущее всегда отличалось от идеологически предсказанного, идеологам постоянно приходилось отыскивать причины и находить объяснения несвершившемуся. Решение этого парадокса, в условиях сохранения идеологии, состояло как в постоянном поиске врагов, так и в непрерывном пересмотре и переинтерпретации прошлого, в пересмотре «исходных позиций»... [И. Б. Чубайс <http://prosvetitel.blagorussia.ru/prosvetiteli/razgadannaa-rossia---igor-cubajs/ideologiceskoe-vrema>]. В этой системе человек не мог самостоятельно выйти за пределы заранее начертанных временных рамок и фактически плыл по течению ранее известной и запрограммированной исторической реальности, что, с одной стороны, давало уверенность в завтрашнем дне, а, с другой стороны, лишало его самостоятельности и творческой активности.

Утратив после крушения советской идеологии прежнее ощущение времени и пространства, в новых условиях человек был вынужден самостоятельно осмысливать время, а, следовательно, и свою связь с прошлым, место в современном мире и самостоятельно выстраивать ориентиры, ведущие к будущему. В новой реальности бывшие советские люди, прежде всего бывшие представители советской интеллигенции были вынуждены стать новым креативным классом, чтобы найти своё место в новой жизни, а порою – чтобы выжить в сложных экономических условиях. Следовательно, надо было научиться по-новому осмысливать себя в сложившемся пространственно-временном континууме. Поэтому концепция ритмология стала важнейшим идейно-теоретическим

орудием для целой социальной группы. Именно ритмология чётко прослеживает взаимосвязь между осознанием времени, языковыми конструктами, выражающими особые идейно-теоретические понятия и смыслы, и способом мышления.

Автор концепции ритмология Е. Д. Лучезарнова-Марченко вводит в обиход понятие «солитон». Согласно Лучезарновой-Марченко, «Солитон – это слово, это возможность постоянной работы через слово, а также особое состояние развития индивида, поиск своего «Я». Как поясняет автор этой концепции: «Когда мы становимся солитоном, мы говорим: «Нет, я не желаю знать всё, что происходит в этой Вселенной. Зачем мне знать её аномалии? Зачем мне знать её несовершенства?.. И мы начинаем бросать вызов этой среде и начинаем двигаться «поперёк течения». В этот момент и формируется наш солитон, мы начинаем формировать себя. Первые попытки быть не таким, как все, ярко выражены у детей и подростков: «Я никогда не надену комбинезон или форму в школу, потому что я личность и мне сегодня надо идти в синем, а в школе все ходят в коричневом». Это первый пример... Но здесь идёт отличие: когда идёт ненормальный протест, глухой протест, который тебя только топит, и ты даже из голограммы, в которой был целостный, пусть каплей в океане, но ты знал всё обо всём, становишься размытой точкой, такой микротуманностью, которой больше никто интересоваться не собирается. ...Когда у нас формируется солитон: мы никому не доставляем боли. И если хоть одному человеку доставляем боль, то мы с вами опять под планкой. Если мы, оформляя себя, идём без боли, то всё замечательно: мы формируем солитон... Человек с оформленным солитоном свободен. И только в состоянии сформированного солитона человек доходит к трещине времени. Когда человек сформировал свой солитон полностью, он через слово уже может управлять средой. Появляется дополнительная мерность свободы» [Лучезарнова (Марченко) Е.Д. Бестселлер. - Санкт-Петербург: Авторский центр «Радатс», 2008. - 304 с., (фрагменты)]. Как мы видим, ритмология предлагает человеку обрести свободу и самостоятельно управлять своей жизнью, что особенно важно для формирующегося в России среднего креативного класса. Также ритмология предлагает достичь определённого состояния расцвета, которое характеризуется расцветом мыслительной деятельности и творческой активности. Это состояние, согласно Лучезарновой-Марченко, называется эгрегор. Эгрегор – это энергетическое и информационное поле, которое складывается из мыслей и эмоций больших групп людей, объединённых общей идеей. [Лучезарнова (Марченко) Е.Д. Бестселлер. - Санкт-Петербург: Авторский центр «Радатс», 2008. - 304 с., (фрагменты)]. Понятие «эгрегор» в определённом смысле напоминает понятие «акме», характеризующее уровень наивысшего развития личности. Таким образом, ритмологические языковые конструкты представляют собой идеологические символы, отражающие интересы и ориентиры средне-

го креативного класса. При этом, осмысление времени на идейно-теоретическом и символических уровнях тесно связаны с идеологической интерпретацией пространства жизнедеятельности данной группы. Поэтому автор ритмологии Е. Д. Лучезарнова-Марченко в своих верлибрах формирует идеологические языковые конструкты, выражающие патриотические установки, свойственные среднему креативному классу. Патриотическая риторика не только позволяет компенсировать идейный вакуум, образовавшийся в 1990 –е годы, но и прежде способствует формированию собственной групповой идентичности одной из групп формирующегося среднего креативного класса. Также важно отметить, что патриотическая идея выполняет важную роль соединения идеологического времени с идеологическим пространством, причём идеологическое пространство – это идеологическая интерпретация территории, на которой проживают представители группы, придерживающиеся данной идеологической доктрины. Вот примеры таких патриотических идеологем, объединяющих время и пространство в единую систему эмоционально окрашенных символов: «русскоязычная мощь», «русскоязычная ширь», «русскоязычная щедрость», «русскоязычная высь». Патриотическая риторика отчётливо звучит в поэтическом сборнике Е. Д. Лучезарновой-Марченко «Время России»:

Повезло тебе с Россией,
Повезло родиться здесь

Также Лучезарнова-Марченко видит в русском языке не только патриотический, но и мессианский ресурс, который обычно свойственен российским идеологическим доктринам:

Языком русским засею Зарубежья рубежи...
Я по-русски судьбу сею и по-русски ниву жну,
Остальные в мой строй встанут,
Я ж с дороги не сверну.

[Е. Д. Лучезарнова Время России. СПб. 2016].

Неслучайно, что последователи ритмологии, как особая социальная группа, формируются не только в России, но и в других странах мира, прежде всего на постсоветском пространстве. Как мы видим, идеологический язык ритмологии, как и язык советской идеологии, предусматривает наличие специфических слов и так называемого новояза, т. е. набора заново образованных слов и выражений. В прошлом были хорошо известны такие советские идеологемы, как "интенсификация", "коллективизация", "ударник", "энтузиаст", "колхоз", сейчас многие социальные группы создают собственные идеологемы, новые слова, такие как, "хладастия", "эгрегор", "луч", "Я Простое", "ритм" и многие другие хорошо понятные сторонникам ритмологии. Эти идеологемы становятся эффективными ориентирами в новой социальной плоскости и направляют человека из формирующегося среднего креативного класса на достижения успехов. Многие ритмы, написанные Е. Д. Лучезарновой-Марченко, звучат как лозунги, обращённые от автора или читателя к тому, кому они адресуются. Так, например, один из таких ритмов называется

"Стабильность". Автор говорит о том, что познавший духовное рождение человек уже не подвержен факторам социальной нестабильности, приобретает устойчивость, стабильность «на гребне волн».

Мы рады встретить вас на гребне волн
Мы рады, что пучина вас не тронет,
Души кручина, материи причина
Знакомы вам настолько, что не сможет
Вас одолеть агрессии волна,
Волна разбоя или вождельня
Вас поздравляем с новым восхождением
Звенит натянуто экспедиции струна,
Духовное рождение познав,
Устойчив на плаву и твёрд в полёте
Явился ритм.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что именно посредством идеологического языка представители данного сообщества выражают свои социальные интересы, ценности и поведенческие установки, а также выстраивают ориентиры в социальном времени и пространстве. Ритмологи, как социальная и идеологическая группа представляют особый интерес с точки зрения исследования явлений социальной дифференциации и идеологического процесса в современном российском обществе.

Литература

1. Альтюссер Л. За Маркса // Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. М., 1974. Ч. 2.
2. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного — М., 1991.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М.: Мысль.
4. Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983., 1975. — 452 с.
5. Ерофеев В. Идеологический язык и формирование сознания // Образ человека XX века. М., 1988.
6. Кочешков Ю. Идеология как средство сознания и реализации интересов. Казань, 1992.
7. Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939.
8. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие—имя—космос. — М.: Мысль, 1993.
9. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // М.: Мысль, 1993.
10. Лучезарнова Е. Живой ритм. СПб. Ритмовзлёт. 2016.
11. Лучезарнова (Марченко) Е.Д. Бестселлер. - Санкт-Петербург: Авторский центр «Радатс», 2008. - 304 с., (фрагменты).
12. Лучезарнова Е. Д. Время России. СПб. Ритмовзлёт. 2016.

13. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА М, 1998.

14. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство.— Соч., т. 2.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1935.

16. Прохоров М. Мировоззрение как самоидентификация человека. Н.Новгород, 1998.

17. Марченко Е. Д. Освобождение от информации. — СПб., 2001. – 632 с.

18. Мезенцев С.Д. «Ритмология Е.Д. Марченко» [Мезенцев С.Д. http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119]

19. Сергеев Ф. П. Из истории взаимоотношений идеологии и языка. <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka>

20. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

21. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку //Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

22. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993.

23. Хиневиц Е. С., Волкова О. А. Социальные проблемы: логика конструкционистского анализа. Проблемы теоретической социологии / С.-Петерб. гос. ун-т ; Под ред. А.О. Бороноева. - Санкт-Петербург : Петрополис, 1994.

24. Чубайс И.Б. <http://prosvetitel.blagorussia.ru/prosvetiteli/razgadannaa-rossia---igor-cubajs/ideologiceskoe-vremja>

25. Шеляпин Н. Баллада о времени (о футурологическом и социально-философском ресурсе концепции ритмологии) <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100035895>

26. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2004.

27. Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX век. М., 1988.

28. Poulantzas N. State Power and Socialism. London, 1978.

29. Robert N. Bellah. Civil Religion in America //Religion American Style, Harper & Row, NY, 1974.

30. Warner W. L. Социальный класс и социальная структура //Рубеж (альманах социальных исследований) 1997. № 10-11 С. 42-57.

31. Варенина Л.П. Логико-семантический принцип запоминания лексики // Общественные науки. 2016. № 2-1. С. 137-141.

32. Салынская Т.В. Лексическая проблематика англо-русских языковых и литературных связей XVI - XVII веков (на материале "Краткой истории Московии" Дж. Мильтона): дисс. ... канд. филол. наук. Орехово-Зуево, 2000

Ideological language of modern Russian social group (on the example of group of ritmolog)

Shelyapin N.V.

Russian state hydrometeorological university

In this article it is analyzed the reasons and ways of formation of ideological language on the example of one modern Russian social group in the context of political transformations of the last decades.

Key terms: ideology, ideological time, ideological space, myth, ideological language, rhythmology, sociolect, ideologem.

References

1. Althusser L. For Marx // Dialectics of Hegel in the assessment of modern Western philosophers. М., 1974. Part 2.
2. Gadamer G.-G. History of concepts as a philosophy // Gadamer G.-G. The relevance of the beautiful - М., 1991.
3. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T.1. The science of logic. - М.: Thought.
4. Golovin B.N. Introduction to linguistics. 4 th ed. М., 1983., 1975. - 452 p.
5. Erofeev V. Ideological language and the formation of consciousness // The image of a man of the XX century. М., 1988.
6. Kocheshkov U. Ideology as a means of consciousness and realization of interests. Kazan, 1992.
7. Literary encyclopedia. - In 11 tons; М.: publishing house of the Communist Academy, Soviet Encyclopedia, Fiction. Edited by VM Fritsche, AV Lunacharsky. 1929-1939.
8. Losev A.F. Philosophy of the name // Losev, AF. Genesis-name-space. - М.: Thought, 1993.
9. Losev, AF Antique Cosmos and Modern Science, Moscow: Mysl, 1993.
10. Luchezarnova E. Live rhythm. St. Petersburg. The rhythm plane. 2016.
11. Luchezarnova (Marchenko) E.D. Best-seller. - St. Petersburg: Author's Center "Radats", 2008. - 304 pp., (Fragments).
12. Luchezarnova ED Time of Russia. St. Petersburg. The rhythm plane. 2016.
13. Merton RK Social theory and social structure. - М.: Publishing group NORMA - INFRA M, 1998.
14. Marx K., Engels F. The Holy Family.- Op., Vol. 2.
15. Marx K., Engels F. Archive of K. Marx and F. Engels. М., 1935.
16. Prokhorov M. Worldview as a self-identification of a person. N.Novgorod, 1998.
17. Marchenko E.D. Exemption from information. - St. Petersburg, 2001. - 632 p.
18. Mezentsev S.D. «Rhythmology of E.D. Marchenko» [Mezentsev S.D. http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119]
19. Sergeev F. P. From the history of the relationship of ideology and language. <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka>
20. Sepir E. The status of linguistics as a science // Languages as an image of the world. - Moscow: ООО "Publishing House AST"; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
21. Whorf B. The relation of norms of behavior and thinking to language // Languages as an image of the world. - Moscow: ООО "Publishing House AST"; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
22. Heidegger M. Letter on Humanism // Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches. - М.: Republic, 1993.
23. Hinevich ES, Volkova OA Social problems: the logic of construction analysis. Problems of theoretical sociology / S.- Petersburg. state. un-t; Ed. A.O. Boronoeva. - St. Petersburg: Petropolis, 1994.
24. Chubais I.B. <http://prosvetitel.blagorussia.ru/prosvetiteli/razgadannaa-rossia---igor-cubajs/ideologiceskoe-vremja>
25. Shelyapin N. Ballad of Time (on the futurological and socio-philosophical resource of the concept of rhythmology) <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id>
26. Eco U. The missing structure. Introduction to Semiology. - St. Petersburg: "Symposium", 2004.
27. Epshtein, M. Ways of influencing an ideological utterance. // The image of a man of the 20th century. М., 1988.
28. Poulantzas N. State Power and Socialism. London, 1978.
29. Robert N. Bellah. Civil Religion in America // Religion American Style, Harper & Row, NY, 1974.
30. Warner W. L. Social class and social structure // Rubezh (almanac of social studies) 1997. № 10-11 С. 42-57.
31. Varenina L.P. The logical and semantic principle of memorizing vocabulary // Social Sciences. 2016. No. 2-1. S. 137-141.
32. Salynskaya T.V. Lexical problems of English-Russian linguistic and literary relations of the XVI - XVII centuries (based on the material "A Brief History of Muscovy" by J. Milton): Diss. ... cand. filol. sciences. Orekhovo-Zuevo, 2000

Корреляционный анализ социальных проблем развития городов

Жемерикин Алексей Борисович

ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы»,
zhemerikinab@mos.ru

В статье рассмотрены результаты исследования показателей социально-экономического развития городов России на основе корреляционного анализа. Новизна исследования заключается в определении степени связи показателей между собой, позволившая выявить ряд закономерностей взаимодействия их составляющих.

Ключевые слова: города, социально-экономическое положение, корреляция, анализ, показатели, кластер.

Усиление конкуренции на мировых и отечественных рынках требует существенного повышения совокупного потенциала городов, выступающих основой обеспечения устойчивости, эффективности и укрепления стратегических позиций государства [1, с. 3].

Хозяйствующие субъекты в городах вынуждены фокусировать свои усилия на приоритетных направлениях деятельности, обеспечивающих не только повышение экономических показателей деятельности, но и решение социальных проблем населения. В числе составляющих совокупного потенциала городов особая роль принадлежит экономическому потенциалу хозяйствующих субъектов [2], создающему основу для социального развития населения.

Современные города являются специфическими объектами социально-экономической политики любого государства. Состояние и развитие городов отличается особой остротой проблем и масштабностью их влияния на многие аспекты всей страны. Так, в крупных городах России, обладающих многоотраслевой экономической базой, финансовыми ресурсами и развитой инфраструктурой, создается большое число рабочих мест, имеются возможности для карьеры и мобильности людей в различные отрасли и сферы экономики, обеспечены благоприятные условия для проживания и т.п. Они выступают средоточием политической, общественной, экономической и культурной жизни, являясь центрами формирования урбанизированных территорий, развития «общества потребления», определяя уровень конкурентоспособности и вектор мейнстрима всего государства. В них организуется работа по решению многообразных социальных проблем [3]. Одновременно, для них характерным является рост преступности, ухудшение экологии, разделение жителей по субкультурным, этническим и другим признакам, приводящее к росту социальной напряженности в обществе.

Средние и относительно небольшие города при наличии известных преимуществ по сравнению с мегаполисами и крупными городами также содержат многообразные проблемные факторы, обусловленные узкой сферой занятости, ограниченными возможностями жителей для маневра при необходимости смены своей социальной позиции и экономического положения, неразвитостью инфраструктуры, более низким уровнем жизни и т.п.

В этой связи возникает необходимость исследования взаимообусловленных связей между размерами городских поселений и социально-экономическими показателями жизни их жителей.

Гипотеза исследования базируется на предположении о влиянии размера города на показатели его социально-экономического состояния.

Цель исследования - выявление влияния размера городов на социально-экономические показатели их состояния.

Объектом исследования послужили субъекты и города Центрального федерального округа РФ.

Для целей исследования анализировались такие показатели, как число родившихся и умерших человек, среднегодовая численность работников организаций, среднемесячная заработная плата, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя, численность врачей на 10000 человек населения, число предприятий и организаций, объем обрабатывающих производств, объем производства и распределения электроэнергии, газа и воды, объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», ввод в действие жилых домов, оборот розничной торговли, инвестиции в основной капитал и др. [4] Для сопоставления использовались коэффициенты приведения показателей на 1 или 1000 человек.

Методологической основой исследования является корреляционный анализ социальных процессов и явлений. Корреляционный анализ — один из инструментов установления особого вида статистических связей, давно привлекающий внимание исследователей.

Уравнение для коэффициента корреляции ($\rho_{x,y}$) имеет следующий вид:

$$\rho_{x,y} = \frac{Cov(X,Y)}{\sigma_x \sigma_y},$$

где Cov - ковариация; σ - дисперсия; x и y — выборочные средние значения соответственно (массива данных 1) и (массива данных 2).

Коэффициент корреляции используют для определения степени взаимосвязи между двумя рядами данных или свойствами [5, с. 161]. Он может принимать значения в диапазоне $-1 < \rho_{x,y} < 1$. При этом, отрицательное значение свидетельствует о противоположной связи между показателями, нулевое значение - о нулевой связи, +1 - о полной связи между показателями. Чем ближе величина коэффициента к +1, тем более сильнее связь двух анализируемых показателей.

Города Центрального федерального округа РФ были сведены в три кластера по численности населения.

Кластер 1 включал крупные города с численностью населения до 300 тыс. человек¹⁵. Кластер 2 составили крупные города с численностью населения 300-500 тыс. человек (Белгород, Брянск,

Владимир, Иваново, Калуга, Кострома, Курск, Орел, Смоленск, Тамбов, Тверь) и кластер 3 - крупнейшие города с численностью более 500 тыс. человек (Воронеж, Липецк, Рязань, Тула, Ярославль, Москва).

Некоторые результаты расчетов коэффициента корреляции численности населения городов с их социально-экономическими показателями отражены в табл. 1.

Таблица 1
Коэффициент корреляции численности населения кластеров городов с социально-экономическими показателями

Наименование показателей	$\rho_{x,y}$	
	Кластер 2	Кластер 3
Число родившихся на 1000 человек населения	0,0320	-0,0427
Число умерших на 1000 человек населения	-0,1510	-0,8523
Среднегодовая численность работников организаций	0,7030	0,9999
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0,2171	0,9939
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя	0,2633	-0,8496
Численность врачей на 10000 человек населения	0,0362	-0,5082
Число предприятий и организаций	0,6477	0,9997
Обрабатывающие производства	0,0453	0,9969
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,5085	0,9997
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	0,1010	0,9995
Ввод в действие жилых домов (тыс.м2 общей площади)	0,2145	0,9893
Оборот розничной торговли	0,4797	0,9996
Инвестиции в основной капитал	0,0658	0,9998

Наибольшая численность населения, отмеченная во втором кластере - городе Курске, составляет 443,2 тыс. человек, а в третьем кластере - мегаполисе Москве - 12,3 млн. человек (в 27,8 раз больше).

Отрицательное значение коэффициента корреляции численности населения с числом родившихся на 1000 человек населения в кластере 3 свидетельствует о том, что в крупных городах население сосредотачивается в большей степени не для воспроизводства детей, а для других целей, например, для трудовой деятельности. Это частично подтверждается высокой степенью корреляционной связи ($\rho_{x,y} = 0,9999$) между численностью населения и среднегодовой численностью работников организаций.

Кроме того, в более крупные города переезжает население, преимущественно в более молодом и трудоспособном возрасте, что приводит к снижению показателя числа умерших на 1000 человек населения ($\rho_{x,y} = -0,8523$).

В более крупных городах занятое население имеет в среднем более высокую среднемесячную номинальную начисленную заработную плату (кластер 2 - 26,2 тыс. рублей, кластер 3 - 37,4 тыс. рублей), что позволяет поддерживать более приемлемый уровень жизни.

Главным существенным стержнем относительно небольшого городского поселения выступает профильная отрасль и несколько предприятий, от работы которых зависят уровень занятости, вели-

¹⁵ Показатели городов данного кластера в статье не рассматриваются.

чина зарплаты и другие социально-экономические показатели города. Кроме того, взаимодействие с крупными компаниями определяет результаты деятельности дополняющих их и кооперирующихся с ними малых и средних предприятий. Например, если в городе функционируют хозяйствующие субъекты 10 отраслей, а системообразующей является одна компания, то все остальные с ней связаны (готовят для нее сырье, используют ее продукцию и отходы производства и т.д.), т.е. полностью технологически и экономически определяются ее деятельностью и социально-экономические показатели всего города оказываются в существенной зависимости от нее. По мере роста размера городов количество отраслей и видов экономической деятельности обычно возрастает, что снижает риски в социальной сфере, обусловленные монополизмом положения предприятий (низкие уровни занятости, заработной платы и т.п.).

Для второго кластера коэффициент корреляции между среднегодовой численностью работников организаций и заработной платой относительно невелик и составляет всего 0,3593. В самых крупных городах теснота связи (0,9952) является практически абсолютной.

Следует также отметить, что доля численности работников организаций в численности населения в крупнейших городах составляет 30,7%, что на 1,5% больше по сравнению со вторым кластером (29,2%).

Примечателен отрицательный характер связи численности населения и общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя 3-го кластера городов ($\rho_{x,y} = -0,8496$). Он показывает, что в среднем в относительно небольших городах на одного человека приходится больше жилой площади (26 кв. м.) по сравнению с жителями более крупных городов (24 кв.м.). Это свидетельствует о худших социальных условиях проживания жителей этих населенных пунктов и негативных тенденциях по мере роста числа жителей, несмотря на то, что ввод в действие жилых домов более в крупных городах более интенсивен ($\rho_{x,y} = 0,9893$).

Оборот розничной торговли, приходящийся на одного жителя второго кластера составил 107,8 тыс. рублей, а в третьем кластере - 142,5 тыс. рублей. При этом значительную долю разницы обеспечили жители мегаполиса г. Москвы - 349,6 тыс. рублей. Необходимо отметить, что жители некоторых относительно небольших городов обеспечивают достаточно значимые объемы оборота розничной торговли. Так, например, в Смоленске на 1-го жителя приходится 168,9 тыс. руб. (численность населения - 328,8 тыс. человек), а в Воронеже при численности населения 1032,4 тыс. человек (в 3,1 больше) - всего 101,5 тыс. рублей.

Перед всеми городами России стоят масштабные социально-экономические проблемы, требующие своего решения. Однако объемы финансовых средств и ресурсов для этого крайне ограничены. Одним из реальных направлений развития городов является предпринимательский сектор экономики. Увеличение количества предприятий,

численности занятых на них работников, уровня оплаты труда и т.п. способны оказать положительное влияние на социальное положение городов. Важным фактором обеспечения социально-экономического положения городов является число хозяйствующих субъектов (предприятий и организаций). Можно предположить, что чем больше их число, тем больше продукции они произведут, создадут большее число рабочих мест (при прочих равных условиях) и т.п. Связь между численностью населения и количеством предприятий во втором кластере составляет 0,6477, а в третьем кластере - 0,9997. Анализ показывает, что в более крупных городах на 1000 человек населения в среднем приходится 51 предприятие, по сравнению с 43 хозяйствующими субъектами в городах меньшего размера.

В наиболее крупных городах функционируют организации, имеющие большую численность работников. Однако, среднее число работников, приходящееся на одно предприятие, по второму кластеру составляет 7,2 человека, а по третьему кластеру - всего 6,8 человек. В этой связи можно утверждать, что в экономике субъектов Центрального федерального округа РФ преобладают относительно небольшие по численности, объемам продукции и основным фондам предприятия. Они осуществляют свою деятельность преимущественно в сфере торговли и услуг населению. Подобная ситуация приводит к тому, что среди хозяйствующих субъектов округа существует весьма ограниченное число мощных организаций, которые могут успешно конкурировать на российском и мировом уровнях. Низкое число финансово-промышленных групп и корпораций, которые обычно выполняют функцию «стабилизатора», создает неустойчивость социально-экономических показателей развития городов.

В ходе исследования обнаружена тесная связь между размерами предприятий и показателями их деятельности, например, производительностью одного работающего. Эта зависимость свидетельствует, что повышение размеров предприятия позволяет увеличивать возможности для роста объемов деятельности отдельного работника, используя углубление форм разделения и кооперации, более новые технологии и виды оборудования, создавая более привлекательные условия труда и т.д. (рис. 1).

Наличие корреляционной связи между размером предприятия и объемами деятельности в целом показывает, что крупные предприятия оказываются более эффективными и конкурентоспособными на рынке. Подобные зависимости объясняются следующим: более крупное предприятие располагает большими возможностями для технического оснащения, технологического и организационного обновления, что положительно влияет на производительность труда его персонала. Расчеты показали рост производительности одного работника, выпуск продукции на один рубль основных производственных средств и снижение себестоимости работ на более крупных предприятиях.

Численность работников предприятия

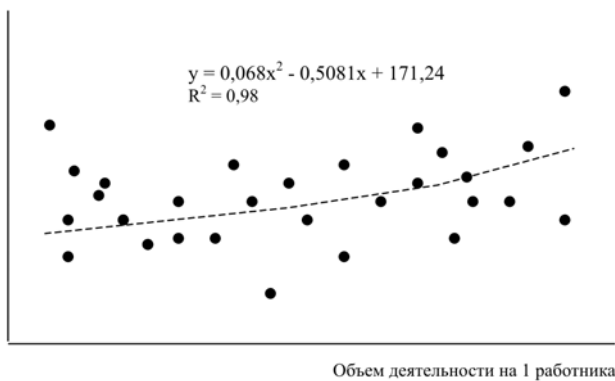

Рис. 1. Закономерность связи между численностью работников предприятий и объемами деятельности одного работника

Размер города

Рис. 2. Кластеризация городов России по коэффициенту корреляции социально-экономических показателей

В относительно небольших городах отмечены низкий удельный вес организаций, выполняющих научные исследования и разработки, а также падение роли образования и знаний. Предпринимательским сектором таких городов еще не востребованы инновации, что приводит к эффекту «выдавливания» квалифицированных специалистов из областей исследований и разработок, затруднению процессов формирования инновационной экономики.

На социально-экономическое состояние городов оказывает влияние характер инвестиционного климата. В своем большинстве субъекты России по рейтингу инвестиционной привлекательности представляют собой регионы, обладающие незначительным совокупным потенциалом и высоким риском.

Влияние размера городов второго кластера на привлечение инвестиций в основной капитал незначительно ($p_{x,y} = 0,0658$), поэтому на 1000 человек населения удается в среднем получить 46,5 млн. рублей. Для городов третьего кластера коэффициент корреляции является очень высоким ($p_{x,y} = 0,9998$), что позволяет в среднем привлекать 67,5 млн. рублей инвестиций. Данные соотношения показывают, что больший размер города способствует привлечению инвестиций.

Проведенный анализ позволяет выделить следующую укрупненную кластеризацию городов России по коэффициенту корреляции социально-экономических показателей (рис. 2).

Выводы. Исследование подтвердило наличие влияния размера города на показатели его социально-экономического состояния.

Формирование и развитие крупных городов России связано с процессами урбанизации и социально-экономическими проблемами регионов.

Крупные города и мегаполисы выступают центрами экономического и социального влияния, оказывая существенное воздействие на территории расположения, малые, средние города и другие поселения людей. В определенной степени они определяют уровень социально-экономического развития не только своих регионов, но и конкурентоспособность всей страны. В этой связи социально-экономические проблемы крупных городов и мегаполисов требуют комплексного исследования в контексте общемировых трендов.

Литература

1. Вершинина И. А. Социальные проблемы мегаполисов мира: сравнительный анализ // Социология. — 2014. — № 2. — С.3–11.
2. Медведев Д.С., Дзакоев З.Л. Управление экономическим потенциалом предприятий. Владикавказ, Издательство «Олимп», 2014. - 162 с.
3. Социальная работа сегодня: вектор развития / Под ред. И.В. Мкртумовой, Н.В. Лебедевой. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2016. - 118 с.
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. - 442 с.
5. Статистика: учебное пособие / коллектив авторов ; под ред. В.Н Салима, Е.П Шпаковской. — М.: КНОРУС, 2014. — 504 с. с. 161.
6. Джамалудинова М.Ю. Основные проблемы и перспективы государственной поддержки социально-экономического развития муниципального образования // Инновации и инвестиции. 2015. № 6. С. 110-114.

Correlation analysis of social problems of urban development Jimerikin A.B.

The Institute of additional professional education of social workers
In the article the results of research of socio-economic development of cities of Russia on the basis of correlation analysis. The novelty of the study is to determine the degree of Association between indicators, which allowed to reveal some regularities of the interaction of their components.

Keywords: city, socio-economic status, correlation, analysis, metrics, cluster.

References

1. Vershina I. A. Social problems of megalopolises of the world: comparative analysis // Sociology. — 2014. — No. 2. — Page 3-11.
2. Medvedev D.S., Dzakoyev Z.L. Management of the economic capacity of the enterprises. Vladikavkaz, Olimp Publishing house, 2014. - 162 pages.
3. Social work today: a development vector / Under the editorship of I.V. Mkrumova, N.V. Lebedeva. - M.: IDPO DTSZN, 2016. - 118 pages.
4. Regions of Russia. Main socio-economic indexes of the cities. 2016: To become. сб. / Rosstat. - M, 2016. - 442 pages.
5. Statistics: manual / group of authors; under the editorship of V. N Saleem, E.P Shpakovskaya. — M.: KNORUS, 2014. — 504 pages of page 161.
6. Jamaludinova M.Yu. The main problems and prospects of state support for the socio-economic development of the municipality // Innovations and Investments. 2015. No. 6. P. 110-114.

Гендерная социализация старших школьников в контексте общего процесса социализации

Мамедова Лариса Викторовна,
канд. пед. наук, зав. кафедры ПИМНО ТИ (Ф) СВФУ,
larisamamedova@yandex.ru

Кобазова Юлия Владимировна,
канд. психол. наук, доцент кафедры ПИМНО ТИ (Ф) СВФУ,
kobazov@mail.ru

Представлены материалы исследования особенностей гендерной социализации старших школьников. Выявлена взаимозависимость уровня сформированности социализации и типа гендерной социализации старшеклассников.
Ключевые слова: социализация, гендерная социализация, гендерные характеристики, гендерные стереотипы, полоролевые схемы поведения, маскулинность, феминность, андрогинность.

Современные социально-экономические условия актуализировали проблемы социализации и профессионального самоопределения личности, подготовки инициативных, компетентных, предприимчивых, профессионально мобильных специалистов. Стратегической целью образования является создание необходимых правовых, социально-экономических, социокультурных условий для физического, психологического, духовного, социального, эмоционального, познавательного и культурного развития детей и молодежи.

Несмотря на процессы модернизации образовательного процесса, ориентацию на индивидуально-личностный подход в обучении и воспитании, современная педагогика носит гендерно нейтральный характер. С одной стороны, декларируется равенство полов, с другой стороны, идет содействие в формировании определенных гендерных стереотипов у школьников, готовая трансляция гендерных схем разделения труда в профессиональной сфере. Учет гендерной социализации старших школьников будет способствовать формированию внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив профессионального, личностного и жизненного самоопределения.

В психолого-педагогической науке определяют следующие цели и задачи социализации старших школьников: помочь личности преодолеть проблемы, адаптироваться через получение новых знаний к новым общественным отношениям, научиться адекватно ориентироваться в новой обстановке, самореализации в соответствии с интересами и склонностями.

В отечественной психологии проблема «социализации» в теоретическом смысле интенсивно разрабатывалась с середины XX века. Исследованию феномена, сущности, структуры социализации посвящены труды отечественных ученых Б.Г. Ананьева, Г.М. Андреевой, В.Н. Гурова, С.Н. Иконникова, Л.Н. Когана, И.С. Кона, В.В. Москаленко, М.И. Рожкова, Д.И. Фельдштейна, А.В. Петровского. В педагогической науке процесс социализации изучался А.В. Волоховым, Б.З. Вульфтовым, А.В. Мудриком, А.А. Бодалевым, В.А. Караковским, З.А. Мальковой, Л.И. Новиковой и др.

Социализация - дискретный процесс, протекающий как чередование определенных стадий, этапов. Данное положение позволяет определить логику и содержание процесса социализации. Рассматривая процесс формирования гендерной социализации юношей и девушек выделяют две фа-

зы: адаптивная (внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям); и интериоризации (сущностное усвоение мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей) [4].

Гендерная социализация является наиболее важной составляющей процесса социального развития и адаптации школьников, способствует самоопределению в личностной и профессиональной сфере. В процессе социализации важнейшую роль играют средние общеобразовательные учреждения, вся в целом система образования, социальная среда. В ходе обучения идет непосредственное формирование системы ценностей, гендерных стереотипов, полоролевых схем поведения, дальнейшее развитие индивидуальных склонностей и способностей старших школьников.

Проблема социализации учащихся с полоролевым учетом представлена в работах Э.Г. Костяшкина, А.Г. Хрипковой, Д.В. Колесова, Л.Н. Тимошенко, Д.Н. Исаева. Полоролевой аспект процесса социализации раскрывается в работах А.В. Мудрика, И.С. Кона, Л.И. Новиковой, А.В. Волохова, Б.З. Вульфова, А.А. Бодалева, В.А. Караковского, З.А. Мальковой. Воспитание и обучение с учетом гендерной и полоролевой социализации рассматривают В.Е. Каган, С.И. Кон, Л.Ю. Орлова, Н.А. Пушкарева, Н.П. Царева, В.Ф. Базарный.

В ходе теоретического анализа социально-психологической и педагогической литературы выявлено, что накоплен обширный опыт психолога педагогического сопровождения и содействия в профессиональной ориентации старших школьников. В тоже время, в ходе профессионального самоопределения старших школьников недостаточно учитывается процесс гендерной социализации. Процесс самоопределения раскрывается в трудах отечественных ученых: С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, Л.И. Божовича, А.В. Петровского, А.В. Мудрика, В.Ф. Сафина, Г.П. Никова. Профессиональное самоопределение как процесс усвоения социальных ролей в процессе социализации рассматривали Е.А. Климов, И.С. Кон, А.К. Макарова, С.Н. Чистякова, Е.И. Головаха; С.А. Боровикова, Г.С. Никифоров, Е.Ю. Пряжникова и др.

Гендерная социализация - процесс приобретения и развития гендерных характеристик, а также усвоение культурных образцов гендерного поведения и взаимодействия [5]. Согласно словарю гендерных терминов, гендерной социализацией (полоролевая социализация) называется процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами.

Существует две точки зрения на продолжительность процесса социализации. По мнению одних ученых, индивид усваивает все необходимые общественные нормы в детстве [1]. Другие придерживаются мнения, что этот процесс длится всю жизнь [2]. Рассматривая факторы формирования социализации можно выделить: социальные, отражающие социально-культурный аспект (набор

ролей и статусов, предлагаемых обществом человеку, совокупность социальных институтов, в рамках которых он может формировать свои социальные качества и т.п.) и индивидуально-личностные (избирательность личности в освоении образцов поведения, деятельности, проявлении гендерных особенностей, транслируемых конкретным обществом). С нашей точки зрения, на формирование гендерной социализации старших школьников влияет социальный опыт полоролевого взаимодействия, стереотипы поведения принятые в обществе, культурные и ценностные установки для идентификации мужского и женского, а так же отношение к этому личности.

С точки зрения гендерной социализации старшеклассников, через традиционный механизм, на неосознанном уровне происходит восприятие господствующих гендерных стереотипов (норм, эталонов поведения, взглядов); через институциональный механизм – в процессе взаимодействия с институтами общества, транслирующими гендерные нормы и установки, (детские сады, школы, гимназии, ВУЗы, СМИ); через стилизованный - в рамках субкультуры, которая создает конкретный стиль жизни половой, возрастной группы (комплекс ценностей, морально-этических черт и поведенческих проявлений); через межличностный механизм - формируется в процессе взаимодействия, посредством переноса, идентификации; через рефлексивный механизм - как внутренний диалог, в котором отвергаются или принимаются ценности свойственные определенному полу. Рассматривая механизмы социализации старшеклассников с точки зрения их усвоения, формирования различают: идентификация, подражание, внушение, социальная фасилитация (облегчение), конформность. Рассмотренные механизмы социализации способствуют формированию гендерной социализации старшеклассников в рамках современного общества [3].

Критериями социализации старших школьников являются: содержание сформированных у старшеклассника установок, стереотипов, ценностей; адаптивность личности, ее нормотипическое поведение (гендерная социализация), социальная (групповая и общечеловеческая) идентичность. Таким образом, процесс гендерной социализации старших школьников является частью процесса социализации, затрагивающим усвоение и воспроизводство социального опыта взаимодействия между полами, полоролевого поведения, принятого в обществе, гендерных стереотипов, осуществляемых в общении и деятельности. Рассмотрим гендерную социализацию в контексте общего процесса социализации старших школьников.

Нами было проведено исследование с целью изучения особенностей сформированности общего уровня сформированности социализации и гендерной социализации юношей и девушек. В исследовании приняли участие 260 человек (144 девушки и 116 юношей), обучающиеся 10-11 классов МОУ «Гимназии №1, г. Нерюнгри» в возрасте 15-17 лет.

Гендерная социализация старших школьников рассматривалась нами с помощью методики С. Бем «Методика изучения феминности – маскулинности личности» [25]. В ходе исследования процесса гендерной социализации старших школьников были выделены испытуемые с высоким показателем маскулинности и низким показателем феминности – маскулинный тип (МТ). Сочетание низкой маскулинности и высокой феминности характерно для феминного полового типа (ФТ), высокие показатели маскулинности и феминности характерны для высокого уровня андрогинии (ВА). Таким образом, выявлено 102 человека (40%) с высокими показателями маскулинности (МТ), с высокими показателями феминности (ФТ) выявлено 88 человек (33%), высокие показатели андрогинии (ВА) выявили 70 человека (27%). Старшеклассников, не идентифицированных по типу гендерной социализации в рамках исследования не выявлено.

На основании полученных результатов в рамках исследования были выделены диады. Для этого из групп, выделенных по типу гендерных характеристик, составлены следующие диады:

- ЮМ – ДФ - позволяет рассматривать традиционный тип гендерной идентичности юношей и девушек;
- ЮФ – ДМ - рассматривает нетрадиционный тип гендерной идентичности юношей и девушек;
- ЮА – ДА - рассматривает гендерные особенности юношей и девушек, имеющих расширенный полоролевой репертуар.

В рамках выделенных диад юноши маскулинного типа (ЮМ) составляют 19%, девушки феминного типа (ДФ) - 24%, юноши феминного типа (ЮФ) - 12%, девушки маскулинного типа (ДМ) - 16%, юноши андрогинного типа (ЮА) - 10%, девушки андрогинного типа (ДА) - 19% от общей выборки. Современные социально-экономические условия влияют на принятие молодыми людьми новых гендерных ролей, все больше девушек предпочитают иметь одинаковые гендерные роли с юношами. Об этом говорит тот факт, что 19 % девушек имеют высокие показатели по типу «андрогинность», который характеризуется смешением мужских и женских социальных ролей. Таким образом, гендерная социализации (социальный пол) соответствует биологическому полу у 19% юношей и 24% девушек.

В результате анализа полученных данных мы пришли к выводу, что формирование гендерной идентичности происходит с учетом доминирующих в общественном сознании гендерных стереотипов, поэтому мы можем говорить о направленном социокультурном формировании гендерной социализации. В тоже время определенная часть девушек и юношей предпочитают культивировать у себя андрогинные черты личности, вбирая в себя все лучшее из обеих половых ролей и гибко используя их в зависимости от динамично изменяющихся социальных ситуаций. Получены статистически значимые показатели влияния пола испытуемых на гендерную социализацию ($\chi^2 = 9,56$, при α

$\leq 0,05$). Нами были определены на основе критерия « χ^2 » показатели степени тесноты связи. На основании коэффициентов взаимной сопряженности К. Пирсона и А.А. Чупрова между полом испытуемых и гендерной социализацией отмечается средняя зависимость, по степени тесноты связей ($P = 0,3961$; $C = 0,3646$).

Рассматривая зависимость сформированности уровня социализации и пола испытуемых, можно отметить, что статистически значимых результатов не наблюдается ($\chi^2 = 0,188$, при $\alpha \leq 0,05$), по степени тесноты связей ($P = 0,045$; $C = 0,038$). Высокий уровень социализации выявили 30% юношей и 28% девушек, средний уровень 18% мальчиков и 21% девочек, низкий уровень выявили по 1% старшеклассников не зависимо от пола.

Таким образом, у юношей и девушек сформирован традиционный набор гендерных характеристик поведения, возможностей и ожиданий, сформированных в общественном сознании, объединенных по признаку пола. Общественный конструкт маскулинности является производной от гендерной идеологии общества и сформирован под влиянием традиционных взглядов на мужскую роль, современных экономических реалий и социокультурной ситуации. На индивидуальном уровне маскулинность сформирована как гендерная идентичность в соответствии с требованиями гендерных норм, которые преобладают в данной социальной группе.

С целью изучения существующих гендерных стереотипов нами использовался «Опросник исследования гендерных стереотипов методом семантического дифференциала» (О.Л. Кустова). Старшеклассники давали характеристику образам «Я», «Предназначение женщины» («Предназначение мужчины»), оценивая степень выраженности характеристик для каждого исследуемого образа в процентном выражении от 0 до 100%. Для анализа выделяется следующий ряд факторов: оценки общей привлекательности; силы личности; эмоциональности; социального статуса; зависимости; эмпатийности; современности; феминности (традиционно «женских» качеств); маскулинности (традиционно «мужских» качеств); андрогинности (гендерно нейтральных качеств). Нас в большей степени интересовали гендерные стереотипы в отношении предназначения женщины-мужчины. В ходе обработки данных нами считался значимым определяемый фактор при обозначении 70% в личностных характеристиках старшими школьниками.

В ходе изучения сформированности гендерной социализации нами выявлена значимая зависимость стереотипного представления старших школьников о наборе определенных качеств личности с половой принадлежностью χ^2 расчет. = 27,22 (при $\alpha \leq 0,01$). Нас в большей степени интересовали гендерные стереотипы в отношении предназначения женщины-мужчины. Коэффициент сопряженности К. Пирсона и А.А. Чупрова выявил значимый уровень зависимости между стереотипами в личностных половых характеристиках и

сформированной гендерной социализации старших школьников. Выявлен высокий уровень зависимости между показателями гендерной социализации старших школьников (опросник С. Бем) и сформированности их гендерных стереотипов (Опросник О.Л. Кустовой.). Подобным образом сформированность гендерных стереотипов влияет и на традиционный тип гендерной социализации юношей и девушек.

Полученные данные выявили у юношей и девушек сформированный традиционный набор гендерных характеристик поведения, возможностей и ожиданий, сформированных в общественном сознании, объединенных по признаку пола, то есть стереотипное представление старших школьников о наборе определенных качеств личности в соответствии с половой принадлежностью. Коэффициент сопряженности выявил средний уровень зависимости между стереотипами в личностных половых характеристиках и сформированной гендерной социализации старших школьников. Таким образом, гендерные стереотипы юношей и девушек влияют на формирование гендерной социализации, полоролевое поведение, самоопределение старших школьников.

Наибольшие показатели по фактору оценки (общей привлекательности) выявили юноши и девушки феминного типа гендерной социализации (средний показатель ЮФ - 74%, ДФ - 86%). Они считают себя обаятельными, умными, красивыми, располагающими к себе, искренними. Наиболее недовольны собой, своей внешностью юноши маскулинного типа (средний показатель ЮМ - 63%). Они недовольны тем, как они выглядят, не считают себя обаятельными, сомневаются, что умеют выстраивать доверительные отношения с окружающими. Это можно объяснить тем, что общество транслирует нам определенные образы, что зачастую делает юношей неуверенными в себе. Так, в СМИ и экранов телевидения юноши видят образ успешного, привлекательного мужчины, пользующегося успехом у противоположного пола. Однако в реальности девушки их возраста не обращают на них внимания, предпочитая более старших мальчиков.

В показателях по фактору силы личности в среднем преобладает оценка у юношей и девушек маскулинного типа, юношей андрогинного типа (средний показатель ЮМ - 90%, ДМ, ЮА- 79%). Юноши и девушки отмечают у себя активность, уверенность, силу личности, умение отстаивать собственное мнение. Это подтверждает сформированность гендерных стереотипов, формируемых в процессе социализации; мальчик - сильный, агрессивный. Если девочка ведет себя активно, уверенно и даже агрессивно, то она принимает сценарий юношеского поведения.

Преобладание фактора эмоциональности в оценке личности отмечается у феминных девушек и феминных юношей (средний показатель ЮФ - 75%, ДФ - 89%). Они отмечают такие качества как сочувствие, непосредственность и т.д. Мальчики феминного типа так же отмечают в себе такие ка-

чества, которые не соответствуют гендерным стереотипам, сформированным в обществе. Юношей с детства приучают скрывать свои эмоции, не мотивируя это ни чем, кроме того, что он мальчик и не должен плакать, не показывать свои эмоции. Такие результаты на наш взгляд можно объяснить тем, что в обществе трансформируются гендерные стереотипы и теперь проявление эмоциональности у мальчиков не поощряется, но и не осуждается. У девочек наоборот, эмоциональность поощряют, считая ее традиционно женским качеством. Девушки часто манипулируют родителями (особенно отцами), друзьями при помощи эмоциональных проявлений.

Результаты изучения стереотипов по фактору социального статуса выявили высокие показатели у маскулинных юношей и андрогинных девушек (средний показатель ЮМ - 79%, ДА - 86%). У маскулинных юношей и андрогинных девушек отмечается широкий круг интересов, желание иметь высокий социальный статус, хорошо зарабатывать. Девушки планируют строить свою карьеру самостоятельно, до вступления в брак, при этом для них важно, чтобы их избранник был более успешным, состоятельным. Стереотип о том, что мужчина должен зарабатывать больше, чем женщина достаточно устойчив в обществе. Юноши отмечают, что социальный статус для них более важен, чем интересное дело, любимая работа.

Фактор зависимости от социального окружения, эмпатийности, современности преобладает в оценке своих личностных качеств у феминных девушек и юношей (средний показатель ЮФ - 76%, ДФ - 86%). Выделяются такие показатели по фактору как ориентировка на мнение других, надежда на их помощь, доверчивость, предпочтение компромиссов с целью сохранения стабильности. В обществе преобладает стереотип, что женщина более зависима, в результате в феминный тип поведения формируется как более зависимый по сравнению с маскулинным типом.

Современными, самоопределяющимися в соответствии с тенденциями современности считают себя маскулинные юноши и девушки, андрогинные девушки (средний показатель ЮМ - 75%, ДМ - 74%, ДА- 73%). На наш взгляд, это можно объяснить тем, что маскулинные юноши в своих высказываниях оценивают себя как ориентированных на освоение новых технологий, современной техники. По фактору современности 67% андрогинных девушек выделяют у себя такие характеристики как «образованная», «спортивная», «уверенная». Эти определения культивируются в общественном сознании, в социуме существует стереотип, что девушке необходимо получить высшее образование для поддержания престижа в обществе, в дальнейшем девушки могут заниматься хозяйством и по специальности не работать, помогая в карьере мужу.

Средние показатели по факторам феминности, маскулинности, андрогинности подтвердили результаты диагностики, полученные по методике С. Бэм. Юноши и девушки маскулинного типа вы-

явили высокие показатели по фактору маскулинности (ЮМ - 93%, ДМ - 74%). Юноши и девушки феминного типа выявили высокие показатели по феминности (ЮФ-ДФ - 80%). Юноши и девушки андрогинного типа выявили высокие показатели по андрогинности (ЮА- 82%, ДА- 86%).

С целью изучения влияния гендерных стереотипов на уровень сформированности гендерной социализации старших школьников нами проведен дисперсионный анализ. Процедура дисперсионного анализа основывается на двух основных предпосылках: переменные каждой диады имеют нормальный закон распределения вероятностей и их дисперсии равны. Одна оценка основывается на различиях между средними каждой диады (x_1) и общей выборочной средней (x), другая на различиях наблюдений гендерных стереотипов внутри каждой группы по отношению к их средней арифметической. Сравнивая эти две оценки мы определим, равны ли средние рассматриваемых совокупностей. На основании проведенных вычислений составим таблицу дисперсионного анализа.

По таблице определим $F_{табл.} = F_{крит.}$ ($\alpha = 0,01$) = 4,34, $F_{факт.} = 4,8$. Т.к. $F_{факт.} > F_{крит.}$, то нулевая гипотеза о равенстве средних показателей самооценки гендерных стереотипов в выделенных нами диадах гендерной социализации отклоняется. Следовательно, можно сделать вывод, что у выделенных нами диад гендерной социализации разный уровень сформированности оцениваемых факторов.

Таким образом, полученные результаты свидетельствует о сформированности гендерной социализации и ее стереотипичности, что не может не влиять в процессе социализации на профессиональный выбор старших школьников.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что пол в старшем подростковом и раннем юношеском возрасте не влияет на уровень сформированности социализации. Нами выявлена взаимозависимость уровня сформированности социализации и типа гендерной социализации старшеклассников. На основании результатов мы можем говорить о направленном социокультурном формировании гендерной социализации. В тоже время, определенная часть девушек и юношей предпочитают культивировать у себя андрогинные черты личности, вбирая в себя все лучшее из обеих половых ролей и гибко используя их в зависимости от динамично изменяющихся социальных ситуаций.

По мере становления и реализации гендерной социализации старших школьников усиливается осознанность самоопределения личности. Процесс обучения и развития с учетом гендерной социализации рассматривается нами, как активное вовлечение обучающегося в конструирование своих собственных знаний, выстраивание собственной профессиональной перспективы. Реализация гендерного подхода в процессе профессиональной ориентации способствует формированию к осознанному, самостоятельному профессиональному выбору с учетом индивидуальных, психофизиологических особенностей учащихся.

Литература

1. Аверьянов, Л. Я. В поисках своих идеи [Текст] : Статьи и очерки. В 2 ч. Ч.1. / Л. Я. Аверьянов. – М. : ЭКСМО – Пресс, 2000. – 305 с.
2. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для вузов [Текст] / Г. М. Андреева. – М. : Аспект- Пресс, 2001. - 385 с.
3. Ворожейкина, А. В. Гендерный подход в современном образовании [Текст] / А. В. Ворожейкина // Педагогические науки. – 2007. - №2. – С. 24-27.
4. Ениколопов, С. Н., Дворянчиков, Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии [Текст] / С. Н. Ениколопов, Н. В. Дворянчиков // Психологический журнал. - 2001.- Т. 22. - № 3. - С. 100-115.
5. Денисова, А. А. Тезаурус терминологии гендерных исследований [Текст] / А. А. Денисова. - М. : «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты», 2003. – С. 94.
6. Смелзер, Н. Социология [Текст] / Н. Смелзер. – М. : «Феникс», 1998. – 427 с.
7. Курбатова Ю.В. Подходы к изучению гендерных ориентаций детей младшего школьного возраста. // Инновации и инвестиции. 2015. №8. с.117-119

Gender socialization of senior schoolchildren in the context of the general process of socialization

Mamedova L.V., Kobazova Ju.V.

Technical Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "North-Eastern Federal Institute of MK Ammosova" in Neryungri,

The materials of the study of the features of gender socialization of senior schoolchildren are presented. The interdependence of the level of socialization formation and the type of gender socialization of high school students has been revealed.

Key words: socialization, gender socialization, gender characteristics, gender stereotypes, sex-role patterns of behavior, masculinity, femininity, androgyny.

References

1. Averyanov, L. Ya. In search of the ideas [Text]: Articles and sketches. In 2 h. P.1. / L.Ya. Averyanov. – M.: EKSMO – the Press, 2000. – 305 pages.
2. Andreyeva, G. M. Social psychology: the textbook for higher education institutions [Text] / G.M. Andreyeva. – M.: Aspect - the Press, 2001. - 385 pages.
3. Vorozheykina, A. V. Gender approach in modern education [Text] / A.V. Vorozheykina//Pedagogical sciences. – 2007. - No. 2. – Page 24-27.
4. Enikolopov, S. N., Dvoryanchikov, N. V. Concepts and prospects of a research of a floor in clinical psychology [Text] / S.N. Enikolopov, N.V. Dvoryanchikov//the Psychological magazine. - 2001.-T. 22. - No. 3. - Page 100-115.
5. Denisova, A. A. Thesaurus of terminology of gender researches [Text] / A.A. Denisova. - M.: "East-West: Female Innovative Projects", 2003. – Page 94.
6. Smelzer, N. Sotsiologiya [Text] / N. Smelzer. – M.: Phoenix, 1998. – 427 pages.
7. Kurbatova Yu.V. Approaches to the study of gender orientations of primary school children. // Innovation and investment. 2015. No8. p. 117-119

Историко-философская проблематика зарождения и развития мусульманского сообщества Дальнего Востока

Хасиева Айна Дурахмедовна

аспирант, ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет» в г. Уссурийске, khasieva.adu@dvfu.ru

Статья посвящена философскому осмыслению проблемы заселения Дальнего Востока представителями мусульманского мира, которая отождествлена большим потоком мигрантов, и развитию сформированных течений этими представителями. В работе описывается процесс заселения Дальнего Востока по данным переписи различных годов с акцентом на философско-политические и религиозные проблемы в освоении территории и в целом переселения. Для понимания проблематики развития автором проведено анкетирование, на основе полученных статистических данных которого, объясняется основная проблематика мусульманского сообщества Приморского края, и предлагаются пути ее решения. Автор работы впервые отождествляет ее с проблемами философского восприятия действительности и субъективного расположения, вне ее основываясь на объективации ценностей каждого индивида в целом. Особое внимание уделяется радикальным формам Ислама. На основе полученных данных были выявлены философско-религиозные причины появления нетрадиционных течений Ислама и предложены пути уменьшения численности приверженцев данных направлений. Также в работе рассматриваются процесс развития, неприятия и выбора как основные понятия в проблематике существования мусульманского сообщества. Основной акцент в статье ставится на существующем конфликте внутри уммы и ее общую раздробленность.

Ключевые слова: Ислам, религия, неприятие, отрицание, Дальний Восток, Приморский край, миграция, развитие, заселение, анкетирование, мусульманская умма.

Дальний Восток это многонациональный и многоконфессиональный округ Российской Федерации, в который входят 9 субъектов: Приморский край, Магаданская область, Амурская область, Чукотский автономный округ, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область. Помимо немалого количества субъектов здесь исповедуют множество религий: Христианство, Буддизм, Иудаизм, конфуцианство, даосизм и Ислам, которые представлены в множестве течений.

«Зарождения» Дальнего Востока происходило через завоевания и миграционные процессы, которые принесли множество нововведений, в том числе и новые религии. Заселение началось много веков назад и проходило быстрыми темпами, так уже в середине XVII в. количество жителей Приамурья и Приморья достигло 30 000 человек. Новые жители Дальнего Востока состояли из различных этнических групп. С подписание Пекинского и Айгунского договора между Китаем и Россией в XVII в. началась колонизация Дальнего Востока. Таким образом, в 60-х. годах XIX в. Дальний Восток заселяло:

Область	Количество жителей (чел.)
Забайкальская область	352 500 чел.
Амурская область	13 900 чел.
Приморский край	35 100 чел.
	Всего 401 500 чел.

Из данного количества жителей большинство заселенцев были представителями других регионов России, но и немалый процент приходил на иностранных мигрантов. Сам состав численности значительным образом повлиял на все общественные процессы в целом формирование, а в частности на целостность религии и ее характерные философские интерпретации. Существует целый ряд политико-философских и религиозных особенностей этой колонизации:

В связи с тем, что другие государства претендовали на территорию Дальнего Востока, освоение земель происходило в ускоренном темпе. Ускорение процесса заселения привело к снижению качества эффективности заселения, тем самым целью о развитие этого района стояла под угрозой. Искаженная форма модернизации привела к утопичности цели заселения, которая заключалась не только в завладении землями, но и развитием данного района. На территорию Дальнего Востока были направлены поселенцы основным промыслом которых было рыболовство, и охота о ведении сельского хозяйства никто не имел пред-

ставление. Именно поэтому был запущен второй поток колонизации сельскохозяйственных рабочих.

Процесс ускорение был направлен на изменения представленные онтогенезом. На Дальнем Востоке создавалось себе подобное сообщество, которое в целом под влиянием внешних факторов приобрело свой идентификационный характер и вышло на новую стадию - развития подразумевающую изменение формы существования с охранение основных постулатов. Проблематика в создание идентичного общество была основана на отрицании специфике самой территории и индивидов Осаселяющих ее.

Процесс заселение проходил как добровольным, так и принудительным порядком. Русский философ С. Франк говорил: «Властвование, как всякий социальный институт, есть отношение двустороннее: не один властвующий, но властвующий и подчиненный совместно входят в отношение властвования и активно его строят».¹⁶ Иными словами процесс принуждения не может проходить без добровольного подчинения. Если власть и ее заявления, выдвинутые даже в принудительной форме, принимаются окружающими это общество можно назвать легитимны. Формирование легитимной структуры позволило жителям бесконфликтно развиваться в ускоренном темпе, но и не дала возможность индивидуального развития.

Задержка в развитии, вызванная поздним процессом заселения, начатая в середине XIX в. способствовала ускорению этого развития. Согласно мнению древнеримского философа Цицерона: «Человеку свойственно ошибаться». Ошибки, созданные или спроецированные ими самими, а также вне их порождают пути решения той или иной проблемы. Они заставляют объект делать вывод независимо от его формы проявления. Подводя интегрированные итоги можно сформулировать процесс развития с минимальным риском разрушения формы, но как говорилось выше, специфические особенности не были учтены, что привело к множеству проблем.

Религия же формировалась на политико-философских тенденциях развития. Основной темп развития был задан миграционными процессами.

С каждым годом внешний рынок Дальнего Востока расширялся, особенно на этот процесс повлияла добыча золота, которая началась с 1930 г. на северо-востоке. Расширение экономики требовало создания и развития ресурсных отраслей. Для расширения этих отраслей необходимо было сократить численность сельских жителей, что положило начало массовым выселениям иностранцам и уже к 1937 г. данный процесс был завершен:

Территория вселения	Количество выселенных (чел.)
Казахстан	120 000 чел.
Узбекистан	80 000 чел.
ВСЕГО	Около 200 000 чел.

¹⁶ Малащенко А. Ислам на российском Дальнем Востоке. Динамика развития и перспективы [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Москва, 2016. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276>

Весь процесс заселения жителями Средней Азии и Кавказа происходил нестабильно. Различные гонения полным образом не позволили сформировать стабильный религиозный пласт общества более приемлемый для нашего общества Ислам в полном объеме. В основном на Дальний Восток мигрировали узбеки, таджики, туркмены, азербайджанцы и армяне. Большую часть поселенцев составили азербайджанцы, и армяне это было связано с нестабильной ситуацией на их родине: вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе и землетрясение в Ленинанкане и Спитаке. А территории восточной части Росси в 1989 г. проживало коло 90 национальностей (согласно переписи 1989 г.). Численность жителей достигала 18 125 295 человек.

Союзная республика	Всего чел.
Азербайджан	1 024
Армения	928
Белоруссия	1 940
Грузия	745
Казахстан	7 121
Киргизия	1 364
Латвия	248
Литва	94
Молдавия	1 282
Россия	4 385
Таджикистан	1 090
Туркмения	368
Узбекистан	3 815
Украина	17 295
Эстония	113
Всего	18 125 295

Помимо вышеперечисленных причин переезда для армян и азербайджанцев существуют и иные: обучение, работа, конфликты внутри своих государств, семейные и другие. В 1999 г. Было отмечено около 8 783 мигрантов из Кавказа, Казахстана, Средней Азии и Украины. Самый высокий показатель прибывших иностранных граждан был отмечен в Приморском крае и Еврейской автономной области.

С каждым годом, на территории всего Дальнего Востока, количество жителей Кавказа, Средней Азии и других стран, в которых исповедуют Ислам, возрастает, так уже в 2015 году их насчитывалось около 146 207 человек.

Национальность	Количество (чел.)
Абхазы	4
Аварцы	26
Агулы	6
Азербайджанцы (азер)	349
Алеуты	6
Алтайцы	23
Арабы	2
Армяне	399
Башкиры	129
Белорусы (беларусы)	347
Болгары	23
Британцы (англичане)	2
Буряты	238
Гагаузы	21
Греки	18
Грузины	48
Даргинцы	18

Национальность	Количество (чел.)
Долганы (долган)	4
Евреи (польские евреи)	118
Езиды	14
Ингуши	48
Ительмены	192
Кабардинцы	20
Казахи	97
Калмыки	51
Камчадалы	108
Карачаевцы	5
Киргизы (кыргыз)	215
Китайцы	50
Коми	5
Коми-пермяки (пермяки)	12
Корейцы (русские корейцы)	722
Коряки	661
Алюторцы (нымыланы)	15
Крымские татары	3
Кумыки	20
Курды (курд)	11
Лакцы	10
Латыши	14
Лезгины	35
Литовцы	23
Марийцы (мари, марий)	46
Молдаване (бессарабцы)	123
Монголы , Мордва-эрзя, Румыны, Русины, Ханты, Хорваты, Французы, Черкесы, Каракалпаки, Карелы, Венгры, Бесермяне , Абазины, Американцы, Ассирийцы, Балкарцы	по 1 человеку
Мордва (мордвина, мордовцы)	107
Нанайцы	473
Негидальцы (нигедальцы)	14
Немцы (русские немцы)	168
Ненцы	2
Нивхи	409
Ногайцы	21
Орочи (ороч)	23
Осетины	66
Персы (иранцы)	6
Поляки	39
Русские (гураны, сибиряки)	119372
Казачи (донские казаки)	13
Сербы	5
Табасараны (табасаранцы)	4
Таджики	141
Тази	3
Талыши	5
Татары (татар)	683
Тувинцы	20
Турки (тюрк с языком турецким)	2
Туркмены	8
Удмурты	45
Удэгейцы	11
Узбеки	366
Уйгуры	4
Уйльта (ороки, орок, ульта)	6
Украинцы (русские украинцы, хохлы)	2336
Ульчи (ульча)	193
Финны	4
Хакасы	14
Цахуры (цахурцы)	4
Цыгане	35
Чеченцы	18
Чуванцы	202
Чуваши	119
Чукчи (луораветлан)	1477
Шорцы	2
Эвенки (эвенк)	498
Эвены (ламут, орох с языком эвенским, эвен, эвэн)	851
Эскимосы	155
Эстонцы (чухонцы)	11
Юкагиры	50

Национальность	Количество (чел.)
Якуты (саха) (ессейские якуты, сахаляры)	10850
Японцы	4
Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше)	154
Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность	2946
из них отказавшиеся отвечать на вопрос о национальной принадлежности	1909

Возрастания количества жителей Дальнего Востока за счет выходцев из Азербайджана, Узбекистана и других стран увеличило мусульманское сообщество. Данный процесс как положительно так и отрицательно повлиял на религиозную обстановку в целом.

Увеличение численности позволило расширить инфраструктуру мусульман. Было создано множество философско-религиозной литературы, открыты магазины с халяльной продукцией, построены мечети: Местная Мусульманская Религиозная Организация Махалля-Рахим, Махалля Аль-Фуркан в Хабаровске, несколько в республике Саха (Якутия), Ммро Сахалин, Читинская соборная мечеть, Мечеть в г. Находка, г. Бирибоджане, г. Уссурийск и других населенных пунктах. Всего их насчитывается 19.

Увеличение приверженцев Ислама сподвигло соединить их в централизованную религиозную организацию, которая подчинялось бы одной власти так в 2014 г. было создано Духовное управление мусульман Дальнего Востока, и Духовное управление мусульман Азиатской части России, которые претендуют на власть одновременно, что изначально порождает внутри конфессиональный конфликт.

Данные организации были созданы слишком поздно, до их создания Ислам уже поделился на множество течений, из которых выделились и радикальные. На сегодняшний период времени некоторые из них продолжают существовать автономно. Каждая организация, основываясь на главных постулатах, трактует их по своим философским убеждениям.

На территории Дальнего Востока существуют такие радикальные организации как Исламская партия Туркестана, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, «Банда исламистов», «Сахалинская община мусульман», «Исламского государства»¹⁷

Философия радикальных группировок основана на салафизме. Философские убеждения салафиев призывают о возвращение к таухиду (единобожию), которому придерживались салафии (праведные предки). Тем самым очистить весь Ислам от нововведений и искажений. Одним из способов «очищения» они выбирают джихад, но не как «священную войну» к которой можно прибегнуть при защите своего населения и не как усилие не только над окружающими но и над самим собой,

¹⁷ 1. Мухаммад б. 'Абд ал-Карим аш-Шахрагани Книга о религиях и религиозно-философских учениях [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. СПб, 1984. – Режим доступа: <https://iphra.ru/upfile/smimov/ishraq/2/15shakh.pdf>.

данное понятие ими воспринимается как «очищение» от неверных Исламу.

Призыв разделения на людей чуждых Исламу проявление интолерантности. Философско-идеологические ценности останавливаются на отчуждение не себе подобных. «Отчуждение» выражает такую объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия».¹⁸ Взаимодействия на самого себя и неприятие окружающих не дает развития самому объекту. Любое развитие материального или духовного мира объекта это цепь действий, которая предполагает разрушение старых форм существования объекта. Потеря существующих форм приведет к разрушению объекта именно поэтому любое развитие должно опираться на стабильность существования, которая сохранит и поддержит равновесие объекта. При этом стабильность не может гарантировать развития, оно необходимо при отрицательном результате, как устоявшаяся форма существования, к которой всегда можно вернуться.

На протяжении существования объекта его основной целью является сохранение самого себя, даже при невыполнении задачи он может вернуться в «точку отправления». Так мусульманского обществу не только Дальнего Востока, но и всей России можно сохранить управленческую структуру и основные философско-религиозные догматы. При условии, что полный процесс слияния всех течений Ислама пройдет безуспешно, традиционный Ислам сохранится. На сегодняшний день для этого сделано не мало: проведены съезды мусульман Дальнего Востока, руководство структурировано, выделены основные цели и задачи, политика сообщества направлена на взаимодействие и привлечение иностранцев. Последнее является крайне важным, потому что иностранные граждане могут привнести радикальный Ислам, что расширит границы нетрадиционных форм.

Развитию предшествует целый ряд событий. В религиозном контексте это может быть конфессиональный конфликт за власть, что и можно проследить в мусульманской общине. Тем самым радикальные формы Ислама не могут бороться за власть, как и в любом соперничестве нужны новые ветки развития (интересные, нужные для данного времени и обстоятельств). Выход на новый уровень возможен только по количеству приверженцев, которые состоят в основном из мигрантов.

На сегодняшний день на территорию Дальнего Востока прибывает множество мигрантов, что может расширить граница радикалов. Перед каждым прибывшим мусульманином встает выбор множества течений Ислама. Отсутствие информации об этих течениях будь они традиционными и вахха-

битскими сужает выбор, он становится случайным, а не сущностным. Проблема выбора в философии может быть связана с эмоциональной окраской. Притягивая к себе лозунгами в интернет ресурсах или оказании помощи в получении гражданства, как это делает «секта Узбекистана» привлекает новых сторонников акцентируя внимание на помощи, которая является в трактуемой формулировке положительной эмоцией. Любая положительная эмоция является подсознательным выбором субъекта. Выбор может полагаться и на общепринятые мнения: «так надо», «это будет лучше» именно поэтому для лидеров таких течений важен очень их авторитет как рычаг привлечения граждан. В Исламе большой раздел выделен авторитету религиозных деятелей и в целом Богу. Выбор может отождествляться со свободой. Для того, чтобы не было подмены понятия необходимо выбор интерпретировать как преемственность догматической основе с индивидуальным разграничением своей личности.

В целом проблема выбора в Исламе стоит весьма жестко. Можно ли назвать мусульманина человеком, которым может выбирать? Отсутствие выбора при рождении: «Мусульманином не рождаются, а становятся» отрицает всю философия выбора вообще. Исходя из данных суждений, можно определить, что уже сформированные радикальные течения не получают развития в связи с тем, что у приверженца данной религии не должно быть выбора вообще, следование основным догматам есть основная цель любого мусульманина.

Проблема выбора явно проявляется на территории Приморского края, где при отсутствии информации «призванный себя мусульманин» не придерживается основных догматов. Для более полного анализа ситуации на территории Приморского край г. Владивостока было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие студенты от 17 до 24 лет. Именно такой контингент составляет около 60% прибывших мусульман в Приморский край. Большинство из них прибывают на обучение в территориальные вузы, из которых большая часть приезжает самостоятельно без родителей. Именно поэтому они более уязвимы для влияния радикальных течений Ислама.

Всего в анкетировании приняло участие 397 человек, из которых 126 человек не граждан Российской Федерации, что составляет 31 %. Для определения численности мусульман анкетированным было предложено указать свою национальность и приверженность религии. Из 397 человек национальность указало 397 человек. Принадлежность религии указали 94%.

№ п/п	Наименование религии	Количество
	Христианство (православие)	255 человек 64,2%
	Христианство (католицизм)	16 человек 4
	Ислам	75 человек 18,8
	Другие религии	27 человек
	Не указали	24 человека
		ВСЕГО: 397 человек

¹⁸ Лапин Н. И. Отчуждение [Электронный ресурс] : многопредмет. науч. журн. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд – Электрон. журн. – М.: Мысль, 2010. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0564294aba0279a3d>

При анализе данных полученных после анкетирования была выявлена новая проблема развития: неприятие и отождествление мусульман с негативными устоявшимися субъективными суждениями. Неприятия может играть как положительную, так и отрицательную роль. Неприятие как процесс развития раскрывает новые формы и усовершенствует старые необходимые в данное время. Неприятие как процесс деградации не позволяет раскрыть философские особенности в связи с полным противопоставлением ценностей и выдвигание своих собственных как единственно верных. Так как другие религиозно-философские трактаты имеют место быть, но в отрицании одной из стороны. Выдвигают политику защиты, трактуя ее при этом в радикальных формах. Само понятие неприятия возникает еще в самом начале жизни, от рождения до смерти человек отрицает, чьи либо суждения, объекты и много другое. В отрицании чего-либо сформировано до него или во время его не им самим развивается субъект, это дает ему возможность сформировать собственные мысли, теории об других объектах, которые имеют место на существование внутри философии данного субъекта. Эта философия порождается изначально в отрицании себя самого другими объектами, формируя в последующем неприятия этих объектов. Так неприятие порождает неприятия в более агрессивных рамках. Именно поэтому очень важно понимать существует ли конфликт взаимодействия. Для этого анкетированным был задан вопрос: Знают ли они другие религии и как они к представителям этих религий?

Нейтрально	121
Положительно, но нравятся не все	57
Положительно	108
Негативно не ко всем, только к тем, кто не успевает по дисциплинам	3
Негативно, потому что не принимаю их обычаи, традиции, религию	11
Негативно, потому что имеется сильный языковой барьер	35
Негативно, потому что запрещают родители	1
Негативно, потому что все друзья не дружат с ними	3
Другое	58

Выявлено, что 41% всех анкетированных положительно относятся к представителям других конфессий. 13,3% процента негативно. Данное анкетирование проводилось в начале учебного года, когда большинство студентов не были близко знакомы. Повторное анкетирование с более узким кругом вопросов было проведено после первого семестра обучения и выявлено, что процент отрицательного отношения возрастает с более тесным знакомством, он составил 24,2 %. Такая разница может быть обусловлена множеством факторов: неприятие обычаев, нравов, правил поведения и многого другого. Также это может быть связано с тем, что данный возрастной пласт подвержен склонности к неприятию субъективной окружающей действительности. Объективное мировоззрение и внутренне эго, как идеальное начало, превалирует. По Декарту, «я» могу утвердить свою са-

мостоятельность по средствам отнесения себя к мыслящей субстанции и как интуитивное начало рационального познания. Если я являюсь рациональным познанием, то мое мнение является правильным и должно быть приемлемо для окружающих. Этой концепцией пользуются при отрицании других философий и религий. Отсюда возникает новая проблема – объективации как процесс отчуждения от эгоистических желаний в пользу самого объекта. Это возможно только на пути отрицания «подлинной человеческой природы вследствие ее пораженности первородным грехом».¹⁹ Грехом может выступать собственное эго мешающее воспринимать другие форм существования.

Проблематика существования Ислама на Дальнем Востоке отождествлена с выражением объективной реальности и пространственного положения среди других объектов. Объективная реальность должна быть познана и перенесена на столпы Ислама, как единственно возможная трактовка на существование сопряженная со спецификой Дальнего Востока. Возможное отрешение от субъективного воздействия восстановит процесс слияния. Ведь на сегодняшний момент главной проблемой является внутренняя раздробленность и разночтения в основных догматах.

Литература

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: До конца XIX века / А.И. Алексеев.— М.: Наука, 1982. — 288 с.
2. Алексеев С. А., Я, в философии и психологии [Электронный ресурс] / С. А. Алексеев. — Электрон. текстовые дан. — Москва: [б.и.], 2001. — Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
3. Данные микропереписи населения 2015 года [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Москва, 2015. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html
4. Данные переписи 1989 года [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Москва, 1989. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6>
5. Лапин Н. И. Отчуждение [Электронный ресурс] : многопредмет. науч. журн. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд — Электрон. журн. — М.: Мысль, 2010. — Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0564294aba0279a3d>
6. Малашенко А. Ислам на российском Дальнем Востоке. Динамика развития и перспективы [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Москва, 2016. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276>
7. Мотриц Е. Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока [Электронный ресурс] : многопредмет. науч. журн. / Центр миграционных иссле-

¹⁹ Черный Ю.Ю. Объективация [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Москва, 2013. — Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/14310>

дований – Электрон. журн. – М.: http://www.migrocenter.ru/conferences-ekaterinburg-m_ekaterinburg07

8. Мухаммад б. 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани Книга о религиях и религиозно-философских учениях [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. Спб, 1984. – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/smironov/ishraq/2/15shakh.pdf>.

9. Фролова Е.А. История арабо-мусульманской философии. Средние в.а и современность: Учебное пособие. — М., 2006. — 199 с. Лимэн Оливер. Введение в классическую исламскую философию. Пер. с англ. М., 2007.-280 с.

10. Черный Ю.Ю. Объективация [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Москва, 2013. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/14310>

Historical and philosophical problems of the origin and development of the Muslim community of the Far East **Khasieva A.D.**

Far Eastern Federal University

The article is devoted to the philosophical understanding of the problem of the settlement of the Far East by representatives of the Muslim world, which is identified by a large flow of migrants, and the development of the formed currents by these representatives. The paper describes the process of settling the Far East according to the census data of various years, with an emphasis on philosophical, political and religious problems in the development of the territory and in general resettlement. To understand the problems of development, the author conducted a questionnaire on the basis of his statistical data, explains the main problems of the Muslim community of Primorsky Krai, and suggests ways to solve it.

The author of the work for the first time identifies it with the problems of philosophical perception of reality and subjective disposition, outside it based on objectifying the values of each individual as a whole. Particular attention is paid to the radical forms of Islam. On the basis of the data obtained, the philosophical and religious reasons for the emergence of unconventional currents of Islam were revealed and ways of reducing the number of adherents of these directions were suggested. Also in the work are considered the process of development, rejection and choice as the basic concepts in the problems of the existence of the Muslim community. The main emphasis is placed on the existing conflict within the ummah and its general disunity.

Keywords: Islam, religion, rejection, negation, Far East, Primorsky Krai, migration, development, settlement, questioning, Muslim ummah.

References

1. Alekseev A. I. Development by the Russian people of the Far East and the Russian America: Until the end of the 19th century (centuries). I. Alekseev. — М.: Science, 1982. — 288 pages.
2. Alekseev S.A., I, in philosophy and psychology [An electronic resource] / S.A. Alekseev. — Electron. text it is given. — Moscow: [6. and.], 2001. — Access mode: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
3. These micropopulation censuses of 2015 [An electronic resource]. — Electron. it is given. — Moscow, 2015. — Access mode: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html
4. These censuses of 1989 [An electronic resource]. — Electron. it is given. — Moscow, 1989. — Access mode: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6>
5. Lapin N.I. Alienation [An electronic resource]: multisubject. науч. журн. / Institute of philosophy of RAS; National public and scientific fund – the Electron. журн. – М.: Thought, 2010. — Access mode: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0564294aba0279a3d>
6. Malashenko A. Islam in the Russian Far East. Dynamics of development and prospect [An electronic resource]. — Electron. it is given. — Moscow, 2016. — Access mode: <http://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276>
7. E. L. matrixes. Migration as factor of development of the Far East [An electronic resource]: many subject. науч. журн. / The center of migration researches – the Electron. журн. — М.: http://www.migrocenter.ru/conferences-ekaterinburg-m_ekaterinburg07
8. Mahomed б. 'Abd is scarlet - Karim of an ash-Shakhrastana the Book about religions and religious and philosophical doctrines [An electronic resource]. — Electron. it is given. SPb, 1984. — Access mode: <https://iphras.ru/uplfile/smironov/ishraq/2/15shakh.pdf>.
9. Frolova E.A. History of Arab-Muslim philosophy. Average century and and present: Manual. — М, 2006. — 199 villages of Limen Oliver. Introduction to classical Islamic philosophy. The lane with англ. М, 2007.-280 pages.
10. Black Yu.Yu. Objektivation [An electronic resource]. — Electron. it is given. — Moscow, 2013. — Access mode: <http://ponjatija.ru/node/14310>

Модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида

Комарова Светлана Анатольевна,

аспирант, ГАУ «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы», person01@top-person.ru

В статье рассмотрен концептуальный подход к модели социальной мобильности на основе ее сетевой организации. Определено понятие, характерные признаки и элементы сетевой социальной мобильности.

Ключевые слова: социологическое исследование, социальная мобильность, сети, модель.

Социальная мобильность отражает состояние общества и его проблемы, что отражено в соответствующих моделях, исследования которых провели Г.Спенсер, Т.Парсонс, Э.Мэо, Р.К.Мертон, Л.Козер, Р. Дарендорф и др.

Согласно концепции сетевого подхода к содержанию современного общества, получающей все большее развитие в настоящее время, социальные связи и взаимодействия ее акторов принимают форму соответствующих сетей (социальных, информационных, экономических и т. д.) [1].

Проведя изучение различных подходов к понятию «сеть» в работах ученых [2; 3; 4; 5 и др.], следует отметить отсутствие единого взгляда на ее содержание и многозначность научных представлений, дополняющих друг друга. Так, в Энциклопедическом словаре сеть представлена в виде свободной связи независимых и равноправных партнеров, имеющих равные роли и функции, образующие гибкую, горизонтально организованную структуру [6]. В своем большинстве сети рассмотрены авторами в виде:

- способа взаимодействия самостоятельных акторов по вертикали и по горизонтали;
- интеграции акторов с использованием системы кооперационных соглашений и контрактов;
- координации деятельности участников для согласования своих действий;
- института, определяющего правила поведения субъектов, разделяющих общую систему ценностей.

Под сетью далее следует понимать структуру, состоящую из совокупности социальных субъектов (индивидов, групп, организаций) и устойчивых связей между ними, создаваемую и функционирующую для реализации взаимозависимых потребностей и интересов.

Сетевое общество представляет собой организационные формы взаимодействия участников и изменений в характере их отношений между собой на рынке, приводящих к трансформации экономических систем, организационных структур и правил игры.

Совокупность разнообразных сетей и их иерархия формирует структуру общества в виде сложного переплетения самых различных связей акторов и конфигураций их взаимодействий. При этом образуются страты в сетевом пространстве по признакам неравенства социальных статусов акторов, профессиональной деятельности и т.п. [7]

Под сетевой социальной мобильностью понимается совокупность осознанных и целенаправленных действий добровольного или вынужденного характера под влиянием внутренних или внешних обстоятельств, объективно-субъективных фак-

торов и условий, предпринимаемых акторами по изменению своей позиции в обществе с целью сохранения или достижения более выгодного своего положения в конкретном социальном пространстве с использованием возможностей сетевого взаимодействия.

Исследование автора показало, что социальная мобильность осуществляется в России на принципиально иных основах по сравнению с западными развитыми странами. На Западе общество располагает своими хорошо развитыми институтами, структурами и механизмами (политическими, правовыми, экономическими, культурными и др.) регулирования отношений между индивидами и социальными группами, а также между обществом и государством которые не зависят от государства. Это обеспечивает защиту членов общества на основе законов, гарантирует их экономическую независимость, решает проблемы путем нахождения компромиссов, развивает чувство коллективности и т.д. В России неразвитость гражданского общества вынуждает ее членов самостоятельно искать пути решения своих проблем через признаки идентичности (родство, знакомство, этнос, религия и др.), соборности (идейности, чувства принадлежности, единения и т.п.), позволяющие преодолеть обособленность, одиночество, изолированность индивидов. Такой путь приводит к созданию участниками различных неформальных децентрализованных организаций, в том числе - сетевых, с характерными общинными признаками отношений и взаимодействий [8; 9].

Подобного рода сети социальной мобильности образуются по инициативе граждан на добровольной основе на принципах самоорганизации, воплощаясь в особенностях и специфичностях состава участников, их отношениях и функциях, формируя новые страты и модифицируя существующую стратификационную структуру общества [10].

Сети социальной мобильности выполняют ряд взаимосвязанных функций. Во-первых, оказание помощи, взаимопомощи и содействия на основе формальных или неформальных принципов акторам, участвующих в процессах социальной мобильности. Формальные основы такого содействия могут быть связаны с решением государственных задач привлечения мигрантов, переселения части населения в другие регионы страны (например, по программе «Дальневосточный гектар»), повышением квалификации специалистов, выдвижением руководящих кадров на новые должности и т.п., для обеспечения которых задействованы соответствующие государственные органы (например, службы занятости, образовательные учреждения и т.п.), использованы государственные ресурсы и средства. Формальные основы социальной мобильности могут быть также отражены в виде корпоративных проектов и планов коммерческих фирм по изменению структуры своего персонала.

Неформальные основы сетевой социальной мобильности представляют собой способы взаимодействия участников на основе личных соци-

альных связей и контактов (родственных, дружеских и т.п.).

Во-вторых, сети социальной мобильности способствуют распространению информации, как общедоступного, так и конфиденциального характера, что позволяет участникам процессов принимать более обоснованные решения.

В-третьих, сети позволяют устанавливать доверительные отношения между участниками процесса социальной мобильности и снижать степень неопределенности в отношениях между ними. Во многом это обусловлено снижением уровня трансакционных издержек, которые присущи взаимодействию незнакомых участников. Наличие личного знакомства, поручительств, обязательств, гарантий и взаимной выгоды между партнерами сети позволяет поддерживать репутацию и достигать результата с наименьшими затратами и потерями.

Социальная мобильность - многоэтапный процесс, направленный на приспособление индивида (или их группы) к изменению окружающей среды существования (социальной, экономической, культурной), направленный на обеспечение желаемого уровня жизни. В определенной степени социальная мобильность представляет собой ресоциализацию — устранение ранее сложившихся моделей поведения путем приобретения новых. Человек вынужден: во-первых, переживать разрыв с прошлым; во-вторых, одновременно изучать новую социальную ситуацию; в-третьих, подвергаться воздействию факторов, существенно отличающихся от прежних, в-четвертых, приобретать знания и навыки для выполнения новой роли в сообществе. Данный процесс предполагает согласование притязаний актора с возможностями среды. Сеть повышает степень обеспечения такой согласованности де-факто реализуя «квазисоциалистические принципы, несмотря на погружение в рыночную среду» [11].

Характерные признаки сетевой социальной мобильности:

- наличие социальной основы, общности (родственной, этнической, религиозной, культурной и др.) для взаимодействия множества акторов, стремящихся улучшить свои социальные позиции;
- тесное социальное партнерство участников, что предполагает их личное знакомство или поручительство со стороны третьих лиц (общих знакомых);
- взаимная выгода (материальная или моральная) в результате изменения социальных позиций сетевых субъектов;
- взаимоподдержка участников сети при вхождении в новую социальную среду;
- наличие формальных и неформальных контактов, необходимых для поддержания социальных связей и отношений.

В ходе проведенного исследования была выявлена модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида, используемая в г. Москве: Визуально модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида в г. Москве (с участием регионов РФ) представлена на рис. 1.

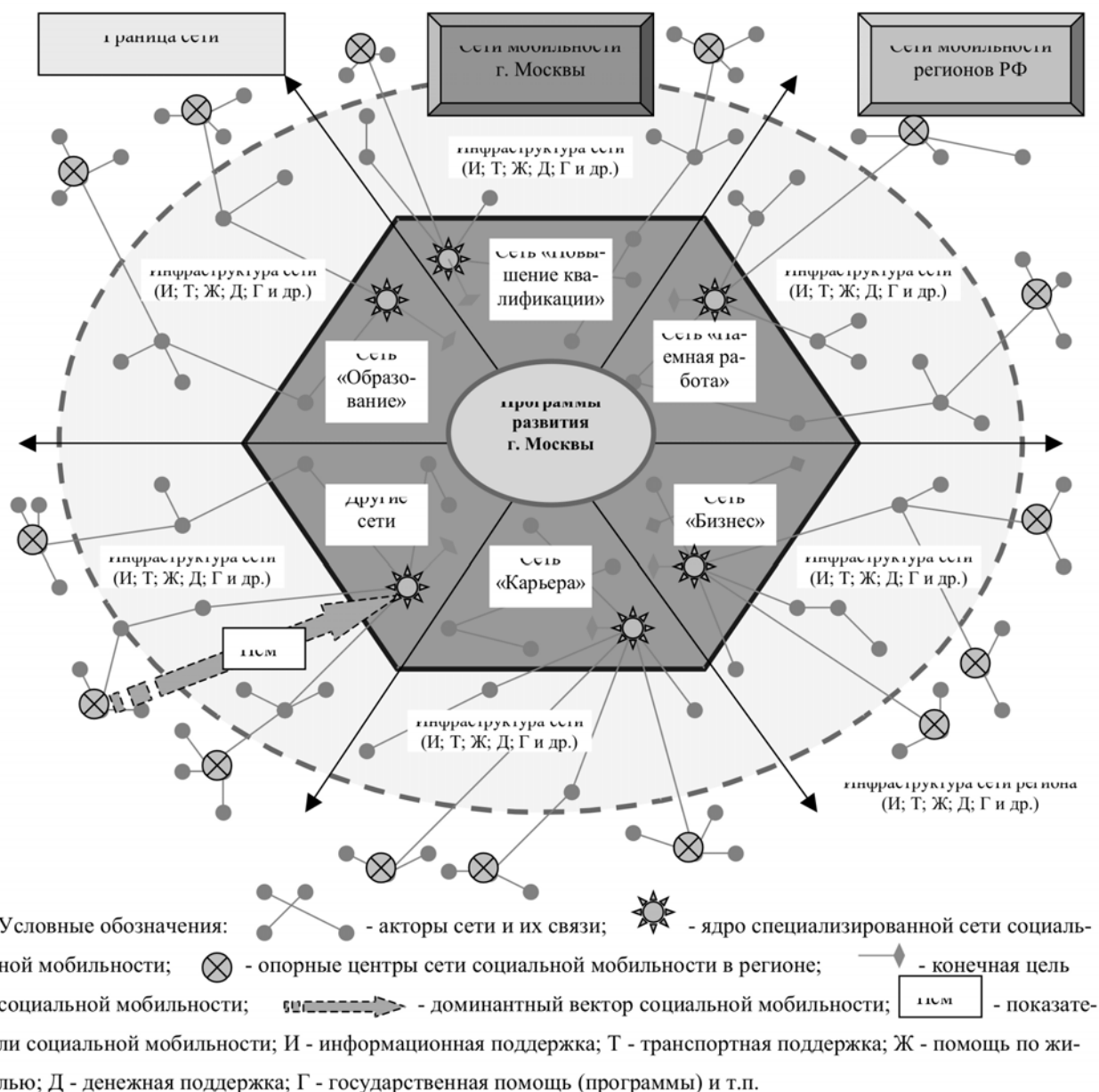

Рис. 1. Модель сетевой социальной мобильности межрегионального вида (с участием регионов РФ)

Сети социальной мобильности межрегионального вида включают в себя следующие элементы:

- ядро специализированной сети, в качестве которого выступает отдельный актор (или их группа), обеспечивающий функцию координатора, содействия в изменении социальной позиции, например, в приезде индивидов из регионов страны и закреплении их в г. Москве. В качестве такого ядра может быть член семьи (а также родственник, знакомый, одноклассник и т.д.), который уже проживает в г. Москве;

- опорные центры сети социальной мобильности в регионах, представляющие собой источники информации о возможностях и путях изменения акторами своей социальной позиции;

- доминантный вектор социальной мобильности - основное направление изменений социальной позиции, обусловленное сочетанием сложного взаимодействия актора с элементами сети;

- конечная цель социальной мобильности - это место удовлетворения потребностей актора по уровню социальной позиции (месту работы, материального благополучия, статусу и т.п.);

- инфраструктура сети социальной мобильности - это разного рода организации, которые поддерживают отдельные этапы и стороны процесса смены социальной позиции (например, учреждения повышения квалификации и т.п.).

Доминантный вектор социальной мобильности отражает цели актора и направлен из места прежней социальной позиции к месту новой социальной позиции (например из региона в столицу).

Рассмотренная модель социальной мобильности относится к классу адаптивных, структура и показатели которых изменяются в зависимости от состава участников, целей и параметров внешней среды. Сетевая социальная мобильность характеризуется долговременностью процессов, обладает

определенной инерционностью, определяется особенностями структурного контекста и факторами социальной среды. Кроме того, сами акторы могут оказывать существенное влияние на содержание модели, стремясь к тому, чтобы погрешность между фактическим результатом и поставленной целью была минимальной. Добиться этого весьма сложно, так как для социальной мобильности свойственна низкая стабильность большинства показателей, изменчивость доминантного вектора, непредсказуемость промежуточных этапов и конечного результата. В процессе сетевого взаимодействия обеспечивается интеграция ресурсов (информационных, кадровых, финансовых и др.), развивается социальное партнерство, налаживаются формальные и неформальные контакты, достигается взаимная выгода.

В этой связи сетевую социальную мобильность следует рассматривать как сложное переплетение множества участников, социальных связей и отношений в контексте их своеобразия.

Литература

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. [Электронный ресурс]. URL:- <http://imp.rudn.ru/ffec/philos/chrest%5Cg17%5Ckastels.html>.

2. Дронов Н.Л. Сетевое взаимодействие предприятий. – М., 2012. – 142 с.

3. Стрелец И. А. Общество сетевых структур и информационный ресурс как сетевое благо. [Электронный ресурс]. URL:- http://www.mirkin.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=113&Itemid=213.

4. Медведев А.С., Дзакоев З.Л. Управление экономическим потенциалом предприятий. - Владикавказ: Издательство «Олимп», 2014. - 162 с.

5. Новичков Н. Организационные сообщества в социальных сетях / Н.Новичков, В.Смирнова // Проблемы теории и практики управления - 2014. - №8. - С.78-85.

6. Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; Общ. ред. В. И. Кушлин, В. П. Чичканов. – М. : Изд-во РАГС, 2004 . – 744 с.

7. Бондаренко С.В. Стратификация в сетевых сообществах межличностного общения. [Электронный ресурс]. URL:- <http://banderus2.narod.ru/100925.html>.

8. Грин Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Дэвид Грин. - М.: Новое издательство, 2016. - 220 с.

9. Грудцына Л. Ю. Государство и гражданское общество / Л.Ю. Грудцына. - М.: Юркомпании, 2015. - 464 с.

10. Лукин, В. Н. Гражданское общество в глобальном мире / В.Н. Лукин. - М.: Наука. Ленинградское Отделение, 2016. - 648 с.

11. Олескин А.В., Курдюмов В.С. Сетевое общество: его необходимость и возможные стратегии построения. О сетевой (ретикулярной) формации, меритократии и антиконфликтном потенциале сетей. [Электронный ресурс]. URL:- <http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshhestvo-ego-neobxodimost-i-vozmozhnye-strategii>

12. Мкртумова И.В. Научная школа профессора Е.И. Холостовой как концептуальная и теоретическая основа исследований социальной работы в Институте дополнительного профессионального образования работников социальной сферы. / Отечественный журнал социальной работы. - №1.- 2016. - С. 17-28. (РИНЦ)

13. Джамалудинова М.Ю. Основные проблемы и перспективы государственной поддержки социально-экономического развития муниципального образования // Инновации и инвестиции. 2015. № 6. С. 110-114.

Model of network social mobility interregional look Komarova S.A.

Institute of additional professional education of workers of the social sphere

In the article the conceptual approach to the model of the social mobility (based on its network organization) has been exploited. The concept, characteristic features and elements of the network social mobility have been defined.

Keywords: sociological research, social mobility, networks, model.

References

1. Castells M. Formation of society of network structures. [Electronic]. URL:-<http://imp.rudn.ru/ffec/philos/chrest%5Cg17%5Ckastels.html>.
2. Dronov N. L Network interaction of the enterprises. – М, 2012. – 142 pages.
3. I.A. Obshchestvo's Sagittarius of network structures and information resource as network benefit. [Electronic resource]. URL:-http://www.mirkin.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=113&Itemid=213.
4. Medvedev A. S., Dzakoyev Z.L. Management of the economic capacity of the enterprises. - Vladikavkaz: Olimp publishing house, 2014. - 162 pages.
5. Novichkov N. Organizational communities on social networks/N. Beginners, V. Smirnov//Problems of the theory and practice of management - 2014. - No. 8. - Page 78-85.
6. Encyclopedic dictionary. Modern market economy. State regulation of economic processes / Dews. state academician. services at the President Ros. Federations; General edition V.I. Kushlin, V.P. Chichkanov. – М.: RAGS publishing house, 2004. – 744 pages.
7. Bondarenko S.V. Stratification in network communities of interpersonal communication. [Electronic resource]. URL:- <http://banderus2.narod.ru/100925.html>.
8. Green D. Return to civil society. Social security without participation State / David Green. - М.: New publishing house, 2016. - 220 with.
9. Grudtsyna L. Yu. State and civil society/L. Yu. Grudtsyna. - М.: Yurkompani, 2015. - 464 with.
10. Lukin, V. N. Civil society in the global world / V.N. Lukin. - М.: Science. Leningrad Office, 2016. - 648 with.
11. Oleskin A.V., Kurdyumov V.S. Network society: his need and possible strategy of construction. About a network (retikulyarny) formation, a meritocracy and anti-conflict capacity of networks. [Electronic resource]. URL:- <http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshhestvo-ego-neobxodimost-i-vozmozhnye-strategii>
12. Mkrtumova I.V. School of sciences of professor E.I. Holostova as a conceptual and theoretical basis of researches of social work at Institute of additional professional education of workers of the social sphere. / Domestic magazine of social work. - No. 1. - 2016. - Page 17-28. (RINTs)
13. Jamaludinova M.Yu. The main problems and prospects of state support for the socio-economic development of the municipality // Innovations and Investments. 2015. No. 6. P. 110-114.

Религиозные идеи Китая на территории современного Забайкалья

Жуков Артем Вадимович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры филологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», кафедры, artem_jukov68@mail.ru

Статья посвящена анализу процесса распространения на территории Забайкалья религиозных идей, имеющих происхождение в Китае. Как доказывается в статье, здесь фиксируется значительное количество китайских религиозных конструктов, с помощью которых достигается усиление китайского культурного влияния. Автор статьи обращает внимание на то, что Китай продуцирует ценностные образы китайской религиозной культуры, но одновременно стремится ограничить влияние тех идей, которые формируют негативные представления об этой стране. Одним из следствий этого, по мнению автора, является то, что многие жители приграничного Забайкалья попадают под влияние культурной политики Китая.

Ключевые слова: религиозные идеи Китая, Забайкалье, китаецентризм, «мягкая сила», «цигун», «фэншуй», «китайская медицина», «красный туризм», «Фалуныгун».

На территории Забайкалья, находящегося в непосредственном контакте с Китаем, остро ощущается присутствие китайской цивилизации с ее пятитысячелетней историей, религиозной и культурной традицией. При этом сегодня в регионе растет интерес к процессам, происходящим в соседней державе, что сопровождается ростом распространения феноменов и идей, имеющих происхождение в китайской культуре [7, с. 3]. Население приграничных территорий, несмотря на то, что понимает представителей китайской культуры, стремится активно взаимодействовать с китайцами, как «чужих», воспринимает китайские идейные и религиозные конструкты. Влияние китайских идей среди них, объяснимо, если учесть, что они представляют наследников не только русской, но и восточной культуры, что определяет формирование ряда архетипов и паттернов взаимодействия, являющихся фундаментом взаимопонимания между народами Забайкалья и китайцами [17]. В то же время, как показывают данные истории, чаще всего религиозные идеи, распространяемые Китаем на соседних территориях, имели политическое содержание и использовались для оказания политического влияния. Предметом анализа, предпринятого в данной статье, являются религиозные идеи и феномены, имеющие происхождение в Китае, но имеющие распространение среди населения Забайкалья.

Проводимый в статье анализ основан на методологии исследований российско-китайского взаимодействия, разработанной в трудах Я. М. Бергера, А. П. Девятова, Л. Г. Ивашова, П. Б. Каменова, И. Ф. Кефели, А. В. Островского. Большое значение имеют труды М. В. Александровой, Ю. М. Галеновича, К. М. Долгова, Л. М. Гудошниковой, С. Кима, Р. А. Кобызова, П. М. Кожина, А. Г. Ларина, А. В. Лукина, Р. А. Мировицкой, О. А. Нестеровой, Л. А. Понкратовой, М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинского, посвященные региональным дискурсам о Китае в восточной Азии. В трудах О. Л. Фишман, А. А. Маслова, А. Н. Драгункина, А. Д. Богатурова, С. В. Кононова, А. В. Лукина, В. Л. Ларина, В. А. Макарова, И. Стори, С. В. Кононова, посвященных российско-китайскому взаимодействию рассмотрены аспекты мифо-религиозного влияния Китая на прилегающие территории [8, с. 148]. Вместе с этим, влияние современных религиозных идей Китая на территориях приграничья остается недостаточно исследованным.

Мы полагаем, что факторами, влияющими на распространение китайских религиозных идей в Забайкалье, являются геополитические условия, культурные, языковые и цивилизационные контак-

ты, благодаря которым население Забайкалья узнавало о содержании китайских религиозных идей [12, с. 4]. Первые такие контакты между Китаем и населением на территории Забайкалья фиксируются уже в бронзовом веке, когда население региона подключилось к культурному развитию культуры Центральной Азии [9, с. 126]. Основанием для этого была содержательная схожесть древнекитайских мировоззренческих представлений с представлениями о богах, невидимых духах и героях, имевших чудесное происхождение, у центральноазиатских народов [3, с. 245]. Среди множества этих идей, на религиозность народов Забайкалья в древности существенное влияние оказала идея поклонения Небу, являющемуся прародителем императора, выступающего от его имени. Вне зависимости от происхождения, многие народы региона, также как и китайцы, поклонялись Вечно Синему Небу и герою, рожденному девственницей [1, с. 18]. Основной тенденцией, связанной с влиянием этих идей, было утверждение китаеццентристской картины мира, утверждавшей культуру трегерскую роль представителей этой цивилизации на территориях региона.

В современных условиях, характеризующихся интенсивным взаимодействием между российской и глобализирующейся культурами эти идеи дополняются значительным количеством религиозных конструктов, имеющих современное китайское происхождение и имеющих целью распространение китайского культурного влияния [13, с. 176]. Основанием для этого является влияние глобализирующейся культуры, которое приводит многих критике прежних мировоззренческих устоев российской культуры и ипоиску новой культурной и религиозной идентичности, где все более значительное место уделяется Китаю [3, с. 245].

Интенсивному распространению китайских религиозных идей способствовало всестороннее улучшение отношений, которые протекали между Россией и Китаем [14, с. 140]. При этом, взаимоотношения двух соседей складываются противоречиво и между ними имеется ряд неразрешенных проблем. Однако то, что Китай, имеет традиционный интерес к этим территориям, которые постепенно выходят изпод влияния России, приводит к всплеску распространения идей, имеющих отношение к Китаю, его культуре и религии [11, с. 134].

Современные религиозные идеи, связанные с Китаем распространяются среди соотечественников не только на идеологическом, но и на практическом уровне, затрагивающем повседневную жизнь. Этот уровень касается здоровья и повседневных практик человека. В первую очередь среди современных россиян распространяются те религиозные идеи Китая, которые имеют практическое значение для жизни и здоровья соотечественников, и к которым связаны с распространением таких практик, как цигун, фэншуй и китайскую медицину, которые направлены на популяризацию традиций китайской медицины [4, с. 4].

Цигун, это комплекс гимнастических и дыхательных упражнений, который, как информирует

В. С. Морозова, пользуется растущей популярностью приграничных территориях России, где открыт ряд фитнес-клубов и центров, связанных с древнекитайской оздоровительной практикой [10, с. 35]. Всё более распространенной среди населения края является практика использования принципов китайской геомантии [6, с. 68]. Геомантия, или фэншуй, воспринимается практикующими в качестве инструмента, нацеленного на достижение гармонических отношений между космосом и человеком, используемый во время сооружения архитектурных сооружений и иных пространственных форм [2, с. 64]. Все большее количество забайкальцев уверены, что применение фэншуй не только открывает новые возможности в символическом освоении пространства и находить лучшие места для строительства домов, а также проводить планировку участков и прогнозировать события, но и реализовать себя в жизни. Они проходят курсы обучения фэншуй и становятся специалистами, способными работать с клиентами. «Фэншуй» в их исполнении становится успешным бизнесом [20]. Тесно связанной с практиками «цигун» и «фэншуй» является практика китайской медицины, становящейся не только популярной, но и жизненно необходимой для многих соотечественников [9].

В целом, говоря о том образе, который создается в России в отношении школ «цигун» и «фэншуй», необходимо обратить внимание на оценку, которую дает им П. Иванов. Этотрусский священник, описывая китайские школы «цигун», утверждает, что коммунистические власти Китая целенаправленно допускают распространение этой дыхательной гимнастики, которая рекламируется за границей, наряду с иглоукалыванием и китайской медициной, как одно из достижений великой китайской культуры [19]. Как он утверждает китайские власти старательно скрывают мистический и религиозный аспект учения цигун, обращая внимание на оздоровительный эффект гимнастики, которая также может преподноситься и в качестве эффектных шоу-программ, воспринимаемых как элемент китайского цирка.

Вместе с тем, практика традиционных видов цигун служит созданию привлекательного образа Китая в России, чему также служат ряд других проектов, реализуемых Китаем на территории России. Например, помимо сферы, связанной со здоровьем и повседневной жизнью, религиозные идеи, связанные с Китаем широко распространяются в образовательной сфере, где это связано с организацией работы Институтов Конфуция, обеспечивающих развитие образования, которое также, как и цигун, фэншуй и китайская медицина, не пытаются открыто навязывать китайские доктрины, но стремятся реализовывать свою деятельность так, чтобы обеспечивать клиентам ценностную ориентированность на мировоззренческие идеалы Китая.

Несмотря на тщательно скрываемый характер, у многих россиян эта направленность вызывает ряд вопросов. Проявление ли это культурной ди-

пломатии Китая и усиление мощи «мягкой силы» Китая, в том числе, и на межрегиональном уровне? Только ли дело в установлении более прочных культурных связей в социокультурном пространстве приграничья, или на деле речь идет об организации процессов, связанных с интенсивной трансляцией китайской культуры в приграничные регионы, расширение и углубление сфер влияния китайской «мягкой силы» и попытка использования искусства китайской культурной дипломатии? [16]. М. В. Александрова, сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН по поводу «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 годы», высказала предположение о том, что распространение китайских религиозных идей в данном случае лоббирует китайские политические интересы, заключающиеся в том, чтобы основы китайского мировоззрения были распространены максимально широко на территории приграничного региона [21].

О том, что сфера религиозных идей на самом деле используется Китаем как целевой инструмент распространения собственных идей, говорит и тот факт, что она подвергается не только воздействию, которое предполагается в качестве позитивного решения неких социальных или культурных проблем. Зачастую Китай оказывает на руководство нашей страны прямое идеологическое воздействие, указывая на те направления, в которых оно проводит прокитайскую политику в отношении тех или иных религиозных движений. Эти движения могут быть поддержаны Китаем, а могут подвергаться преследованию, как это случилось с религиозным движением «Фалуьнгун» (Фалуь-Дафа) [5, с. 103].

Проблемным вопросом здесь является российская судьба тех, кто практикует особый вид китайского цигун, называемый Фалуьнгун. Это религиозное движение, по словам священника П. Ивановав 1999 г. было запрещено в Китае в связи с ростом своей популярности движение. Вслед этим была развернута кампания по дискредитации Фалуьнгун, которая продолжается и сейчас, и в ходе которой власти подчеркивают антигосударственную направленность деятельности этой «секты», организуют суды и аресты участников движения [19].

Одновременно с этим в США и в 114 странах мира в Фалуьнгун занимаются беспрепятственно [22], была развернута кампания, направленная на защиту прав верующих Фалуьнгун. Однако на территории России китайское представительство организует дипломатическое давление и стремится сделать так, чтобы вопрос о судьбе диссидентов движения Фалуьнгун здесь тщательно замалчивался, а самого движения в России не существовало. Важно, что Российская Федерация, в отличие от многих стран, где подобные действия оценивались как попытка вмешательства во внутреннюю политику страны, руководствуясь геополитическими соображениями, пошла навстречу КНР [19].

Вследствие этого в России представители движения Фалуьнгун испытывают по отношению к себе настороженность и предубежденность со стороны органов власти. Это выражается в ряде недружественных действий, таких как необоснованные несогласования общественных выступления граждан России в защиту Фалуьнгун в Китае, препятствование в регистрации региональных отделений Фалуьнгун как общественной организации, безосновательный отказ во въезде в Россию последователям Фалуьнгун из-за рубежа, принуждение иностранным последователям Фалуьнгун покинуть территорию страны; включение печатных материалов, отражающих учение Фалуьнгун в список экстремистской литературы; употребление по отношению к организациям последователей Фалуьнгун слова «секта» [5, с. 103].

Таким образом, распространение движения Фалуьнгун в России сопровождается сложной комбинацией политического давления на Россию, со стороны официального Китая, которое показывает, что в процессах религиозного взаимодействия между Россией и Китаем существенную роль играет политика [22].

Это умозаключение можно подтвердить еще демонстрацией одной новацией в межкультурном взаимодействии между Россией и Китаем, которое проявилось на протяжении последних нескольких десяти лет, когда в Россию, стала прибывать многомиллионная армия китайских туристов, выполняющих паломнические акции у исторических мест, связываемых ими с коммунистическим прошлым России. Наплыв туристов, движущихся по маршрутам «красного туризма», ощущим на территории Забайкалья, являющегося приграничным с Китаем регионом с богатым коммунистическим прошлым и многочисленными объектами поклонения [18]. Среди них, как отмечают сами китайцы – не только объекты, связанные с коммунистическим прошлым, но и те, которые напоминают о совместной борьбе китайцев и русских против японских империалистов в сер. XX в. Ключевыми достопримечательностями являются памятники В. И. Ленину, борцам за Власть Советов, участникам Гражданской войны, участникам военных действий 1945 г., мемориальные комплексы, музеи. Интенсивность потока туристов из Китая увеличивается в 2017 г., когда Россия отмечает юбилей Октябрьской революции, что является весомым аргументом, привлекающим китайскую аудиторию.

Для них посещение объектов истории революции не является просто экскурсией, оно символизируют нечто намного большее, связанное с тем, что к этому их призывает китайское правительство во главе с СиЦзинпием. Дело в том, что всовременном Китае направление, связанное с развитием «красного туризма», интенсивно развивается начиная с 2004 г., когда правительством была одобрена программа, нацеленная на популяризацию событий, связанных революционной историей Китая. Теперь посещение связанных с революцией объектов с точки зрения коммунистической партии Китая, является обязательным ритуалом, ко-

торый поддерживается правительством финансово. Руководство КПК по главе с Си Цзиньпином утверждает о необходимости укреплять интересы населения к коммунистической истории и патриотическому воспитанию, одним из инструментов чего представляется «красный туризм».

Для китайских граждан очень важно приезжать к объектам культуры, относящимся к революционному наследию где они не только делают селфи, так как их главным делом является актуализация ценностей коммунистической идеологии [16]. Для России же важным становятся эти посещения, при этом значимость не состоит только в том, что китайские туристы приносят определенную статью дохода, Ценностное отношение китайцев к памятникам советского прошлого фактически реанимирует эти памятники в глазах современных граждан России, привыкших относиться к ним, как к свидетельству ушедшего прошлого. Демонстрация почитания этих реликвий со стороны большого количества китайцев, которых в приграничных с Китаем районах России воспринимают как посланцев высокоразвитой цивилизации, оказывает свое влияние и на воссоздание образа достойного советского прошлого, и указывает на то, что именно идеалы этого прошлого могут сыграть существенную роль в формировании единства между Россией и Китаем. Для самих китайцев такие места являются святынями, а такие люди, как В. И. Ленин - святыми, о чем свидетельствуют постоянно работающие с китайскими туристами специалисты, такие как Ю. Скоромолова, директор государственного регионального туристического агентства в Ульяновске. Они отмечают элементы религиозного почитания вождя революции, которые сегодня отсутствуют у наших сограждан и превалируют в поведении китайцев.

В этом контексте становится очевидным, что «красный туризм» представляет один из инструментов мягкой силы, используемой Китаем, ради пропаганды ценностей своей культуры и идеологии. Согласно этим идеям Китай сохранил и приумножил наследие В. И. Ленина и Октябрьской революции, в то время, как на территории России, социализм потерпел поражение. В условиях, когда российско-китайским отношениям благоприятствует внешнеполитический процесс, ностальгия по революционному прошлому может стать мировоззренческой альтернативой существующим российским порядкам. Таким образом, современное идейное взаимодействие России с Китаем протекает в рамках устоявшейся в китайской истории взаимодействия с окружающими культурами по схеме, в которой эта страна в мягкой, не допускающей прямого давления форме, формирует идеологический контекст, обеспечивающий формирование китаецентричного мировоззрения окружающих Китай народов, что в конечном итоге будет способствовать созданию китаецентричного мира.

Подведем итоги:

1. Влияние религиозных идей, имеющих происхождение в Китае, на население Забайкалья объ-

яснимо с учетом того, что культура региона исторически формировалась, испытывая влияние религиозных идей Запада и Востока и религиозное взаимодействие между народами Забайкалья и Китая складывалось на фундаменте ряда общих региональных архетипов и традиций мировосприятия. Факторами, влияющими на распространение китайских религиозных идей в Забайкалье, являются геополитические условия, культурные, языковые и цивилизационные контакты, благодаря которым население Забайкалья узнавало о содержании китайских религиозных идей, таких как поклонение Небу, ориентированных на построение китаецентристской картины мира и организацию последующего политического влияния.

2. В современных условиях, характеризующихся интенсивным взаимодействием между мировой, китайской и российской культурами на территории китайского приграничья распространяется значительное количество религиозных конструктов, имеющих китайское происхождение и имеющих целью распространение китайского культурного влияния. Основанием для этого является современная тенденция, направленная на глобализацию социокультурной жизни, которая способствовала тому, что многие забайкальцы отказываются от собственных мировоззренческих и религиозных устоев, и вступают на путь поиска новой культурной и религиозной идентичности, где все более значительное место уделяется Китаю.

3. На формирование образа Китая в условиях современности оказывают влияние религиозные идеи двух типов. В одном случае, Китай продуцирует ценностные образы китайской культуры, в другом стремится ограничить влияние тех идей, которые формируют негативные представления о современной китайской власти. Целенаправленно среди современных россиян распространяются те религиозные идеи Китая, которые имеют практическое значение для жизни, здоровья, образования соотечественников, и которые связаны с распространением таких практик, как цигун, фэншуй, китайской медицины. В течение последних лет Китай все большее внимание уделяет активизации культурной политики, одним из направлений которой является организация Институтов Конфуция, другим – формирование «красного туризма», обеспечивающих ценностную ориентированность на мировоззренческие идеалы Китая. Обратной стороной является стремление Китая не допустить распространение на территории России религиозного движения «Фалуньгун», которое вступает с критикой современной китайской культуры и государства.

Литература

1. Абаев Н. В. «Тэнгрианство» и «Ак-Чаян» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии / Н. В. Абаев, В. Р. Фельдман, Л. К. Хертек // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. ст. Горно-Алтайск, 2002. С. 10-18.

2. Алкин С. В. Древние культуры северо-восточного Китая: неолит Южной Манчжурии. Новосибирск: Наука, 2007. 168 с.

3. Бертронг Д. Мудрецы и бессмертные. Религии Китая // Религии мира. Минск, 1994. С. 245–247.

4. Ван Цюн. Влияние социокультурных особенностей Китая и России на российско-китайские отношения: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2007. 179 с.

5. Живова Ю. С. Политика правительства России относительно религиозной организации Фалуньгун // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, БГПУ, 2012. С. 103-106.

6. Китайская геомантия // Сост. М. А. Ермакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 252 с.

7. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Делюсин. М.: Наука, 1982. 264 с.

8. Кононов С. В. Мифотворчество о Китае в социокультурном пространстве приграничного региона: дисс. канд. филос. н.: 09.00. 11. Чита, 2016. 198 с.

9. Михайлов Т. М. Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Новосибирск: Наука, 1989. 183 с.

10. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве Российского и китайского приграничья: автореферат дисс.... докт. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. 378 с.

11. Озорнина А. С. Региональные практики КНР и китайское социокультурное пространство // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (9) : в 3 ч. Ч. 1. С. 131-134.

12. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.

13. Соловьева Н. А. Коммерциализация культуры национальных меньшинств КНР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37): в 2 ч. Ч. 2. С. 176-179.

14. Тарасова Е. А. Национальные особенности образа власти в культуре современной России и Китая: сравнительный анализ // Россия и Китай: перспективы сотрудничества. – Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 140-145.

15. Китайцы радуются 100-летию Октябрьской революции, стоят в очереди в Мавзолей, а россияне рады деньгам туристов из Поднебесной [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/17472/> (дата обращения: 05.09.2017).

16. Дальневосточный федеральный университет: институт Конфуция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://confucius.dvgu.ru/dvgu/istoriya/> (дата обращения: 25.08.2017).

17. Константинов М. В. Забайкальцы [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья [URL]. Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=1949> (дата обращения: 11.09.2017).

18. Рассказова Е. Красный туризм набирает обороты. СССР, Ленин, революция, коммунизм – что ищут туристы из Китая в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/krasnyy-turizm-nabiraet-oboroty/> (дата обращения: 15.09.2017).

19. Священник П. Иванов. Новая китайская секта Фалуньгун [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/Tradition1.htm> (дата обращения: 05.09.2017).

20. Чита по фэншуй [Электронный ресурс]. URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&rubr=7&text=1026&t=7> (дата обращения: 29.08.2017).

21. Что принесли России 10 лет дружбы с Китаем? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ptrvlad.ru/2011/07/17/>. (дата обращения: 04.09.2017).

22. Экстремизм и духовное движение Фалуньгун в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/> (дата обращения: 23. 03.2016).

23. Афанасьев Е.В. Российско-китайские отношения: от нормализации к партнерству // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 2.

Religious ideas of China in the territory of modern Transbaikalia

Zhukov A.V.

Transbaikal state university

Article is devoted to the analysis of process of distribution in the territory of Transbaikalia of the religious ideas having origin in China. As it is proved in article, a significant amount of the Chinese religious constructs by means of which strengthening of the Chinese cultural influence is reached is fixed here. The author of article pays attention that China produces valuable images of the Chinese religious culture, but at the same time seeks to limit influence of those ideas which form negative ideas of this country. One of the investigations of it, according to the author, is that many residents of border Transbaikalia get under influence of cultural policy of China.

Keywords. Religious ideas of China, Transbaikalia, sinocentrism, "soft power", "chi kung", "feng shui", "the Chinese medicine", "red tourism", "Falun Gong".

References

1. Abaev N. V. "Tangrianism" and "Ak-Chayan" as the spiritual and cultural basis of the nomadic civilization of the Turkic-Mongolian peoples of the Sayano-Altai and Central Asia / NV Abaev, VR Feldman, LK // Social processes in modern Western Siberia: Sat. sci. Art. Gorno-Altai, 2002. P. 10-18.
2. Alkin S. V. Ancient cultures of northeastern China: the Neolithic of Southern Manchuria. But-Novosibirsk: Science, 2007. 168 p.
3. Bertrong D. Sages and Immortals. Religions of China // Religions of the World. Minsk, 1994. P. 245-247.
4. Wang Qiong. Influence of socio-cultural peculiarities of China and Russia on Russian-Chinese relations: author's abstract. dis. ... cand. Political Science: 23.00.04. Moscow, 2007. 179 p.
5. Zhivova Yu.S. Policy of the Government of Russia on the religious organization of the Falun Gong // Russia and China: history and prospects for cooperation. Blagoveshchensk, BSPU, 2012. P. 103-106.
6. Chinese Geomancy, comp. M. A. Ermakova. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1998. 252 p.
7. Confucianism in China. Problems of theory and practice: Sat. Art. / отв. Ed. L. P. Delyusin. M.: Nauka, 1982. 264 p.

8. Kononov SV Myth-making about China in the sociocultural space of the border region: diss. Cand. philos. N: 09.00. 11. Chita, 2016. 198 c.
9. Mikhailov TM Ethnocultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages. Novosibirsk: Science, 1989. 183 p.
10. Morozova VS. Regional culture in the sociocultural space of the Russian and Chinese-Thai borderlands: the abstract of the diss Doct. philos. Sciences: 09.00.13. Chita, 2013. 378 p.
11. Ozornina AS Regional Practices of the People's Republic of China and the Chinese Socio-Cultural Space // Historical, Philosophical, Political and Juridical Sciences, Culturology and Art Criticism. Questions of theory and practice. Tambov, 2011. № 3 (9): at 3 pm Part 1. S. 131-134.
12. Natural environment and man in neopleysto-price (Western Transbaikalia and South-Eastern Baikal region) / LV Lbow [and others]. Ulan-Ude: BSC Center of the SB RAS, 2003. 208 p.
13. Solovyeva NA Commercialization of the culture of national minorities of the PRC // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. Tambov, 2013. № 11 (37): in 2 hours Part 2. C. 176-179.
14. Tarasova EA National peculiarities of the image of power in the culture of modern Russia and China: a comparative analysis // Russia and China: prospects for cooperation. - Blagoveshchensk: BSPU, 2012. P. 140-145.
15. The Chinese are happy with the 100th anniversary of the October Revolution, stand in line at the Mausoleum, and the Russians are happy with the tourists' money from the Middle Kingdom [Electronic resource]. Access mode: <http://asiarussia.ru/articles/17472/> (reference date: 05/09/2017).
16. Far Eastern Federal University: Confucius Institute [Electronic resource]. Access mode: <http://confucius.dvfu.ru/dvfu/istoriya/> (reference date: August 25, 2017).
17. Konstantinov MV Transbaikalian [Electro-resource resource] // Encyclopedia of Transbaikalia [URL]. Access mode: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=1949> (reference date: 11/09/2017).
18. Rasskazova E. Red tourism is gaining momentum. USSR, Lenin, revolution, communism - what are tourists looking for from China to Russia [Electronic resource]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/krasnyy-turizm-nabiraet-oboroty/> (reference date: September 15, 2017).
19. Priest P. Ivanov. New Chinese Falun Gong sect [Electronic resource]. URL: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/Tradition1.htm> (reference date: 05/09/2017).
20. Chita on Feng Shui [Electronic resource]. URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&rubr=7&text=1026&t=7> (reference date: August 29, 2017).
21. What have brought Russia 10 years of friendship with China? [Electronic resource]. URL: <http://www.ptr-vlad.ru/2011/07/17/>. (date of circulation: 04/09/2017).
22. Extremism and the spiritual Falun Gong movement in Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/> (date of circulation: 23. 03.2016).
23. Afanasyev E.V. Russian-Chinese relations: from normalization to partnership // Problems of the Far East. 1994. No. 2.

Духовное наследие писателя-богослова архимандрита Макария

Злыгостева Марина Николаевна,

доцент кафедры связей с общественностью, к. филол. н., Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, marina-5128@mail.ru

Исследование посвящено актуальной сегодня теме возрождения основ православной культуры, одной из важных составляющих которой была и остается книга. Автор обращается к оценке деятельности основателя Алтайской Духовной миссии Макария Глухарева. В статье проведен анализ репертуара непериодических изданий Томской епархии (второй половины XIX — начало XX вв.) как важной части церковной печати Западной Сибири. Выявлены особенности и жанры публикаций, подробно рассмотрены основные характеристики сборников духовных стихов архимандрита Макария и епископа Макария Невского «Лепты».

Ключевые слова: духовная поэзия, архимандрит Макарий, епископ Макарий Невский, «Лепты», вторая половина XIX — начало XX вв.

В церковной печати Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв. особое место занимают уникальные не только для сибирского религиозного книгопроизводства авторские книги духовных стихов архимандрита Макария Глухарева — так называемые «Лепты»: подобные жанровые формы не издавались в епархиях Западной Сибири с момента их образования по сегодняшний день.

Архимандрит Макарий — знаковая личность не только для Сибири: основатель Алтайской Духовной миссии, магистр богословия, писатель-богослов, поэт, ученый-филолог. По оценке А. С. Родосского, биографа студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской Духовной академии, именно архимандритом Макарием была предпринята первая попытка перевода «всей Библии с еврейского на русский язык»²⁰, опыт этого перевода стал основой для синодального перевода Библии.

По обследованиям фондов библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии, РНБ, РГБ, фонда Отдела рукописей и книжных памятников научной библиотеки Томского государственного университета (куда книги Макария попали из личной библиотеки Г. К. Тюменцева (1842–1931) — метеоролога, краеведа, бывшего директора Томского реального училища), оценке «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.»²¹ нам удалось установить реальный на сегодняшний день объем опубликованной части литературного наследия Макария Глухарева. Это разнообразные по жанровой принадлежности издания разных лет: переводы отдельных частей Ветхого Завета, гомилетика — слова, речи; эпистолярный жанр — письма, духовная поэзия — сборники духовно-нравственных песнопений. Большая часть литературных трудов Макария Глухарева вышла в Москве (типография Августа Семена, типо-литография И. Ефимова, типографии А. И. Снегиревой, печатня В. Гроссе, типография В. Готье, университетская типография «Катков и К»), в Томске — 9 изданий, в Бийске — 3, одна книга — в Казани («Письма архимандрита Макария», 1905 г.), одна — в Санкт-Петербурге («Слова покойного архимандрита Макария», 1995 г.). При

²⁰ Родосский, А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской Духовной Академии : 1814–1869 гг. / А. С. Родосский. — Санкт-Петербург : Тип. И. В. Леонтьева, 1907. — С. XXXIV.

²¹ Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. : в 3 т. / Сиб. отд-ние РАН, Гос. публ. науч.-техн. б-ка; [отв. сост. Р. Е. Павлова ; науч. ред. к.п.н. Е. Б. Соболева]. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004.

жизни автора была опубликована единственная книга — в 1846 г. в Москве, в типографии Августа Семена — «Лепта. В пользу Церковной алтайской миссии».

Слова и речи архимандрита Макария издавались трижды: «Слово покойного архимандрита Макария на Новый год», (Москва, 1848 г., 12 с.), «Несколько слов архимандрита Макария» (Москва, 1854 г., 95 с.), третье издание было осуществлено более чем через век после первых двух — «Слова покойного архимандрита Макария» (СПб., 1995 г., 48 с.). Четырежды переиздавались письма Макария Глухарева: «Письма покойного архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской духовной миссии. Книга I» (Москва, 1851 г., 207 с.), под тем же названием в 1860 г. в Москве — второе издание, включающее 2 части, часть 1 составила 257 страниц, часть 2 — 234 страницы. В 1903 г. в Томске вышло 3-е издание части 1, объемом 190 страниц. В 1905 г. в Казани публикуются письма Макария Глухарева, с биографическим очерком о нем К. Харламповича, объемом 558 страниц. Показательно, что первые издания трудов архимандрита Макария относятся к середине XIX в., а переиздания — к началу и концу XX в., когда обострялась общественная полемика в отношении религиозной духовности.

Наибольшее количество переизданий из литературных трудов Макария Глухарева выдержала книга духовных стихов «Лепта» (об изменении названия см. ниже) — 12 изданий: 4 — в Москве, 3 — в Бийске, 5 — в Томске. Из них нотное сопровождение имели 8 изданий. Первое из них (как отмечалось выше, единственное прижизненное издание) вышло в Москве в 1846 г. — «Лепта. В пользу Церковной алтайской миссии» (типография Августа Семена). Книга включала XVII стихотворных текстов, сопровождаемых сносками (расположенными внизу страниц), где указывается, к цитациям из каких частей и глав Святого Писания обращается автор. Второе издание под тем же названием, напечатанное в той же типографии, вышло в следующем 1847 г.: оно отличалось от первого добавлением 6 листов нот и включением списка погрешностей. На предпоследней странице — информация для читателей: «Желающие иметь сию книжку могут относиться с требованиями своими к означенному священнику Лаврову, прилагая только за пересылку ею». На последней странице обложки запись — «О пожертвовании для вспоможения бедным людям». Эти издания переиздавались неоднократно: первое переиздание — через 23 года, в 1870 г., в Москве, объемом 64 страницы (обнаружено по каталогу библиотеки Г. К. Тюменцева фонда Отдела рукописей и книжных памятников научной библиотеки Томского государственного университета), цензор — профессор, протоиерей Филарет Сергиевский, без указания автора на обложке, без предисловия, без номера издания. В СК указано издание «Лепты» под названием «Лепта в пользу церковной Алтайской миссии» 1884 г., напечатанное в Томске, объемом 71 страница — это было первое сибирское издание ду-

ховных песен Макарий Глухарева. В 1889 г. в Бийске вышла «Лепта в пользу церковной Алтайской миссии» с подзаголовком — «основателя Алтайской Духовной миссии», с указанием — издание 4-е, объемом 103 страницы, с нотами. В 1890 г. — в Бийске, объемом 100 страниц, с дополнением 4 страниц нот и объяснением цифирной нотации, с указанием автора — основателя Алтайской миссии архимандрита Макария, с содержанием; в 1893 г., 5-е издание — в Бийске, объемом 48 страниц, с нотами; в 1895 г. 6-е издание — в Томске, объемом 104 страницы, с нотами. В 1900 г. в Томске, в типографии Епархиального братства вышла «Первая лепта», где обозначено тоже 6-е издание, «перепечатанное с 1-го издания 1847 г.» (по нашим исследованиям указание ошибочно — первое издание в 1846 г.), объемом 103 страницы, без нот.

Под названием «Первая лепта в нотном изложении» книга Макария Глухарева переиздавалась трижды — первое издание в 1901 г. в Томске, объемом 133 страницы, музыкальная обработка А. Анохина, с предисловием; второе издание в Томске, в 1902 г.; третье — в 1914 г., в Москве, объемом 103 страницы, с предисловием и подзаголовком «Сборник духовно-нравственных песнопений». В предисловии к первому изданию указано: «Все прежние издания первой лепты напечатаны цифирной системой, за исключением некоторых №№, изданных синодальной типографией и предназначенных для смешанного хора. Эти обстоятельства затруднили изучение лепты школьным хором в унисон и в гармоническом виде. В устранении этих недостатков, в настоящем издании, мелодия помещена в верхнем голосе (дискант I-M). Кроме того, это издание напечатано на линейной системе и в трех-голосном виде, более всего подходящем к составу школьного хора»¹. Во второе издание вошли «некоторые новые песнопения, принадлежащие Макарию, но еще не имевшие своих напевов, таковы песнопения: „Величить Господа и славить“, „Нафанаиль“, „Радуйся Царице!“, „Помилуй Господи“, „В деснице Божией“»², в третье издание вошла песнь «Иисусе мой прелюбезный» святителя Димитрия Ростовского (авторство определено по предисловию к третьему изданию — Лепта первая. Сборник духовно-нравственных песнопений. Москва: Печатня В. Гроссе, 1914).

Авторский выбор названия книги духовных стихов не случаен — в нем символично отражается библейская притча о том, как человек малоимущий способен на бескорыстные жертвы: «Пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу; ибо все клали от избытка своего, а она от скудности своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Марк. 12, 42–44). Слово

¹ Первая лепта. — Томск : Тип. Епарх. братства, 1900. — С. I–II. II.

² Лепта первая : сб. духов.-нравств. песнопений. — Москва : Печатня В. Гроссе, 1914. — С. 2.

«лепта» — древнерусское, заимствовано из старославянского, отмечается в памятниках XI в. Старославянское «лепта» — мелкая монета: заимствовано из греческого языка, где лепта «мелкая медная монета», форма множественного числа от субстантивированного прилагательного, буквально «облупленный, очищенный; мелкий, тонкий», «неимуший, обездоленный», в свою очередь, суффиксального производного от глагола «лупить, снимать кору, жилицу»¹. В словаре В. И. Даля слова «лепта» трактуется так: «древняя еврейская мелкая монета, говорит. вм. денежка, грош, в общем значении. Примите и мою лепту. И он приложил свою лепту к этому делу»².

Таким образом, лексема «лепта» в названии книги Макария Глухарева приобретает переносное значение, возникшее на основе евангельской притчи, — «посильный вклад, жертва»: «Свою книжку он назвал „Лепта“ в память той лепты, которая Евангельская вдовица вложила в церковную сокровищницу»³. Архимандрит Макарий вносит свой духовный и поэтический вклад не только в развитие церковного песнопения, но и в духовно-просветительскую литературу, направленную на открытие высокого слова Библии (не всегда понятного большинству) для восприятия и понимания. Духовные стихи — это результат переосмысления евангельских сюжетов и адаптация их в среде народа (в духовных стихах есть отголоски жанров устного народного творчества, в частности веснянок, колядок). По определению Г. П. Федотова, «духовными стихами в русской народной словесности называются песни, чаще всего эпические, на религиозные сюжеты, исполняемые обыкновенно бродячими певцами»⁴. Духовные стихи Макария Глухарева обращены к пастве, к людям, близким автору, тексты лепты использовались во время богослужения, духовно-нравственных собеседований, позже — в обучении церковному пению в церковно-приходских школах.

Роль Макария Глухарева в формировании духовной литературы в Сибири особо значима: об этом говорят неоднократные издания и переиздания «Лепты», а также ее продолжение в литературных трудах епископа Томского и Семипалатинского Макария Невского, его преемника в духовном просвещении Сибири (1835–1926): под его руководством в 1888 г. в Бийске была издана «Вторая лепта в пользу Алтайской Духовной Миссии» (в 1890 г., Бийск — 2-е издание; 1895 г., Томск — 3-е издание; 1900 г., Бийск — 4-е издание). Под заглавием «Лепта вторая» было тоже 3 издания: 1903 г., в Томске — издание 3-е, дополненное и исправленное, объемом 120 страниц, с

нотами, под редакцией А. Анохина; 1910 г., в Томске — издание 4-е, дополненное и исправленное, объемом 66 страниц; 1912 г., в Бийске — издание 2-е, объемом 168 страниц, с нотами. В 1912 г. в Томске вышло издание 4-е, исправленное и дополненное, объемом 168 страниц, с предисловием, с указанием: «Одобрено Училищным Советом при Святейшем Синоде для церковных школ»⁵. Издание 1915 г. (Москва) «Лепта вторая» вышло с подзаголовком «Сборник песнопений для народа», объемом 129 страниц, с нотами. В эти издания вошли тексты разных авторов: «Вторая лепта есть продолжение Первой лепты основателя Алтайской Духовной миссии архимандрита Макария. В состав второй Лепты вошли канты различных авторов, заботливо собранные настоящим Томским Преосвященным. Как истый печальник религиозной жизни своей паствы, Преосвященный усердно старался привить эти канты среди народа и в церковных школах, чтобы таким образом дать пищу нравственным чувствам и оградить тот нескромных уличных песен, распеваемых иногда в русском народе»⁶. К переложению текстов, входящих в состав «Лепты», на круглые ноты имел непосредственное отношение Стефан Васильевич Смоленский, директор Московского Синодального училища и хора, с которым Макарий Невский имел продолжительную переписку: «Примите мою глубочайшую благодарность за труды по переложению стихотворений Лепты на круглые ноты. Вы проложили путь распространения Лепты во все пределы православного отечества и употреблению ее во всех школах, а через них при внебогослужебных собеседованиях, совершающихся не в храмах»⁷ (из письма Макария Невского, 10 апреля 1892 г.). В конце XIX в. некоторые песни из «Лепты» входили в репертуар Синодального хора: «в концерте 16 декабря 1890 г. под управлением В. С. Орлова им посвящалось все второе отделение, обозначенное в программе как „Псалмы и канты из сборника „Лепта“ и „Вторая лепта в пользу Алтайской миссии“ (всего восемь номеров)»⁸. В кругозор сибирских читателей «Лепты» входили, во-первых, благодаря деятельности Макария Невского, который неоднократно организовывал в епархии курсы церковного пения, ввел в широкое употребление, в том числе и в программу церковно-приходских школ, сборники песнопений основателя Алтайской Духовной миссии архимандрита Макария «Лепта» и «Первая лепта», во-вторых, через рекламную информацию, помещенную на страницах «Томских епархиальных ведомостей», причем для расширения покупательской аудитории книгопродавцы предлагали скидку 20 %⁹.

¹ Этимологический словарь русского языка / под общ. ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. — Москва: Изд-во МГУ, 1999. — Вып. 9. — С. 77.

² Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. — Москва: Русский язык, 1999. — С. 248.

³ Лепта первая: сб. духов.-нравств. песнопений. — Москва: Печатня В. Гроссе, 1914. — С. 2.

⁴ Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов. — Москва: Гнозис, 1991. — С. 13.

⁵ Лепта вторая: с нотами. — 4-е изд., доп. и испр. — Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. — 168 с.

⁶ Там же. — С. III.

⁷ Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV: Стефан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. — Москва: Языки славянской культуры, 2002. — С. 531–532.

⁸ Там же. — С. 533.

⁹ Томские епархиальные ведомости. — 1890. — № 21. — Часть неофиц. — С. 23.

Книги духовных стихов архимандрита Макария и Макария Невского — единственные такого рода *религиозные литературно-художественные издания* в епархиях Западной Сибири. Духовные стихи — это вариант молитвы, «пение духовных стихов является как бы проповедью самому себе. И такая проповедь тем особенно хороша, что не только охотно выслушивается, но и охотно повторяется для себя»¹. Молитва и пение — одно из главных средств выражения религиозных чувств. Пение есть соединение слов с музыкой голоса. Во время пения сознание и чувство соединяются в высоком слове поэзии.

О популярности сборников духовных стихов говорит замечание Макария Невского в письме к Стефану Васильевичу Смоленскому: «Я рад, что публика все более и более ознакомливается с Лептами. Закрываю об этом из того, что московские и киевские книгопродавцы стали понемногу брать на комиссию Лепты, особенно в последнее время»².

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что в истории книжной культуры просветительская роль Макария Глухарева значительна: именно им были заложены основы духовного просвещения, во многом определившие развитие социокультурного сценария, в том числе и религиозного книгопроизводства в Томской епархии до 1917 г.

Литература

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1999.
2. Лепта вторая : с нотами. — 4-е изд., доп. и испр. — Томск : Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. — 168 с.
3. Лепта первая : сб. духов.-нравств. песнопений. — Москва : Печатня В. Гроссе, 1914. — 103 с.
4. Первая лепта. — Томск : Тип. Епарх. братства, 1900. — 132 с.
5. *Родосский, А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской Духовной Академии : 1814–1869 гг. / А. С. Родосский. — Санкт-Петербург : Тип. И. В. Леонтьева, 1907. — 552 с.
6. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV : Стефан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 688 с.
7. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. : в 3 т. / Сиб. отд-ние РАН, Гос. публ. науч.-техн. б-ка; [отв. сост. Р. Е. Павлова ; науч. ред. к.п.н. Е. Б. Соболева]. — Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004.

8. Томские епархиальные ведомости. — 1890. — № 21. — Часть неофиц.

9. *Федотов, Г. П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов. — Москва : Гнозис, 1991. — 190 с.

10. Этимологический словарь русского языка / под общ. ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. — Москва : Изд-во МГУ, 1999. — Вып. 9. — 240 с.

The ecclesiastical heritage of a theologian writer and archimandrite Macarius

Zlygosteva M.N.

National State University of Physical Education, Sport and Health

The research is dedicated to the subject of current interest nowadays, the reappearance of orthodox culture basis, the background of which has always been a book. The author of the article appeals to the activity assessment of the founder of the Altic Ecclesiastical Mission, Macarius Glucharev. The analysis of non-periodic editions of Tomsk Diocese (at the period, starting from the second part of the 19th century till the beginning of the 20th), as the essential part of the Ecclesiastical Press in Western Siberia, is done in the article. The features and genres of publications are revealed in the article, the author regards the features of ecclesiastical poetic editions of archimandrite Macarius and the bishop Macarius Nevsky "The Mites" in detail.

Key words: the ecclesiastical poetry, archimandrite Macarius, bishop Macarius Nevsky, "Mites", the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century

References

1. Dahl, V.I. Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 t. / V.I. Dahl. — M.: Russian, 1999.
2. Second contribution: with notes. — 4 prod., additional and испр. — Tomsk: Type. Shelter and House of diligence, 1912. — 168 pages.
3. First contribution: сб. spirits. - нравство. chants. — Moscow: Pechatnya V. Gross, 1914. — 103 pages.
4. First contribution. — Tomsk: Type. Eparch. brotherhoods, 1900. — 132 pages.
5. Rhodes, Ampere-second. Biographic dictionary by students of the first XXVIII courses of the St. Petersburg Spiritual Academy: 1814-1869. Rodosky. — St. Petersburg: Type. I.V. Leontyeva, 1907. — 552 pages.
6. The Russian sacred music in documents and materials. T. IV: Stefan Vasilyevich Smolensky. Memoirs: Kazan, Moscow, St. Petersburg. — Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. — 688 pages.
7. Summary catalog of the Siberian and Far East book. 1790-1917: in 3 t. / Sib. otd-ny RAS, State. публ. науч. - техн.; [отв. сост. R.E. Pavlova; науч. an edition to. item of N of E.B. Sobolev]. — Novosibirsk: State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2004.
8. Tomsk diocesan sheets. — 1890. — No. 21. — Part of neofitsa.
9. Fedotov, G. P. Verses spiritual (The Russian national belief on spiritual verses) / G.P. Fedotov. — Moscow: Gnozis, 1991. — 190 pages.
10. The etymological dictionary of Russian / under a general edition of A.F. Zhuravlev and N.M. Shansky. — Moscow: MSU publishing house, 1999. — Issue 9. — 240 pages.

¹ Лепта первая : сб. духов.-нравств. песнопений. — Москва : Печатня В. Гроссе, 1914. — С. 4.

² Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV : Стефан Васильевич Смоленский. Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — С. 531.

«Между кочек живущая женщина» в культуре обских угров

Кашлатова Любовь Васильевна,

кандидат культурологии, начальник Березовского филиала
Обско-угорский институт прикладных исследований и разрабо-
ток, kashlatovalv@mail.ru

Следует особо отметить, что внешнему облику духа обские угры придавали большое значение. Это проводилось с той целью, чтобы можно было по внешнему признаку различать друг от друга множества создаваемых духов-покровителей. В этих целях за каждым духом-покровителем закрепляется определённое символическое изображение. В статье рассматривается представление о лягушке в традиционных воззрениях обских угров. Описаны локальные территории поклонения, функции, изображения.

Ключевые слова: обские угры, лягушка, зооморфная ипостась, Мис-Кут-Ими, Навырт-Нэ, Нярс-Най-Эква, Порыхпан-Эка, Нуми-Торум, Каттась-Ими

Изучение традиционного мировоззрения обско-угорских народов занимает особое место в этнографии. Термин «обско-угорские народы» или «обские угры» используется для обозначения двух близкородственных народов – ханты и манси, населяющих бассейн Оби в Западной Сибири. Первые сведения о племенах, к которым относятся обско-угорские народы, относятся к XI веку в «Повести временных лет». К планомерному изучению духовной и материальной культуре обских угров приступили в XVIII веке. За двести с лишним лет в науку накоплен значительный материал по языкознанию, лингвистике, религии, фольклору, социальному устройству, родовому строю и обрядовой деятельности обско-угорского общества.

Существенный вклад в изучение религии и традиционного мировоззрения народов Западной Сибири внес финский ученый К.Ф. Карьялайнен, опубликовавший три тома в 1921, 1922, 1927 гг., на русском языке они были выпущены в 1994-1996 гг. в переводе Н.В. Лукиной. Изучение религиозных воззрений посвятили свои работы и другие ученые и по выражению Н.В. Лукиной «Вера в духов или анимизм, пронизывает всю религиозную систему обских угров. Поражает число этих духов, сложная система их взаимоотношений. Следует отметить, что они живут везде, где поселился или ходит за добычей человек» [1, 14-17].

В данной статье пойдет речь о женской богине, зооморфная ипостась которой *Мис-Кут-Ими* 'Между кочек живущая женщина', другие её названия *Навырты-Нэ* 'Прыгающая женщина' (хант.), *Нярс-Най-Эква* 'Румяная богиня-женщина' (манс.), *Савырки* 'Лягушка, жаба' (вост.х.) – в образе лягушки. Обские угры её очень почитают, она считается священным животным, детям не разрешается трогать, ловить и мучать лягушку. Если кто-либо случайно наступил на лягушку или убил её, необходимо было завернуть тело в «чистый *арсын*» и положить на пень [2, 80].

Территориальную группу северных манси нередко именуют *нярас махум* 'лягушки-народ' [3, 104]. Здесь особо почитают лягушку *Нярс-Най-Эква* 'румяная женщина', здесь она наиболее крупное божество [4, 64]. По мнению Е.И. Ромбандеевой «она сама, по-видимому, тоже была 'румяной героиней', поэтому и называют её *Нярс-Най-Эква* [5, 57]. Она считается хозяйкой дорогих пушных зверей – соболя, горностая, бобров, выдры, хозяйкой лосей и иных богатств. Это героиня-покровительница славится тем, что дала сильное потомство, её дети-потомки всегда были красно-

щёкими. *Нярс-Най-Экве* приписывается способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды [6, 91].

По преданиям *Нярс-Най-Эква* приходится сестрой *Ханглас-Най-Эква* 'Великая женщина Хангласам', которая почитается на Сосьве, там же хранится её изображение, а владения её простираются в верховьях Сосьвы, начиная вверх по течению от деревни Нильдино Березовского района. Здесь она считается предком, покровительницей. По сведениям В.Н. Чернецова «*Ханглас-Най-Эква* считалась одной из дочерей *Нуми-Торума*, но чаще упоминалась как старшая сестра *Тайт-Котиль-Ойки* 'Хозяина-Середины-Сосьвы'. У неё было семь дочерей, три из которых жили на Оби. Иногда её называли *Нярс-Най-Эква* или *Порыхпан-Эква* (манс.) 'лягушка'» [7, 96]. Изображение лягушки из дерева и мха в рост человека, в женской одежде и украшенную в парчу нашли исследователи мансийских святилищ И.Н. Гемуев и А.В. Бауло в юртах Хангласам [8, 75].

Почитание лягушки прослеживается и у усть-казымских хантов. В деревне Тугияны Белоярского района на берегу Лягушачьего озера *Тым-Кут-Ики* находится священное место *Хартс*. Здесь почитают богиню *Наварт-Нынэ* 'Женщину-Лягушку' (хант.), хранителями священного места является род Гришкиных [4, 44, 45]. В д. Пашторы Белоярского района тоже почитают лягушку. В легенде говорится о том, как один из жителей поехал зимой на охоту. Вдруг видит, что прямо по лыжне прыгает живая лягушка. Он привез её домой и с тех пор держит шкурку в одном из сундуков [4, 61].

В фольклорных текстах с лягушкой связывается представление о счастье, изобилии. Изображение лягушки встречается в орнаменте у хантов и манси в виде ромба с крючком [9, 216]. Чаще всего встречается на женских мешках для одежды и на *тучангах* 'мешок для рукоделия'. В изображениях лягушки подчеркивались женские черты, и она нередко понималась как прародительница людей.

Богиню в образе лягушки почитают ханты с реки Вогулка. Их местный дух *Пашит-Ими* 'Женщина по имени *Пашит*' имеет зооморфную ипостась лягушки, священное место находится в деревне Большие Шоганы Березовского района [ПМА 2007]. Почти у всех жителей реки Вогулка найдены изображения богини *Пашит-Ими* в виде резиновых лягушек, берестяных фигурок лягушек и множества ракушек. Как пишет А.В. Бауло «Березовские ханты относят их (ракушки) к святым вещам ... и считают, что в раковине рождается лягушки и посылает её людям» [4, 16, 76].

Наряду с рукотворными изображениями домашних духов бытуют случайно обнаруженные, необычные предметы – изделия древнего бронзолитейного производства, наконечники стрел, необычной формы камни. Найденные предметы как бы сами «явились» в семью и, по словам информаторов, их необходимо почитать. Р.К. Бардина пишет, что в Вежакарах жила семья Партановых, которые почитали женского духа-покровителя *Нярас-Най-Эку* 'Лягушка-женщина'. В их семье есть

предание, в котором говорится о том, как лягушка стала семейным духом-покровителем. «В один из мартовских дней, когда стало припекать солнце, дед Партанов вышел из дома и видит – перед входом на снегу сидит большая лягушка. Дед подумал и решил, что это определённый знак – *Нярас-Най-Эка* явилась к ним и хочет быть семейным духом-покровителем. Дед подобрал её, сделал из неё мумию и поместил в отдельный ящик. Так в семье Партановых стали почитать духа-покровителя *Нярас-Най-Эку*» [10, 75, 76]. Анализируя фольклорные тексты, автор заметила, что подобные легенды встречаются на всех территориях проживания хантов и манси.

По мнению А.В. Бауло, «наиболее часто обращались к образу лягушки в Нижнем Приобье, культ которой был в этих местах чрезвычайно распространён. Её почитали в Куновате и в Шишингах. В этих местах, в святом сундуке, хранили изображение лягушки или её шкурки. Преподносили ей угощение перед началом промысловых сезонов и по праздникам» [4, 76].

Восточные ханты богиню в образе лягушки называли *Савырки*. У васьюганских хантов есть поверье, что «молодой мужчина якобы мог «присушить» понравившуюся ему женщину, пришив косточку лягушки к рукаву своей одежды и при первом удобном случае как бы нечаянно прикоснувшись к женщине» [6, 91].

В своих исследованиях Е.П. Мартынова выводит, что *Калтац-Анки* в ипостаси лягушки почиталась всеми хантами [2, 80]. О том, что функции лягушки в мифологии хантов близки функциям *Катмась* заметила З.П. Соколова, которая описала культ лягушки у обских угров [11]. Она заметила, что к лягушке обращались с теми же просьбами и даже с теми же подарками, что и к *Катмась*. З.П. Соколова также считает, что лягушка была не семейным, а скорее, поселковым духом-покровителем в Шишингах [11, 143-154]. А также она считает, что лягушка в начале нашего столетия была семейным или домашним духом-покровителем у отдельных групп хантов [12, 526].

Лягушке приписывали магические свойства привораживания в любви, охранительные функции во время родов, способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды [6, 91]. Её изображению дарили платки после рождения ребёнка. В схеме мирового древа или космологических зон лягушка (вместе с другими хтоническими животными) была приурочена соответственно к корням и к нижнему миру, прежде всего к подземным водам.

Как отмечал В.Н. Топоров: «Лягушка выступает в функции тотемного животного. Она несёт положительную функцию, так как связана с плодородием, землей, женской производящей силой» [13, 84]. У обских угров её почитали члены фратрии *Мось* [14, 15]. Неудивительно, что её (лягушки) изображение нашли многие ученые в священных вещах у почитаемых групп манси и хантов [15, 216], [16, 75], [4, 16].

Исследователи предполагают, в прошлом это был фратриальный культ, ставший впоследствии культом генеалогических групп, принадлежавших к фратрии *Мось*. На стадии культа предков генеалогических групп изображение лягушки стало играть, вероятно, роль «вместилища души–имени», отсюда впоследствии и особая роль, которую придавали ханты изображению лягушки или самой лягушке при родах и в свадебном обряде [12, 521-526].

Таким образом, представление о «между кочек живущей женщине» (о лягушке) распространены повсеместно среди многих локальных групп ханты и манси. Это одно из наиболее крупных женских божеств, почитаемых обскими уграми. Почти в каждой семье имеются легенды, в которых говорится о том, как она стала тотемным животным какого-нибудь рода или семейным духом-покровителем. На каждой территории проживания обских угров богиня в образе лягушки имеет определенные функции, но особенно они проявляются в обряде рождения, через которые лягушка близка с функциями богини *Каттась*.

Литература

1. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предис. и примеч. Н.В. Лукиной, под редакцией Е.С. Новак. – М.: Наука. 1990. – 568 с.
2. Мартынова Е.П. Образ Калтащ-Анки в религиозной традиции хантов. / Е.П. Мартынова. // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург. 1992 г. с. 74-84.
3. Мифология манси / Под редакцией И.Н. Гемуева. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 196 с.
4. Бауло А.В. Культурная атрибутика Березовских хантов. / А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 92 с.
5. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е.И. Ромбандеева. – Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. – 208 с.
6. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: «Наука». Сибирское издательская фирма, 1992. – 136 с.
7. Источники по этнографии Западной Сибири – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. – с. 284.
8. Гемуев, И.Н., Бауло, А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов / И.Н. Гемуев, А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 160 с.
9. Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2000. – 310 с.
10. Бардина, Р.К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII –XXI века) / Р.К. Бардина. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2011. – 291 с.
11. Соколова, З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) / З.П. Соколова. // СЭ. 1975. № 6. – С. 143-154.

12. Ханты и манси: взгляд из XX века. / Соколова З.П. М., 2009. 756 с. 69 п.л.

13. Топоров В.Н. К индоиранскому влиянию в финно-угорской мифологии / В.Н. Топоров. // Финно-угорские народы и Восток. – Тарту, 1975. – 72-76 с.

14. Соколова, З.П. Общее и особенное в религии народов Сибири (конец XIX– начало XX вв.) / З.П. Соколова. // Традиционные ритуалы и верования. Ч.1. – М.4. 1995. – с.7-35.

15. Соколова, З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров / З.П. Соколова. // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века / Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXVII. ЛО. – Ленинград 1971. – с. 211-238.

16. Гемуев, И.Н., Бауло, А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы / И.Н. Гемуев, А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

"Between hummocks living woman" in the culture the Ob Ugrians

Kalachova L.V.

Ob-Ugric Institute of applied research and development

It should be particularly noted that the outward appearance of the spirit of the Ob Ugric peoples have attached great importance. This was carried out with the intention that it was possible on the basis of appearance to distinguish from each other many created spirits-patrons. For these purposes, each the guardian spirit is assigned a certain symbolic image. The article discusses the idea of the frog in the traditional beliefs of the Ob Ugrians. Describes the local site of worship, features, images.

Key words: Ob Ugrians, frog, zoomorphic hypostasis, MIS-Kut-Them, Navert-Ne, NARS Nai Equus, Porexpan-ECA, numitorum, Kattas Them

References

1. Myths, legends, fairy tales by Khanty and Mansi. The lane from the Khanty, Mansi, German languages. Сост., предис. and примеч. N.V. Lukina, under edition E.S. Novak. – M.: Science. 1990. – 568 pages.
2. Martynova E.P. Kaltashch-Anka's image in religious tradition of Khanty. / E.P. Martynova.//Model in cultural science of Siberia and the North. Yekaterinburg. 1992 of page 74-84.
3. Mythology of Mansi / Under I.N. Gemuyev's edition. – Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2001. – 196 pages.
4. A.V. trunk. Cult attributes of Berезovsky of Khanty. / A.V. Baulo. – Novosibirsk: Publishing house Ying-that archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2002. – 92 pages.
5. Rombandeeva E.I. History of the people of Mansi (Voguls) and his spiritual culture (according to folklore and ceremonies) / E.I. Rombandeeva. – Surgut: AIK "Northern House" and North Siberian regional book publishing house, 1993. – 208 pages.
6. Get acquainted: Khanty. – Novosibirsk: "Science". Siberian book-publishing firm, 1992. – 136 pages.
7. Sources on ethnography of Western Siberia – Tomsk: Publishing house Tom. un-that. 1987. – page 284.
8. Gemuyev, I.N., Baulo, A.V. Heavenly rider. Sacrificial covers of Mansi and Khanty / I.N. Gemuyev, A.V. Baulo. – Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2001. – 160 pages.
9. Mythology of Khanty / V.M. Kulemzin, N.V. Lukina, T.A. Moldanov, T.A. Moldanova. – Tomsk: Publishing house Tom. un-that. 2000. – 310 pages.
10. Bardina, R.K. Ugrian population of Nizhnesosvinsky Priobye (XVIII –XXI century) / R.K. Bardina. – Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Science publishing house, 2011. – 291 pages.

11. Sokolova, Z.P. Nakhodki in Shishingakh (a cult of a frog and an Ugrian problem) / Z.P. Sokolova.//SE. 1975. No. 6. – P. 143-154.
12. Khanty and Mansi: a look from the 20th century. / Sokolova Z.P. M., 2009. 756th page 69 of the item of I.
13. Toporov V.N. To the Indo-Iranian influence in Finno-Ugric mythology / V.N. Toporov.//Finno-Ugric people and East. – Tartu, 1975. – 72-76 pages.
14. Sokolova, Z.P. Obshchey and special in religion of the people of Siberia (the end of XIX-the beginning of the 20th centuries) / Z.P. Sokolova.//Traditional rituals and beliefs. P.1. – M.4. 1995. – page 7-35.
15. Sokolova, Z.P. Remnants of religious beliefs at the Ob ugr / Z.P. Sokolova.//Religious representations and ceremonies of the people of Siberia in XIX – the beginning of the 20th century / Collection of Museum of Anthropology and Ethnography. T. XXVII. Leningrad Region. – Leningrad 1971. – page 211-238.
16. Gemuyev, I.N., Baulo, A.V. Sanctuaries of Mansi of upper courses of North Sosva / I.N. Gemuyev, A.V. Baulo. – Novosibirsk: Publishing house Ying-that archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1999. – 240 pages.

Мистерияльная культура (западного богослужения)

Гапанюк Антон Евгеньевич,
преподаватель кафедры философии и теологии, МПИ святого
Иоанна Богослова, antony_e@pisem.net

Данная статья посвящена богослужению Римско-католической Церкви. Она останавливается на проблеме украшения богослужения в разные периоды времени. Статья говорит о трех эпохах в истории римского богослужения и дает сравнение средневековых литургий, традиционных и современных таинств и суточных служб. Украшение служб она называет «мистерияльностью».

Ключевые слова: Месса, служба, средневековая литургия, эпохи богослужения

Введение

В современной литургике нет понятия, которое бы описывало степень красочности служб и вовлеченности их в искусство. Последние качества можно назвать «мистерияльностью». Этот термин попытаемся связать с традицией мистерий, которые были красочны, нежели с традицией средневекового и позднего театра, который происходит отсюда. Будем использовать этот термин по ходу работы.

Сегодня исследования подобного вопроса в рамках литургии не проводятся, что объясняет актуальность данной темы. То же, что исследуют искусствоведы, часто не затрагивает литургику. То есть они останавливаются на исследовании произведений искусства, хотя не все в литургике может быть к ним отнесено. Поэтому мы видим важность данного междисциплинарного исследования. Кроме того, литургия вообще в советский период слабо развивалась в России, что также делает актуальной данную тему.

Кроме этого, нужно отметить, что достижения в других областях, как, например, в отмеченном выше искусствоведении нужно связать с исследованиями по литургике, чтобы в итоге получить целостную картину изучаемого объекта – литургической культуры (культуры богослужения).

В статье мы остановимся на богослужении РКЦ. Многие авторы, пишущие на тему западной литургии, как, например, отец Адриан Фортескью [1], отмечают простоту римского обряда, в противовес пышным церемониям восточных традиций. Но на самом деле все сложнее. Так, после реформ каролингов в римский обряд вкрались элементы мистерияльной культуры из галльского обряда. Это особенно видно в период развитого средневековья. Но попытаемся проследить элементы украшения и торжественности чина в истории. Отметим также, что и на Востоке были своеобразные литургические драмы, как на Западе.

Эпохи в развитии обряда

Можно выделить три эпохи в истории развития римского обряда. Так, изначально он фиксировался в «Ордо» - чинопоследованиях. Аналогично, с того же периода фиксировались и неримские обряды (амвросианский, хотя его и считали родственным римскому, и др.).

Элементы украшения службы мы видим еще в первый период (эпоху). Это, к примеру, традиция держать аколиту патену на Евхаристическом каноне. Схема была примерно следующей:

[---] (алтарь)
ДСД
Д Д
Д Д
а (с патеной)

С – селебрант, Д – диакон, а – аколит

Была традиция стоять на каноне служителям за спиной друг у друга. В прочее время все сидели или выполняли предписанные действия (например, причастие).

Но после первого периода начинается второй период. В нем, после распространения каролингами римского чина на галльские земли, часть старых ритуалов смешалась с новопришедшим римским. Появился обряд каролингов, как его называет русская католическая энциклопедия [2]. В нем говорили «*Rex vobiscum*», читали несколько коллект, пели псалмы и давали благословение после «Отче наш». Все это мы узнаем от авторов Каролингского возрождения. Отчасти данные традиции описал доктор Рок. [3] При этом сам второй период можно начать с XII века, когда заканчиваются основные последние «Ордо». Тогда практически каждая епархия Европы имела свой чин на основе римского обряда. Эти обряды были более красочными, чем изначальный римский чин, что отмечают такие авторы, как доктор Рок. Поэтому тезис Фортеस्कью о простоте римского обряда не поддерживается всеми литургистами. Попробуем привести некоторые данные, подтверждающие обе точки зрения, которые не приводят в русскоязычных изданиях, и это будем считать нашей задачей. Выяснение того, чья позиция по поводу красочности служб римского обряда более правильная, оставим для дальнейших исследований. Таким образом, проведем на русском языке некоторую предварительную работу для получения выводов.

Следует заметить, что западная литургия на русском языке практически не описана, и из текстов издано только «Собрание древних литургий», которое критикуется устно некоторыми литургистами как устаревшее.

Вернемся к основной теме. Как отмечено выше почти каждая епархия Европы имела свой чин на основе римского. В католической энциклопедии [4] отмечено несколько таких чинов. Все они были богаты церемониями, украшавшими литургию. При этом данные церемонии привязывали к тихим молитвам, которые различались в разных чинах. Поэтому опишем эти молитвы в структуре службы. Это будет нашей первой задачей.

Из церемоний была известна подготовка даров. Галльские чины дополнили мессу тихими молитвами и церемониями, которые украсили мессу во второй период, добавив ей красочности (мистериальность).

Попробуем обобщить все доступные нам чины по типам.

В Англии было несколько чинов. Главным был сарумский, его распространила вместо других Мария Кровавая. В книге «The Ancient Liturgy of the Church of England, According to the Uses of Sarum», [5] дается сравнение старых английских обрядов. Попробуем кратко суммировать это. Мы не остановимся на Анафоре, так как она общая почти у всех. Но в некоторых обрядах иерей разводил руки крестом после установительных слов. Укажем и близкий обряд доминиканцев (Юга Франции). Сравнение будем производить по принципу единой структуры богослужения. Так, тихие молитвы будем писать по блокам

друг напротив друга, чтобы совпадение и различие было видно. Тихие молитвы, в основном, находятся до интроита, на оффертории и причастие. После мессы читается тихая молитва, все это видно из сравнения данных чинов.

Sarum Облачение – Veni Creator, Deus qui, Intriobo, Judica, Kyrie, Pater, Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, Ad-jutorium <i>Habete osculum, Aufer, In 117ominee Dominus. Ab ipso</i> Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tro-pus" <i>Dominus sit, Evangelium,</i>	Bangor Облачение – Veni Creator, Deus qui, Intriobo, Judica, Kyrie, Pater, Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, Ad-jutorium <i>Habete osculum, Aufer, In nomine Dominus. Ab ipso</i> Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tro-pus" Dominus sit, Evangelium,	Eborac Омовение рук - Largire sensibus, Intriobo, Judica, Kyrie, Pater, <i>Actiones Nostras, Aures tuae,</i> Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, De-us tu Aufer - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tro-pus" Dominus aperiat, Da mihi, Evangelium, Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta, Acceptum sit</i> - In spiritu, Sit signatum, Orate, Ex-audiat te Canon, Pater	Herford (ближе Рим.) - Intriobo, Judica, Kyrie, Pater, <i>Actiones Nostras,</i> Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, De-us tu Aufer - Adjutorium, Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tro-pus" Dominus sit, Evangelium,	Dominican - <i>Actiones Nostras, In nomine Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, Ad-jutorium</i> - Aufer - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tro-pus" Dominus sit, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium Quid, In nomine, <i>Suscipe Sancta,</i> Lavabo inter In spiritu, Orate Canon, Pater - Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta - Domine Jesu, - Corpus et Quod ore - Postcom-munio, Ite, Placeat Tibi, Benedictio Dei, Evangelium
Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta,</i> Dirigatur Domine, Munda me In spiritu, In 117ominee, Orate, Spiritus Sanctus Canon, Pater	Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta,</i> Dirigatur Domine, Munda me In spiritu, In nomine, Orate, Spiritus Sanctus Canon, Pater	Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Sancte, Pax tibi Deus Pater, Te adoro - Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Sancte, Pax tibi Deus Pater, Te adoro - Postcom-munio, Ite, Placeat Tibi	Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta,</i> Dominus. Ab ipso sis. <i>Suscipe Sancta,</i> Veni Creator, Ora igne In spiritu, Veni Sanctificator, Benedic et, In nomine, Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu, Habete Vinculum Domine Sancte Domine Jesu, Deus Pater, Agimus Tibi Corpus Domini, Sanguis Domini Quod ore Haec nos, Corpus tum, Lavabo Postcom-munio, Ite, Placeat Tibi	Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu, Habete Vinculum Domine Sancte Domine Jesu, Deus Pater, Agimus Tibi Corpus Domini, Sanguis Domini Quod ore Haec nos, Corpus tum, Lavabo Postcom-munio, Ite, Placeat Tibi

Так, из этого сравнения мы видим, что тихие молитвы отличались даже на территории одного

государства, что подтверждается и исследованиями западных литургистов.

Целесообразно также сравнить доступные [6] по сайту обряды Лиона, Картузианцев, Кармелитов с обрядом Парижа по его миссалу [7].

Lyon - <i>In nomine, Introibo, Pone Domine</i> Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Adjutorium</i> Domine exaudi, Coraciores, Deus qui - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" Domine labia, Ab illo, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium Quid, Dixit Jesus, De laetere, Haec oblatione, - In spiritu, Ab illo, Lavabo, Veni Sancte, Suscipe, Orate Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta -, Domine Jesu, - Panem Coelestiam, Corpus Domini Quod ore - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat, Evangelium	Carthusian - <i>In nomine, Pone Domine</i> Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Adjutorium</i> - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" Dominus sit, Evangelium, Credo, Oremus, Offertorium De laetere, In nomine - Lavabo, In spiritu, Orate Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta -, Domine Jesu, - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi	Carmelite - <i>In nomine</i> Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Adjutorium</i> Aufer, Oramus, Ab illo - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" Dominus sit, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium In nomine, Acceptabile, In, <i>Suscipe Sancta</i> , Lavabo inter In spiritu, Orate Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu, Habete vinculum - Domine Jesu Preceptis Domine non, Corpus Domini, Quod, Sanguis Domini, Corpus Tuum Tibi laus Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedictio Dei, Evangelium	Paris - <i>In nomine</i> Judica, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, - Aufer, Oramus, Ab illo - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" Munda, Dominus sit, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium, Adjutorium, Domine Jesu, <i>Suscipe Sancte</i> , Deus qui, Offerimus, In spiritu, Veni, Dirigatur, Lavabo, Sucipecte Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec commixtio Domine Jesu, Pax tibi - Preceptio, Panem - Domine non, Corpus Domini, Quod, Sanguis Domini, Quod ore, Corpus Tuum - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat, Evangelium
--	--	--	---

Это сравнение хорошо показывает разнообразие близких традиций. Так, Лион и Картузианцы тесно связаны, и их обряды, вероятно, являются версиями обряда Лиона разных эпох. Парижский обряд также может быть соотнесен с обрядом кармелитов, видимо, являющимся его более ранней версией. При этом обряды Лиона и Парижа близки тем, что они представляют собой центры галликанской традиции.

Sarum Облачение - Veni Creator, Deus qui, Introibo, Judica, Kyrie, Pater Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Adjutorium</i> <i>Habete osculum,</i> - Aufer, <i>In nomine Dominus. Ab ipso</i> - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" - <i>Dominus sit, Evangelium,</i> Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta</i> , Dirigatur Domine, Munda me - In spiritu, In nomine, Orate, Spiritus Sanctus Canon, Pater - Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Sancte, Pax tibi Deus Pater, Te adoro Domine Jesu, Corporis et Ave in, In nomine, Ave in aeternum, Gratias Tibi, Quod ore Haec nos, Adoramus Crucis - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, In nomine, Evangelium finale	Nidaros Veni Creator, Quam dilecta, Ave Maria, Deus propitius, Benedixisti, Ave Maria, Deus propitius, Inclina Domine, Credidi, De Profundis <i>Veni Sancte, Kyrie, Pater, Convertere Domine, Fac me, Judica, Kyrie, Pater, Introibo</i> Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Deus Tu</i> Aufer, Adjutorium, In - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" - Dominus sit, Da, Evangelium, Per, Credo, Oremus, Offertorium Sanctifica, <i>Suscipe Sanctam, Acceptum, Veni Sanctificator, Incensum</i> Lavabo inter In spiritu, Orate Canon, Pater - Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu, Pax Christi, Pax tecum, Habete vinculum Domine Sancte, Domine Jesu, Panem coelestiam - Domine non, Corpus Domini, Quod, Sanguis Domini, Corpus Tuum, Quod ore Nunc dimittis - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat vos	Braga Ave Maria, <i>Introibo</i> , Sancte Spiritus, Judica, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Deus, Domine Exaudi,</i> - Aufer, Oramus - Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" Benedicite Pater, Ex Laetere Munda, Dominus sit, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium Benedicite Pater, Offerimus Tibi, - In spiritu, Veni Sanctificator, Lavabo, Sucipecte Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu, Fiat commixtio, Domine Jesu, Domine Sancte, Domine Jesu - Domine Jesu Christe Domine Jesu, Panem Domine non, Corpus Domini, Quod, Sanguis Domini, Quod ore, Corpus Tuum - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat vos, antiphona	Clugny -, In nomine Introibo, Judica Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Deus tu</i> - Aufer, Oramus, Adoramus Te, <i>Ab illo</i> Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus" - <i>Munda, Dominus sit, Evangelium,</i> Credo, Oremus, Offertorium <i>Suscipe Sancta, Deus qui, Offerimus,</i> - In spiritu, Veni sanctificator, Incensum istud, Dirigatur Domine, Accendat in, Lavabo inter, Suscipe sancta, Orate, Spiritus Sanctus Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacrosancta Domine Jesu Christe, Domine Jesu, Perceptio corporis, Panem coelestiam - - Domine non, Corpus Domini, Quid retribuam, Sanguis Domini, Quod ore, Corpus Tuum - Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat vos, Evangelium finale
---	---	---	---

При этом также считается, что Сарумский обряд (на основе Руена) повлиял на прочие в Европе. Например, на Брагу и Нидарос. Эта версия даже попала в Википедию [8]. Среди английских об-

рядов можно выделить обряды городов Линкольн, Йорк, Бангор, Херефорд, Абердин и, как особое место - Вестминстерское аббатство. Более независимый от сарумского обряда чин был в Дюрхеме. Так, выделяют также обряды Кельна, Лиона, Нидароса, Упсалы, Эзергома. У монахов – пре-монстрантский, кармелитский, картузианский, до-миниканский, сервитский, цистерианский чины. Но практически каждый древний монашеский орден и территория имели свой обряд.

Сравним обряды Сарума, Нидароса [9] и Браги. С обрядом Браги сравним клюнийский, от которого тот видимо произошел. [10] (*Missale monasticum ad usum sacri ordinis Cluniacensis*).

Но интересно сравнить и два северных обряда Упсалы [11] и Кельна [12].

Cologne	Uppsala Sancti Spiritus, Domine La- bia, Deus in, Veni Creator, psalmi - Quam dilecta, Bene- dixisti, Inclina, Credidi, Lau- date, Appropinquet, Princi- pes, De profundis <i>Veni Sancte, Kyrie, Pater, Emitte, Deus qui, Aures Tuas, Assit nobis, Ure queso, Deus qui, Omnipotens sempeterne, Conscientias nostras, sanctis suis, ante conspectum, Sus- cipe confessionem, Domine Jesu, Sancte spiritus, Domine Pater, Omnipotens sem- peterne, ad fontem, Domine Jesu, Domine Sancte, Om- nipotens et,</i>
- In nomine Adjutorium, Confiteur, Miseratur, Absolutionem, <i>Exaudi quesumus</i> Aufer, Da mihi, Tuam Cru- cem, Pax Christi, Adjutorium	Introibo, Judica, Confitemini, Confiteur, Miseratur, Absolu- tionem, <i>Adjutorium</i> Aufer,
- Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus", In nomine, Et aqua, Deus qui Dominus sit, Evangelium, Per evangelica, Credo, Oremus, Offertorium Lavabo inter In nomine, In Spiritu, Veni, <i>Suscipe Sancta,</i> Orate Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Fiat, Agnus, Domine Jesu, Habete vincu- lum	Introit, Kyrie, Gloria Collect, Epistola, "Gradale, Alleluya, Tract, Tropus"
- Domine Jesu, Praeceptio, Panem	Evangelium, Credo, Oremus, Offertorium <i>Veni Sanctificator, Suscipe Sancta,</i> Lavabo inter In spiritu, Orate
- Domine non, Corpus Domini, Quod, Sanguis Domini, Cor- pus Tuum Quod Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, (Benedictio Dei), Evan- gelium	Canon, Pater Libera nos, Da propitius, Pax Domini, Agnus, Haec sacro- sancta Domine Jesu, Pax, Habete vinculum Domine Sancte Domine Jesu - Corpus Domini, Sanguis Domini, Corpus Tuum Quod ore Postcommunio, Ite, Placeat Tibi, Benedicat vos

Из данных таблиц мы видим, что тихие молитвы сильно различались в разных епархиях Европы. Данные материалы ценны тем, что не были опубликованы в русскоязычных исследованиях. Теперь, имея структуру тихих молитв основных чин, можно по ней сопоставить тихим молитвам церемонии и так исследовать мистериальную культуру, показав, что северные обряды на основе римского были более красочными (украшенными ритуалами и церемония-

ми). Данный вывод делает доктор Рок, описывая це-ремонии обрядов, но, однако, проведенная нами ра-бота по выявлению структуры тихих молитв им не приводится, поэтому мы восполняем материал, ко-торый он не описывает.

Однако следует вернуться к основной теме. Со-гласно исследованиям англичан литургический год, в отличие от триденствия из первого периода, был развит во второй период с одиннадцатого столетия. Появились благословения свечей, пальм, на каждое событие совершалась литурги-ческая драма. На Рождество открывали икону Рождества перед пастухами. На Богоявление кли-рики в каппах шли к Спасителю, на Пасху они шли к Гробу Спасителя и «ангел» приветствовал их. Читали Генеалог [13].

Часть данных традиций сохранилась и в третий период. Этот период - наше время после Второго Ватиканского собора. Его реформы хорошо из-вестны, и их итоги приведены в переведенных на русский язык богослужебных книгах, поэтому мы не будем их описывать.

Часы

Суточные службы – пример минимума мисте-риальности, что следует отметить, продолжая ос-новную тему исследования. Так, только после ве-черни и повечерия могла быть процессия, больше суточные службы ничем не отличались. Это было особенностью Запада. На Востоке, особенно в Константинополе, такие богослужения были очень торжественными.

Исходя из сказанного, нужно заметить, что в отношении суточных служб мистериальность про-являлась гораздо меньше [14].

Но суточные службы также важно отметить, так как их украшала музыка.

Так, практически суточные службы, кроме полу-нощницы, не изменились даже после Второго Ва-тиканского собора [15].

Структуру Вечерни, утрени, повечерия образо-вывали запов «Боже в помощь», гимн (раньше пе-ред библейской песнью), псалмы, чтение с отве-том, библейская песнь, прошения и молитва с от-пустом «Благословим».

Часы не имели библейской песни. А полунощ-ница была после Второго Ватиканского собора превращена в «час чтений» и состояла из инвита-тория, запева, гимна, псалмов, двух чтений с отве-тами и Гимна Амвросия с молитвой.

В средние века было немного иначе. Был инвита-торий, запов, гимн, 1 или 3 ноктурны, затем гимн Ам-вросия и молитва. Ноктурна состояла из псалмов, 3 или 4 (у монахов) чтений с ответами. Монахи в будни добавляли к одной ноктурне еще псалмы с одним чтением, называя это второй ноктурной. После пер-вого часа, ныне отмененного, шел капитул.

Мистериальность в таинствах

Таинства уже по названию были более близки к мистериям. Недаром по английски «mystery» - загад-ка. Там были такие элементы, как евангельское «еффафа», использование воды. Эти вещи были необъяснимы из текста молитв, но украшали службу. Отметим у таинств мистериальность в тексте, а не в

обрядов, так как в плане ритуала и утвари они не торжественны. Таким образом, мистериальность – есть и украшение служб церемониями. Если сравнить тридентские таинства (то есть фиксированные на основе римского чина на Тридентском соборе) [16] и современные, можно увидеть много интересного. Например, что современный чин упрощен. [17]

Крещение в сравнении выглядит так.

В Тридентском обряде Опрос (и перед рукоположением) Quod petis, Preces nostras, Omnipotens sempeterne, Exorcizote (salis), Pax tecum, Deus patrem, Et hoc signum, Aeternam ac justissimam, Ingrediente in templum, Credo, Pater, Exorcizote te, Ephpheta, Abrenuntias, Ego te (olei), Credis, Ego te (Baptisatio), Deus omnipotens, Accipe vestem, Accipe lampadem, Vade in pace (у взрослых в начале psalmi, Omnipotens Sempeterne, Adeste supplicationibus, Da quesumus, и другие молитвы)	После Второго Ватиканского собора возможны разные варианты (например, на литургии) Дорогие родители, И христианская община, Всемогущий вечный, Иез 36, 24-28, Еф. 1, 3-7, Кол 1, 12, Мк 1, 9-11. Молитва верных «Приобщенные к», Святая Мария..., Всемогущий вечный, Да укрепит тебя, Помолимся всемогущему, Дорогие Родители, Отрекаетесь ли, Веруете ли, Н я крещу, Слава Отцу, Бог Всемогущий, Н ты стал, Примите свет, Попросим Господа, Дорогие братья, Отче наш, Господи Боже, Да благословит, Идите и (аналог у взрослых)
---	---

Миропомазание [18] (дадим только «инципиты» - начальные слова молитв, как делали и выше)

Spiritus Sanctus, Adjutorium, Omnipotens Adimple eos, signo te signum, ant. Confirma hoc, Deus qui Ecce sic Benedicat	После крещения Дорогой Н, Помолимся возлюбленные, Боже всемогущий, Приими знамение, Мир тебе.
---	--

Брак

N vis accipere Ego conjungo Adjutorium, Benedic Domine, In nomine, Confirma hoc, Kyrie, Pater, Salvos fac servos, Respice quesumus, На мессе благословляют	Возлюбленные Н, Гимн О Сотворитель, Дорогие Н, Я Н беру тебя, Что Бог, Благослови Боже, В знак, Н Приими это, На мессе Помолимся о, Отче Святой, Ниспошли Н, Благословение – «Бог».
--	---

Исповедь

В исповеди в форме разрешения описаны Miseriatur, Indulgentiam, Dominus noster, Passio Domini, Ego te (разрешение)	Слава Иисусу, Бог да будет, исповедь, Бог Отец (разрешения), Славим Господа, Бог простил, Страдание нашего
--	--

Соборование

Pax huic, Adjutorium, Introeat Domine, Oremus et, Exaudi nos, In nomine, Per istam (помазание), Kyrie, Pater, Salvam, Domine Deus, Respice quesumus, Domine Sancte Могут читаться псалмы и предсмертная литания.	Мир дому, Бог да, Дорогие братья, Сокрушаясь, Мф 8, 5-10, 13, Братья, Боже Отче, Благословен, Через это (помазание), Молим Тебя, Милостивый Боже, Вот Агнец и причастие (возможное)
--	---

Священство

Молитва с вручением атрибутов служения – это поставление в малый чин. Поставление иподиакона после	Чтец - Дорогие сыны, Возлюбленные Братья, Приими книгу Аколит – Дорогие Сыны, Возлюбленные братья, Боже ми-
---	---

литании Videte quibus Oremus Deum Domine Sancte Вручение облачений и книги Апостола Поставление диакона Exaudi quesumus, Auxiliante Domino, Prouehendi Filii, Commune votum, Oremus fratres, Preface, облачение, Exaudi Domine, Domine Sancte Поставление иерея Quoniam fratres, Consecrandi, Oremus fratres, Exaudi, Preface, Deus consecrationum, Hymn Veni Creator, Consecrare, Acipite potestatem, Tuis quesumus, orationes, Поставление епископа Adesto supplicationibus, Episcopus, Oremus fratres, Propitiare Domine, Hymn Veni, Hoc Domine, Unigentum in, Ungantur manus, Deus et, Sustentator, Creator et, ... Domine Deus, Imponimus Domine, Omnipotens Creator, Circumda Domine, Hymn Te Deum, Firmetur, Deus omnium, Sit nomen, (Ad multos)	лостивый, Приими Рукоположение - Досточтимый Отче, Возлюбленные сыны, Желаете ли, Помолимся возлюбленные, литания, Диакон - Всемогущий Боже, вручение атрибута Иерей – Помолимся возлюбленные, Пребудь с нами, Вручение атрибута, Приими приношение. Епископа рукополагают не по францисканской книге
--	---

Причастие совершалось на мессе или на дому для больных.

Confiteor, Miseriatur, Indulgentiam, Ecce Agnus, Corpus Domini, Ad sacram, Panem de coelo, Deus qui, Spiritus, Benedictio Dei.	Во имя Отца, Братья и сестры, Исповедуюсь перед, Да помилует, Господи помилуй, Ин 6, 54-55, Спасительными заповедями, Отче наш, Агнец Божий, Вот Агнец, Господи я не, Тело Христово, Укрепленные святыми, Да Благословит Вас, Идите с миром.
--	--

Заключение

В результате работы было проведено исследование и описание материалов, недоступных на русском языке и в русскоязычной литературе.

Также было введено понятие «мистериальность» - украшение богослужений.

Был поставлен вопрос интеграции различных дисциплин для целостного описания предмета исследования (богослужения), изучаемого с различных сторон.

Были выделены на основании источников три периода развития церемониала в западном богослужении.

Относительно мессы было отмечено, что она стала красочной во второй период своего становления за счет добавления церемоний, которые были связаны с тихими молитвами. Были приведены сравнительные данные о тихих молитвах в различных традициях, отсутствующие в русскоязычных исследованиях.

Относительно суточного богослужения было отмечено его украшение только пением.

Таинства украшались поэтичностью текста более, чем ритуалом, как показывает исследование.

Таким образом, мы видим, что мистериальная культура была привнесена частично в период ста-

новления богослужения (около пятого века), что видно из появившихся после этого периода текстов.

Так, богослужения в католической церкви являются и простыми, и мистериальными (в сравнении с другими традициями), чего в них больше, невозможно определить при данном уровне разработанности вопроса. Но, благодаря приведенным материалам и обобщениям, можно надеяться, что разрешение этого вопроса будет легче осуществить.

Подводя итог статьи, можно сделать одно дополнительное обобщение. Можно сказать, что церковное искусство и культура есть наследие мировой цивилизации. Они не есть необходимая часть обряда. Так, сегодня обряд был изменен. Вместо стихарей используют другие облачения. То есть церковная культура не есть нечто строго церковное. И можно сказать, что неправильным было бороться с церковной культурой секулярным режимом, так как музыка, изображения есть наследие мировой культуры. Мы должны сохранить эти сокровища мистериальной церковной культуры.

В заключение можно сделать два важных вывода.

Особенность мистериальной культуры в том, что она была развита во втором периоде нашего деления.

Ритуал служб, сопровождавший молитвы, также украшал их.

Литература

1. Fortesque A., O'Connell J., Reid A. The Ceremonies of the Roman Rite Described. Burns & Oates, 2009. 504 p.

2. Католическая Энциклопедия. М.: Издательство францисканцев, 2005. 1000 с.

3. Rock D. The church of our fathers as seen in st. Osmunds rite for the cathedral of Salisbury with the dissertations on the belief and ritual in England before and after the coming of the Normans. C. Dolman, 1849. 504 p.

4. Catholic encyclopedia. The Encyclopedia Press, 1913. 799 p.

5. Maskell W. The Ancient Liturgy of the Church of England, According to the Uses of Sarum, Bangor, York and Hereford, and the Modern Roman Liturgy Arranged in Parallel Columns. William Pickering, 1844. 117 p.

6. Synopsis Rituum Occidentium (<http://studialiturgica.org/node/10?language=en>) [цит. 10.05.2016].

7. Missale Parisiense illustrissimi et reverendissimi in Christo patris DD Caroli Gaspar Guillelmi de Vintimille e comitibus Massilie du Luc Parisiensis Archiepiscopi Ducis sancta Clodoalde Paris Francie regii ordinis Sancti Spiritus comendatoris auctoritate ac venerabilis ejusdem ecclesiae capituli consensus editum. Sumptibus Bibliopolarum Usuum Parisiensium, 1739. 773 p.

8. Sarum rite (https://en.wikipedia.org/wiki/Sarum_Rite) [цит. 9.05.2016].

9. Nidaros rite (<http://valleadurni.blogspot.ru/2012/02/use-of-nidaros.html>) [цит. 9.05.2016].

10. Missale monasticum ad usum sacri ordinis Cluniacensis. Typus Petri Simon, ordinis Cluniacensis Typographii, 1733. 659 p.

11. Esskildsen Yelverton E. The Mass In Sweden: Its Development From The Latin Rite, From 1531 To 1917 (1920). Harrison and Sons, 1920. 189 p.

12. Mass in Koln (<http://sacrificium-laudis.blogspot.ru/search/label/The%20Mass%20in%20K%C3%B6ln>) [цит. 9.05.2016].

13. Pearson A.H. The Sarum missal in English. Wipf and Stock Publishers, 2004. 688 p.

14. Breviarium Romanum. ex. Office Plantiniana, 1729. 899 p.

15. Liturgia horarum (www.liturgia-horarum.ru/) [цит. 9.05.2016].

16. Rituale Romanum. J. Lecoffre et Socios, 1853. 548 p.

17. Требник. М.: Издательство францисканцев, 2004. 720 с.

18. Pontificale Romanum Clementis VIII. Apud Rolinum Thierry & Eustachium Foucault, 1615. 499 p.

Mysterial culture (of western rite)

Gapanyuk A.E.

MOI of saint John the Theologian

This article deals with the problem of the worship of the Roman Catholic Church. It focuses on the problem of decoration of worship in the different periods of time. An article tells about three eras in the history of the roman worship and gives a comparison of medieval masses, traditional and modern sacraments and liturgy of the hours. It calls the decoration of worship "mysterial".

Keywords: Mass, worship, medieval liturgy, eras of worship

References

1. Fortesque A., O'Connell J., Reid A. The Ceremonies of the Roman Rite Described. Burns & Oates, 2009. 504 p.

2. The Catholic Encyclopedia. M.: Franciscan Publishing House, 2005. 1000 p.

3. Rock D. The church of our fathers as seen in st. Osmunds rite for the cathedral of Salisbury with the dissertations on the belief and ritual in England before and after the coming of the Normans. C. Dolman, 1849. 504 p.

4. Catholic encyclopedia. The Encyclopedia Press, 1913. 799 p.

5. Maskell W. The Ancient Liturgy of the Church of England, According to the Uses of Sarum, Bangor, York and Hereford, and the Modern Roman Liturgy Arranged in Parallel Columns. William Pickering, 1844. 117 p.

6. Synopsis Rituum Occidentium (<http://studialiturgica.org/node/10?language=en>) [op. 05/10/2016].

7. Missale Parisiense illustrissimi et reverendissimi in Christo patris DD Caroli Gaspar Guillelmi de Vintimille e comitibus Massilie du Luc Parisiensis Archiepiscopi Ducis sancta Clodoalde Paris Francie regii ordinis Sancti Spiritus comendatoris auctoritate ac venerabilis ejusdem ecclesiae capituli consensus editum. Sumptibus Bibliopolarum Usuum Parisiensium, 1739. 773 p.

8. Sarum rite (https://en.wikipedia.org/wiki/Sarum_Rite) [ref. 9/05/2016].

9. Nidaros rite (<http://valleadurni.blogspot.ru/2012/02/use-of-nidaros.html>) [op. 9/05/2016].

10. Missale monasticum ad usum sacri ordinis Cluniacensis. Typus Petri Simon, ordinis Cluniacensis Typographii, 1733. 659 p.

11. Esskildsen Yelverton E. The Mass In Sweden: Its Development From The Latin Rite, From 1531 To 1917 (1920). Harrison and Sons, 1920. 189 p.

12. Mass in Koln (<http://sacrificium-laudis.blogspot.ru/search/label/The%20Mass%20in%20K%C3%B6ln>) [op. 9/05/2016].

13. Pearson A.H. The Sarum missal in English. Wipf and Stock Publishers, 2004. 688 p.

14. Breviarium Romanum. ex. Office Plantiniana, 1729. 899 p.

15. Liturgia horarum (www.liturgia-horarum.ru/) [cit. 9/05/2016].

16. Rituale Romanum. J. Lecoffre et Socios, 1853. 548 p.

17. Trebnik. Moscow: Franciscans' Publishing House, 2004. 720 p.

18. Pontificale Romanum Clementis VIII. Apud Rolinum Thierry & Eustachium Foucault, 1615. 499 p.

Беременность и эпилепсия: акушерские и перинатальные исходы

Цивцивадзе Екатерина Борисовна,
кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник ГБУЗ
МО МОНИИАГ, katerinabrandt@yahoo.com

Рязанцева Елена Валерьевна,
научный сотрудник акушерского наблюдательного отделения.
ГБУЗ МО МОНИИАГ, ev_rjazantseva@mail.ru.

Новикова Светлана Викторовна,
д.м.н., руководитель акушерского наблюдательного отделения
ГБУЗ МО МОНИИАГ, sv_novikova@list.ru.

Бочарова Ирина Ивановна ,
д.м.н., старший научный сотрудник отделения неонатологии
ГБУЗ МО МОНИИАГ, 567891@mail.ru

Климова Инна Владимировна ,
канд. мед. наук, старший научный сотрудник лаборатории пе-
ринатальной диагностики ГБУЗ МО МОНИИАГ,
inna.klimova@gmail.com.

Цель исследования: улучшение акушерских и перинатальных
исходов у беременных с эпилепсией.

Материалы и методы: работа выполнялась на базе акушерских
отделений ГБУЗ МО Московского областного НИИ акушерства
и гинекологии (директор д.м.н. профессор Петрухин В.А.). Про-
веден анализ течения беременности и родов у 129 женщин с
эпилепсией в период с 2014 по 2016 год. Изучены характер
эпилепсии, количество и продолжительность приступов во
время беременности, вид противоэпилептической терапии,
исход беременности, массово-ростовые показатели новорож-
денных, а также перинатальные осложнения.

Ключевые слова: эпилепсия, беременность и роды, противо-
эпилептическая терапия, врожденные пороки развития.

Эпилепсия – сложное по этиологии и патогене-
зу нервно-психическое заболевание с прогресси-
рующим течением, которое характеризуется поли-
морфностью как пароксизмальных проявлений, так
и нарушений психической деятельности. Эпилеп-
сия регистрируется с частотой до 1% в популяции
и считается одним из наиболее распространенных
психоневрологических заболеваний. В России по
данным Минздрава РФ частота встречаемости
эпилепсии составляет от 1,1 до 8,9 случаев на
1000 человек, а в Московской области - 3,9 на
1000 населения [2]. Благодаря повышению каче-
ства диагностики и внедрению в практику новых
противоэпилептических препаратов (ПЭП) со зна-
чительно лучшей переносимостью повысился про-
цент медикаментозной ремиссии, существенно
улучшились качество жизни и адаптация больных
эпилепсией. Физиологические, психологические и
гормональные различия между женщиной и муж-
чиной обуславливают дифференцированный под-
ход к лечению эпилепсии в зависимости от пола
пациента. [2,5]. Эпилепсия у женщин— это осо-
бенный аспект проблемы, поскольку эпилептиче-
ские приступы и длительный прием ПЭП могут
приводить к нарушениям в репродуктивной сфере
женщины [12]. Особенности течения эпилепсии у
женщин обусловлена структурно-
функциональными особенностями гипоталамо-
гипофизарно-яичниковой системы с суточным и
месячным циклическими ритмами; присущими
только ей физиологическими периодами жизни:
беременность, роды, лактация [12]. По данным
российских исследователей от 25% до 40% боль-
ных эпилепсией составляют женщины детородного
возраста. Показаниями для искусственного преры-
вания беременности при эпилепсии согласно при-
казу Министерства здравоохранения и социаль-
ного развития РФ от 3 декабря 2007 г. N 736 "Об
утверждении перечня медицинских показаний для
искусственного прерывания беременности" являют-
ся трудноурабельная эпилепсия с частыми генера-
лизованными припадками, статусное течение забо-
левания, выраженные изменения личности больной.

Цель исследования – изучить длительность те-
чения и характер эпилепсии, количество, про-
должительность приступов во время беременно-
сти, вид противоэпилептической терапии, исход
беременности, сроки и метод родоразрешения,
состояние новорожденных при рождении, в том
числе показатели гемостаза новорожденных.

Пациенты и методы: за период с 2014 по 2016
г.г. в условиях МОНИИАГ проводилось наблюде-

ние и родоразрешение 129 беременных с криптогенной эпилепсией. В ходе исследования использовались общеклинические, ультразвуковые и лабораторные методы диагностики.

Результаты и обсуждения: практикующие неврологи-эпилептологи должны проводить постоянную, планомерную работу среди женщин, больных эпилепсией, учитывая их возможное материнство. С больными обсуждаются вопросы контрацепции с учетом взаимовлияния противозачаточных и контрацептивных гормональных препаратов, необходимо помнить о том, что некоторые антиконвульсанты снижают эффективность контрацепции, что в 10% случаев может привести к нежелательной беременности. Беременность у женщин с эпилепсией должна планироваться, а для ее успешного вынашивания необходимо тесное сотрудничество невролога, акушера-гинеколога, генетика, самой пациентки и ее родственников [2, 13, 26]. Лечению подлежат все беременные с активной эпилепсией, основная цель медикаментозного лечения эпилепсии – достижение ремиссии заболевания [4].

Анализ исходной противозачаточной терапии наших пациенток показал, что в режиме монотерапии, определяемой как «золотой стандарт» лечения эпилепсии, препараты получали 74 женщины. Среди обследованных 3 пациентки самостоятельно отменили ПЭП, а одна снизила дозировку после установления факта беременности. Наиболее часто в режиме монотерапии использовались традиционные антиконвульсанты: вальпроевая кислота у 21 из 74 женщин (28,4%) и карбамазепин у 15 (20,3%) пациенток. Из современных антиконвульсантов у 36 (48,6%) наблюдаемых применялся леветирацетам. По данным ряда авторов тератогенный эффект вальпроатов прямо пропорционален дозам: дозировка препаратов вальпроевой кислоты выше 1000 мг/сутки повышают риск тератогенности в 3 раза и более. Среди обследованных пациенток 14 (11%) беременных получали вальпроаты в дозировке 1000 мг и более в сутки в режиме монотерапии или в комбинации с другими антиконвульсантами на этапе зачатия.

Фокальные эпилептические приступы считаются относительно безопасными для плода. Неконтролируемые генерализованные судорожные приступы (ГСП) представляют серьезную опасность для жизни и здоровья матери и плода. В литературе имеются противоречивые данные о динамике судорожных приступов во время беременности [5,6,8]. Популяционные исследования показывают, что в 15-30% наблюдений имеется учащение приступов, другие исследования со схожим дизайном подтверждают обратное. Учащение приступов объясняется возрастанием объема распределения, более высокой почечной элиминацией ПЭП, измененной активностью печеночных ферментов, а также уменьшенным уровнем белка в плазме крови [7, 9, 14, 25].

Анализ собственных данных свидетельствует, что учащение приступов наблюдалось у каждой четвертой беременной, чаще во 2 и 3 триместрах

(26,3% и 22,5% соответственно), что потребовалось введения дополнительного ПЭП у 9 беременных (7%).

Одним из самых опасных осложнений беременности являются врожденные пороки развития, которые выходят на первое место среди причин, приводящих к детской инвалидности и смертности. Важным этапом в изучении этой проблемы стало создание в 90-х г. прошлого века национальных и международных регистров беременностей по эпилепсии и ПЭП, которые позволили централизовать и систематизировать информацию о безопасности антиконвульсантной терапии [20, 24]. В настоящее время известно, что все ПЭП в большей или в меньшей степени обладают потенциальным тератогенным эффектом и могут вызывать ВПР: мальформации и микроаномалии, а также оказывать негативное влияние на постнатальное развитие когнитивных функций ребенка [3,11,19,21]. Частота встречаемости врожденных мальформаций в общей популяции составляет 2-3%. У детей, рожденных женщинами с эпилепсией на фоне приема ПЭП, этот риск возрастает до 4-9% и более [24]. Большинство исследователей отмечает дозозависимый тератогенный эффект ПЭП, а также указывается, что политерапия во время беременности имеет значительно более высокий риск, чем монотерапия. Механизмы, реализующие тератогенный эффект ПЭП, разнообразны и окончательно не изучены. Все исследователи едины во мнении, что существенным звеном в реализации тератогенного эффекта антиконвульсантов является нарушение метаболизма фолатов, приводящее к дефициту фолиевой кислоты [15].

Рекомендуемое количество фолиевой кислоты для женщин с эпилепсией до настоящего времени находится на стадии бурной дискуссии. В Российской Федерации пациенткам группы высокого риска рекомендован прием фолиевой кислоты в суточной дозе 4-5 мг/сут. Дополнительно к проводимой терапии рекомендуется диета с высоким содержанием фолатов в продуктах питания [16, 17,18].

За период наблюдения с 2014 по 2016 гг было рождено 2 ребенка с ВПР: аномалия развития наружных половых органов (беременная получала вальпроевую кислоту 1500мг + леветирацетам 1000мг) и Spina bifida в другом наблюдении (терапия финлепсином 400-400 мг и фенобарбиталом 100 мг в сутки).

Данные литературы о риске акушерских осложнений у женщин, страдающих эпилепсией, противоречивы. Результаты ретроспективного исследования Borthen, I. et al., (2011) свидетельствуют о повышенном риске развития тяжелой преэклампсии, кровотечений на ранних сроках беременности и операции кесарева сечения с поправкой на возраст матери, образование, курение, состояние здоровья и индекса массы тела > 30 кг/м² [23]. Диагностика и лечение акушерских осложнений проводится по стандартным протоколам.

Анализ собственных данных свидетельствует, что учащение приступов наблюдалось у каждой

четвертой беременной, чаще во II и III триместрах (26,3% и 22,5% соответственно), что потребовало введения дополнительного ПЭП у 9 беременных (7,0%).

У 58 (45,0%) обследованных нами пациенток роды были первыми, первородящих старше 30 лет было 12 (9,3%). Наиболее частыми причинами госпитализации являлись фетоплацентарная недостаточность (n = 17; 13,2%) и угроза прерывания беременности в различные сроки гестации (n = 36; 27,9%), однако в 11 из 36 наблюдений (30,6%) беременные госпитализировались в стационар с формулировкой «угроза прерывания беременности» после развития судорожного приступа. Отеки, обусловленные беременностью, развились у 38 (29,5%) женщин. У 2 пациенток (1,6%) беременность осложнилась умеренной преэклампсией.

По данным литературы, учащение эпилептических приступов во время и после родов наблюдается в 5% случаев и обусловлены изменением дыхания, депривацией сна, болью и эмоциональным стрессом. Однако эпилепсия не является противопоказанием для родов через естественные родовые пути.

Анализ исследований И.Е. Повереновой свидетельствует, что роды через естественные родовые пути произошли в 34,4% наблюдений, в остальных - проводилось плановое кесарево сечение. Во время родов эпилептических приступов у пациенток не возникло [10, 28].

По данным Перинатального Центра г. Красноярска, частота абдоминального родоразрешения у беременных с эпилепсией за 2011 составила 21% от всей экстрагенитальной патологии, явившейся основным показанием для кесарева сечения. В 43,2% наблюдений родоразрешение осуществилось через естественные родовые пути, в 50,0% – путем операции кесарева сечения, в том числе в связи с фоновым заболеванием у матери. В 6,8% случаях способ родоразрешения не известен [27].

Результаты собственных исследований свидетельствуют, что срочные самопроизвольные роды произошли у 108 беременных (83,7%), в том числе в одном наблюдении у беременной с двойней и в одном — у беременной с рубцом на матке после кесарева сечения по поводу эпилепсии. Вакуум-экстракция плода произведена у 3 (2,3%) беременных. Кесарево сечение выполнено 18 (14,0%) пациенткам, из них лишь у 3 женщин эпилепсия явилась основным показанием к оперативному родоразрешению. Судорожных приступов во время родов зарегистрировано не было. Данные о методах родоразрешения беременных с эпилепсией в условиях МОНИИАГ за 2014–2016 гг. представлены на рисунке 1.

Методы обезболивания женщин с эпилепсией не отличаются от общепринятых, предпочтение отдается региональным методам анестезии [1]. Проведенный анализ о методах обезболивания рожениц с эпилепсией в условиях МОНИИАГ свидетельствует о почти 100% применении спинальной анестезии при абдоминальном родоразрешении. В 73 (56,6%) наблюдений при самопроизволь-

ных родах применялось медикаментозное обезболивание. Роды под ДПА были проведены у 7 (5,4%) родоразрешенных пациенток. Комбинированная анальгезия (ДПА в сочетании с наркотическими анальгетиками) была применена у 27 (20,9%) рожениц с эпилепсией.

Рис. 1. Методы родоразрешения беременных с эпилепсией в 2014–2016 гг. в условиях Московского областного научно-исследовательского института акушерства и гинекологии, %

Проведенный анализ клинического состояния новорожденных показал, что дети родились с весом от 2100 до 4250 грамм. Частота рождения новорожденных со ЗВУР I-II степени составили 20%. В удовлетворительном состоянии с оценкой по шкале Апгар 8 на первой минуте родились 85% новорожденных, в состоянии асфиксии средней степени тяжести (оценка по шкале Апгар на первой минуте 5-6 баллов) родились трое детей. На 5 минуте оценка состояния по шкале Апгар у всех детей составила 8 и 9 баллов.

Послеродовой период для женщин, страдающих эпилепсией, является уязвимым в связи с изменением фармакокинетики ПЭП, нарушением качества и продолжительности ночного сна, проблемами грудного вскармливания и послеродовой депрессией, что приводит к учащению эпилептических приступов. Женщины с эпилепсией, принимающих ПЭП, могут кормить грудью, однако часть женщин отказываются от грудного вскармливания, опасаясь негативного влияния ПЭП на ребенка. В то же время, к настоящему времени убедительно показано, что через грудное молоко ребенок получает меньшее количество ПЭП, чем через плаценту во время своего внутриутробного развития [30].

Организация режима сна и бодрствования, избегание сокращения продолжительности ночного сна являются важными шагами для предотвращения эпилептических приступов [2, 13]. Уход за ребенком в ночное время, включая его кормление, могут осуществлять родственники пациентки. Кормление ребенка в течение первых двух недель после родоразрешения рекомендуется осуществлять в положении матери лежа или сидя с целью профилактики травм младенца при возникновении эпилептических приступов в послеродовом периоде.

Неосложненное течение послеродового периода отмечено у всех родильниц, выписаны домой в удовлетворительном состоянии, грудное вскармливание проводилось в 98,5 % наблюдений (у 127 женщин), 2 родильницы с сохраняющимися судорожными приступами на политерапии подавили лактацию по собственному желанию.

Заключение: таким решение о беременности у женщины с эпилепсией должно приниматься обдуманно, а вопросы планирования и ведения беременности, родоразрешения, а также дальнейшего наблюдения за беременной и ребенком требуют индивидуального подхода с учетом всех медицинских, социальных и психологических факторов.

Литература

1. Дмитренко Д.В., Шнайдер Н.А., Егорова А.Т., Бочанова Е.Н., Веселова О.Ф. Кантимирова Е.А., Садыкова А. В., Шаповалова Е.А. Эпилепсия и беременность: монография. М.: Медика; 2014. 142 с. [Dmitrenko D.V., Shnaider N.A., Egorova A.T., Bochanova E.N., Veselova O.F., Kantemirova E.A., Sadikova A.V., Shapovalova E.A. Epilepsiya i beremennost': monografiya. M.: Medika; 2014. 142 s. (in Russian)]
2. Власов П.Н., Планирование и ведение беременности у женщин, страдающих эпилепсией 2004
3. Adab N., Kini U., Vinten J. et al. The longer term outcome of children born to mothers with epilepsy // J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry. 2004. - 75. - P. 1575-1583
4. Battino D, Tomson T, Bonizzoni E, Craig J, Lindhout D, Sabers A, Perucca E, Vajda F; EURAP Study Group. Seizure control and treatment changes in pregnancy: observations from the EURAP epilepsy pregnancy registry. // *Epilepsia*. 2013 Sep;54(9):1621-7
5. Карлов В.А., Власов П.Н., Краснопольский В.И., Петрухин В.А. Терапевтическая тактика при эпилепсии во время беременности: Методические указания № 2001/130. Москва, 2001. - 15с
6. Pilo C, Wide K, Winbladh B. //Pregnancy, delivery, and neonatal complications after treatment with antiepileptic drugs // *Acta Obstet Gynecol Scand*. 2006;85(6):643-6;
7. Reisinger TL, Newman M, Loring DW, Pennell PB, Meador KJ. // Antiepileptic drug clearance and seizure frequency during pregnancy in women with epilepsy. // *Epilepsy Behav*. 2013 Oct;29(1):13-8
8. Richmond JR, Krishnamoorthy P, Andermann E, Benjamin A. // Epilepsy and pregnancy: an obstetric perspective // *Am J Obstet Gynecol*. 2004 Feb;190(2):371-9
9. Pennell P.B. // Antiepileptic drug pharmacokinetics during pregnancy and lactation. // 2003 Sep 1;61(6 Suppl 2):S35-42
10. Повереннова И.Е., Якунина А.В., Кузнецова Т.В., Кордонская И.С. // Результаты работы противэпилептической службы на территории самарской области. Саратов. Научно-мед журн. 2012; 8(2): 505-509
11. Meador K. Anatomical and Behavioral Effects of in Utero Exposure to Antiepileptic Drugs. *Epilepsy Currents*, 2005, vol 5, issue 6, pp. 212-216
12. Карлов В.А., Адамян Л.В., Жидкова И.А. и др. Эпилепсия и материнство // Ж. Новая Аптека. 2009. - № 3. - С. 89 – 93
13. Yerby M. Pregnancy and the Mother with Epilepsy. *North Pacific Epilepsy Research*. 2006. // www.seizures.net
14. Nakken K.O., Lillestolen K.M., Tauboll E. et al. Epilepsy and pregnancy—drug use, seizure control and complications *Tidsskr. Nor Laegeforen*. 2006; 126(19): 2507–25010
15. Wilson R.D., Davies G., Desilets V. et al. The use of folic acid for the prevention of neural tube defects and other congenital anomalies. *J. Obstet. Gynaecol. Can*. 2003; 25(11): 959–973
16. Барашнев Ю.И. Эмбриофетопатии: патогенез, клиника, диагностика, профилактика. *Рос. вест. перинат. и педиат.* 2010; 55(4): 6-12
17. Бицадзе В. О., Макацария А. Д. Принципы профилактики развития дефектов нервной трубки плода. *Фарматека*. 2007; 1: 26-28
18. Гродницкая Е.Э. Фолацин в профилактике дефектов нервной трубки. *Журн. акуш. и жен.бол.* 2010; LIX(3): 87-91
19. Tomson T, Battino D, Bonizzoni E, Craig J, Lindhout D, Sabers A, Perucca E, Vajda F; EURAP study group. Dose-dependent risk of malformations with antiepileptic drugs: an analysis of data from the EURAP epilepsy and pregnancy registry. *Lancet Neurol*. 2011 Jul;10(7):609-17
20. Holmes L.B., Wyszynski D.F. (2004) North American antiepileptic drug pregnancy registry. *Epilepsia* 45: 1465
21. Tomson T, Battino D. // Teratogenic effects of antiepileptic drugs. // *Lancet Neurol*. 2012 Sep;11(9):803-13
22. Harden C.L. Pregnancy and epilepsy. // *Semin Neurol*. – 2007. – V. 27(5). – P. 453-9
23. Borthen I, Eide MG, Daltveit AK, Gilhus NE. *BJOG*. 2011 Jul;118(8):956-65. Obstetric outcome in women with epilepsy: a hospital-based, retrospective study
24. The EURAP Study Group. Seizure control and treatment in pregnancy. Observations from the EURAP Epilepsy Pregnancy Registry // *Neurology*. 2006. -66.-P. 353-360.
25. Vajda F.J.E., Hitchcock A., Graham J. et al. Seizure control in antiepileptic drug-treated pregnancy // *Epilepsia*. — 2008. — Vol. 49(1). — P. 172-176
26. Власов П.Н. Беременность при эпилепсии, проблемы и перспективы. // Эпилепсия и пароксизмальные состояния 2011; 4: 45-4
27. Архипов В.В., Хайруллина Ф.Л., Радутный В.Н. Течение беременности и родов у женщин с эпилепсией. *Мед. Альманах* 2008; 4: 72-74
28. Повереннова И.Е., Якунина А.В., Калинин В.А. Оптимизация тактики ведения женщин детородного возраста, страдающих эпилепсией. *Мед. Альманах*. 2011. 14(1): 180-183.
29. American Academy of Pediatrics Committee on Drugs. Transfer of drugs and other chemicals into human milk. *Pediatrics*. 2001; 108(3): 776-789

30. Калиматова Д.М., Шатунова Е.П., Имиева Т.Б. Клинические и патогенетические особенности течения гриппа А H1N1 у беременных//Иновации и инвестиции. 2015. №1. с.191-193

Pregnancy and epilepsy: obstetric and perinatal outcomes
Tsivtsivadze E.B., Ryazantseva E.V., Novikova S.V., Bocharova I.I., Klimova I.V.

Moscow Regional Scientific Research Institute of Obstetrics and Gynecology

The work was carried out on the basis of Moscow Regional Scientific Research Institute of Obstetrics and Gynecology (Director M. D. Professor Petrukhin V. A.). An analysis of the course of pregnancy and childbirth in 129 women with epilepsy between 2014 and 2016 was conducted. The nature of epilepsy, the number, duration of seizures during pregnancy, the type of antiepileptic therapy, the outcome of pregnancy and the timing of delivery, the mass-growth rates of newborns, and perinatal complications were studied.

Keywords: Epilepsy, pregnancy and childbirth, antiepileptic therapy, congenital malformations.

References

1. Dmitrenko DV, Schneider NA, Egorova AT, Bochanova EN, Veselova OF, Kantimirova EA, Sadykova AV, Shapovalova EA Epilepsy and pregnancy: a monograph. M.: Medica; 2014. 142 p. [Dmitrenko D.V., Shnaider N.A., Egorova A.T., Bochanova E.N., Veselova O.F., Kantemirova E.A., Sadikova A.V., Shapovalova E.A. Epilepsiya i beremennost': monografiya. M.: Medika; 2014. 142 s. (in Russian)]
2. Vlasov PN, Planning and conducting pregnancy in women suffering from epilepsy 2004
3. Adab N., Kini U., Vinten J. et al. The longer term outcome of children born to mothers with epilepsy // J. Neurol. Neurosurg. Psychiatr. 2004. - 75. - P. 1575-1583
4. Battino D, Tomson T, Bonizzoni E, Craig J, Lindhout D, Sabers A, Perucca E, Vajda F; EURAP Study Group. Seizure control and treatment changes in pregnancy: observations from the EURAP epilepsy pregnancy registry.// *Epilepsia*. 2013 Sep; 54 (9): 1621-7
5. Karlov VA, Vlasov PN, Krasnopolsky VI, Petrukhin VA Therapeutic tactics for epilepsy during pregnancy: Guidelines No. 2001/130. Moscow, 2001. - 15s
6. Pilo C, Wide K, Winbladh B. // Pregnancy, delivery, and neonatal complications after treatment with antiepileptic drugs // *Acta Obstet Gynecol Scand*. 2006; 85 (6): 643-6;
7. Reisinger TL, Newman M, Loring DW, Pennell PB, Meador KJ.//Antiepileptic drug clearance and seizure frequency for women with epilepsy.// *Epilepsy Behav*. 2013 Oct; 29 (1): 13-8
8. Richmond JR, Krishnamoorthy P, Andermann E, Benjamin A. // Epilepsy and pregnancy: an obstetric perspective // *Am J Obstet Gynecol*. 2004 Feb; 190 (2): 371-9
9. Pennell P.B.// Antiepileptic drug pharmacokinetics during pregnancy and lactation. // // 2003 Sep 1; 61 (6 Suppl 2): S35-42
10. Poverennova IE, Yakunina AV, Kuznetsova TV, Kordonskaya IS // Results of the antiepileptic service in the Samara region. *Saratov. Scientific and medical journal*. 2012; 8 (2): 505-509

11. Meador K. Anatomical and Behavioral Effects of in Utero Exposure to Antiepileptic Drugs. *Epilepsy Currents*, 2005, vol. 5, issue 6, pp. 212-216
12. Karlov VA, Adamyan L.B., Zhidkova I.A. and others. Epilepsy and motherhood // *J. New Pharmacy*. 2009. - No. 3. - P. 89 - 93
13. Yerby M. Pregnancy and the Mother with Epilepsy. *North Pacific Epilepsy Research*. 2006. // www.seizures.net
14. Nakken K.O., Lillestolen K.M., Tauboll E. et al. Epilepsy and pregnancy-drug use, seizure control and complications *Tidsskr. Nor Laegeforen*. 2006; 126 (19): 2507-25010
15. Wilson R.D., Davies G., Desilets V. et al. The use of folic acid for the prevention of neural tube defects and other congenital anomalies. *J. Obstet. Gynaecol. Can*. 2003; 25 (11): 959-973
16. Barashnev Yu.I. Embryophytopathies: pathogenesis, clinic, diagnosis, prevention. *Ros. West. perinatol. and the pediatricist*. 2010; 55 (4): 6-12
17. Bitsadze VO, Makatsaria AD Principles of preventing the development of neural tube defects in the fetus. *Pharmatec*. 2007; 1: 26-28
18. Grodnitskaya E.E. Folic acid in the prevention of neural tube defects. *Jurn. Akush. and women*. 2010; LIX (3): 87-91
19. Tomson T, Battino D, Bonizzoni E, Craig J, Lindhout D, Sabers A, Perucca E, Vajda F; EURAP study group. Dose-dependent risk of malformations with antiepileptic drugs: an analysis of the data from the EURAP epilepsy and pregnancy registry. *Lancet Neurol*. 2011 Jul; 10 (7): 609-17
20. Holmes L.B., Wyszynski D.F. (2004) North American antiepileptic drug pregnancy registry. *Epilepsia* 45: 1465
21. Tomson T, Battino D. // Teratogenic effects of antiepileptic drugs.// *Lancet Neurol*. 2012 Sep; 11 (9): 803-13
22. Harden C.L. Pregnancy and epilepsy. // *Semin Neurol*. - 2007. - V. 27 (5). - P. 453-9
23. Borthen I, Eide MG, Daltveit AK, Gilhus NE. *BJOG*. 2011 Jul; 118 (8): 956-65. Obstetric outcome in women with epilepsy: a hospital-based, retrospective study
24. The EURAP Study Group. Seizure control and treatment in pregnancy. Observations from the EURAP Epilepsy Pregnancy Registry // *Neurology*. 2006. -66.-P. 353-360.
25. Vajda F.J.E., Hitchcock A., Graham J. et al. Seizure control in antiepileptic drug-treating pregnancy // *Epilepsia*. - 2008. - Vol. 49 (1). - P. 172-176
26. Vlasov P.N. Pregnancy in epilepsy, problems and prospects. // *Epilepsy and paroxysmal conditions of 2011*; 4: 45-4
27. Arkhipov VV, Khairullina FL, Radutny VN The course of pregnancy and childbirth in women with epilepsy. *Honey. Almanac* 2008; 4: 72-74
28. IE Poverennova, AV Yakunina, VA Kalinin. Optimization of the tactics of conducting women of childbearing age, suffering from epilepsy. *Honey. Almanac*. 2011. 14 (1): 180-183.
29. American Academy of Pediatrics Committee on Drugs. Transfer of drugs and other chemicals into human milk. *Pediatrics*. 2001; 108 (3): 776-789
30. Kalimatova D.M., Shatunova E.P., Imieva T.B. Clinical and pathogenetic features of the course of influenza A H1N1 in pregnant women // *Innovations and Investments*. 2015. No1. p. 191-193

Динамика уровня некоторых метаболитов углеводного обмена в крови у детей, подростков и юношей, проживающих в условиях высокогорья Дагестана

Магомедова Мадина Алиасхабвна

кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и биологической химии, Дагестанский государственный медицинский университет, madi1975@bk.ru

Арбуханова Мика Сапиюлаевна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и биологической химии, Дагестанский государственный медицинский университет

Работа посвящена по изучению уровня некоторых метаболитов углеводного обмена в крови у детей и подростков, проживающих в условиях высокогорья Дагестана. Получены данные по определению концентрации таких метаболитов как глюкоза, галактоза, гликоген, лактат и пируват в крови у детей и подростков Дагестана, в частности проживающих в условиях высокогорья выявлены определенные закономерные изменения этих метаболитов в исследованные возрастные периоды. Ключевые слова: глюкоза, галактоза, гликоген, пируват, лактат, дети, подростки, высокогорье, Дагестан

Способность человека переносить воздействие экстремальных ситуаций в значительной мере зависит от индивидуальных особенностей физиологической реактивности организма, скорости включения и эффективности деятельности механизмов адаптации в различные возрастные периоды и в различные сезоны года. В период роста, развития и существования живых организмов, в том числе и человека необходимым условием является согласованность их внутренних биологических процессов с циклически изменяющимися условиями. Эта согласованность проявляется в ритмичности физиолого-биохимических метаболических процессов и направлен на поддержание внутреннего постоянства обеспечивающего оптимальную жизнедеятельность организма при различных природно-климатических условиях. По мнению ведущих ученых (9,10), только полноценная гормонально-метаболическая перестройкой физиологических функций может обеспечить возможность полноценного существования в этих условиях.

Большое значение в повышении устойчивости организма детей и подростков к действию экстремальных климатических факторов придается адаптивным метаболическим перестройкам мембран клеток. Получены данные о том, что гомеовязностная адаптация мембран к холоду и гипоксии сопровождается накоплением в них липидов и перестройкой, фосфолипидов, делающих мембрану более стабильной(12). Кроме того некоторые учёные отмечают определенную зависимость и в показателях углеводного обмена в крови у людей, проживающих в различных природно-климатических условиях (2,5,7).

Сезонность показателей углеводного, а также липидного обмена прослеживаемая, в частности у жителей различных регионов подтверждает первостепенное влияние гелиогеофизических и метеорологических факторов на протекание метаболических процессов в регионах с контрастными сменами природных условий и важность адаптации к этим факторам в сохранении здоровья.

В связи с этим изучение биохимических сторон функционирования организма имеет существен-

ное значение, поскольку в период роста и развития организма детей и подростков, проживающих в различных природно-климатических условиях, очевидно и происходят существенные изменения, как в морфологическом, так и функциональном отношениях. В реализации данных функций важное значение принадлежит глюкозе, галактозе гликогену, лактату, пирувату (1). В тоже время результаты исследований в этом плане единичны и полученные данные иногда противоречивы.

Исходя из этих предпосылок, нами были проведены исследования некоторых метаболитов углеводного обмена в крови у детей и подростков проживающих в высокогорных условиях Дагестана.

Объектом исследований были дети и подростки, проживающие в высокогорных условиях Дагестана (Хунзах), в возрасте 7, 10, 13, 15, 18 лет. Исследования проводили осенью и весной. Для проведения исследований в возрастном аспекте нами были подобраны и по принципу аналогов (возраст, масса тела, рост, здоровье) 35 учеников (17 мальчиков и 18 девочек)

Методы биохимических анализов

Подготовка образцов тканей для анализов. Образцы крови для анализа метаболитов углеводного обмена (глюкозы, гликогена, галактозы, лактата и пирувата) стабилизировали и гепарином, немедленно центрифугировали и слитую плазму хранили в морозильной камере холодильника до проведения анализов. Все анализы проводили в 3-4 кратности (паффаллеях).

Уровень глюкозы в крови определяли глюкозо-оксидазным методом, модифицированным Абдулнатиловым и Газдаровым (1977), концентрацию гликогена определяли по методу Pflciclerer (1963), определение пирувата (пировиноградной кислоты) проводили по методике Fricleman Naugen (1943).

Результаты анализов обрабатывали общепринятым методом вариационной статистики Стьюденту – Фишеру, описанным у Асатиани (1965).

Результаты исследований

Полученные результаты исследований показывают практически однозначные изменения уровня изученных метаболитов в исследованные возрастные периоды. Эта однозначность заключается в том, что содержание глюкозы в крови значительно увеличивается в исследованные возрастные периоды, и в частности оно составляло $75,4 \pm 2,5$ мг% (в возрасте 7 лет) и $115,4 \pm 2,7$ мг% (в возрасте 18 лет), осенью соответственно. С 7-ми до 18 лет уровень глюкозы в крови возрос значительно. В весенний период также отмечается аналогичное увеличение глюкозы в крови у детей и подростков в исследованные возрастные периоды, и оно составляло $70,3 \pm 2,3$ - $107,3 \pm 3,5$ мг %, соответственно в возрасте 7 и 18 лет (табл).

Содержания гликогена в крови у детей у подростков изменяется аналогично, как и глюкоза, однако в количественном отношении его содержание значительно меньше, чем глюкоза (табл). В весенний период содержание гликогена в крови у детей

и подростков незначительно меньше, в сравнении с осенним периодом, и оно составляет $6,3 \pm 0,7$ мг/100 мл (в возрасте 7 лет) и $19,4 \pm 1,7$ мг/100 мл (возрасте 18 лет). В осенний период содержание гликогена в крови в возрасте 7 лет составляет $6,7 \pm 0,9$ мг/100 мл и $20,5 \pm 2,1$ мг/100 мл в возрасте 18 лет. Результаты исследований по определению галактозы в крови у детей и подростков показывают увеличение их содержания с возрастом. В частности содержание галактозы в крови у детей в возрасте 7 лет составляет $2,8 \pm 0,3$ мг/100 мл (осенью) и $2,4 \pm 0,2$ мг/100мл (весной). В возрасте 18 лет концентрация галактозы в крови у подростков составляет $4,9 \pm 1,0$ мг/100 мл (осенью) и $4,7 \pm 0,6$ мг/100 мл (весной).

С 7-ми до 18-летнего возраста содержания галактозы в крови у детей и подростков увеличивается более чем в два раза.

Содержание лактата (молочной кислоты) изменяется более существенно в крови у детей и подростков в исследованные возрастные периоды (табл). По мере роста и развития детей и подростков содержание лактата в крови у детей подростков проживающих в условиях высокогорья постепенно возрастает и в возрасте 18 лет составляет $17,4 \pm 2,1$ мг% и $15,5 \pm 1,3$ мг% осенью и весной, соответственно. В возрасте 7 лет содержание лактата в крови у детей составляет $3,0 \pm 0,3$ мг % (осенью) и $2,6 \pm 0,1$ мг% (весной). С 7-ми до 18 лет содержание лактата в крови у детей и подростков увеличивается более чем 2.5 раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня некоторых метаболитов углеводного обмена в крови у детей, подростков и юношей, проживающих в условиях высокогорья Дагестана (Хунзах)

Примечание: в числителе, показатели осенью; в знаменателе – весной.

Показатели	В О З Р А С Т (лет)				
	7	10	13	15	18
Глюкоза, мг%	$75,4 \pm 2,5$	$92,5 \pm 2,6$	$97,1 \pm 5,3$	$99,4 \pm 3,8$	$115 \pm 2,7$
	$70,3 \pm 2,3$	$79,1 \pm 2,4$	$80,9 \pm 3,7$	$87,1 \pm 4,3$	$107,3 \pm 3,5$
Гликоген, мг/100 мл	$6,7 \pm 0,9$	$7,7 \pm 1,0$	$10,9 \pm 0,7$	$14,5 \pm 1,3$	$20,5 \pm 2,1$
	$6,3 \pm 0,7$	$7,2 \pm 0,9$	$9,1 \pm 0,5$	$13,7 \pm 1,5$	$19,4 \pm 1,7$
Галактоза, мг%	$2,8 \pm 0,3$	$3,6 \pm 0,5$	$3,9 \pm 0,7$	$4,5 \pm 0,6$	$4,9 \pm 1,0$
	$2,4 \pm 0,2$	$3,4 \pm 0,6$	$3,7 \pm 0,3$	$4,0 \pm 0,4$	$4,7 \pm 0,6$
Лактат, мг%	$3,0 \pm 0,3$	$3,7 \pm 0,4$	$7,4 \pm 0,4$	$11,3 \pm 0,9$	$17,4 \pm 2,1$
	$2,6 \pm 0,1$	$3,3 \pm 0,3$	$6,5 \pm 0,7$	$10,5 \pm 0,8$	$15,5 \pm 1,3$
Пируват, мг/100 мл.	$0,15 \pm 0,01$	$0,27 \pm 0,04$	$0,45 \pm 0,05$	$0,67 \pm 0,1$	$0,81 \pm 0,04$
	$0,13 \pm 0,3$	$0,23 \pm 0,03$	$0,31 \pm 0,03$	$0,51 \pm 0,2$	$0,75 \pm 0,03$

Концентрация пирувата (пировиноградная кислота) в крови у детей и подростков увеличивается аналогично, как и лактат (молочная кислота). Однако, в количественном отношении, содержание пирувата в крови существенно ниже, чем лактат. Содержание пирувата в крови у детей в возрасте 7 лет составляет $0,15$ мг/100 мл $\pm 0,01$ (осенью) и $0,13 \pm 0,03$ мг/100 мл (весной). В 18-летнем возрасте содержание пирувата в крови составляет осенью- $0,81 \pm 0,04$ мг/100 мл и весной – $0,75 \pm 0,03$ мг/100 мл. (табл).

Исследования метаболизма углеводов, липидов, белков на основании определения промежу-

точных продуктов или метаболитов, очевидно, имеет существенное значение в выявлении определенных закономерностей метаболических процессов протекающих в организме, особенно в различные возрастные периоды, а также в зависимости от природно-климатических условий. Содержания в крови таких метаболитов как глюкоза, галактоза, лактат, пируват, гликоген и т.д., зависит от многочисленных факторов в том числе от природно-климатических, что позволяет в действительности отнести их более важным звеньям метаболизма. Полагают, что формирование определенного метаболизма могло быть связано с переходом на новый уровень энергообеспечения, необходимый для проживания в данных условиях (4,5). Известно, что уровень основного обмена у коренных жителей Севера повышен на 30% по сравнению с жителями умеренных широт (3,8). Повышение основного обмена, как предполагают ученые (6), является физиологической адаптацией, обусловленному влиянием метеорологических и гомеоофизических факторов.

Полученные результаты исследований свидетельствуют о однозначном изменении уровня изученных метаболитов углеводного обмена, в условиях высокогорья Дагестана, осенью и весной.

Литература

1. Абдулнатилов А.И., Газдаров В.М. К определению глюкозы в крови глюкозооксидазным методом // Бюллетень ВНИИФБиП с-х животных, 1977-в.2(45) с.77-79
2. Авцын А.П. Жаворонок А.А., Марычев А.Г., Милованов А.П. Патология человека на Севере М.: Медицина, 1985. 415 с.
3. Казначеев В.П. Механизмы адаптации человека в условиях высоких широт Л.: Медицина, 1980. 200 с.
4. Панин Л.Е. Гомеостаз проблема приполярной медицины (метаболические аспекты адаптации) // с Бюлл. СО РАМН. 2010. Т3 №3. с 6-11
5. Панин Л.Е. Энергетические аспекты адаптации Л.: Медицина, 1978. 192 с
6. Петрова Т.Б., Бычков Я.И., Бычкова Ф.А., Власова О.С., Третьякова Т.В., Жилина Л.П. Изменение параметров углеводного обмена у плавсостава Северного бассейна // Экология человека. 2009 №8 с 12-18
- 7(12). Зайцева О.И., Терещенко В.П., Колодяжная Т.А., Дворяшина Е.М. Адаптивные вариации фосфолипидного состава мембран эритроцитов у детей различных регионов Сибири // Сиб. Мед. Обзрен. 2008. Т. 51, №3 с 18-21
8. Снодграсс Д.Д., Роув В.Р., Тарская Л.А., Климова Т.М., Федоров В.И., Балтиханова М.Е., Кривошалькин В.Г. Метаболическая адаптация якутов (САХА) // Якутский медиц. журнал 2011. №2 с. 1-14.

9. Хаснулин В.И. Введение в полярную медицину. Новосибирск.: СО РАМН, 1998. 337 с.

10. Хаснулин В.И. Хаснулина А.В. этнофизиологические механизмы выживания коренных жителей Севера в экстремальных климатогеографических условиях. Проблема здравоохранения и социального развития Арктической зоны России. М.: Paulgen, -2011. с.254-267.

11. Frideman, Haugen G.E. Puruvic acid. The determination of keto acids in blood and urine // J. Bid. Chem.-1943. v.147. №2. P. 415-442

12. Pfeleicler L., Bergmeyer H., Methods of Enzymic Analysis. Acad. Press №7. London-1963, P.59-62.

13. Котова Т.Г., Гуринов А.В. Новейшие исследования в области криохирургии новообразований лёгких // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2015. № 12. С. 145-147.

Dynamics of level of some metabolites of carbohydrate metabolism in the blood children adolescents living in high mountains of Dagestan

Magomedova M.A., Ermuhanova M.S.

Dagestan state medical University

Work is devoted to study the level of some metabolites of carbohydrate metabolism in the blood of children and adolescents living in the highlands of Dagestan. The data obtained for the determination of the concentration of such metabolites as glucose, galactose, glycogen, lactate and pyruvate in the blood in children and adolescents Dagestan, particularly living at high altitude identify certain regular changes of these metabolites in the investigated age periods.

Key words: glucose, galactose, glycogen, pyruvate, lactate, children, adolescents, highlands, Dagestan

References

1. Abdulatipov A. I., Gazdarov, V. M., determination of glucose in blood glucoseoxidase method // Bulletin Vniifbip's animals, 1977-V. 2(45) p. 77-79
2. Avtsyn, A. P., Lark A. A., Marychev, A. G., Milovanov A. P. Pathology of the North, M.: Medicine, 1985. 415 S.
3. Kaznacheev V. P. Mechanisms of human adaptation to high latitudes L.: Medicine, 1980. 200 S.
4. Panin L. E. Homeostasis of the problem circumpolar medicine (metabolic aspects of adaptation) // bull. RAMN. 2010. T3 No. 3. 6-11
5. Panin L. E. Energetic aspects of adaptation I.: Medicine, 1978. 192 with
6. Petrova T. B., Bychkov Y. I., Bychkov, F. A., Vlasova O. S., Tretyakova T. V., Zhilina L. P. Change of parameters of carbohydrate metabolism in fleet personnel of the Northern basin // human Ecology. 2009 No. 8 with 12-18
- 7(12). Zaitseva O. I., Tereshchenko V. P., Kolodyazhnaya T. A., E. M. Dvorjashina Adaptive variation of phospholipid composition of erythrocyte membranes in children of different regions of Siberia, Sib. Medits. Obozre. 2008. T. 51, No. 3, 18-21
8. Snodgrass D. D., Rowe, V. R., Tarskaya, L. A., Klimova T. M., Fedorov V. I., Baltahinova M. E., V. G. Krivoshapkin Metabolic adaptation of the Yakuts (SAKHA) // Yakut medits. log 2011. No. 2, p.1-14.
9. Hasnulin V. I. Introduction into polar medicine. Novosibirsk.: SB RAMS, 1998. 337 p.
10. Hasnulin, V. I., A. V. Hasnulin atenciosamente the survival mechanisms of populations in extreme climatic conditions. The problem of health and social development of the Arctic zone of Russia. M.: Paulgen, -2011. with.254-267.
11. Frideman, Haugen G. E. Puruvic acid. The determination of keto acids in blood and urine // J. Bid. Chem.-1943. v.147. No. 2. P. 415-442
12. Pfeleicler L., Bergmeyer H., Methods of Analysis Enzymic. Acad. Press No. 7. London 1963, P. 59-62.
13. Kotova T. G., Gurin A. V. The latest research in the field of cryosurgery of lung neoplasms // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2015. No. 12. P. 145-147.

Оценка стресс-ориентированных психофизиологических показателей и состояние цитокинового профиля ротовой жидкости на фоне различных моделей питьевого поведения

Мельник Кристина Николаевна,

соискатель, кафедра физиологии с курсом безопасности жизнедеятельности и медицины катастроф, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, melnikkn@mail.ru

Баишева Гульнара Максимовна,

д.м.н., профессор кафедры физиологии с курсом безопасности жизнедеятельности и медицины катастроф, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет»

Гильмиярова Фрида Насыровна,

д.м.н., профессор кафедры фундаментальной и клинической биохимии с лабораторной диагностикой ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет»

Алпатова Татьяна Алексеевна,

врач клинической лабораторной диагностики, заведующая СПИД-диагностической и иммунологической лаборатории ГБУЗ СО "ТГКБ №5"

В рандомизированном плацебо-контролируемом двойном слепом исследовании приняло участие 192 молодых человека. Изучались стресс-ориентированные психофизиологические показатели и состояние цитокинового профиля ротовой жидкости (ИЛ-1, ИЛ-4, ИЛ-6, α -ФНО, ИНФ γ) на фоне различных моделей питьевого поведения. В результате разработана схема предобработки ротовой жидкости для определения цитокинов и α -амилазы, выявлены уровни этих маркеров и выдвинута гипотеза механизма адаптации иммунной системы при различном питьевом поведении.

Ключевые слова: питьевое поведение; ротовая жидкость; слюна; цитокины; ИЛ-1; ИЛ-4; ИЛ-6; α -ФНО; ИНФ γ ; α -амилаза; индекс Кердо; адаптация; иммунитет; питьевая вода; электромагнитная доочистка воды.

Введение. В последние годы внимание ученых привлечено к изучению питьевого поведения человека как одному из факторов формирования здорового образа жизни и адаптации к условиям стресса [1, 2, 4, 11, 12, 14, 15].

Связано это с тем, что питьевая потребность - жажда - как гомеостатический драйв и поведенческий ответ, в течение жизни может модифицироваться разнообразными факторами, особенно у организмов высокого филогенетического уровня [2, 3].

По данным исследований, проведенных Европейским институтом гидратации процент популяции людей, находящихся в состоянии гипогидратации, варьирует от 5 до 35% в различных Европейских странах [16]. В группе риска находятся молодые люди, чьи профессии связаны с тяжелыми физическими нагрузками и как следствие регулярными изменениями водного баланса, и пожилые люди [16]. Кроме того данное состояние развивается при нарушении питания на фоне злоупотребления углеводными напитками и проявляется так называемой углеводной жаждой, что обуславливает необходимость уменьшения количества сахара в питье как комплексного подхода в сохранении здоровья [5, 6, 7, 12].

В исследованиях [24] подтверждено, что гипогидратация влияет на развитие: заболеваний, таких как кишечные, метаболические и почечные расстройства; нетрудоспособности (вследствие когнитивных расстройств, физического утомления, головных болей, возникающих на их фоне несчастных случаях).

Исследовательская группа из Нидерландов выдвигает гипотезу о том, что регулирование питьевого поведения путем регулярного употребления «по требованию» чистой воды до чувства насыщения при малейших признаках жажды сопровождается выработкой гормона окситоцина, который снижает выработку гормона стресса – кортизола, что приводит к снижению активации стрессовых систем (симпатической нервной и гипоталамической) и противовоспалительным явлениям в иммунной системе за счет стимуляции секреции инсулина и глюкагона и, регуляции таким образом, периферического метаболизма [18].

Связь между активацией вследствие стресса симпатической нервной системы и иммунной системой обнаружена и учеными из США [22] в ходе

ретроспективного анализа в течение шестилетнего периода (с июля 2009 года по июль 2015 года) - у пациентов, страдающих депрессией (N = 1399, M_ж = 42, SD = 13, 71% женщин, 29% мужчин) были значительно изменены количественные значения катехоламинов и нейротрансмиттеров (периферического дофамина, адреналина, гистамина, кинурениновой кислоты, норадреналина, β-ПЭА и серотонина), слюнных гормонов (периферического кортизола и мелатонина) и цитокинов и хемокинов, выделенных из мононуклеарных клеток периферической крови (интерлейкины 1β, 6, 8, 10, MCP-1, GCSF и TNFα). Было обнаружено, что как адреналин, так и норэпинефрин могут индуцировать активацию NFκB в макрофагах *in vitro*, что в конечном итоге приводит к образованию провоспалительных цитокинов IL-1β, IL-6, TNFα и MIP-2. Было также обнаружено, что стимуляция NFκB может быть индуцирована в моноцитах человека путем введения норэпинефрина *in vivo* в зависимости от дозы и времени. Источником катехоламинов может быть не только симпатическая нервная система, но также и лимфоциты и фагоциты.

Цель нашего исследования: изучить влияние различного питьевого поведения на стресс-ориентированные психофизиологические показатели и состояние цитокинового профиля ротовой жидкости.

Дизайн, объект и методы исследования. В рандомизированном плацебо-контролируемом двойном слепом исследовании приняло участие 192 молодых человека. В результате обработки 192 анкет молодых людей, отсутствовали противопоказания для участия в проекте у 146 человек. Из них приглашены в исследование и прошли процедуру рандомизации 101 человек, все три этапа исследования прошли 85 человек (средний возраст 18,78 лет; 11 юношей и 74 девушки). Исследуемая популяция была распределена по трем группам:

- основная группа (trial) - 30 человек, которые в течение 3 месяцев ежедневно употребляли питьевую воду, обработанную с помощью прибора «Аквадиск» (ОАО «Аква-Система», г. Москва). Необходимый объем воды рассчитывается, исходя из потребности в 35 мл на 1 килограмм массы тела человека в сутки.
- группа сравнения (placebo) - 30 студентов в течение 6 месяцев употребляли питьевую воду из плацебо-прибора «Аквадиск» из расчета 35 мл/1 кг массы тела/сут.
- контрольная группа (control) – 25 человек, которые придерживались обычного (привычного) питьевого поведения как по количеству, так и по качеству употребляемой жидкости.

Критерии включения участников: клинически здоровые, с санированной ротовой полостью студенты-волонтеры обоих полов 18-20 лет.

Критерии исключения: сахарный диабет, неконтролируемая гипертензия, заболевания сердца, легких и почек; онкологические заболевания; прием медикаментов, которые влияют на аппетит или вес тела.

Распределение по группам осуществлялось случайным методом (рандомизацией) после полу-

чения письменного информированного согласия от участника.

В качестве способа рандомизации был выбран централизованный компьютерный метод, основанный на методе случайных чисел и проводимый специалистом, непосредственно не участвующим в исследовании. Таким образом, исследователи, проводящие набор пациентов, не знали в какие группы попали участники.

На 3 этапах исследования (20.09.2014; 08.11.2014; 20.12.2014) участники проходили:

1. Анкетирования, позволяющие оценить питьевые режимы, рацион питания, состояние иммунной системы.

2. Психофизиологические тестирования: определение самочувствия, активности, настроения (опросник САН); исследование стрессочувствительности; оценка функционального состояния вегетативной нервной системы с помощью индекса Кердо.

3. Иммунологические исследования ротовой жидкости: оценка состояния медиаторов иммунного ответа - фактора некроза опухоли альфа, интерлейкинов 1, 4 и 6, гамма-интерферона оценивали ручным количественным методом ИФА; определение неспецифического фактора иммунной защиты – уровня активности альфа-амилазы – с помощью колориметрического метода на автоматическом биохимическом анализаторе.

Материалом для исследования служила ротовая жидкость. Сбор, транспортировка, обработка и хранение биоматериала осуществлялось согласно рекомендациям, разработанным на базе кафедры биохимии с курсом клинической лабораторной диагностики СамГМУ [1,7]; протоколу, разработанному международной компанией A Salimetrics LLC Company (PA, USA), а также опубликованной в журналах методологии ряда крупных международных лабораторий, занимающихся исследованием слюны [9, 10, 13].

В день проведения иммунологических исследований после полного размораживания пробы тщательно перемешивали, осадок отделяли центрифугированием в течение 15 минут при 10 000g и температуре 4°C.

В день проведения биохимических исследований активности альфа-амилазы ротовой жидкости пробы после полного размораживания тщательно перемешивали, осадок отделяли центрифугированием 15 минут при 1500g. В течение получаса перед началом измерений пробы находились при комнатной температуре. Далее материал от участника разводился физиологическим раствором 1:100 при комнатной температуре.

Индекс Кердо рассчитывается на основании значений пульса и диастолического давления по формуле: $ВИ = (1 - АД_д / Пульс) \times 100$.

Повышение более чем на 15% свидетельствует о сдвиге вегетативных реакций в пользу симпатикотонии, а снижение на эту же величину и более – в пользу парасимпатикотонии; нормальный диапазон значений составляет от -10 до 10% [21].

Сравнения групп выполняли с помощью непараметрического дисперсионного анализа Краске-

ла-Уоллиса, попарные сравнения групп по критерию Манна-Уитни-Вилкоксона, с целью статистического изучения связи между явлениями использовали непараметрический метод коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение.

Участники всех групп продемонстрировали стабильные уровни ИЛ-1 β ($p > 0,05$) (рис. 1).

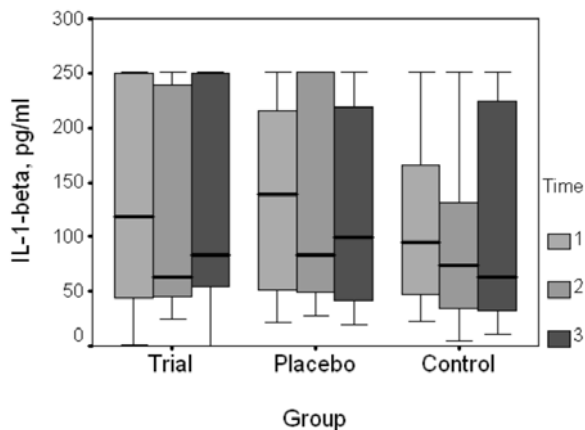

Рис. 1

В группе опыта среднее значение ИЛ-1 β составило $131,91 \pm 18,25$ пг/мл на первом этапе исследования ($Me=118,11$); $117,75 \pm 17,36$ пг/мл – на втором этапе; $130,35 \pm 16,91$ – на третьем. В группе плацебо среднее значение ИЛ-1 β : $137,39 \pm 15,31$ пг/мл на первом этапе исследования; $129,42 \pm 18,23$ пг/мл – на втором этапе; $125,63 \pm 16,66$ – на третьем. В группе контроля среднее значение ИЛ-1 β : $137,39 \pm 15,31$ пг/мл на первом этапе исследования; $129,42 \pm 18,23$ пг/мл – на втором этапе; $125,63 \pm 16,66$ – на третьем.

В литературе нет четких референсных интервалов для ИЛ-1 β в ротовой жидкости [25, 27, 29, 30, 31,32]. Так, согласно данным аргентинских ученых [26], полученные нами значения ИЛ-1 β свидетельствуют о стоматологическом здоровье большинства испытуемых во всех исследуемых группах и отсутствии у них воспалительных заболеваний. Показатели свыше 212 пг/мл (по данным [26] - это пороговый уровень, предсказывающий развитие периодонтита с 78% чувствительностью и 100% специфичностью) – продемонстрировали на первом этапе исследования 10 человек в опытной группе; 8 человек – в плацебо группе; 4 человека – в контрольной – что говорит об изначально более хорошем состоянии полости рта в группе контроля.

Участники всех групп продемонстрировали стабильные уровни ИЛ-6 и ИЛ-4 ($p > 0,05$). Статистически достоверные изменения ИЛ-6 внутри групп опыта и плацебо относительно исходных соответствующих показателей на первом этапе отмечались на втором этапе исследования ($p < 0,05$) (рис. 2).

Статистически достоверных изменений ФНО- α и γ -ИНФ не произошло ($p > 0,05$) (рис. 3).

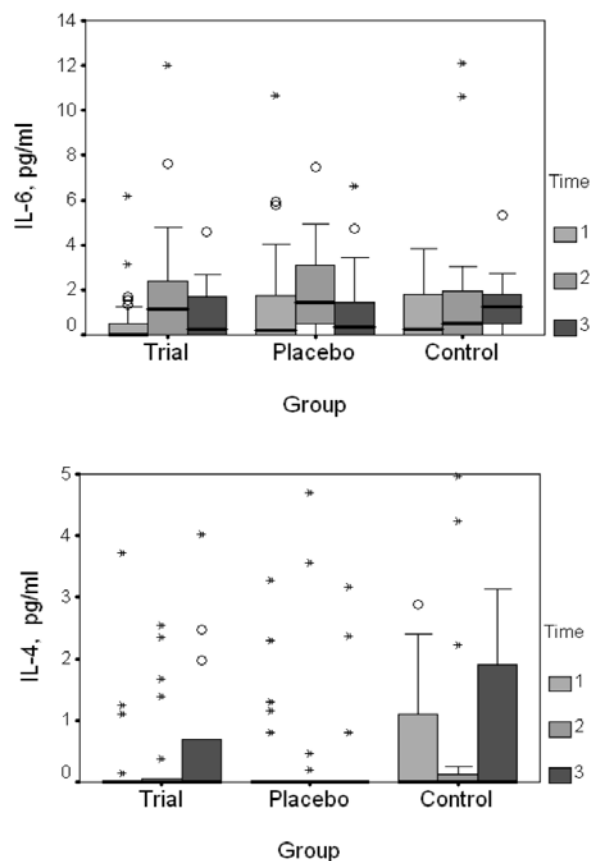

Рис. 2

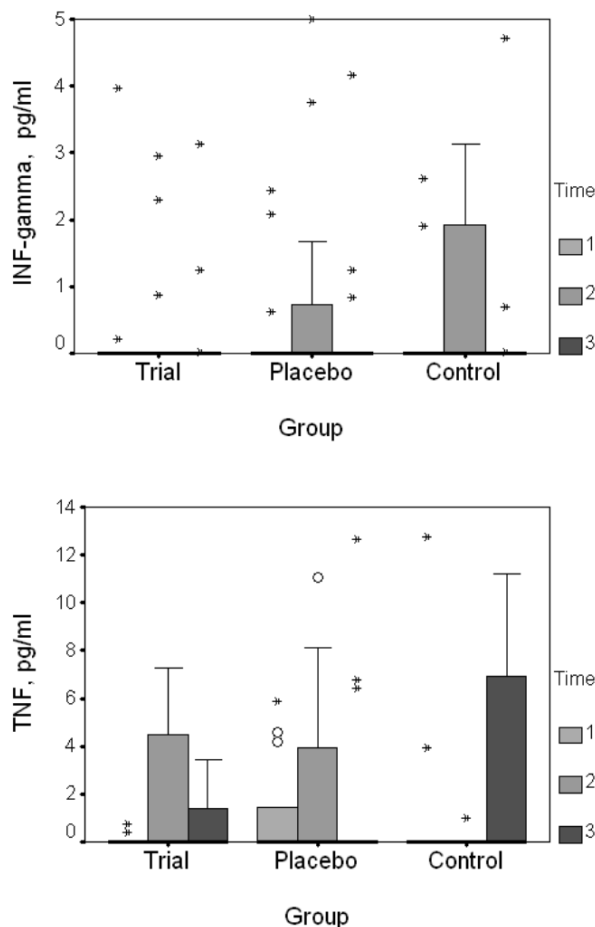

Рис. 3

Согласно литературным данным [21, 27-35], уровни ИЛ-6, ФНО- α и γ -ИНФ во всех 3 группах соответствовало уровню нормы.

Интересна тенденция снижения активности α -амилазы ($p > 0,05$) в ротовой жидкости участников опытной группы к концу исследования в отличие от повышения ее активности у контрольной и плацебо-групп (рис. 4).

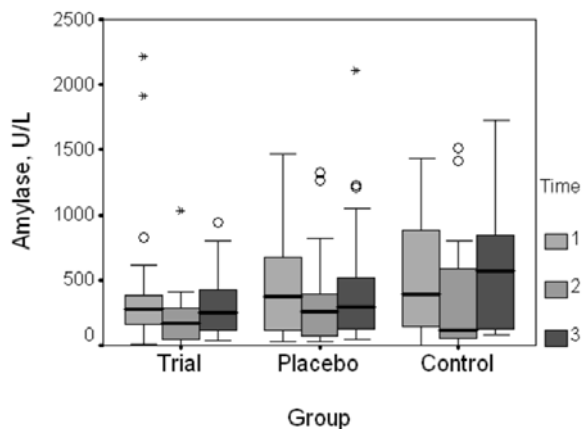

Рис. 4

Статистически достоверные изменения обнаружены для соотношения ИЛ-1/ИЛ-6 ($p < 0,05$), которое используют для оценки баланса между провоспалительными и противовоспалительными процессами [36] (рис. 5).

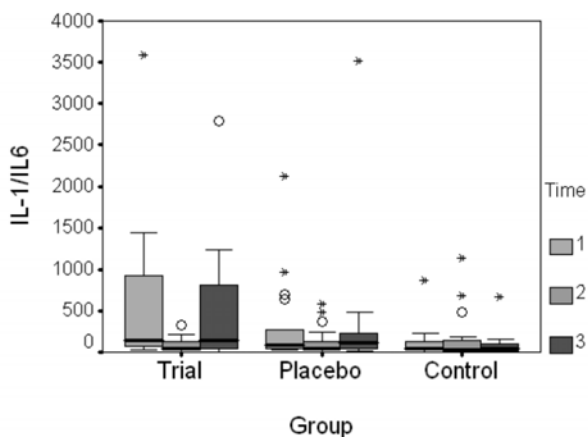

Рис. 6

Психофизиологические тестирования показали, что в опытной группе на 2 этапе исследования, по сравнению с группами плацебо и контроля, наблюдалась тенденция улучшения самочувствия (3,7%), настроения (11,9%), снизились базовый (-10,8%) и динамический (-14,7%) уровни стрессочувствительности, уменьшился индекс Кердо (-113,5%) ($p > 0,05$). В группах плацебо и контроля эти изменения были незначительными, за исключением индекса Кердо: в группе плацебо -190,7%, в контроле -93,2% ($p > 0,05$) (рис. 7):

На 3 этапе исследования динамика показателей во всех группах снизилась, что можно объяс-

нить предсессионными процессами, тем не менее, в группе опыта показатели самочувствия и настроения были выше, чем в других группах, а уровни стрессочувствительности, как базовой, так и динамической, изменились незначительно по сравнению с исходными (2,8% и 0,2% соответственно) ($p > 0,05$). При этом уровни базовой и динамической стрессочувствительности в плацебо-группе составили прирост соответственно 11,2% и 10,0%, а в группе контроля 12,6% и 22,9% ($p > 0,05$).

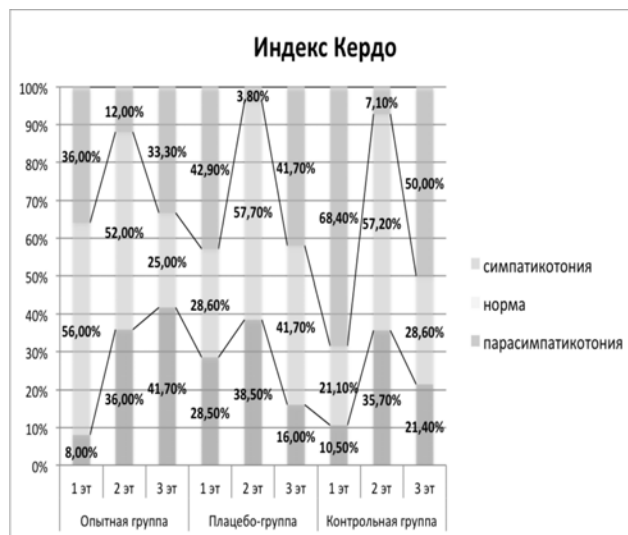

Рис. 7

Нужно отметить, что достоверная положительная корреляция наблюдалась между психофизиологическими данными и биохимическими показателями в ротовой жидкости, в частности, между уровнями базовой стрессочувствительности и TP (во всех группах вместе: $r = -0,155$; $p = 0,022$; $N = 219$; в опытной группе: $r = -0,227$; $p = 0,040$; $N = 82$; в контрольной группе: $r = -0,354$; $p = 0,008$; $N = 55$), между уровнями динамической стрессочувствительности и TP (во всех группах вместе: $r = -0,147$; $p = 0,029$; $N = 219$; в контрольной группе: $r = -0,422$; $p = 0,008$; $N = 55$), самочувствием и ИЛ-6 (во всех группах вместе: $r = 0,133$; $p = 0,040$; $N = 239$; в опытной группе: $r = 0,227$; $p = 0,036$; $N = 86$), индексом Кердо и α -амилазой (в опытной группе: $r = 0,259$; $p = 0,031$; $N = 70$), активностью и ФНО- α (в контрольной группе: $r = -0,375$; $p = 0,006$; $N = 52$).

В связи с вышесказанным, в дальнейших исследованиях интересным представляется грация уровней маркеров ротовой жидкости в зависимости от психофизиологического состояния участников.

Выводы:

1. На 85 молодых здоровых добровольцах получен значительный блок иммунологических показателей ротовой жидкости, определены уровни показателей цитокинового профиля ротовой жидкости, у большинства испытуемых, согласно литературным данным, они соответствовали референсным показателям здоровых людей, с отсутствием воспалительных и метаболических заболеваний.

2. В результате проведенной работы была разработана схема предобработки ротовой жидкости для выявления цитокинов и определения уровня активности α -амилазы.

3. Тенденции в изменениях уровня α -амилазы и цитокинов ротовой жидкости на фоне изменений в психофизиологическом состоянии испытуемых, подтверждают гипотезу о ключевой роли неспецифического иммунитета и вегетативной нервной системы в адаптации к стрессовым условиям учебной среды на фоне корректировки питьевого поведения.

4. Корректирование питьевого поведения в течение учебного и рабочего времени и отдыха, создание четких руководств по восстановлению гидратации для студентов ВУЗов, работников здравоохранения и пациентов является эффективным средством решения проблемы гипогидратации.

Литература

1. Баишева Г.М. Влияние структурированной воды на состояние цитокинового профиля ротовой жидкости/ Баишева Г.М., Мельник К.Н., Горбачева И.В. и др.// КЛД – проф. научн-практ. журн. – 2015. - № 9. - С. 118.

2. Радомская В.М. Влияние питьевого режима на психоэмоциональную сферу человека/ Радомская В.М., Баишева Г.М., Мельник К.Н. и др.// Астраханский мед. журн. -2012. - Т.7. № 2. С. 201-203.

3. Романчук Н.П. Механизмы взаимодействия циркадианной системы мозга с ритмами ЭЭГ и регуляцией вегетативных процессов/ Романчук Н.П., Тюрин Н.Л., Борисова О.В., Логинова Л.Н., Кирасирова Л.А.// Наука и инновации в медицине. – 2016. - №3. – С.51-55.

4. Садыков М.И. Иммунологический и микробиологический статус полости рта у пациентов пожилого возраста при использовании съемных пластинчатых протезов/ Садыков М.И., Трунин Д.А., Нестеров А.М., Чистякова М.С.// Наука и инновации в медицине. – 2016. - №2. – С.50-54.

5. Спиридонов А.М. Разбалансированность питания – универсальный фактор в возникновении заболеваний внутренних органов/ Спиридонов А.М., Сазонова О.В., Березин И.И.// Гигиена и санитария. – 2009. - №1. – С.14.

6. Урясьев О.М. Метаболический синдром – нерешенная проблема медицины и современного общества/ Урясьев О.М., Горбунова Д.Ю., Щербакова О.Н.// Вестник Смоленской гос. мед. академии – 2017. – Т. 16, № 1. – С. 160-164.

7. Baisheva G.M. Drinking water as a part of healthy behaviour/ Baisheva G.M., Melnik K.N., Gilmiarova F.N. et al.// Abstract of EFFOST Conference “Innovations in Attractive and Sustainable Food for Health”, Sweden. - 2014. - P.48-49.

8. Baisheva G.M. The level of saliva cytokines and amylase of healthy young people with different water drinking behavior/ Baisheva G.M., Melnik K.N.// Cytokines+, journal of ICIS, USA. – 2016. - V.87.

9. Brandtzaeg P. Secretory immunity with special reference to the oral cavity/ Brandtzaeg P.// J Oral Microbiol. – 2013. – V.5. – P.20-30.

10. Chiapelli F. Salivary biomarkers in psychobiological medicine/ Chiapelli F., Iribarren F.J., Prolo, P. et al.// Bioinformation. - 2006. – V.1.№8. – P. 331-334.

11. Serra-Majem L. Beverage Consumption Habits around the World: The Burden of Disease Attributable to Hydration/ Serra-Majem L., Nissensohn M.// Nutrients. – 2016 – V.18. №8. - P.738.

12. Silver LD Changes in prices, sales, consumer spending, and beverage consumption one year after a tax on sugar-sweetened beverages in Berkeley, California, US: A before-and-after study/ Silver LD, Ng SW, Ryan-Ibarra S, Taillie LS et al.// PLoS Med. – 2017. - V. 14. № 4. – P. 10-13.

13. Sjögren E. Interleukin-6 levels in relation to psychosocial factors: Studies on serum, saliva, and in vitro production by blood mononuclear cells/ Sjögren, E., Leanderson, P., Kristenson, M., & Ernerudh, J.// Brain Behav Immun. – 2006.- V. 20. №3. – P. 270-278.

14. Zimmerman CA Neural circuits underlying thirst and fluid homeostasis/ Zimmerman CA, Leib DE, Knight ZA et al.// Nat Rev Neurosci. – 2017 – V.18, №8. – P. 459-469.

15. Benton D. Executive summary and conclusions from the European Hydration Institute expert conference on human hydration, health, and performance/ Benton D., Braun H., Cobo J.C. et al.// Nutr. Rev. – 2015. – V.73. (Suppl. 2) – P.148-150.

16. Nissensohn M. Beverage and water intake of healthy adults in some European countries/ Nissensohn M., Castro-Quezada I., Serra-Majem L.// Int. J. Food Sci. Nutr. – 2013. – V. 64. – P.801-805.

17. Kitagawa Y. The influence of natural mineral water on aquaporin water permeability and human natural killer cell activity/ Kitagawa Y., Liu C., Ding X.// Biochem Biophys Res Commun. – 2011. – V. 409 (1). – P. 40-45.

18. Priumboom L. Intermittent drinking, oxytocin and human health/ Priumboom L., Reheis D.// Med Hypotheses. – 2016. – V. 92. – P.80-83.

19. Pittman Q. J. A neuro-endocrine-immune symphony/ Pittman Q. J.// J Neuroendocrinol. – 2011. – V.12. – P. 1296-7

20. Gordis E.B. Asymmetry between salivary cortisol and alpha-amylase reactivity to stress: relation to aggressive behavior in adolescents/ Gordis E.B., Douglas A. Granger

21. Стресс-индуцированные особенности иммунологических показателей у людей дифференцированных вегетативно-гормональных кластеров, Лавров, Пятин, Широлапов, Медицинская иммунология, 2013, Т15, №3 с 283-288; Широлапов И.В., Пятин В.Ф., Лавров О.В. Особенности иммунологических показателей в условиях экзаменационного стресса // Медицинская иммунология. – 2012. – Т. 14, № 1-2. – С. 133-138

22. Peacock BN Biomolecular aspects of depression: A retrospective analysis./ Peacock BN, Scheiderer DJ, Kellermann GH//Compr Psychiatry. – 2017. – V.73. – P.168-180.

23. (<http://www.h4hinitiative.com>)

24. Benton D. Executive summary and conclusions from the European Hydration Institute expert

conference on human hydration, health, and performance. / Benton D., Braun H., Cobo J.C., Edmonds C. et al. // *Nutr. Rev.* – 2015. – V.73. – P. 148-150.

25. *Med Oral Patol Oral Cir Bucal.* 2012 Jan 1;17(1):e10-5. Salivary and serum interleukin 1 beta, interleukin 6 and tumor necrosis factor alpha in patients with leukoplakia and oral cancer. Brailo V1, Vucicevic-Boras V, Lukac J, Biocina-Lukenda D, Zilic-Alajbeg I, Milenovic A, Balijsa M.

26. *J Clin Periodontol.* 2013 Dec;40(12):1112-7. doi: 10.1111/jcpe.12164. Epub 2013 Oct 1.

27. Salivary IL-1 β and PGE2 as biomarkers of periodontal status, before and after periodontal treatment. Sánchez GA1, Miozza VA, Delgado A, Busch L

28. *[J Oral Microbiol.* 2017; 9(1): 1364101. Published online 2017 Aug 11. doi: 10.1080/20002297.2017.1364101

PMCID: PMC5560406 Salivary cytokine levels in early gingival inflammation Daniel Belstrøm,a,* Christian Damgaard,a,b Eija Könönen,c Mervi Gürsoy,c Palle Holmstrup,a and Ulvi Kahraman Gürsoy,c]

29. *Chin J Dent Res.* 2017;20(1):43-51. doi: 10.3290/j.cjdr.a37741. Salivary IgA, Interleukin-1 β and MMP-8 as Salivary Biomarkers in Chronic Periodontitis Patients. Rangbulla V, Nirola A, Gupta M, Batra P, Gupta M.

30. *Tob Induc Dis.* 2016 Jun 6;14:20. doi: 10.1186/s12971-016-0085-8. eCollection 2016.

Relationship between salivary stress biomarker levels and cigarette smoking in healthy young adults: an exploratory analysis. Suzuki N1, Nakanishi K2, Yoneda M2, Hirofujii T2, Hanioka T1.

31. Salivary interleukin-1beta concentration and the presence of multiple pathogens in periodontitis. Gursoy UK, Könönen E, Uitto VJ, Pussinen PJ, Hyvärinen K, Suominen-Taipale L, Knuuttila M *J Clin Periodontol.* 2009 Nov; 36(11):922-7

32. Rheumatoid Arthritis and Salivary Biomarkers of Periodontal Disease Jeffrey Mirrieles, D.M.D.,* Leslie J. Crofford, M.D.,† Yushun Lin, M.S.,‡ Richard J. Kryscio, Ph.D.,‡ Dolphus R. Dawson, III, D.M.D., M.S.,* Jeffrey L. Ebersole, Ph.D.,* and Craig S. Miller, D.M.D., M.S.

33. [26 *Pol Arch Med Wewn.* 2012;122(5):200-8. Epub 2012 Apr 24. Proinflammatory cytokines in the saliva of patients with active and non-active Crohn's disease. Szczeklik K1, Owczarek D, Pytko-Polończyk J, Kęsek B, Mach TH.]

34. *J Periodontol.* 2011 Sep;82(9):1353-9. doi: 10.1902/jop.2011.100472. Epub 2011 Jan 14. Salivary interleukin-1 β levels in patients with chronic periodontitis before and after periodontal phase I therapy and healthy controls: a case-control study. Kaushik R1, Yeltiwar RK, Pushpanshu K.

35. *Scand J Immunol.* 2004 Jul-Aug;60(1-2):9-13. On immunity against infections and vaccines: credo 2004. Zinkernagel RM1, Hengartner H.

36. Михайленко А.А., Коненков В.И., Базанов Г.А., Покровский В.И. Руководство по клинической иммунологии, аллергологии, иммуногенетике и иммунофармакологии [Книга]. – М: "Триада", 2005.

37. Щуров В.А., Могеладзе Н.О., Николайчук Е.В. Диагностическая ценность, ограничения и

ошибки интерпретации полученных результатов при применении психофизиологических тестов в зависимости от исходов лечения различных групп пациентов. – *Гений ортопедии*, №4, 2010, с. 120-123.

Psychophysiology parameters of stress and salivary cytokines of young people with different water drinking behavior

Melnik K.N., Baisheva G.M., Gilmiyarova F.N., Alpatova T.A.

Samara State Medical University, Togliatti clinical hospital №5

192 healthy young people were participates of a randomized placebo controlled cross-over fashion. This study tested associations between different water drinking behavior, the condition of oral immune protection and stress factors over 3 months. We examined saliva IL-1, IL-4, IL-6, TNF- α , γ -INF, amylase and compared them with stress-associated psychophysiological data. As a result of our study we made a saliva pretreatment plan for cytokines and amylase assays, also we tried to understand the strategy of mechanism associations between different water drinking behavior, the condition of oral immune protection and stress factors.

Keywords: water drinking behavior; oral fluid; saliva; cytokines; IL-1; IL-4; IL-6; α -TNF; INF γ ; α -amylase; index Kerdo; adaptation; immune system; drinking water; pure water.

References

1. Baisheva G.M. Influence of structured water on the state of the cytokine profile of oral fluid / Baisheva GM, Melnik KN, Gorbacheva IV and others. // *KLD - prof. scientific-practical. journal.* - 2015. - No. 9. - P. 118.
2. Radomskaya V.M. Influence of the drinking regime on the psychoemotional sphere of a person / Radomskaya VM, Baisheva GM, Melnik KN and others. // *Astrakhan honey. journal.* -2012. - T.7. № 2. C. 201-203.
3. Romanchuk N.P. Mechanisms of the interaction of the circadian brain system with the rhythms of the EEG and the regulation of vegetative processes / Romanchuk NP, Tyurin NL, Borisova OV, Loginova LN, Kirasirova LA // *Science and innovations in medicine.* - 2016. - № 3. - C.51-55.
4. Sadykov M.I. Immunological and microbiological status of the oral cavity in elderly patients using removable plate prostheses / Sadykov MI, Trunin DA, Nesterov AM, Chistyakova MS // *Science and innovations in medicine.* - 2016. - №2. - C.50-54.
5. Spiridonov A.M. Food imbalance is a universal factor in the development of diseases of internal organs / Spiridonov AM, Sazonova OV, Berezin II. // *Hygiene and Sanitation.* - 2009. - №1. - P.14.
6. Uryas'ev OM Metabolic syndrome - the unresolved problem of medicine and modern society / Uryas'ev OM, Gorbunova D.Yu., Shcherbakova ON // *Bulletin of the Smolensk State University. honey. Academy* - 2017. - T. 16, No. 1. - P. 160-164.
7. Baisheva G.M. Drinking water as part of healthy behaviour / Baisheva G.M., Melnik K.N., Gilmiyarova F.N. et al. // *Abstract of the EFFOST Conference "Innovations in Attractive and Sustainable Food for Health"*, Sweden. - 2014. - P.48-49.
8. Baisheva G.M. Baisheva, G.M., Melnik, K.N. // *Cytokines +, journal of ICIS, USA.* - 2016. - V.87. - P. 67-68.
9. Brandtzaeg P. Secretory immunity with special reference to the oral cavity / Brandtzaeg P. // *J Oral Microbiol.* - 2013. - V.5. - P.20-30.
10. Chiapelli F. Salivary biomarkers in psychobiological medicine / Chiapelli F., Iribarren F.J., Prolo, P. et al., *Bioinformatics.* - 2006. - V.1.№8. - P. 331-334.
11. Serra-Majem L. Beverage Consumption Habits around the World: The Burden of Disease Attributable to Hydration / Serra-Majem L., Nissensohn M. // *Nutrients.* - 2016 - V.18. №8. - P.738.
12. Silver LD Changes in prices, sales, consumer spending, and beverage consumption one year after a tax on sugar-sweetened beverages in Berkeley, California, US: A before-and-after study / Silver LD, Ng SW, Ryan-Ibarra S, Tallie LS et al., *PLoS Med.* - 2017. - V. 14. No. 4. - P. 10-13.
13. Sjögren E. Interleukin-6 levels in relation to psychosocial factors: Studies on serum, saliva, and in vitro production by blood mononuclear cells / Sjögren, E., Leanderson, P., Kristenson, M., & Ernerudh, J. // *Brain Behav Immun.* - 2006.- V. 20. №3. - P. 270-278.

14. Zimmerman CA Neural circuits underlying thirst and fluid homeostasis / Zimmerman CA, Leib DE, Knight ZA et al., *Nat Rev Neurosci.* - 2017 - V.18, No.8. - P. 459-469.
15. Benton D. Executive summary and conclusions from the European Hydration Institute, Benton D., Braun H., Cobo J.C. et al., *Nutr. Rev.* - 2015. - V.73. (Suppl. 2) - P.148-150.
16. Nissensohn M. Beverage and water intake of healthy adults in some European countries / Nissensohn M., Castro-Quezada I., Serra-Majem L. / *Int. J. Food Sci. Nutr.* - 2013. - V. 64. - P.801-805.
17. Kitagawa Y. The effect of natural mineral water on aquaporin water permeability and human natural killer cell activity. Kitagawa Y., Liu C., Ding X. *Biochem Biophys Res Commun.* - 2011. - V. 409 (1). - P. 40-45.
18. Priumboom L. Intermittent drinking, oxytocin and human health / Priumboom L., Reheis D. // *Med Hypotheses.* - 2016. - V. 92. - P.80-83.
19. Pittman Q. J. A neuro-endocrine-immune symphony / Pittman Q. J. / *J Neuroendocrinol.* - 2011. - V.12. - P. 1296-7
20. Gordis E.B. Asymmetry between salivary cortisol and alpha-amylase reactivity to stress: relation to aggressive behavior in adolescents / Gordis E.B., Douglas A. Granger
21. Stress-induced features of immunological indices in people of differentiated vegetative-hormonal clusters, Lavrov, Pyatin, Shirolapov, *Medical Immunology*, 2013, T15, №3 from 283-288; Shirolapov IV, Pyatin VF, Lavrov OV Features of immunological indicators in conditions of examination stress // *Medical immunology.* - 2012. - T. 14, № 1-2. - P. 133-138
22. Peacock BN Biomolecular aspects of depression: A retrospective analysis. Peacock BN, Scheiderer DJ, Kellermann GH // *Compr Psychiatry.* - 2017. - V.73. - P.168-180.
23. (<http://www.h4hinitiative.com>)
- Benton D., Braun H., Cobo J.C., Edmonds C. et al., *J. Nutr.*, Benton D. Executive Summary and conclusions from the European Hydration Institutional expert on human hydration, health, and performance. *Rev.* - 2015. - V.73. -P. 148-150.
25. *Med Oral Patol Oral Cir Bucal.* 2012 Jan 1; 17 (1): e10-5. Salivary and serum interleuki

Эмоциональное отношение к ребенку и роль личностной зрелости матери в ситуации впервые возникшего тяжелого психического заболевания у совершеннолетнего ребёнка

Дан Марина Владимировна

соискатель, Институт психологии Российской Академии Наук, marina@raudsepp.ru

В статье представлены и проанализированы результаты исследования эмоционального отношения матерей к своим совершеннолетним детям после впервые возникшего тяжелого психического заболевания. Так же, рассмотрено значение фактора личностной зрелости и его влияние на степень эмоционального принятия матерью заболевшего ребёнка, а так же динамика отношения после психообразовательной программы. Чем выше мотивация достижения у опрошенных матерей, тем больше выражена психологическая близость с их детьми, страдающими тяжелыми психическими заболеваниями. Чем выше самооценка испытуемых, тем меньше психологическая дистанция, которую они удерживают с болеющим ребенком. Чем позитивнее жизненная установка женщин, принявших участие в исследовании, тем больше они демонстрируют психологическую близость со своими детьми, нуждающимися в психиатрической помощи. Чем выше способность к психологической близости с другими людьми в целом, тем ниже психологическая дистанция с болеющим ребенком в частности. В целом, чем выше уровень личностной зрелости опрошенных матерей, тем больше они проявляют психологическую близость относительно своих совершеннолетних детей, страдающих тяжелым психическим заболеванием. Связь между личностной зрелостью и эмоциональным принятием болеющего ребенка изменяет свой характер на линейный после прохождения родителями психообразовательных курсов.

Ключевые слова: эмоциональное отношение, эмоциональное отвержение, эмоциональное принятие, личностная зрелость, посттравматический стресс, психическая болезнь, психообразование.

В настоящее время в России реализуется программа психосоциальной поддержки семей, столкнувшихся с психотравмирующим событием – впервые возникшим психическим заболеванием ребёнка. Среди наиболее распространенных методов данного вида поддержки является участие родственников в программах психообразования. Это групповые занятия, направленные на устранение пробелов в специфических психиатрических знаниях, минимально необходимых в обращении с заболевшим родным. Помимо этого реализуется психологическая поддержка членов семей, поскольку групповая форма работы предполагает эмоциональное отреагирование и некоторые эффекты, присущие психотерапевтическим группам.

Специфичность стрессора впервые возникшего психического заболевания обусловлена, в первую очередь, необычностью, неадекватностью реагирования заболевшего, а так же во внезапности возникновения, непредсказуемости поведения больного, отсутствии опыта преодоления подобных ситуаций. По данным современных исследований выраженность психопатологической симптоматики у матерей, переживших внезапно возникшее психическое заболевание у своего совершеннолетнего ребёнка достигает высоких значений, приближая их по уровню стрессовых реакций к группе пожарных или спасателей.

В настоящей работе мы исследуем один из некоторых аспектов эмоционально-личностной сферы матерей, а именно, эмоциональное отношение или принятие заболевшего совершеннолетнего ребёнка, а так же его динамику в процессе прохождения психообразовательной программы.

В нашем исследовании, охватившем период с 2012 до 2016 гг, приняло участие 68 матерей (в возрасте от 39 до 70 лет), имеющих совершеннолетних детей с впервые возникшим психотическим эпизодом (ППЭ). Давность стрессового воздействия составила от 2,5 до 6 месяцев. Занятия проводились в группах с численностью от 6 до 14 человек, включавших родственников больных с другими нозологическими формами (деменции, панические атаки, депрессии, расстройства пищевого поведения). Учитывались только родственники, подходившие условия: заболевание коснулось совершеннолетнего ребёнка, проживающего на момент возникновения с обследуемым родным;

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-36-11108а(ц).

заболевание возникло остро и было оценено в медицинской документации как к ППЭ.

Базами исследования стали: Психиатрическая Клиническая больница № 14 филиала № 2 - психоневрологический диспансер № 10 г. Москвы и Психиатрическая Клиническая больница №15 филиала №2 – психоневрологический диспансер №16.

В ходе исследования использовались следующие психодиагностические методики:

Диагностика уровня личностной зрелости Ю.З. Гильбуха. Тест позволяет изучить 5 основных характеристик личностной зрелости: мотивацию достижений, отношение к своему «Я», чувство гражданского долга, жизненную установку и способность к психологической близости с другим человеком. Также методика позволяет оценить уровень личностной зрелости испытуемого в целом.

Шкала CIDS – The Comfortable Interpersonal Distance Scale, – разработанная М. Дюком и С. Новицким, предполагает измерение дистанции на рисунке, состоящем из 8 радиусов по 5 см, которые исходят из одной точки. Испытуемому предлагалось представить, что шкала – это комната, а он находится в ее центре. Респондент должен был остановить входящего близкого (в нашем случае – болеющего ребёнка), который приближается к центру вдоль одного из радиусов и отметить на рисунке, на какое расстояние предпочтительно, чтобы входящий человек приблизился.

Цветовой Тест Отношений (ЦТО) Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинда. Во время прохождения цветового теста отношений испытуемым необходимо было подобрать к каждому члену семьи подходящий цвет. После завершения ассоциативной процедуры цвета ранжировались испытуемыми в порядке предпочтения, начиная с «самого приятного» и заканчивая «самым некрасивым, неприятным» цветом. Таким образом, для матери было скрыто значение выбираемого для ребёнка цвета и смысл его связи с последующим ранжированием (Бажин Е. Ф., Эткинд А. М. Цветовой тест отношений (ЦТО) //Методические рекомендации. Л. – 1985. – Т. 18.)

Статистическими методами обработки данных выступали: критерий ранговой корреляции Спирмена для изучения взаимосвязи между двумя признаками; критерий хи-квадрат Пирсона для проверки значимости связи между двумя категоризованными переменными; G-критерий знаков и T-критерий Уилкоксона для выявления отличий в уровне признака двух зависимых выборочных совокупностей. Статистическая обработка данных производилась с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 17.0.

Целью нашего исследования явилось определение значения фактора «личностная зрелость», исследуемого методикой «Оценка уровня личностной зрелости» Ю.З. Гильбуха. Анализ данных, полученных в проективных методиках ЦТО и CIDS, как предполагалось, должен был выявить различия в подгруппах матерей с низким и высоким уровнем личностной зрелости.

Важную роль в нашем исследовании играют две категоризованные переменные: 1) личностная зрелость матерей и 2) их эмоциональное отношение к совершеннолетнему ребенку с внезапно возникшим тяжелым психическим заболеванием. Категориями первой переменной – личностной зрелости – выступают уровни ее выраженности, а именно: неудовлетворительный уровень, удовлетворительный, высокий и весьма высокий. Категориями второй переменной – эмоционального отношения к ребенку – является степень принятия матерью своего больного ребенка. Было выделено три степени принятия: отвержение (низкая степень принятия), нейтральное отношение, а также собственно принятие. Для того чтобы проверить существует ли связь между указанными переменными использовался критерий хи-квадрат Пирсона, для которого была построена таблица сопряженности. Результаты статистического анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1
Таблица сопряженности общей шкалы личностной зрелости по тесту Гильбуха и отношения к ребенку с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по ЦТО у матерей (n=68) со статистическими данными по критерию хи-квадрат ДО психообразовательных курсов

Отношение к ребенку с ВПЗ	Уровень личностной зрелости				Всего
	Неуд.	Удов.	Выс.	Весьма выс.	
Отвержение	12	6	4	3	25
Нейтральное	1	1	10	5	17
Принятие	7	7	6	6	26
Всего	20	14	20	14	68
Хи-квадрат Пирсона для таблицы сопряженности					
$\chi^2_{эмп.} = 17,13$			p=0,01		

Примечание: неуд. – неудовлетворительный; удов. – удовлетворительный; выс. – высокий; весьма выс. – весьма высокий уровень.

Как видно из таблицы 1, более трети опрошенных нами матерей свойственно отвержение своих заболевших детей (25 из 68). Кроме этого, почти половина из них обладает неудовлетворительным уровнем личностной зрелости (12 из 25). Существует ряд исследований, показывающих, что матерей с низким уровнем личностной зрелости в целом отличает стремление ограничивать активность своего ребенка, проявлять властность, «жертвовать» собой и использовать этот факт для манипулирования и упреков, чтобы чувствовать собственную важность. Их отличает также эмоциональная холодность в общении и неумение выбирать воспитательное воздействие адекватно ситуации (Васягина 2013; Махмутова 2013; Camberis 2016). Такое отношение к ребенку часто связано с неприятием его личности, стремлением подавить индивидуальность и самостоятельность. Таким образом, можно предположить, что на эмоциональное отвержение совершеннолетнего ребенка влияет личностная незрелость женщин.

В таблице 1 также наглядно показана тенденция к уменьшению частоты встречаемости отвержения психически нездорового ребенка матерями по мере повышения уровня личностной зрелости (от 12 испытуемых с неудовлетворительным уровнем к 3 респондентам с весьма высоким уровнем).

Таким образом, личностно зрелые женщины реже психологически отвергают своего больного ребенка.

Отметим, что примерно половине женщин с удовлетворительным уровнем личностной зрелости (6 из 13) также характерно психологическое отвержение больного ребенка, другой половине (7 из 13), наоборот, - принятие (таблица 1). Есть исследования, показывающие, что при этом уровне личностной зрелости женщинам типично подавление воли и агрессивности ребенка, а также проявление излишней строгости к нему (Махмутова, 2013). Можно предположить, что при таком уровне личностной зрелости в силу ряда объективных и субъективных факторов часть матерей способна эмоционально принимать своих психически нездоровых детей, а часть – нет. Этот уровень личностной зрелости менее всего позволяет спрогнозировать отношение женщины к своему ребенку.

Интересно отметить, что уровень личностной зрелости мало отражает какую-либо тенденцию взаимосвязи с эмоциональным принятием ребенка в отличие от связи с отвержением (таблица 1). Так, например, около трети матерей с низким уровнем личностной зрелости (7 из 20) демонстрируют положительное отношение, принятие ребенка; примерно с той же частотой психологически принимают своих детей и матери с высоким уровнем личностной зрелости (6 из 20). На основе этих данных можно сделать вывод, что зная уровень личностной зрелости матерей сложнее спрогнозировать факт эмоционального принятия ими своих психически нездоровых совершеннолетних детей, чем факт психологического отвержения.

Этот вывод также подтверждают и данные статистики хи-квадрат: в целом, анализ показывает, что существует связь между рассматриваемыми нами категориальными переменными ($\chi^2_{эмп.}=17,13$; $p=0,01$). Вместе с тем, эта связь не имеет линейный характер (хи-квадрат с поправкой Мантеля-Хензеля: $r=2,47$, $p=0,12$; по критерию Спирмена: $r=0,16$, $p=0,10$).

Важным показателем эмоционального принятия выступает степень психологической близости с ребенком. Отношениям, основанным на позитивной привязанности, насыщенным эмоционально-теплым общением, искренней заинтересованностью, заботой, также свойственна небольшая психологическая дистанция, свидетельствующая о эмоциональной близости членов семьи и безусловном принятии ими друг другом. Отношения с большой психологической дистанцией можно охарактеризовать как отношения с отвержением, нежеланием принимать члена семьи таким, какой он есть, с его достоинствами и недостатками.

Исследование психологической близости проводилось с помощью шкалы CIDS и особенности ее проведения таковы, что испытуемые, графически отмечая комфортную дистанцию с болеющим членом семьи, до определенной степени сознательно демонстрируют свое отношение к своему ребенку, презентуют его экспериментатору. В этой связи имеет смысл большую психологическую ди-

станцию с ребенком обозначать как «презентуемое отвержение», а маленькую – «презентуемое принятие». Результаты статистического анализа наличия / отсутствия связи между личностной зрелостью и психологической близостью с ребенком представлены в таблице 2. В силу того, что обозначенные нами переменные являются категориальными, использовался критерий хи-квадрат Пирсона.

Таблица 2

Таблица сопряженности общей шкалы личностной зрелости по тесту Гильбуха и психологической близости с ребенком с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по CIDS у матерей ($n=68$) со статистическими данными по критерию хи-квадрат ДО психообразовательных курсов

Психол. близость с ребенком с ВПЗ	Уровень личностной зрелости				Всего
	Неуд.	Удов.	Выс.	Весьма выс.	
Презентуемое отвержение	9	10	5	3	27
Нейтральная дистанция	1	1	8	5	14
Презентуемое принятие	10	3	7	6	27
Всего	20	14	20	14	68
Хи-квадрат Пирсона для таблицы сопряженности					
$\chi^2_{эмп.}=17,53$				$p \leq 0,01$	

Примечание: неуд. – неудовлетворительный; удов. – удовлетворительный; выс. – высокий; весьма выс. – весьма высокий уровень.

Из таблицы 2 видно, что матери, у которых был выявлен неудовлетворительный уровень личностной зрелости, демонстрируют, как правило, либо большую психологическую дистанцию (9 из 20 испытуемых), либо маленькую (10 из 20). Нейтральное отношение встречается у таких женщин редко, всего 1 из 20 респондентов обозначил среднюю дистанцию с болеющим ребенком. Таким образом, неудовлетворительный уровень личностной зрелости не означает, что женщина дистанцируется от своего ребенка, проявляя эмоционально-холодное отношение к нему. Как показывают полученные результаты, личностно незрелые матери в половине случаев презентуют свое отношение к ребенку как положительное. Важно отметить, что такие результаты могут быть обусловлены стремлением испытуемых дать социально желательные ответы, демонстрируя принятие своего ребенка и скрывая неосознанное отвержение.

В таблице 2 также наглядно показано, что нейтральное отношение к ребенку чаще всего встречается у матерей с высоким и весьма высоким уровнем личностной зрелости. Вполне вероятно, что недостаток знаний о психическом заболевании члена семьи и конструктивном взаимодействии с ним оказывает влияние на предпочтении средней дистанции.

Примерно треть испытуемых отмечает, что принимает своего больного ребенка таким, какой он есть. При этом одна половина из них обладает низким и средним уровнем личностной зрелости, а другая половина – высоким и очень высоким. Следовательно, презентуемое эмоциональное принятие, психологическая близость с ребенком харак-

терна для людей с разным уровнем личностной зрелости.

В целом, статистический анализ показывает, что между уровнем личностной зрелости матерей и уровнем психологической дистанции (близостью) с психически нездоровым ребенком существует значимая связь ($\chi^2_{\text{эмп.}}=17,53$; $p \leq 0,01$) (таблица 2). При этом данная связь носит нелинейный характер (хи-квадрат с поправкой Мантеля-Хензеля: $r=0,72$, $p=0,40$; по критерию Спирмена: $r=0,09$, $p=0,49$). Мы предполагаем, что такой характер она имеет в силу особенностей распределения значений по признаку презентуемого принятия, где, как видно из таблицы 2, частота встречаемости не увеличивается пропорционально повышению уровня личностной зрелости. Вполне вероятно, что каждый уровень личностной зрелости обладает своими специфическими чертами, определяющими свои типы отношения к ребенку (например, люди с низкой личностной зрелостью делятся на два типа: те, кто принимают своих детей и те, кто отвергает их).

Подводя итог анализу взаимосвязей уровня личностной зрелости и эмоционального отношения матери к своему психически нездоровому совершеннолетнему ребенку, можно отметить, что в целом, между этими категоризированными переменными существует значимая связь, которая, однако, носит нелинейный характер, а, значит, не отражает пропорциональность изменения обоих переменных. Нелинейный характер связи может быть обусловлен особенностями распределения такого типа отношения к ребенку, как эмоциональное принятие. Нами было наглядно показано, что в целом, безусловное принятие болеющего ребенка свойственно женщинам с разным уровнем личностной зрелости. Вместе с тем, отвержение, как тип отношения, больше характерно для матерей с более низким уровнем личностной зрелости, а нейтральное отношение, наоборот, - с более высоким.

В ходе нашего исследования был обнаружен еще один интересный факт: связь отношения матерей с уровнем личностной зрелости носила нелинейный характер и объясняла скорее частоту проявления отвержения и нейтрального отношения женщин к своим больным детям; и так это было до проведения психообразовательных курсов. После курсов связь между психологическим отношением матери к ребенку и степенью ее личностной зрелости стала носить линейный характер, быть более прогнозируемой и связанной также и с эмоциональным принятием. Наглядно результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Не изменяя степень личностной зрелости, на курсах удалась повлиять на эмоциональное отношение матерей к своим психически нездоровым совершеннолетним детям. Так, например, количество матерей, которым свойственно отвержение ребенка снизилось (таблицы 1 и 3). Среди матерей с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости после курсов чаще всего теперь встречается нейтральное отношение к ребенку (у 1 ре-

спондента до курсов и 13 респондентов из 20 после курсов). Увеличилось количество женщин, нейтрально и позитивно относящихся к своим психически нездоровым детям (таблицы 1 и 3).

Таблица 3

Таблица сопряженности общей шкалы личностной зрелости по тесту Гильбуха и отношения к ребенку с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по ЦТО у матерей ($n=68$) со статистическими данными по критерию хи-квадрат ПОСЛЕ психообразовательных курсов

Отношение к ребенку с ВПЗ	Уровень личностной зрелости				Всего
	Неуд.	Удов.	Выс.	Весьма выс.	
Отвержение	1	3	1	0	5
Нейтральное	13	6	4	4	27
Принятие	6	5	15	10	36
Всего	20	14	20	14	68
Хи-квадрат Пирсона для таблицы сопряженности					
$\chi^2_{\text{эмп.}}=16,27$			$p \leq 0,01$		

Примечание: *неуд.* – неудовлетворительный; *удов.* – удовлетворительный; *выс.* – высокий; *весьма выс.* – весьма высокий уровень.

Анализ таблицы 3 показывает, что эмоциональное принятие ребенка чаще встречается среди женщин с высоким и весьма высоким уровнем личностной зрелости, нежели среди женщин с низким и средним уровнями. В целом, увеличение количества личностно зрелых матерей, которые позитивно относятся к своему ребенку, демонстрируют насыщенное эмоционально теплом общение с ним, может быть доказательством того, что психообразовательные курсы особенно сильное влияние оказывают на людей с высокими показателями личностной зрелости. Вполне вероятно, что набор положительных индивидуально-психологических качеств, которыми они уже обладают, выступает благоприятной почвой для позитивных изменений, в том числе изменений, касающихся эмоционального отношения к болеющему ребенку.

Значения хи-квадрат Пирсона по рассматриваемым нами категориальным переменным и до курсов (таблица 1) и после курсов (таблица 3) указывают на наличие значимой связи между ними. Отличительной особенностью является изменение характера этой связи после курсов – она стала линейной. Чем выше уровень личностной зрелости матерей, тем выше уровень эмоционального принятия совершеннолетнего ребенка с внезапно возникшим психическим заболеванием, и чем меньше уровень личностной зрелости, тем сильнее выражено эмоциональное отвержение такого ребенка.

Изменение характера связи между изучаемыми нами переменными сделало целесообразным проведение корреляционного анализа по методу Спирмена. Интересен тот факт, что, если до психообразовательных курсов нами не было выявлено ни одной значимой линейной корреляции между исследуемыми признаками, то после курсов мы смогли выявить 5 из 6 возможных корреляций. Исключение составила шкала «Мотивация достижений»: нельзя утверждать, что изменения по ней согласуются с изменениями в эмоциональном от-

ношении к психически нездоровому ребенку. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа шкал теста уровня личностной зрелости (Ю.З. Гильбух) и отношения к ребенку с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по ЦТО у матерей (n=68) после психообразовательных курсов

Шкалы теста Гильбуха	Эмоциональное отношение к ребенку с ВПЗ	
	г	р
Мотивация достижений	0,09	0,46
Отношение к «Я»	0,24	0,05
Чувство гражданского долга	0,40	0,00
Жизненная установка	0,29	0,02
Способность к психол. близости с другими	0,28	0,02
Личностная зрелость	0,34	0,01

Примечание: статистически значимые корреляции выделены.

Чем выше самооценка и уверенность в себе матерей, тем выше степень эмоционального принятия своего психически нездорового ребенка. Возможно, эта связь обусловлена устойчивой верой женщин в то, что они имеют достаточно сил и способностей, чтобы оказать существенную помощь в облегчении течения заболевания, в адаптации ребенка в социальной среде, в его личностном развитии. Высокий уровень самооценки также может облегчать проявления стигматизации родителей, чьи дети нуждаются в психиатрической помощи.

Чем выше чувство гражданского долга испытуемых, тем сильнее эмоциональное принятие болеющего совершеннолетнего ребенка. Коллективизм, чувство гражданской ответственности может рассматриваться в качестве ресурса, помогающего принять ребенка с психическим заболеванием таким, какой он есть, вне всяких условий.

Чем позитивнее жизненная установка опрошенных женщин, тем позитивнее их эмоциональное отношение к своим детям, имеющим психиатрический диагноз. Вероятно, это связано со стрессоустойчивостью людей, обладающих позитивным взглядом на жизнь, их эмоциональной стабильностью, рассудительностью, оптимизмом, способностью видеть хорошее в любой ситуации, способностью положительно относиться к людям вообще и к своему болеющему ребенку в частности.

Чем сильнее выражена способность к психологической близости с другими людьми, тем больше родители проявляют эмоциональное принятие своим детям с психическим заболеванием. Доброжелательность, свойственная этим людям, распространяется и на болеющего ребенка. Женщинам, которые по жизни проявляют эмпатию к окружающим, сочувствие, способны проявить сострадание, легче реализовывать эти чувства в отношении собственного ребенка. Понимая, что член их семьи нуждается в помощи, они проявляют готовность ее оказать.

После проведения психообразовательных курсов изменился и характер связи уровня личностной зрелости с психологической дистанцией (бли-

зостью) по отношению к болеющим детям у матерей. Касательно этих переменных корреляция также стала линейной. Наглядно результаты представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Таблица сопряженности общей шкалы личностной зрелости по тесту Гильбуха и психологической близости с ребенком с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по CIDS у матерей (n=68) со статистическими данными по критерию хи-квадрат ПОСЛЕ психообразовательных курсов

Психол. близость с ребенком с ВПЗ	Уровень личностной зрелости				Всего
	Неуд.	Удов.	Выс.	Весьма выс.	
Презентуемое отвержение	6	4	2	0	12
Нейтральное отношение	9	8	7	4	28
Презентуемое принятие	5	2	11	10	28
Всего	20	14	20	14	68
Хи-квадрат Пирсона для таблицы сопряженности					
$\chi^2_{\text{эмп.}} = 15,24$			P=0,02		

Примечание: неуд. – неудовлетворительный; удов. – удовлетворительный; выс. – высокий; весьма выс. – весьма высокий уровень.

Анализ данных в таблице 4 показывает, что после курсов увеличилось количество людей, демонстрирующих нейтральное отношение к болеющему ребенку и выбирающих среднюю психологическую дистанцию с ним. Как и в случае с эмоциональным принятием, измеряемым посредством ЦТО, в данном случае увеличилось число женщин, которые отмечают маленькую психологическую дистанцию с ребенком, презентуя психологическую близость с ним и безусловное принятие (таблицы 2, 3, 5). К выводам о том, что психообразовательные группы показывают наибольшую эффективность на образованных людях с высоким уровнем личностного развития, приходили и другие авторы (Рудестам, 2000; Вачков, 2007).

Показатели, полученные посредством критерия хи-квадрат до и после психообразовательных курсов, позволяют сделать выводы, что и в том, и в другом случае рассматриваемые нами категоризированные переменные значимо связаны друг с другом (таблицы 2 и 5). Однако можно отметить небольшое ослабление этой связи, отмеченное после курсов – уровень значимости сместился с 0,01 до 0,02, а это указывает на то, что вероятность ошибки произведенных расчет увеличилась на 1%. Вместе с тем, даже этот уровень значимости указывает на наличие статистически значимой связи между переменными. Изменение уровня значимости может быть также связано с тем, что после курсов корреляция стала линейной, а это позволило провести анализ посредством критерия Спирмена. Его результаты представлены в таблице 6.

Чем выше мотивация достижения у опрошенных матерей, тем больше выражена психологическая близость с их детьми, страдающими тяжелыми психическими заболеваниями. Выраженная мотивация достижений определяет умение правиль-

но ставить цели, а также выбирать пути их достижения. Понимание собственной значимости в лечении болезни ребенка способно активизировать постановку адекватной цели, что сближает членов семьи, ориентирует на конструктивное взаимодействие друг с другом.

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа шкал теста уровня личностной зрелости (Ю.З. Гильбух) и уровня психологической близости с ребенком с Внезапно возникшим Психическим Заболеванием (ВПЗ) по CIDS у матерей (n=68) после психообразовательных курсов

Шкалы теста Гильбуха	Психологическая близость с ребенком с ВПЗ	
	r	p
Мотивация достижений	0,32	0,01
Отношение к «Я»	0,25	0,04
Чувство гражданского долга	0,21	0,09
Жизненная установка	0,29	0,02
Способность к психол. близости с другими	0,31	0,01
Личностная зрелость	0,38	0,00

Примечание: статистически значимые корреляции выделены курсивом.

Чем выше самооценка испытуемых, тем меньше психологическая дистанция, которую они удерживают с болеющим ребенком. Адекватная оценка себя, позитивное самоотношение часто связано с положительным отношением к людям в целом. Уверенным в себе матерям легче устанавливать близкие отношения со своими детьми, искренне интересоваться ими, проявлять заботу и внимание, что играет большую роль в семейной психотерапии заболевания ребенка.

Чем позитивнее жизненная установка женщин, принявших участие в исследовании, тем больше они демонстрируют психологическую близость со своими детьми, нуждающимися в психиатрической помощи. Вероятно, эта связь обусловлена тем, что способность женщин акцентировать внимание, прежде всего, на положительных сторонах ситуации помогает им видеть хорошее и в своих детях, находить общие интересы, эффективно организовывать совместную деятельность. Все эти факторы сближают членов семьи, в результате чего уровень психологической дистанции уменьшается, и женщины активно выражают эмоциональное принятие своего ребенка.

Чем выше способность к психологической близости с другими людьми в целом, тем ниже психологическая дистанция с болеющим ребенком в частности. Эта связь признаков, пожалуй, самая прогнозируемая. Умение устанавливать конструктивные контакты с социальным окружением, проявлять эмпатию легко переносится и на членов семьи, с которыми, как правило, уже существует крепкая эмоциональная привязанность.

Чем выше уровень личностной зрелости опрошенных матерей, тем больше они проявляют психологическую близость относительно своих совершеннолетних детей, страдающих тяжелым психическим заболеванием. Набор положительных качеств, свойственных личностно зрелым людям,

помогает налаживать оптимальное межличностное взаимодействие и выбирать небольшую психологическую дистанцию с болеющим ребенком, проявлять по отношению к нему безусловное принятие и эмоционально теплое общение. Существует связь между уровнем личностной зрелости и степенью эмоционального принятия; причем связь носит нелинейный характер. Матери с низким уровнем личностной зрелости чаще демонстрируют отвержение, эмоциональную холодность, а также удерживают большую психологическую дистанцию по отношению к своим детям, страдающим психическими заболеваниями.

Связь между личностной зрелостью и эмоциональным принятием болеющего ребенка изменяет свой характер на линейный после прохождения родителями психообразовательных курсов. Можно утверждать, что чем выше уровень личностной зрелости женщины, тем выше степень эмоционального принятия ребенка и психологической близости с ним.

Литература

1. Бажин Е. Ф., Эткинд А. М. Цветовой тест отношений (ЦТО) //Методические рекомендации. Л. – 1985. – Т. 18.
2. Дан М.В. Посттравматический стресс у матерей, переживших первый психотический эпизод у совершеннолетнего ребенка // Психологические исследования. Вып. 8 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 59–70.
3. Зеленкова Т.В. Особенности системного подхода при включении родителей детей с расстройствами аутистического спектра в лечебно-реабилитационный процесс / Т.В. Зеленкова, В.А. Празднова // Психическое здоровье. – 2016. – Т. 14. № 9 (124). – С. 53-59.
4. Казаковцев Б.А. Психосоциальная реабилитация лиц, страдающих психическими расстройствами / Б. А. Казаковцев // Психическое здоровье. – 2008. – Т. 6. № 5. – С. 14-31.
5. Ротштейн В. Г., Богдан М. Н. Основы психиатрической грамотности //М.: ООО Изд. дом «Качество жизни».-2008-92 с. – 2008.
6. Тарабрина Н. В. Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised–SCL-90-R) //Практикум по психологии посттравматического стресса/НВ Тарабрина. – 2001. – С. 146-181.
7. Кравчик К.Б. Взаимосвязь между параметрами жизнестойкости, социальной адаптации и переживанием трудных ситуаций у старшеклассников с задержкой психического развития и старшеклассников с нормальным ходом психического развития, обучающихся в разных образовательных системах (в семье или школе-интернате).//Инновации и инвестиции. 2015. №2. с.188-191

Emotional attitude to the child and the role of personal maturity of the mother in a situation of severe mental illness of adult child
Dan M.V.

Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences
The article presents and analyzes the results of the study of the emotional attitude of mothers to their adult children after the onset of severe mental illness. Also, discussed the importance of the factor of personal maturity and its influence on the degree of emotional acceptance of the mother of the sick child, and relationship dynamics after psychoeducational program. The higher the achievement motivation, the interviewed mothers, the more pronounced psychological closeness with their children suffering from severe mental illness. The higher the self-esteem of the subjects, the less psychological distance, which they hold with a sick child. More positive than attitudes of women who participated in the study, the more they demonstrate psychological closeness with their children in need of psychiatric care. The higher the capacity for psychological intimacy with other people. In general, the higher the level of personal maturity of the interviewed mothers, the more they are psychological closeness concerning their adult children with severe mental illness. The relationship between personal maturity and emotional acceptance of their sick child changes your character to linear after passing parents psychoeducational courses.

Key words: emotional attitude, emotional rejection, emotional acceptance, personal maturity, post-traumatic stress, mental illness, psychoeducation.

References

1. Bazhin E. F., Etkind A. M. Color Test of the Relations (CTR)//Methodical recommendations. L. – 1985. – T. 18.

2. M.V. is given. A post-traumatic stress at mothers who have endured the first psychotic episode at the full age child//Psychological researches. The issue 8 / Under the editorship of A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institute of Psychology of RAS publishing house, 2016. Page 59-70.
3. Zelenkova T.V. Features of system approach at inclusion of parents of children with frustration of an autistic range in medical and rehabilitation process/T. V. Zelenkova, V.A. Prazdnova//Mental health. – 2016. – T. 14. No. 9 (124). – Page 53-59.
4. Kazakovtsev B.A. Psychosocial rehabilitation of the persons having mental disorders / B.A. Kazakovtsev//Mental health. – 2008. – T. 6. No. 5. – Page 14-31.
5. Rotstein V. G., Bogdan M. N. Bases of psychiatric literacy//M.: LLC Izd. the house "Quality of life" of.-2008-92 pages – 2008.
6. Tarabrina N. V. Questionnaire of expressiveness of psychopathological symptomatology (Symptom Check List-90-Revised-SCL-90-R)//Workshop on psychology of a post-traumatic stress / NV of Tarabrin. – 2001. – Page 146-181.
7. Kravchik K.B. The relationship between the parameters of resilience, social adaptation and experiencing difficult situations in high school students with mental retardation and high school students with a normal course of mental development, students in different educational systems (in a family or boarding school) // Innovations and investments. 2015. No2. p.188-191

Классификации периферических дистрофий сетчатки

Шаимов Руслан Булатович,
кандидат медицинских наук, генеральный директор ООО
«ЦЕНТР «ЗРЕНИЯ»

Шаимова Венера Айратовна,
доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник клини-
ческого отдела ГБУЗ «МЦЛМ» МЗ ЧО, shaimova.v@mail.ru

Поздеева Ольга Геннадьевна,
доктор медицинских наук, профессор кафедры глазных болез-
ней ГБОУ ВПО ЮУГМУ Минздрава России

Шаимов Тимур Булатович,
врач-офтальмолог ООО «ЦЕНТР «ЗРЕНИЯ»

В настоящее время отсутствует единая классификация пери-
ферических дистрофий сетчатки. Цель данной работы – обзор
представленных отечественных и зарубежных классификаций
периферических дистрофий сетчатки. Нами проведен анализ
классификаций, построенных по следующим признакам пери-
ферических дистрофий: по локализации, патоморфологии,
глубине поражения сетчатки, по прогнозу течения, совокупно-
сти нескольких признаков. Несмотря на большое количество
предложенных вариантов классификаций периферических дис-
трофий сетчатки, остаются дискуссионными вопросы по клас-
сификации ряда их значимых клинических форм. Для создания
единой классификации необходимо провести анализ клинико-
инструментальных критериев различных типов перифериче-
ских дистрофий с использованием спектральной оптической
когерентной томографии сетчатки.

Ключевые слова: периферические дистрофии сетчатки, клас-
сификация, обзор, оптическая когерентная томография.

Актуальность изучения периферических дис-
трофий сетчатки определяется возможностью их
осложненного течения с развитием регматогенной
отслойки сетчатки (РОС) – отделения нейросен-
сорного слоя от пигментного эпителия субрети-
нальной жидкостью [1–8]. По данным разных авто-
ров, частота РОС ежегодно составляет 6,3 – 18,2
случая на 100 000 населения, с пиком заболевае-
мости 52,5 на 100 000 человек в возрасте между
55 и 59 годами [9, 10].

По данным литературы, патология сетчатки, в
том числе вследствие дегенеративно-
дистрофических процессов при близорукости в
возрасте до 40 лет, является причиной 4–9 % ин-
валидизирующих зрительных расстройств [11, 12]
и занимает 2–3-е ранговое место среди всех при-
чин полной потери трудоспособности [13–15]. Эти
сведения обуславливают необходимость даль-
нейшего изучения дистрофической патологии на
периферии глазного дна, систематизации знаний
по ее этиологии, клинической картине, патомор-
фологии дегенеративного процесса сетчатки для
определения прогноза течения и показаний к ла-
зерхирургическому лечению с целью профилакти-
ки РОС.

Цель данной работы – обзор классификаций
периферических дистрофий сетчатки.

До настоящего времени нет единой классифи-
кации периферических дистрофий сетчатки, опре-
деляющей четкие критерии проведения лазерных
коагуляций (ЛК) [16].

К первым публикациям по систематизации пе-
риферических дистрофий относятся работы J.
Halpern (1956), S. Duke-Elder, J. Dobree (1967), ко-
торым предшествовали детальные гистологиче-
ские исследования периферического отдела сет-
чатки у пациентов без признаков заболеваний и
при периферических дистрофиях сетчатки E. Okun
(1960, 1961), U. Rutnin, C. Schepens (1967) [17–23].

В настоящее время предложено множество ва-
риантов классификаций: по локализации [24, 25],
патоморфологии [26–29], прогнозу [16, 30, 31], глу-
бине поражения сетчатки [32]; по нескольким при-
знакам: глубине поражения, локализации, степени
поражения [33], по патоморфологии, прогнозу,
степени выраженности изменений [34].

Активное изучение периферических дистрофий
сетчатки как самостоятельной группы заболева-
ний, способных приводить к слабовидению и сле-
поте, началось в конце 70-х годов XX века. Первая
русская классификация Е.О. Саксоновой (1979)

была основана на локализации патологического процесса [24]. Авторы выделили:

А. Экваториальные дистрофии: решетчатая, патологическая гиперпигментация, разрывы сетчатки.

Б. Параоральные дистрофии: кистовидная, ретиношизис, хориоретинальная атрофия.

В. Смешанные формы (подчеркивалось, что у 20,5% пациентов отмечается комбинация различных видов дистрофий).

В течение длительного времени эта классификация являлась основой диагностики дегенеративных изменений сетчатки.

Дальнейшие исследования, проводимые для понимания патогенеза дегенеративного процесса периферии сетчатки, привели к появлению целого ряда классификаций. Так, в 1986 г. Д. И. Антелав, Н.Н. Пивоваров, А.А. Сафоян предложили классифицировать периферические дистрофии с позиции наличия витреоретинального тракционного синдрома, определяющего характер течения и возможность развития таких осложнений, как РОС. К атрофическим формам (без тракций) периферических дистрофий отнесли булыжноподобные, кистовидные, возрастной ретиношизис, к тракционным – меридиональные складки, к комбинированным (атрофически-тракционным) – решетчатые, экваториальные дистрофии [26].

Данный принцип прослеживается и в классификации К Zinn, D Tilden (1988), где периферические дистрофии также были разделены на группы: 1-я – трофические, 2-я – тракционные, 3-я – трофические и тракционные [29].

1-я группа. Трофические ретинальные дегенерации.

Внутреннего нейросенсорного слоя:

Образование полостей в основании стекловидного тела.

Атрофические отверстия (частичные, полные).

Среднего нейросенсорного слоя:

Типичная кистозная дегенерация.

Ретикулярная кистозная дегенерация.

Приобретенный типичный дегенеративный ретиношизис.

Ретикулярный дегенеративный ретиношизис.

Внешнего нейросенсорного слоя:

Дегенерация по типу «булыжной мостовой».

Периферическая тапеторетинальная (медовые соты) дегенерация.

Экваториальные друзы.

2-я группа. Тракционные ретинальные дегенерации.

Несквозные периферические ретинальные разрывы:

Оральные

Интрабазальные.

Юкстабазальные.

Экстрабазальные.

Сквозные периферические ретинальные разрывы:

Оральные

Диализ (ювенильный).

Отрыв основания стекловидного тела.

Гигантские ретинальные разрывы.

Экстрабазальные.

Юкстабазальные.

Экстрабазальные разрывы сетчатки.

3-я группа. Трофические и тракционные.

«Белое без вдавления».

«Белое с вдавлением».

«След улитки».

Решетчатая дистрофия.

В основу классификации Р. Векег, и соавторов (2013) также заложены патоморфологические признаки периферических дистрофий сетчатки. Среди дегенеративных изменений авторы выделяют трофические (типичная кистозная дегенерация, ретикулярная кистозная дегенерация, типичный дегенеративный ретиношизис, ретикулярный дегенеративный ретиношизис, «булыжная мостовая», периферические тапеторетинальные дегенерации, ретинальные отверстия), трофически-тракционные (решетчатая дегенерация), тракционные (некистозные ретинальные пучки, кистозные ретинальные пучки, зонулярно-тракционные пучки, несквозные ретинальные разрывы – параваскулярные, с витреальной тракцией, сквозные ретинальные отверстия) [27].

Несмотря на единый принцип построения классификаций, основанный на патоморфологии, обращает на себя внимание тот факт, что авторы относят к однотипным группам разные клинические формы периферических дистрофий. Так, все авторы считают, что к трофическим формам относятся дегенеративный ретиношизис, кистовидная дегенерация и «булыжная мостовая»; признаками тракционных форм можно считать наличие разрывов, тракционных пучков. Решетчатую дистрофию единодушно признают трофически-тракционными изменениями. Дискутабельным является ряд вопросов: выделение дистрофии по типу «след улитки» в отдельную клиническую форму, распределение по патоморфологическим группам таких дегенеративных изменений сетчатки, как меридиональные складки, «белое без вдавления», «белое с вдавлением», «инееподобная» дистрофия.

Основной информацией для прогноза осложненного течения периферических дистрофий является состояние витреоретинального интерфейса: наличие или отсутствие витреоретинальных тракций, величина глубины и объема дистрофического процесса сетчатки и стекловидного тела. Для оценки морфологических изменений А.А. Франчук (1989) предложил разделить периферические дистрофии на 3 группы: витреоретинальные (решетчатая, «след улитки»), ретинальные (кистовидная, пигментированная), хориоретинальные (хориоретинальная атрофия) [33].

Ю.А. Иванишко и соавторы (2003) одним из главных критериев предложенной ими классификации периферических дистрофий сетчатки (см. таблицу) считают вовлечение в процесс стекловидного тела, выделяя 2 основные группы: периферические хориоретинальные дистрофии (ПХРД) и периферические витреохориоретинальные дистрофии (ПВХРД) [34]. В основу положен принцип кодирования разных клинических форм периферических дистрофий сет-

чатки с учетом одновременно патоморфологии, выраженности изменений в оболочках глазного яблока и вероятного прогноза, позволяющих определять показания к лазерной ретинопексии.

По патоморфологии процесса:

периферические хориоретинальные дистрофии (ПХРД);

периферические витреохориоретинальные дистрофии (ПВХРД).

По наиболее вероятному прогнозу:

А. Дистрофии, очень редко приводящие к разрывам и отслойке сетчатки.

В. «Условно» предотслоечные дистрофии.

С. «Облигатно» предотслоечные дистрофии.

3. По степени выраженности изменений I–V стадии

Периферические дистрофии сетчатки (первичные). Рабочая классификация

Прогноз	По патоморфологии процесса	
	ПХРД	ПВХРД
А Дистрофии очень редко приводящие к разрывам и отслойке сетчатки	1. друзы 2. врожденная гипертрофия ПЭ 3. жемчужная 4. параоральные кисты 5. «закрытые оральные бухты»	-
В «Условно» предотслоечные дистрофии	1. «след медведя» (типа «бульжной мостовой»); 2. «каменноугольная» или «асфальтовая»; 3. микрокистозная дегенерация; 4. дегенеративный ретиношизис 5. врожденный ретиношизис; 6. диффузная сенильная ХР — атрофия; 7. сенильная ретикулярная с гиперпигментацией;	1. меридианальные складки; 2. «инееподобная»; 3. «ватаобразная», «снеговидная»;
С «Облигатно» предотслоечные дистрофии	-	1. «решетчатая»; 2. «след улитки»; 3. гранулярные «хвосты» (типа пролиферативного ретинита); 4. зонулярно-ретикулярные тракционные «пучки»; 5. пигментированные хориоретинальные рубцы с витреоретинальной тракцией;
По степени выраженности изменений		
I	указанные изменения без «предразрывов»	указанные изменения без «предразрывов».
II	«предразрывы» (ламельлярные «надрывы») или локальный шизис.	наличие «предразрывов»; витрео- или эпиретинальных тракций, локального шизиса, ламеллярных «надрывов».
III	сквозные дефекты без локальной отслойки сетчатки или ретиношизиса.	сквозные разрывы (клапанные, с «крышечкой», дырчатые с тракциями) и атрофические дефекты без локальной отслойки или прогрессирующего шизиса.
IV	сквозные дырчатые (атрофические и/или с эпиретинальными тракциями) дефекты с локальной отслойкой сетчатки (до 10% ее площади)	сквозные разрывы с локальной отслойкой сетчатки (до 10% ее площади).
V	клинически выраженная отслойка сетчатки (более 10% ее площади)	клинически выраженная отслойка сетчатки (более 10% ее площади)

Примечание. ПЭ – пигментный эпителий, ХР – хориоретинальная

Следует отметить, что данная классификация является общепризнанной среди офтальмологов

России. Особенностью классификации является обобщенное название 1-й группы – периферические хориоретинальные дистрофии (ПХРД). Согласно этой классификации, клинические формы, включенные в одну группу, локализируются в двух слоях: в нейросенсорной сетчатке и в слое пигментного эпителия, которые не сопровождаются витреоретинальными изменениями, а значит очень редко приводят к разрывам и отслойке сетчатки (друзы, врожденная гипертрофия ПЭ, жемчужная, и параоральные кисты, «закрытые оральные бухты»).

Облигатно предотслоечные дистрофии («решетчатая», «след улитки», гранулярные «хвосты» типа пролиферативного ретинита, зонулярно-ретикулярные тракционные «пучки», пигментированные хориоретинальные рубцы с витреоретинальной тракцией) представляют собой вовлечение в патологический процесс нейросенсорной сетчатки и стекловидного тела, определяют особенности витреоретинального интерфейса и являются наиболее опасными в развитии РОС.

Несмотря на большое количество нозологических форм периферических дистрофий, включенных в классификацию, следует отметить отсутствие в ней таких дистрофических изменений, как «белое без вдавления» и «белое с вдавлением», которые в последние годы все чаще обсуждаются отечественными и зарубежными офтальмологами как клинические формы, а ряд авторов относят их к группе, predisposing к отслойке сетчатки [1,16].

В классификации, представленной G. Macalister, P, Sullivan (2011), дистрофические процессы периферии сетчатки распределены на 2 группы: 1-я группа – дистрофии, повреждающие наружные слои сетчатки («бульжная мостовая», врожденная гипертрофия ретикулярного пигментного эпителия, ретикулярная дегенерация, периферические друзы); 2-я группа – дистрофии, повреждающие внутренние слои («белое без вдавления», микрокистозная дегенерация, ретиношизис, атрофические круглые отверстия, решетчатая дегенерация). Анализ данной классификации показывает необходимость более детальной оценки периферических дистрофий по глубине поражения слоев сетчатки [28].

Одной из последних классификаций по периферическим дистрофиям сетчатки является работа J, Chhablani, и A. Bagdi (2015), основанная на оценке послойной локализации дистрофического процесса, глубине поражения оболочек глаза: нейросенсорной сетчатки, нейросенсорной сетчатки и стекловидного тела, пигментного эпителия и сосудистой оболочки [32]. Выделены:

1. Интратретинальные дегенерации – микрокистозная, сенильный ретиношизис, параоральные кисты.

2. Витреоретинальные дегенерации – решетчатая дегенерация, «след улитки», «белое с вдавлением», «белое без вдавления».

3. Хориоретинальные дегенерации – «бульжная мостовая», диффузная диссеминация пигмента.

Итак, общим для авторов классификации периферических дистрофий по глубине поражения сетчатки является отнесение кистовидных дегенераций и ретиношизиса к группе изменений нейросенсорной сетчатки, а решетчатой дистрофии и по типу «след улитки» – к витреоретинальной группе. Спорным остается характер повреждения при «инеоподобной» дистрофии, «белом с вдавлением», «белом без вдавления», витреоретинальных пучках. Поэтому без точной оценки объема повреждения ретины и наличия тракционного синдрома невозможно определить прогноз осложненного течения процесса.

Вопрос классификации периферических дистрофий по возможному риску развития отслойки сетчатки при разных клинических формах обсуждается в последних публикациях. Следует подчеркнуть, что мнения авторов по опасности развития РОС при некоторых периферических дистрофиях расходятся. Так, по предрасположенности к развитию отслойки сетчатки предлагают выделять 2 формы: 1-я – дистрофии, предрасполагающие к развитию отслойки сетчатки (решетчатая дистрофия, кистовидные ретинальные пучки, дегенеративный ретиношизис, трофические ретинальные отверстия, разрывы сетчатки, диализ), 2-я – дистрофии, не предрасполагающие к отслойке сетчатки (меридиональные складки и комплексы, жемчужины зубчатой линии, некистовидный ретинальный пучок, зонулярные тракционные пучки, кистовидная периферическая дегенерация, «булыжная мостовая», оральные кисты, «белое без вдавления») [30].

G. Skuta и соавторы (2011) предложили выделить среди периферических дистрофий сетчатки также 2 группы. Однако к поражениям, предрасполагающим к отслойке сетчатки, они отнесли решетчатую дистрофию, витреоретинальные пучки, меридиональные складки, закрытые оральные бухты, периферические ретинальные экскавации [31], к группе дегенераций, не представляющих угрозу развития отслойки сетчатки, – «булыжную мостовую», ретинальную пигментную гиперплазию, ретинальную пигментную гипертрофию, периферическую кистовидную дегенерацию.

Анализируя современные данные о периферических дистрофиях сетчатки и их роли в возникновении регматогенной отслойки, Н.В. Пасечникова (2007) считает деление периферической дегенерации на «опасные» (решетчатая, «след улитки») и «неопасные» (кистовидная и пигментированная дегенерации) клинические формы весьма условным [4]. Главным фактором, определяющим опасность развития РОС, автор называет все формы витреоретинальных дегенераций. Таким образом, на первый план, по мнению Н.В. Пасечниковой, выходит наличие витреоретинальных тракций, определяющих прогноз течения дегенеративного процесса.

По данным отечественной и зарубежной литературы, предлагается рассматривать периферические дистрофии по прогнозу течения – с доброкачественным (без тракционного компонента) и недоброкачественным (предрасполагающие к РОС)

течением [1, 16]. А.В. Большунов (2013) разделил ПХРД на 2 группы: 1-я – с недоброкачественным течением («решетчатая» дегенерация, «след улитки», «инеоподобная», «белое без вдавления»), 2-я – с доброкачественным течением (дегенерация по типу «булыжной мостовой», экваториальные друзы, пигментная орапараллельная, сотовидная). Д. Кански (2006) выделил периферические ретинальные дегенерации, предрасполагающие к отслойке сетчатки (разрывы сетчатки, решетчатая, типа «след улитки», дегенеративный ретиношизис, «белое без вдавления» и «белое с вдавлением»). К группе периферических дегенераций сетчатки, не предрасполагающих к РОС, отнесены: микрокистозная, по типу «булыжной мостовой», «снежинки», друзы или коллоидные тела, параоральная пигментная дегенерация.

Несмотря на разницу в терминологии и разнообразии мнений, предложенные классификации периферических дистрофий основаны на определении степени риска развития отслойки сетчатки. При этом выраженность изменений в слоях периферии сетчатки и вовлечения в процесс стекловидного тела определялась визуально на основании осмотра (с помощью зеркального офтальмоскопа, диагностических линз 60–90 дптр, трехзеркальной линзы Гольдмана) и клинического опыта врача.

Заключение

Представленный анализ отечественных и зарубежных классификаций периферических дегенераций сетчатки показывает отсутствие единого мнения по многим вопросам.

Так, бесспорно решетчатую дистрофию и «след улитки» относят к витреоретинальным дистрофиям с наличием тракционного синдрома и высоким риском отслойки сетчатки. Дистрофию по типу «булыжной мостовой» относят к атрофическим формам, локализованным в наружных слоях сетчатки без тракционного синдрома и с благоприятным прогнозом. Дискутабельным является вопрос классификации клинических форм таких дистрофий, как витреоретинальный пучок, кистовидная дистрофия, ретиношизис, «белое без вдавления», «белое с вдавлением», «инеоподобная» дистрофия, меридиональные складки.

Для диагностики степени изменений сетчатки и стекловидного тела при дистрофических процессах периферии сетчатки, прогноза характера течения и риска развития осложнений применение только визуального способа исследований является недостаточным.

В связи с этим для создания единой классификации необходимо провести анализ периферических дистрофий с использованием оптической когерентной томографии (ОКТ) сетчатки. ОКТ-сканирование периферических дистрофий сетчатки позволит визуализировать объем и степень повреждения сетчатки, наличие витреоретинальных тракций, документировать и анализировать полученные результаты в динамике, а также определять тактику ведения пациента и показания к проведению лазерной коагуляции сетчатки.

Литература/References

1. Кански Д. Клиническая офтальмология: систематизированный подход : пер. с англ. М.: Логосфера; 2006. [Kanski D. Klinicheskaya oftal'mologiya: sistematizirovannuyu podkhod : per. s angl. M.: Logosfera; 2006. (In Russ.)]
2. Лазаренко Н.Р., Бесхмельница Н.В., Черных Л.А. Клинико-статистическая характеристика периферических дистрофий сетчатки. Актуальные проблемы офтальмологии: сб. материалов науч.-практ. конф. офтальмологов, посвященной 100-летию М.А. Дмитриева. Красноярск; 1997: 185–186. [Lazarenko N.R., Beskhmel'nitsina N.V., Chernykh L.A. Kliniko-statisticheskaya kharakteristika perifericheskikh distrofiy setchatki. Aktual'nye problemy oftal'mologii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. oftal'mologov, posvyashchennoy 100-letiyu M.A. Dmitrieva. Actual problems of ophthalmology. Krasnoyarsk; 1997: 185–186 (In Russ.)]
3. Нероев В.В., Захарова Г.Ю., Кондратьева Ю.П. Периферические витреохориоретинальные дистрофии на парных глазах у больных с ретинотенной отслойкой сетчатки. *Рос. офтальмол. журн.* 2014; 3: 5–10. [Neroev V.V., Zakharova G.Yu., Kondrat'eva Yu.P. Peripheral vitreohorioretinalnye dystrophy in fellow eyes of patients with rhegmatogenous retinal detachment. *Ros. oftal'mol. zhurn.* 2014; 3: 5–10. (In Russ.)]
4. Пасечникова Н.В. Лазерное лечение при патологии глазного дна. Киев: Наук. Думка; 2007. [Pasechnikova N.V. Lazernoe lechenie pri patologii glaznogo dna. Kiev: Nauk. Dumka; 2007. (In Russ.)]
5. Поздеева О.Г. Периферические витреохориоретинальные дистрофии у лиц молодого возраста: особенности клиники, диагностика, патогенез, комплексное лечение: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М.; 2005. [Pozdeeva O.G. Perifericheskije vitreokhorioretinal'nye distrofii u lits molodogo vozrasta: osobennosti kliniki, diagnostika, patogenez, kompleksnoe lechenie: Avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. M.; 2005. (In Russ.)]
6. Тарутта Е.П., Иомзина Н.Н., Кушнаревич М.Ю. и др. Исследование глазного дна у детей с миопией: пособие для врачей. М.; 2000. [Tarutta E.P., Iomzina N.N., Kushnarevich M.Yu. i dr. Issledovanie glaznogo dna u detey s miopiey: posobie dlya vrachev. M.; 2000. (In Russ.)]
7. Тарутта Е.П., Саксонова Е. О. Состояние периферических отделов глазного дна при высокой прогрессирующей близорукости. *Вестн. офтальмологии.* 1991; 1: 54–58. [Tarutta E.P., Saksonova E. O. Status peripheral parts of the fundus at high progressive myopia. *Vestn. oftal'mologii.* 1991; 1: 54–58. (In Russ.)]
8. Straatsma B.R., Zeegen P.D., Foos R. , Feman S.S., Shabo A.L. Lattice Degeneration of the Retina: XXX Edward Jackson Memorial Lecture. *Amer. J. Ophthalmol.* 1974; 77: 619–649.
9. Mitry D., Charteris D., Flec B. [et al.] The epidemiology of rhegmatogenous Retinal Detachment geographical variation and clinical associations. *Br. J. Ophthalmol.* 2010; 94: 678–684.
10. Van de Put M.A., Hooymans J.M., Los L.I. The Incidence of Rhegmatogenous Retinal Detachment in the Netherlands. *Ophthalmology.* 2013; 120: 616–622.
11. Мелкумянц Т.А. Особенности клинико-экспертного подхода к оценке состояния трудоспособности больных инвалидов, оперированных по поводу высокой осложненной близорукости. Врачебно-трудовая экспертиза и социально-трудовая реабилитация при патологии органа зрения. М.; 1982: 49–55. [Melkumyants T.A. Osobennosti kliniko-ekspertnogo podkhoda k otsenke sostoyaniya trudospobnosti bol'nykh invalidov, operirovannykh po povodu vysokoy oslozhnennoy blizorukosti. Vrachebno-trudovaya ekspertiza i sotsial'no-trudovaya reabilitatsiya pri patologii organa zreniya. M.; 1982: 49–55. (In Russ.)]
12. Прусак Р.Б. Клинико-трудовой прогноз лиц с периферическими витреохориоретинальными дистрофиями при близорукости: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рига; 1988. [Prusak R.B. Kliniko-trudovoy prognoz lits s perifericheskimi vitreokhorioretinal'nymi distrofiyami pri blizorukosti: Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Riga; 1988. (In Russ.)]
13. Либман Е.С., Прусак Р.Б. Клинико-трудовой прогноз лиц с периферическими витреохориоретинальными дистрофиями при близорукости. Актуальные вопросы социальной офтальмологии: сб. науч. тр. М.; 1988: 98–105. [Libman E.S., Prusyak R.B. Kliniko-trudovoy prognoz lits s perifericheskimi vitreokhorioretinal'nymi distrofiyami pri blizorukosti. Aktual'nye voprosy sotsial'noy oftal'mologii: sb. nauch. tr. M.; 1988: 98–105. (In Russ.)]
14. Либман Е.С., Шахова Е.В. Состояние и динамика слепоты и инвалидности вследствие патологии органа зрения в России. VII съезд офтальмологов России: тез. докл. М.; 2000. Ч. 2: 209–214. [Libman E.S., Shakhova E.V. Sostoyanie i dinamika slepoty i invalidnosti vsledstvie patologii organa zreniya v Rossii. VII s"ezd oftal'mologov Rossii: tez. dokl. M.; 2000. Ch. 2: 209–214. (In Russ.)]
15. Либман Е.С., Шахова Е.В. Слепота и инвалидность по зрению в населении России. VIII съезд офтальмологов России: тез. докл. М.; 2005: 78–79. [Libman E.S., Shakhova E.V. Slepota i invalidnost' po zreniyu v naselenii Rossii. VIII s"ezd oftal'mologov Rossii: tez. dokl. M.; 2005: 78–79. (In Russ.)]
16. Большунов А.В., ред. Вопросы лазерной офтальмологии. М.: Апрель; 2013. [Bol'shunov A.V., red. Voprosy lazernoy oftal'mologii. M.: Aprel'; 2013. (In Russ.)]
17. Duke-Elder S., Dobree, J.H. Diseases of the retina. In: Duke-Elder, ed., *System of Ophthalmology.* London: Henry Kimpton; 1967; 10: 126–127.
18. Halpern J.I. Routine screening of the retinal periphery. *Am. J. Ophthalmol.* 1956; 62 (1): 99–102.
19. Okun E. Gross and Microscopic Pathology in Autopsy Eyes: Part II. Peripheral Chorioretinal Atrophy. *Am. J. Ophthalmol.* 1960; 50 (4):574–583.
20. Okun E. Gross and Microscopic Pathology in Autopsy Eyes: Part III. Retinal Breaks without Detachment. *Am. J. Ophthalmol.* 1961; 51 (3):369–391.

21. Okun E. Gross and Microscopic Pathology in Autopsy Eyes: Part IV. Pars Plana Cysts. *Am. J. Ophthalmol.* 1961; 51(6): 1221–1228.
22. Rutnin U., Schepens C. L. Fundus Appearance in Normal Eyes: III. Peripheral Degenerations. *Am. J. Ophthalmol.* 1967; 64 (6): 1063–1069.
23. Rutnin U., Schepens C. L. Fundus Appearance in Normal Eyes: IV. Retinal Breaks and Other Finding. *Am. J. Ophthalmol.* 1967; 64 (6): 1040–1041.
24. Саксонова Е.О., Елисеева Р.Ф., Нестеров С.А. и др. О классификации периферических витреохорио-ретиальных дистрофий. Материалы V Всесоюзного съезда офтальмологов. М.; 1979; 3: 106–108. [Saksonova E.O., Eliseeva R.F., Nesterov S.A. i dr. O klassifikatsii perifericheskikh vitreokhorio-retinal'nykh distrofiy. Materialy V Vsesoyuznogo s"ezda oftal'mologov.M.; 1979; 3: 106–108. (In Russ.)]
25. Шершевская С.Ф. Васкулиты и дистрофии сетчатой и сосудистой оболочек глаза. Кемерово: Кн. изд-во; 1983. [Shershevskaya S.F. Vaskulity i distrofii setchatoy i sosudistoy obolochek glaza. Кемерово: Кн. изд-во; 1983. (In Russ.)]
26. Антелава Д.И., Пивоваров Н.Н., Сафоян А.А. Первичная отслойка сетчатки. Тбилиси; 1986. [Antelava D.I., Pivovarov N.N., Safoyan A.A. Pervichnaya otsloyka setchatki. Tbilisi; 1986. (In Russ.)]
27. Beker P., Shah C.P., Tasman W. Degenerative Diseases of the Peripheral Retina. 2013. Available at: <http://www.eyecalcs.com/DWAN/pages/v3/v3c026.html> (accessed 12.05.2015)
28. Macaliester G., Sullivan P. Peripheral retinal degenerations. Available at: http://www.optometry.co.uk/uploads/exams/articles/ce_t_30_09_2011__macalistersullivancorrect.pdf (accessed 13.09.2015)
29. Zinn K., Tilden D. Clinical Atlas Of Peripheral Retinal Disorders. New York: Springer-Verlag; 1988.
30. Boyd S., Cortez R., Sabates N. Retinal And Vitreoretinal Diseases And Surgery. Clayton: Jaypee Highlights Medical Publishers; 2010.
31. Skuta G.L., Cantor L B., Weiss J.S. Basic and Clinical Science Course: Retina and Vitreous: sect. 12:2011-2012 : (last major revis. 2008-2009). San Francisco; 2011.
32. Chhablani J., Bagdi A. B. Peripheral Retinal Degenerations. 2015. Available at: <http://eyewiki.aao.org> (accessed 13.09.2015)
33. Франчук А. А. Профилактическая лазерная коагуляция сетчатки при периферической дегенерации сетчатки на парных глазах у больных с односторонней отслойкой сетчатки: Дис....канд. мед. наук. Одесса; 1981. [Franchuk A. A. Profilakticheskaya lazernaya koagulyatsiya setchatki pri perifericheskoy degeneratsii setchatki na parnykh glazakh u bol'nykh s odnostoronney otsloykoy setchatki: Dis....kand. med. nauk. Odessa; 1981. (In Russ.)]
34. Иванишко Ю.А., Мирошников В.В., Нестеров Е.А. Периферические дистрофии сетчатки (первичные). Рабочая классификация. Показания к лазерной ретинопексии. *Окулист.* 2003; 44 (4): 6. [Ivanishko Yu.A., Miroshnikov V.V., Nesterov E.A. Peripheral retinal degeneration (primary) . Working classification . Indications for laser retinopexy. *Okulist.* 2003; 44 (4): 6. (In Russ.)]

Classification of peripheral retinal degenerations: a review
Shaimov R.B., Shaimova V.A., Pozdeeva O.G., Shaimov T.B.
 LLC ZRENIYa CENTER, GBUZ MTsLM of MZ ChO

Currently, there is no single universally accepted classification of peripheral retinal degenerations. The purpose of this study is to present an overview of domestic and foreign classifications of peripheral retinal degenerations. We have reviewed the classifications provided by the following features of peripheral degenerations: according to localization, pathomorphology, depth of retinal lesions, the forecast course, a combination of several features. Despite a numerous proposed classifications of peripheral retinal degenerations, there are debated questions on the classification of a number of significant clinical forms of peripheral degenerations. To create a unified classification it is necessary to analyze the clinical and instrumental criteria for different types of peripheral degenerations using spectral-domain optical coherence tomography of the retina.

Key words: classification, peripheral retinal degenerations, review, optical coherence tomography, OCT

Мирское и священное в современном мире

Лисина Елена Александровна

кандидат философских наук, генеральный директор издательского дома «Аналитика Родис», lisina.elena.81@gmail.com

Статья посвящена сохранению и проявлению в современной социальной реальности понятия «священное». Сегодня общество точно так же, как и двести или две тысячи лет назад, живет, ориентируясь на понятия священного толка; вот только понятия эти несколько видоизменяются. Целью данной статьи стало ограничить рамки понятия «священное» в современной социальной реальности, с целью дальнейшего использования данного понятия в социальном конструировании и философской мысли. Священная реальность российской современности, по нашему мнению, имеет синтетический характер. Она опирается на ряд взаимосвязанных понятий, феноменов и ценностей различного происхождения, порой противоречащих. Религиозность современного человека, как мы полагаем, нередко направлена на не-религиозные объекты и опосредуется его квазинаучным взглядом на мир. Социальный статус священных объектов активно используется в политехнологиях. Другая (отчасти смежная) область существования сакрального – массовая культура. Ее супергерои – это воплощенные в современные образы фигуры героев древности. Центральной точкой священного является феномен смерти: по сути, фактически любое понятие и действие в области сакральных смыслов есть способ избежать смерти или пережить ее условно невредимым.

Ключевые слова: Сакральное, священное, мирское, повседневность, обряд, ритуал, политическая мифология, массовая культура, смерть.

Введение

Понятие священного, в его противопоставленности мирскому, является одной из ярких отличительных черт традиционного и архаического мировоззрения. «Священное» имеет несколько словарных значений: в первом оно выступает как «обладающий святостью», во втором – относящийся к культуре; далее следуют переносные значения, одно из которых стало главенствующим в советской трактовке термина: «чрезвычайно почетный и исключительный по важности» [Колпакова, 2015, 76].

Наступление научно-технической революции и секуляризация западного (и не только западного) общества в какой-то период заставили науку и философию поверить в десакрализацию мира вообще. Однако на смену одной (увядающей) мифологии приходит другая, юная, актуальная и пассионарная. В начале XX века в искусстве, а позже и в политике исследователи отмечают наличие такой специфической черты, как нео-мифологизм (нередко закреплённый понятием «неоязычество»).

Главным выводом XX века в области понимания сакрального оказывается тот факт, что объявленная (и исследованная Мирчей Элиаде) десакрализация мира не состоялась. Сегодня общество точно так же, как и двести или две тысячи лет назад, живет, ориентируясь на понятия священного толка; вот только понятия эти несколько видоизменяются. Целью данной статьи стало ограничить рамки понятия «священное» в современной социальной реальности, определить его с целью дальнейшего использования данного понятия в социальном конструировании и философской мысли.

Священное как актуальный концепт социальной реальности

Говоря о функционале священного как понятия, В.И. Залунин выделяет следующие две основные группы функций: духовно-практические и культуротворческие (социально-конструктивные) [Залунин, 2002, 200]. Священное, в его определении, «выражает напряжение выделения человека из природы и восхождения человека к себе, преодоления нечеловеческого (дикости варварства) в человеке через усилие труда, образования, просвещения, гуманизации» [там же, 199].

Священная реальность российской современности, как мы полагаем, имеет синтетический характер. Она опирается на ряд взаимосвязанных понятий, феноменов и ценностей различного про-

исхождения, порой противоречащих друг другу. В качестве важнейших источников понятия священного назовем следующие:

архаические, заложенные еще в обрядах и ценностях деревенской культуры: обряды свадьбы, похорон, родов;

православно-христианские, «народное» православие: многочисленные праздники «священного» календаря, Пасха, Рождество и пр.;

советские ценности и концепты, образы и праздники: ведущая ценность Победы, многие праздники, великодержавный дискурс;

либеральные ценности и концепты.

Очевидно, что сегодня «священная карта» ценностей среднестатистического россиянина наследует, в различной степени, всем этим слоям, а также некоторым другим (локальным, субкультурным и пр.). До сих пор в российском обществе имплицитное священное является прямым подателем аксиологии обряда [Ващенко, 2008].

Исследование реакций на слово-стимул «священный» среди наших современников актуализирует в ближайшем круге ассоциаций образы религиозные: церковь, алтарь, – а также образ советской памятной церемонии: огонь (вероятно, вечный – знак памяти жертв войны, атрибут «могилы неизвестного солдата») [Колпакова, 2015, 77].

Ряд исследователей позиционирует священное в современном мире только в области религии. Однако, как мы полагаем, и религиозность современного человека нередко направлена на нерелигиозные объекты и опосредуется его квазинаучным взглядом на мир: «сами научные приборы и методы могут наделяться мистическим значением, а привычные для верующих представления о трансцендентном трактоваться, напротив, натуралистически, например, через атрибуты света, звуков, тепла» [Пронина, 2014, 55].

Обоснованно споря с М.Элиаде по вопросу десакрализации современного мира, Т.С. Пронина намечает особенности механизма сакрализации: «Характерная особенность нашего времени – сакрализация объектов этого мира не через установление их связи с трансцендентным, а через установление связи с объектом этого мира, обладающим высшим сакральным статусом» [Пронина, 2014, 55].

Социальный статус священных объектов активно используется в политтехнологиях. Так, К.А. Крашениникова напоминает о библейских основах советской фразы «Земля крестьянам!»; лозунга «Плодитесь и размножайтесь», появившегося в газетах после призыва В. Путина в области демографической политики [Крашениникова, 2006]. М.В. Щеглик утверждает: «Создание и воспроизведение мифологического повествования являются неотъемлемой составляющей современной политической жизни» [Щеглик, 2009, 326].

Политически маркированные ценности и идеи впитываются в создание граждан помимо их воли, часто неосознанно – из телевидения, печатных СМИ, биллбордов, соцсетей, социального окружения. При этом сложные идеологические теории

элит упрощаются для массового пользования, чтобы служить основой для ключевых метафор, – например, «война с бедностью», «борьба с коррупцией». Культура политического плаката сущностно близка мифологии героической личности; пророчества политиков, как отмечал еще К.Г. Юнг, по своей сущности являются мифологическими нарративами. Как отмечает исследователь, «Политический миф является формой сакрального мифа, но уже с другой системой ценностей» [Щеглик М.В., 2009, 331]. Очевидно, что в истории генезиса человечества политический и сакральный миф долго совпадали в образе царя-священника, «помазанного на царство». Сегодня же в области социальных влияний идеология по сути выполняет роль сакрального начала.

Другая (отчасти смежная) область существования сакрального – массовая культура. Ее супергерои – это воплощенные в современные образы фигуры героев древности; Супермена называют секулярным американским мессией [Самойлова, 2012, 151]. Двойственность, отталкивание-притягивание героя и антагониста (Бэтман – Джокер, Человек-паук – Веном) также имеют корни в процессе распада первичного амбивалентного божества на героя и чудовище, терзающее общество [там же, 152]. Единый знаменатель героя и злодея – это насилие; но если в исполнении злодея оно воспринимается как страшное и ужасное, то в исполнении героя – как спасительное и священное, восходя к первичному насилию, упорядочивающему мир, к победе над хаосом. К феномену священного насилия имеет прямое отношение понятие «священная война», неоднократно актуализированное в русской истории [Аверина, Цюпко, 2016].

Несомненно, сакральное может использоваться в социальной работе и построении стратегий воспитания: «осмысление феномена сакрального в социально-политическом контексте может внести вклад в методологическое сопровождение системы нравственно-патриотического воспитания» [Аверина, Цюпко, 2016, 10]. Вопрос только в том, как выстроить такую политику воспитания, которая не была бы жестко заидеологизирована.

Центральным концептом и предельной точкой священного для человека является феномен, который в этом качестве был постулирован ее экзистенциалистами: смерть. Как верно подмечает исследователь, глубинной основой современного понимания священного является «трепетное отношение к Смерти как к сокровенному акту перехода из одного состояния в другое, как к процессу завершения и даже своеобразного продолжения жизни» [Егорова, 2017, 57].

Заключение

Социальные проявления феномена священного в современном мире многообразны. Сегодня структура и место сакрального, его модели социальной реализации так или иначе используются и в политическом дискурсе, и в масс-медиа, и в массовой культуре, и в постфольклорной повседневно-

ности горожанина. Центральной точкой священно-го является феномен смерти: по сути, фактически любое понятие и действие в области сакральных смыслов есть способ избежать смерти или пережить ее условно невредимым. Так в советской реальности идея благодарности потомков – например, бессмертия подвига «безымянного солдата» – пришла на место идеи личного бессмертия души: если сакральный смысл вымещается культурой, он замещается другим.

Литература

Аверина О.Р., Цюпко И.Н. «Священная война» и феномен сакрального в патриотическом воспитании молодежи // *Власть и управление на Востоке России*. 2016. № 3. С. 1-11.

Ващенко А.В. Священное действо в культуре и игра в цивилизации // *Вестник Московского университета*. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 109-115.

Егорова И. Разволшебствование мира и чувство священного трепета // *Философская антропология*. 2017. Т. 3. № 1. С. 46-63.

Залуниин В.И. Сущность, формы и функции священного в контексте конструирования и де-струкции социальной реальности (феноменология и социология священного) // *Труды Дальневосточного государственного технического университета*. 2002. № 132. С. 192-201.

Залуниин В.И., Дашко Е.В. Священное в системе отношений власти // *Труды Дальневосточного государственного технического университета*. 2007. № 146. С. 66-73.

Колпакова А.А. Экспериментальное исследование лексем «Святой» и «Священный» // *Актуальные проблемы филологии*. 2015. № 11. С. 74-80.

Крашениникова К.А. Священные тексты, архетипы и рг-технологии // *Политэкс*. 2006. Том 2. № 4. С. 213-221.

Пронина Т.С. Модель «священное – мирское» в контексте современной религиозности // *Философские традиции и современность*. 2014. № 1 (5). С. 48-59.

Самойлова В.Е. Священное, насилие и «супергерой» // *Религиоведение*. 2012. №2. С. 148-154.

Щеглик М.В. Концептуальная интерпретация природы политического мифа как формы священной мифологии // *Вестник Бурятского государственного университета*. Сер. Философия, социология, политология, культурология. 2009. № 6а. С. 326-332.

The profane and the sacred in the modern world

Lisina E.A.

Analitika Rodis Publishing

The article is devoted to the preservation and manifestation of the “sacred” concept in the modern social reality. Today, society, just like two hundred or two thousand years ago, lives, being guided by the concepts of sacred nature; these concepts are just somewhat modified. The purpose of this article is to limit the scope of the concept of “sacred” in modern social reality, with the aim of further using this concept in social design and philosophizing. The sacred reality of Russian modernity has a synthetic character. It relies on a number of interrelated concepts, phenomena and values of different origin, sometimes contradictory: archaic, laid down in the rites and values of village culture; “popular” Orthodoxy; Soviet values and concepts; liberal values and concepts. The religiosity of modern man is often directed at non-religious objects and is mediated by his quasi-scientific view of the world. The social status of sacred objects is actively used in political technology. Another (partly adjacent) area of existence of the sacred is mass culture. The superheroes are the heroes of antiquity embodied in modern images. The central point of the sacred is the phenomenon of death: in fact, virtually any concept and action in the field of sacred meanings is a way to escape death or survive it conditionally unscathed.

Keywords: Sacred, secular, everyday, rite, ritual, political mythology, mass culture, death.

References

Averina O.R., Tsyupko I.N. (2016) “Svyashchennaya voyna” i fenomen sakral'nogo v patrioticheskom vospitanii molodezhi [“The Sacred War” and the phenomenon of the sacred in the patriotic education of youth]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 3, pp. 1-11.

Egorova I. (2017) Razvolshhebstvovanie mira i chuvstvo svyashchennogo trepeta [De-magication of the world and a sense of sacred trepidation]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], 3 (1), pp. 46-63.

Kolpakova A.A. (2015) Eksperimental'noe issledovanie leksem “Svyatoi” i “Svyashchennyi” [Experimental study of the lexemes “Saint” and “Sacred”]. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual problems of philology], 11, pp. 74-80.

Krashennikova K.A. (2006) Svyashchennyye teksty, arkhetyipy i pr-tekhnologii [Sacred texts, archetypes and pr-technologies]. *Politeks*, 2 (4), pp. 213-221.

Pronina T.S. (2014) Model' “svyashchennoe – mirskoe” v kontekste sovremennoi religioznosti [The “sacred – mundane” model in the context of modern religiosity]. *Filosofskie traditsii i sovremennost'* [Philosophical traditions and modernity], 1 (5), pp. 48-59.

Samoilova V.E. (2012) Svyashchennoe, nasilie i “supergeroi” [Sacred, violence and a “superhero”]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2, pp. 148-154.

Shcheglik M.V. (2009) Kontseptual'naya interpretatsiya prirody politicheskogo mifa kak formy svyashchennoi mifologii [Conceptual interpretation of the nature of political myth as a form of sacred mythology]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. *Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Buryat state university. Ser. Philosophy, sociology, political science, culturology], 6a, pp. 326-332.

Vashchenko A.V. (2008) Svyashchennoe deistvo v kul'ture i igra v tsivilizatsii [Sacred action in culture and play in civilization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 19. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Herald of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication], 3, pp. 109-115.

Zalunin V.I. (2002) Sushchnost', formy i funktsii svyashchennogo v kontekste konstruirovaniya i destruktсии sotsial'noi real'nosti (fenomenologiya i sotsiologiya svyashchennogo) [The essence, forms and functions of the sacred in the context of the design and destruction of social reality (phenomenology and sociology of the sacred)]. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Far Eastern state technical university], 132, pp 192-201.

Zalunin V.I., Dashko E.V. (2007) Svyashchennoe v sisteme otnoshenii vlasti [Sacred in the system of relations of power]. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Far Eastern state technical university], 146, pp. 66-73.

Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление

Фусу Лариса Ивановна

кандидат медицинских наук, ректор, Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, florayu@mail.ru

Статья посвящена феномену переходных состояний как объекту исследований психологии (психиатрии) и культурологии. Исследуя историю термина, автор приходит к выводу о том, что в течение XX века произошел метафорический перенос: если в психологии «пограничные состояния» понимались как состояния, находящиеся на грани здорового и больного (неврозы и пр.), то в распространении термина на другие области очевидно расширение его значения и уход от семы «нездоровье» в сторону семантики «кризиса». В современной философии культуры «пограничные состояния» обычно связаны с переживанием кризисных состояний, в пределе – с переживанием близости смерти (болезнь, кризисные тенденции переходного возраста, квази-инициация). Автор предлагает классификацию пограничных состояний индивидуума и социума, с характеристикой конструктивных и деструктивных сценариев выхода из кризиса. Главной чертой пограничного состояния как состояния не медицинского, а социального, оказывается его ценностная и структурная амбивалентность. Пограничное состояние сопровождается лиминальным социальным статусом и потерей привычных характеристик (личностной и социальной / групповой идентификации), однако оно же является «трансферным» путем перехода к новому статусу. Исследование характеристик пограничных состояний, как личностных, так и общественных, способно помочь в формировании инструментария работы с индивидуумом и социумом в сложные переходные периоды.

Ключевые слова: Пограничное состояние, переходность, терминология, лиминальность, кризис, общество, личность, конструктивный сценарий, деструктивный сценарий.

Введение

«Пограничные состояния» – привычный термин психологии и психотерапии, имеющие большое количество трактовок. Так, например, как «пограничные» функциональные нервно-психические расстройства определяются в ряде работ неврозы [Мещеряков, Зинченко, 2002, 294]. Р.С. Немов дает в своем словаре понятие пограничных личностных расстройств, – тип личностных расстройств, который находится в пограничном статусе между социально-адаптированным состоянием и расстройством психики [Немов, 2007, 358]. Состояние парабиоза рассматривается как состояние, пограничное между жизнью и смертью [Мещеряков, Зинченко, 2002, 338]. К пограничным состояниям в рамках психопатологии обычно относят неврозы, психопатии, реактивные состояния и пр. Однако понятие «пограничного состояния» в междисциплинарных исследованиях вышло из границ психопатологии и завоевало себе мощный статус в культурологии и философии.

Пограничность как кризис в личной судьбе и развитии общества

Немецкий психопатолог и психиатр Карл Ясперс одним из первых объединил психиатрическое понятие пограничных состояний с мировой практикой обращения к пограничным состояниям в мистических учениях. Он пришел к выводу, что истинный смысл бытия раскрывается человеку лишь в минуты потрясений, пограничных состояний: размышлений о смерти, страдания, болезни; именно в эти моменты человек осознает степень собственной ответственности (и того, что ответственность по большому счету ему не принадлежит). Ясперс по сути формулирует новое понимание пограничных состояний – осознания смерти – как фактора философских откровений, инсайтов. Как пишет философ, «В существовании есть восторг достигающей совершенства жизни и боль гибели (Schmerz des Verlorengehens). Но рядом с ними обоими здесь возникает недовольство простым существованием, скука от повторения, испуг (Erschrecken) в пограничной ситуации краха: всякое существование уже несет в себе свою гибель. Что такое счастье существования – этого нельзя усмотреть как непротиворечивую возможность ни в каком представлении, и даже ни в какой мысли: не существует счастья как длительного и

прочного, нет такого счастья, которое бы, когда оно просветлится для себя, все еще довлело бы себе» (курсив наш – Л.Ф.) [Ясперс, 2013, 204]. В этом смысле не только пограничное состояние есть путь к (само)познанию, но и само познание в крайности своего поиска истины есть пограничное состояние [Киселева, 2011].

Понятие пограничного состояния может быть обоснованно сопоставлено с феноменом кризисной ситуации: ситуацией между двумя статусами, двумя состояниями. Понятие кризиса также многозначно, и включает в себя, в частности, в терминологии психологии феномен переходного периода в жизни человека; таких переходных периодов немало: трехлетний возраст, подростково-юношеский, кризис среднего возраста и старости. Феномен кризиса важен тем, что он развертывается во временной оси и приводит так или иначе к перемене, к «лучшему» или к «худшему». Как правило, в кризисе выделяют негативную и конструктивную стороны; это общая черта для лиминальных и переходных состояний.

В современной науке соседствуют психологическое и культурологическое понимание термина «пограничные состояния». Достаточно распространен термин в исследованиях неврозов и других не вполне здоровых состояний психики [Князькина, 2015; Христофорова, 2006; Николаев, 2005]. В то же время нарастает и ряд исследований, где «пограничный» означает не «находящийся между здоровьем и болезнью», а просто «находящийся на границе, между двумя областями». В частности, современные исследователи выделяют в качестве пограничных состояний такое состояние, как полет (мифический в древности, реальный в современности) [Загидулина, 2017]. Поскольку «пограничные состояния» в культурологии и философии обозначают более или менее состояния, близкие к «иному миру», этот термин используют танатологи и исследователи явлений сна, видений [Галиева, 2016].

Как кризисы, так и переходные состояния выделяются не только в личной индивидуальной судьбе, но и в судьбе общества. Рассмотрим и постараемся классифицировать разнородные примеры пограничных состояний в современном обществе, характеризуя их по следующим чертам: состояния «по ту» и эту сторону переходного в случае конструктивного и деструктивного протекания кризиса.

В индивидуальной жизни пограничные состояния могут длиться краткосрочно, более длительно или же затрагивать целую жизнь (становясь характеристикой социального статуса личности).

Личные значимые события, привозящие к переходным состояниям.

Смерть: такое событие мгновенно перестраивает социальный статус окружающих умершего. В конструктивном сценарии душевная рана близких «затягивается», после тяжелого периода приходит примирение с утратой. В деструктивном сценарии утрата не проходит, не наступает принятие, что

может вести к различным нарушениям в психическом состоянии.

Развод. Конструктивный сценарий – выход бывших супругов, их детей и близких на стойкие социальные роли, смирение с новым положением. Деструктивный сценарий – депрессии, социальная деградация.

Болезнь. Конструктивный сценарий – выздоровление; деструктивный – смерть или переход болезни в хроническое состояние.

Инициация, в том числе элементы инициационных процедур в подростковых субкультурах. Конструктивный сценарий – обретение новой социальной идентичности; деструктивный – неумение пройти некоторые стадии и искушения периода.

Длительные периоды личной судьбы.

Маргинальность как пограничное состояние. Вопрос о сценариях выхода из кризиса не так прост в контексте современной тенденции к дауншифтингу, однако традиционно конструктивным сценарием считается обретение полноценного социального статуса.

Монашество как сознательное выключение индивидуума из сети социальных связей. Здесь социальный и личностный статус определяются изнутри системы не как кризисный, но как переходный в высшем смысле этого слова; истинно верным путем тут является выход из условной «лимinality» к обожению / нирване, неверным – прозябание в человеческой сущности.

Типы пограничных состояний общества.

Общество перед лицом внезапного события.

Вторжение, катастрофа, эпидемия. Эти разнородные события характеризуются нарушением обычной иерархии и систем социальной стабилизации. Конструктивный сценарий связан с обретением вновь устойчивой социальной системы; деструктивный – с разрушением физических или социальных оснований для выстраивания утраченной системы.

Революция, переворот. Конструктивный сценарий – обретение наиболее совершенного социального устройства; деструктивный сценарий – разрушение оснований функционирования общественной системы.

Эпохи пограничных состояний.

Длительные войны, политическая нестабильность. Кризисные состояния здесь не просто должны быть преодолены; они свидетельствуют о глубинных проблемах социальной системы или более глобальных систем, в которую данный социум включен.

Эпоха модернизма. В данном случае переходность состояния связана не просто со временным кризисом, но с кризисным, проблемным и полицентристским типом мышления в модернизме. В отсутствие монополярных аксиологических установок приходит ценностная многополярность, которая может восприниматься и как естественное состояние (внутренней свободы), и как кризисное (отсутствие общих «точек сборки» общества, разрозненность).

Заключение

В развитии термина «пограничные состояния» очевиден метафорический перенос из области психологии в социальные науки, связанный с расширением понятия. Главной чертой пограничного состояния как состояния не медицинского, а социального, оказывается его ценностная и структурная амбивалентность. Пограничное состояние сопровождается лиминальным социальным статусом и потерей привычных характеристик (личностной и социальной / групповой идентификации), однако оно же является «трансферным» путем перехода к новому статусу. Исследование характеристик пограничных состояний, как личностных, так и общественных, способно помочь в формировании инструментария работы с индивидуумом и социумом в сложные переходные периоды.

Литература

Галиева М.А. О привидениях, сновидениях и видениях в русской литературе. Танатопоэтика: пограничные состояния // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 171-174.

Загидулина Т.А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического подхода // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им В.П. Астафьева. 2017. № 1. С. 189-193.

Киселева М.В. Познание как пограничное состояние // Челябинский гуманитарий. 2011. № 3 (16). С. 25-33.

Князькина Н.Х. Анализ социальных идеалов в процессе развития подростков с пограничными состояниями // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 104-107.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М., 2002. 634 с.

Немов Р.С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. 560 с.

Николаев Е.Л. Сопряженность социокультурных параметров личности с пограничными состояниями // Вестник Чувашского университета. 2005. № 3. С. 285-291.

Христофорова С.Я. Пограничные состояния и их диагностика у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1 (25). С. 100-102.

Черева Т.Н. «Студенческий» невроз: причины возникновения // Вестник КемГУ. 2010. № 2 (42). С. 79-83.

Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+, 2013. 336 с.

Borderline states of the individual and society: borderline, crisis and its overcoming

Fusu L.I.

Institute of psychology and psychoanalysis

The article is devoted to the phenomenon of borderline states as an object of research in psychology (psychiatry) and culturology. Investigating the history of the term, the author comes to the conclusion that during the XX century there was a metaphorical transfer: if in psychology, "borderline states" were understood as states that are on the verge of a healthy and sick (neuroses, etc.), then in extending the term to other disciplines, the expansion of its significance and the departure from the "ill state" to the semantics of the "crisis". In the modern philosophy of culture, borderline states are usually associated with the experience of crisis states, in the extreme – with the experience of the proximity of death (illness, crisis trends of the transitional age, quasi-initiation). The author offers classification of the borderline states of the individual and society, with the characteristic of constructive and destructive scenarios for overcoming the crisis. The main feature of the borderline states as a state not of a medical, but of a social one, is its value and structural ambivalence. The borderline state is accompanied by a limited social status and loss of habitual characteristics (personal and social / group identification), but it is also a "transfer" way of transition to a new status. The study of the characteristics of borderline states, both personal and public, can help in the formation of tools for working with the individual and society in difficult transitional periods.

Keywords: Borderline states, transitivity, terminology, liminality, crisis, society, personality, constructive scenario, destructive scenario.

References

1. Galieva M.A. (2016) O privedeniyakh, snovideniyakh i videniyakh v russkoi literature. Tanatopoetika: pogranichnye sostoyaniya [About ghosts, dreams and visions in Russian literature. Thanatopoetics: borderline states]. *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Bryansk state university], 1, pp. 171-174.
2. Zagidulina T.A. (2017) Analiz transformatsii modelei reprezentatsii pogranichnogo sostoyaniya poleta v svete kul'turologicheskogo podkhoda [Analysis of the transformation of the models of the representation of the borderline state of flight in the light of the cultural approach]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State pedagogical university named after V.P. Astafiev], 1, pp. 189-193.
3. Kiseleva M.V. (2011) Poznanie kak pogranichnoe sostoyanie [Cognition as a borderline state]. *Chelyabinskii gumanitarii* [Chelyabinsk humanities], 3 (16), pp. 25-33.
4. Knyaz'kina N.Kh. (2015) Analiz sotsial'nykh idealov v protsesse razvitiya podrostkov s pogranichnymi sostoyaniyami [Analysis of social ideals in the development of adolescents with borderline states]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk scientific bulletin]. 3 (139), pp. 104-107.
5. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (2002) *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Great psychological dictionary]. Moscow.
6. Nemov R.S. (2007) *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow: Vlados Publ.
7. Nikolaev E.L. (2005) Sopryazhennost' sotsiokul'turnykh parametrov lichnosti s pogranichnymi sostoyaniyami [Conjugation of socio-cultural parameters of the individual with borderline states]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash university], 3, pp. 285-291.
8. Khristoforova S.Ya. (2006) Pogranichnye sostoyaniya i ikh diagnostika u sotrudnichkov pravookhranitel'nykh organov [Borderline conditions and their diagnosis in law enforcement officers]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies], 1 (25), pp. 100-102.
9. Chereva T.N. (2010) "Studencheskii" nevroz: prichiny vzhiknoveniya ["Student" neurosis: the causes of emergence]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU], 2 (42), pp. 79-83.
10. Jaspers K. (2013) *Razum i ekzistentsiya* [Reason and existence]. Moscow: Kanon+ Publ.

Исследование влияния релиз-активных препаратов на фиброзно-кистозную мастопатию

Васин Антон Сергеевич,

аспирант кафедры патофизиологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова», anto-vasin@inbox.ru

Давыдов Виктор Викторович,

доктор медицинских наук, профессор кафедры патофизиологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова»

Свирина Жанна Александровна,

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры патофизиологии, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова»

Фиброзно-кистозная мастопатия у женщин является крайне распространённым заболеванием, которым страдает 29-70% женщин и которое часто приводит к образованию рака молочных желез. В целях поиска эффективных методов лечения мастопатии изучались релиз-активные препараты в сравнении с тамоксифеном. У крыс искусственно воспроизводилась кистозная мастопатия синестролом, затем выдавались различные релиз-активные препараты. Результат лечения сравнивался с тамоксифеном. Были получены данные, что Conium c30, даже не содержащий молекул действующего вещества, вызывает статистически значимый регресс кист при мастопатии.

Ключевые слова: фиброзно-кистозная мастопатия, релиз-активные препараты, тамоксифен

По определению ВОЗ кистозная мастопатия - это заболевание, характеризующееся широким спектром как пролиферативных, так и регрессивных изменений тканей молочной железы с резко искаженным соотношением эпителиального и соединительнотканного компонентов. Частота кистозной мастопатии в популяции, по данным различных авторов [1,2], имеет место в 29-70% случаев, а частота диффузной мастопатии колеблется в диапазоне 29,4-42,6%.

Наиболее репрезентативным критерием регресса кистозной мастопатии является регресс кист в молочных железах, что можно оценить с использованием морфометрии. Она позволяет достоверно оценить наличие или отсутствие эффекта релиз-активных препаратов на морфологическом уровне и практически исключить эффект плацебо.

Релиз-активные препараты – это препараты, в процессе производства которых используется технологическая обработка разведений исходного вещества, приводящая к высвобождению особой фармакологической активности, названной релиз-активностью. Данная активность, в частности, проявляется в способности релиз-активных препаратов оказывать непосредственное модифицирующее воздействие на структуру исходного вещества, вызывая в нем конформационные изменения, что в итоге сопровождается изменением базовых для того или иного вещества физико-химических и биологических свойств [3, 4, 5, 6].

Цель исследования: оценить влияние релиз-активных (не содержащих действующего вещества) препаратов на патоморфологию и патофизиологию молочных желез при кистозной мастопатии крыс.

Для реализации поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1) Изучить влияние релиз-активных препаратов на кисты в молочных железах при фиброзно-кистозной мастопатии и на общее состояние животных.

2) Сравнить степень регресса кист при использовании релиз-активных препаратов и тамоксифена.

Материалы и методы

В работе исследовались препараты: релиз-активный «Conium maculatum» c30 (Conium) в гра-

нулах и препарат сравнения Тамоксифен в таблетках по 10 мг.

Работа проведена на 52 беспородных половозрелых крысах-самках от 250 до 350 граммов, условно разделенных на 5 серий:

Серия – Интактный контроль нормы (11 крыс).

Серия – Контроль кистозной мастопатии (19 крыс). Согласно [7,8] воспроизведена кистозная мастопатия внутримышечным введением 2% синестрола в течение 1,5 месяцев, затем крысы получали плацебо в течение 1 месяца.

Серия – Контроль регресса кистозной мастопатии без лечения (6 крыс). После воспроизведения кистозной мастопатии крысы были забиты.

Серия – после воспроизведения кистозной мастопатии выдавался Copium перорально, 3 раза в день в течение 1 месяца (13 крыс).

Серия – после воспроизведения кистозной мастопатии выдавался Тамоксифен 1 мг перорально 1 раз в день в течение 1 месяца (8 крыс).

Все морфологические препараты молочных желез были изучены под микроскопом под увеличением от 40 до 1600. Затем в полуавтоматическом режиме была проведена морфометрия по 23 показателям [9,10]:

ПГС в мм^2 - площадь гистопографического среза молочной железы.

К – в штуках – общее количество протоков в срезе.

КО в штуках – количество одиночных протоков в максимальном сечении молочной железы.

КПГ в штуках – количество групп протоков, то есть количество протоков, расположенных группами.

КГ – количество групп протоков, то есть сколько протоков расположено группами.

Р – в штуках на мм^2 – плотность железистого поля = $\text{К}/\text{ПГС}$.

ПГ – плотность групп протоков = $\text{КГ}/\text{ПГС}$.

ВГ – средняя величина групп протоков = $\text{КПГ}/\text{КГ}$.

%О – процент одиночных протоков = $\text{КО}/\text{К} \cdot 100\%$.

%Г – процент групповых протоков от всех протоков = $100\% - \%О$.

%ПЖ – процент площади железистого поля – процент площади протоков желез от ткани молочной железы.

%ПС – процент площади стромы = $100\% - \text{площадь протоков в } \%$

ПЖ. Площадь паренхимы в $\text{мм}^2 = \text{ПГС} \cdot \%ПС$.

ПС – площадь стромы в $\text{мм}^2 = \text{ПГС} - \text{ПЖ}$

СВ – степени васкуляризации = количество сосудов/ПС.

РП – средний размер одного протока = $\text{ПЖ}/\text{К}$ в мкм^2 .

КС – клеточность околопротоковой стромы. Подсчет видок клеток в строме (тысяч на 1 мкм околопротоковой стромы).

Методика: Определяем на снимке площадь околопротоковой стромы для 5 протоков. Затем подсчитываем количество клеток (нейтрофилы, эозинофилы, базофилы, лимфоциты, плазмочиты, тучные клетки, моноциты, фибробласты).

КС=число клеток* 10^6 /площадь околопротоковой стромы в выбранных протоках.

%Г – процент клеток.

ВЭ в мкм^2 – высота эпителия – оценка высоты эпителия протоков (толщина вокруг протоков) в мкм . Расчет на снимках микропрепаратов (отношение размеров снимка к реальному размеру ткани известно).

ПЭП в тыс. мкм^2 – площадь эпителия протоков в среднем = $3.54 \cdot \sqrt{(\text{РП}) \cdot \text{ВЭ}}$.

ППП в тыс. мкм^2 – площадь просвета протока в среднем = $\text{РП} - \text{ПЭП}$.

ПЭ в тыс. мкм^2 – площадь эпителия протока в максимальном срезе = $\text{ПЭП} \cdot \text{К}$

ППЖ в тыс. мкм^2 – площадь просвета желез = $\text{ПЖ} - \text{ПЭ}$.

Работа с животными проводилась в соответствии с европейскими и российскими законами [11,12,13]. Работа была одобрена этическим комитетом РязГМУ в 2016 году.

Полученные результаты и обсуждение

В норме молочные железы крыс состоят из спавшихся протоков с кубическим эпителием, которые расположены в жировой ткани, бедной сосудами и клетками (рис.1).

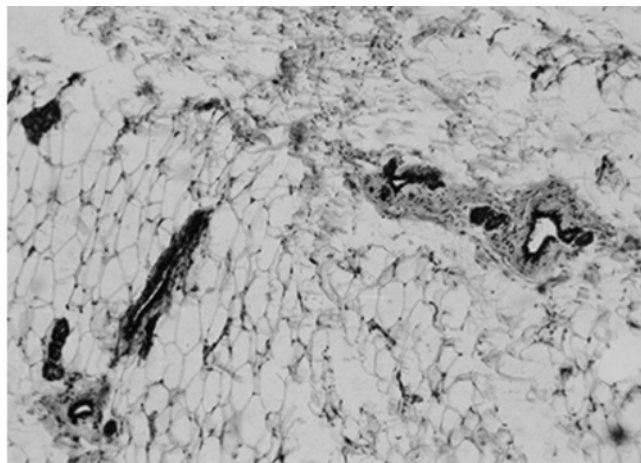

Рис. 1. Нормальная ткань молочной железы крыс. Протоки сужены, превалирует жировая ткань. Окраска гематоксилин-эозином, Увеличение $\times 160$

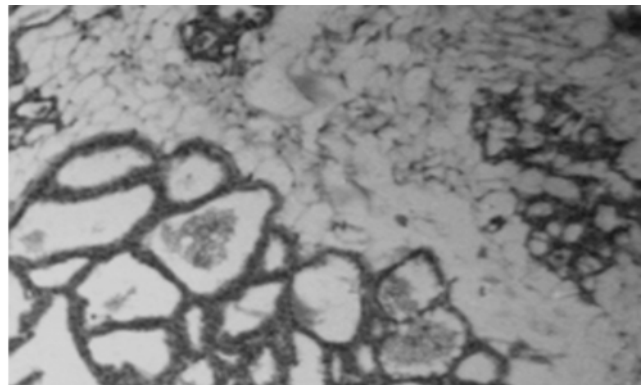

Рис. 2. Ткань молочных желез крыс из серии контроля качества кистозной мастопатии, выведенные из эксперимента сразу после воспроизведения мастопатии. Окраска гематоксилин-эозином. Увеличение $\times 160$

При кистозной мастопатии (рис. 2) – протоки резко расширены вплоть до образования кист. Через 4 недели от момента получения кистозной мастопатии в контрольной серии признаки мастопатии не исчезали (рис. 3), что согласуется с другими источниками [7,8,14]. Наблюдается регресс только слаборасширенных протоков.

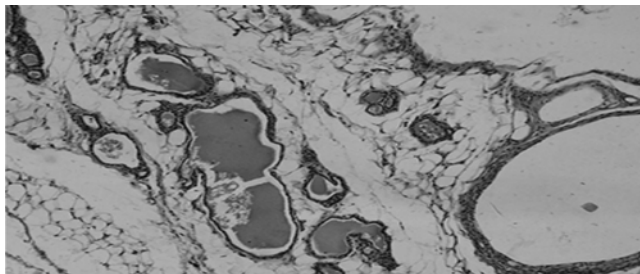

Рис. 3. Ткань молочных желез крыс из серии контроля, после воспроизведения кистозной мастопатии получающие плацебо 1 месяца. Окраска гематоксилин-эозином. Увеличение x160

Основными морфометрическими показателями, по которым оценивается степени регресса кист при мастопатии считаются средние площадь *размера* протока, площадь *просвета* протока и плотность протоков (количество на мм²). Чем они меньше, тем лучше [7,8,9,10].

Как мы видим на диаграмме (рис. 4) за 1 месяц лечения Conium c30 вызвал значительный регресс кист ($p < 0.05$) по всем параметрам, а тамоксифен в средние терапевтической дозировке не вызвал выраженного регресса кист ($p > 0.05$) ни по одному морфометрическому параметру (рис. 6).

Также при введении синестрола крысы становились вялыми, и значительно теряли массу тела. Спустя месяц крысы частично восстанавливали массу, что можно объективно оценить по динамике восстановления массы (отношение восстановленной массы тела к базовой массе в среднем). Как видно на диаграмме (рис. 7), крысы, получавшие Conium набрали вес быстрее ($p < 0.05$), чем крысы из группы контроля или получавшие тамоксифен, что косвенно свидетельствует об улучшении их состояния. Это также было заметно по их поведению – крысы, получавшие Conium, вернулись к исходной активности уже спустя 1 неделю после приема, тогда как крысы из группы контроля и принимавшие тамоксифен – только через 3-4 недели.

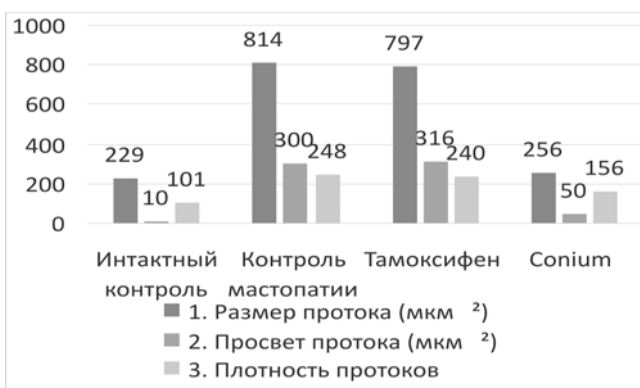

Рис. 4. Морфометрическая динамика за 1 месяц лечения

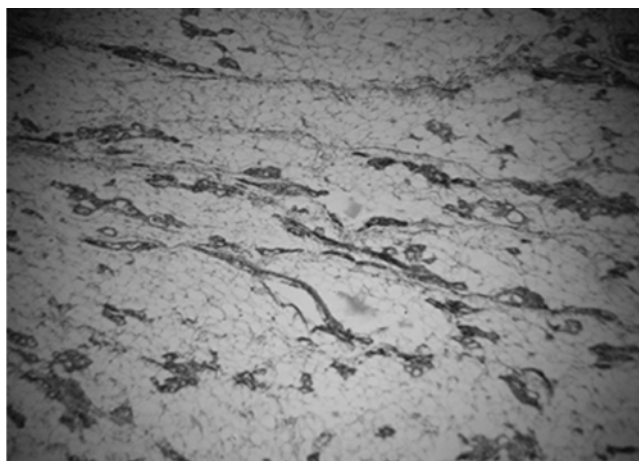

Рис. 5. Ткань молочных желез крыс с воспроизведенной кистозной мастопатией, получавших Conium c30 в течении 1 месяца. Окраска гематоксилин-эозином, Увеличение x160

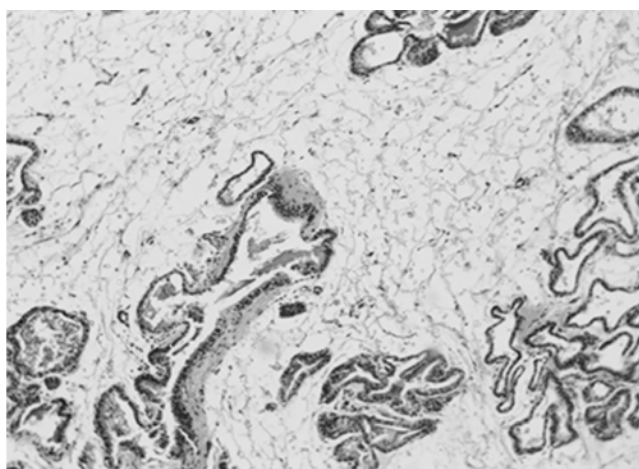

Рис. 6. Ткань молочных желез крыс с воспроизведенной кистозной мастопатией, получавших тамоксифен в течение 1 месяца. Окраска гематоксилин-эозином, Увеличение x160

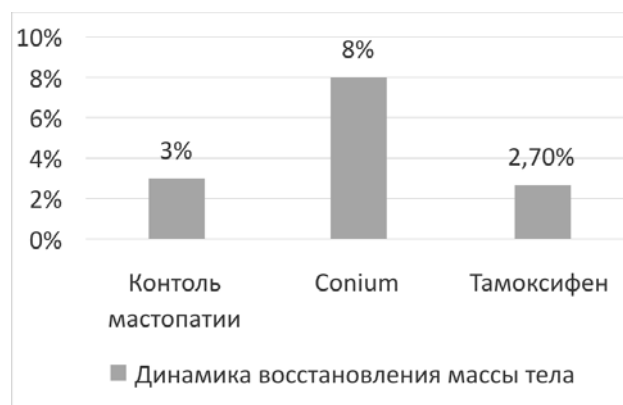

Рис. 7. Динамика восстановления массы тела

Выводы

Проведенное исследование показало, что релиз-активные препараты (в частности Conium) могут оказывать выраженное действие на ткань молочной железы, даже если в базовом препарате практически не содержится молекул базового действующего вещества.

Релиз-активный препарат «Conium maculatum» c30 является перспективным средством для его

дальнейшего исследования при лечении кистозной мастопатии.

Литература

1. Мастопатия, новые аспекты в лечении. // Л.С. Сотникова и другие - Томск 2011, 148 с.
2. Дисгормональные болезни молочной железы. // Мустафин Ч.Н., Кузнецова С.В. -Москва, 2009, С. 127
3. Феномен релиз-активности и гипотеза «пространственного» гомеостаза // О.И. Эпштейн; Успехи физиологических наук. - 2013 – Т. 44, № 3. - С. 54–76.
4. Релиз-активные лекарственные препараты — новое направление в лечении острых респираторных вирусных инфекций (обзор литературы) // А.Н. Дмитриев; Практическая медицина. - октябрь, 2014 - № 7 (83). - С. 137-143;
5. Релиз-активность – от феномена до создания новых лекарственных средств. /Эпштейн О.И.; Бюлл. Эксперим. Биол. и медицины. 2012 № 7. С. 62-67.
6. Клинико-фармакологическое обоснование и опыт применения инновационного релиз-активного препарата в лечении острых респираторных вирусных инфекций // Ю.С.Шаповалова; Справочник поликлинического врача. - 2015 - № 02. - С. 38-41.
7. Научное доказательство существования закона подобия в гомеопатии (экспериментальное исследование) // Свирина Ж.А, Витулкас Дж, Чумаченко П.А.; издательство "Академия Естественности", Москва 2010.
8. Экспериментально-морфологическое обоснование применения тамоксифена при кистозной мастопатии // Донсков К.А. кандидатская диссертация. Ульяновск-2010. 150 с.
9. Молочная железа: морфометрический анализ // П.А. Чумаченко, И.П.Шлыков. — Воронеж, 1991. 155 с.
10. Медицинская морфометрия. Руководство. — М.: Медицина, 1990. 384 с.
11. Европейская Конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях // Страсбург, 18.03.1986 г.
12. Приказ Минздарва России об утверждении правил лабораторной практики от 23.08.2010 N 708н
13. Приказ Минздарва СССР от 12.08.1977 N755 о мерах по дальнейшему совершенствованию организационных форм работы с использованием экспериментальных животных
14. Влияние гомеопатического верошпирона на молочные железы при кистозной мастопатии в эксперименте // Свирина Ж.А, Чумаченко П.А.; Фундаментальные исследования. 2008 №8. С. 130-131.
15. Котова Т.Г., Гурин А.В. Новейшие исследования в области криохирургии новообразований

лёгких // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2015. № 12. С. 145-147.

16. Котова Т.Г., Коченов В.И., Цыбусов С.Н., Гурин А.В. Расчет эффективного времени замораживания при криохирургии рака легкого // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2016. № 4. С. 77-80

Study of the effect of release-active drugs on fibrocystic breast disease

Vasin A.S., Davidov V.V., Svirina J.A.

Ryazan State Medical University

Fibrocystic Breasts in women is a very common disease that affects 29-70% of women and which often leads to the formation of breast cancer. In order to find effective methods of treatment of mastitis was studied in a release-active drugs in comparison with tamoxifen. In rats artificially reproduced cystic breast by synoestrol, then issued a different release of the active drugs. The result of treatment compared with tamoxifen. Data were obtained that Conium c30, not even containing molecules of the active substance causes a statistically significant regression of cysts mastitis.

Keywords: fibrocystic mastopathy, release-active drugs, tamoxifen

References

1. A mastopathy, new aspects in treatment.//L.S. Sotnikova and others - Tomsk 2011, 148 pages.
2. Dishormonal illnesses of a mammary gland.//Mustafin Ch.N., Kuznetsov S.V. - Moscow, 2009, S. 127
3. Phenomenon release activity and hypothesis of a "spatial" homeostasis//O.I. Epstein; Achievements of physiological sciences. - 2013 – Т. 44, No. 3. - Page 54-76.
4. Release-active medicinal preparations — the new direction in treatment of acute respiratory viral infections (the review of literature)//A.N. Dmitriyev; Applied medicine. - October, 2014 - No. 7 (83). - Page 137-143;
5. Release activity – from a phenomenon before creation of new medicines. / Epstein O.I.; Bulletin Eksperim. Biol. and medicine. - 2012 - No. 7. - Page 62-67.
6. Kliniko-pharmakologicheskyy justification and experience of use innovative release - active drug in treatment of acute respiratory viral infections//Yu.S. Shapovalova; Reference book by the polyclinic doctor. - 2015 - No. 02. - Page 38-41.
7. The scientific proof of existence of the law of similarity in homeopathies (pilot study)//Svirina Zh. And, Vitulka of J, Chumachenko P.A.; Academy of Natural Sciences publishing house, Moscow 2010.
8. Experimental and morphological justification of use of Tamoxifen at a cystic mastopathy//Donskov K.A. master's thesis. Ulyanovsk-2010. 150 pages.
9. Mammary gland: morphometric analysis//P.A. Chumachenko, I.P. Shlykov. — Voronezh, 1991. 155 pages.
10. Medical morphometry. Management. — М.: Medicine, 1990. 384 p.
11. The European Convention on protection of the vertebrate animals used for experiments or in other scientific purposes//Strasbourg, 18.03.1986.
12. Order Minzdarva of Russia on the approval of rules of laboratory practice of 23.08.2010 of N 708 N
13. Order Minzdarva of the USSR of 12.08.1977 of N755 on measures for further improvement of organizational forms of work with use of experimental animals
14. Influence of a homeopathic veroshpiron on mammary glands at a cystic mastopathy in an experiment//Svirina Zh. And, Chumachenko P.A.; Basic researches. - 2008 - No. 8. — P.130-131.
15. Kotova T.G., Gurin A.V. The latest research in the field of cryosurgery of lung tumors // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2015. No. 12. P. 145-147.
16. Kotova T.G., Kochenov V.I., Tsybusov S.N., Gurin A.V. Calculation of the effective freezing time for cryosurgery of lung cancer // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2016. No 4. S. 77-80

Психологическая реабилитация пациентов с переломами нижней челюсти

Фишер Ирина Игоревна,

ассистент кафедры челюстно-лицевой хирургии и стоматологии, Самарский Государственный Медицинский Университет, Fisheririna3310@yandex.ru

Проблема изучения психологического статуса пациентов, поступивших в стационар с травмой челюстно-лицевой области, крайне актуальна в настоящее время не только в связи с ростом травматизма, но и в связи с высокой субъективной значимостью ухудшения внешнего вида лица, что существенно нарушает эстетическую привлекательность человека; а также с функциональными нарушениями актов жевания, глотания, дыхания, затруднениями речи.

В последнее десятилетие в реабилитационной работе большое внимание стало уделяться психологическому компоненту. Это связано с успехами в лечении пациентов с травматической болезнью и в первую очередь с появлением и широким распространением фармакотерапии и современных методов физиотерапии, которые позволили перенести внимание специалистов с медицинских на психологические проблемы начиная с острого периода болезни. На первый план теперь выходит психологическая работа с пациентами, приводящая к формированию адекватной внутренней картины болезни.

Ключевые слова: психологическая реабилитация, переломы нижней челюсти, психологический профиль пациентов.

Нами было проведено исследование пациентов с травмой нижней челюсти для изучения особенностей психологического состояния и определения их качества жизни.

Объектом исследования явились больные отделения ЧЛХ в количестве 50 человек (35 мужчин и 15 женщин) с переломами нижней челюсти в возрасте от 16 до 57 лет, с переломами нижней челюсти.

Для составления плана лечения и программы реабилитации данной группы пациентов, нами было проведено обследование больных (включало в себя традиционный опрос: выявление жалоб, сбор анамнеза, объективную оценку общего состояния больных), вспомогательные и специальные методы исследования (реографический, рентгенологический).

Диагностика при помощи анкетирования проводилась за 2-3 дня до операции на момент поступления больного в стационар. В ходе беседы выявлялись личностные особенности больного, для установления максимального контакта с ним.

Нами были предложены методы исследования:

1. Методика самооценки психических состояний (автор Г.Айзенк);[5]
2. Опросник изучения качества жизни Всемирной организации здравоохранения ВОЗКЖ-100 (WHOQL-100); [4]
3. Личностный опросник Бехтеревского института (ЛОБИ);
4. Интегративный тест тревожности (авторы Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.Г.);[3]
5. Опросник копинг-стратегии поведения (Э.Хаймс).

В результате тестирования были получены особенности психических состояний:

1. Низкие и средние показатели психических состояний агрессивности, тревожности, ригидности больных с травмой челюстно-лицевой области соотносятся с показателями качества жизни, типами отношения к болезни.

Общая удовлетворенность качеством жизни достоверно снижается при возрастании уровня тревожности ($R_s = -0,765$; $p < 0,01$).

Удовлетворенность физическим функционированием достоверно снижается при повышении значений по шкалам:

1. тревожности ($R_s = -0,819$; $p < 0,01$),
2. фрустрации ($R_s = -0,664$; $p < 0,05$),
3. ригидности ($R_s = -0,631$; $p < 0,05$).

Значения по психологической сфере также отрицательно взаимосвязаны с уровнями:

1. тревожности ($R_s = -0,792$; $p < 0,01$),
2. фрустрации ($R_s = -0,844$; $p < 0,01$).

При низком значении параметра «личные отношения» значительно возрастают показатели:

1. тревожности ($R_s = -0,925$; $p < 0,01$),
2. фрустрации ($R_s = -0,826$; $p < 0,01$),
3. агрессивности ($R_s = -0,826$; $p < 0,01$).

Обратная взаимосвязь наблюдается между субшкалой «отрицательные эмоции» и параметрами:

1. тревожности ($R_s = -0,787$; $p < 0,01$),
2. ригидности ($R_s = -0,623$; $p < 0,05$),
3. сензитивным типом отношения к болезни ($R_s = -0,633$; $p < 0,05$).

Низкие значения по субшкале «удовлетворённость качеством медицинской и социальной помощи» диагностируются при высоких значениях параметров:

1. тревожность ($R_s = -0,669$; $p < 0,05$),
 2. сензитивный типу отношения к болезни ($R_s = -0,793$; $p < 0,01$).
2. - средний уровень состояния ригидности;
- средний и низкий уровни состояний фрустрации и агрессивности;
- низкий уровень состояния тревожности.

В связи с выявленными психологическими особенностями пациентов была предложена программа психокоррекционного воздействия:

- ✓ Оптимизация психологического статуса
- ✓ Уменьшение болевой симптоматики
- ✓ Эмпатическая поддержка больного
- ✓ Выработка положительного «переноса»
- ✓ Формирование «лечебной перспективы»
- ✓ Активизация собственных ресурсов пациента для борьбы с заболеванием
- ✓ Психологическая подготовка к стационарному этапу лечения

Цель социально-психологической реабилитации пациентов заключается в формировании адекватной внутренней картины болезни, а на ее основе восстановлении психического здоровья и эффективного социального поведения, реализации реабилитационного потенциала и повышении качества жизнедеятельности.

Оценка эффективности психологической реабилитации

Рассматривать критерии эффективности реабилитации следует на уровне результатов индивидуальной реабилитации пациента с учетом его дефекта и индивидуальных ресурсных возможностей. Такой индивидуально ориентированный подход направлен на выявление изменений в психологическом статусе каждого пациента после применения ряда методик реабилитации, подобранных с учетом его личных психологических трудностей.

Эффективность психологической реабилитации зависит от возраста, преморбидных психологических особенностей, социального окружения, мотивации пациентов. Чем более активен сам пациент, чем выше у него мотивация к психологическому и

физиологическому восстановлению, тем выше эффективность психологической реабилитации.

Программа коррекции психических состояний в послеоперационный период:

1. Арттерапия (буквально: терапия искусством).

Методика предназначена для пациентов с травмой челюстно-лицевой области и представляет собой две встречи, которые проводятся 2 раза. Первая встреча проходит при поступлении пациента в стационар и направлена на стабилизацию эмоционального фона. Вторая встреча проходит перед выпиской и предназначена на укрепление «положительного» статуса пациента (выздоровление).

2. Психогимнастика (метод, при котором участники проявляют себя и общаются без помощи слов).

Методика предназначена для пациентов с травмой челюстно-лицевой области и представляет собой курс из 7 занятий и частотой встреч раз в день. Занятие длится от 20 минут до 40 минут.

Так же для динамики психических состояний нами было проведено тестирование по методике Дембо-Рубинштейн (рис. 1).

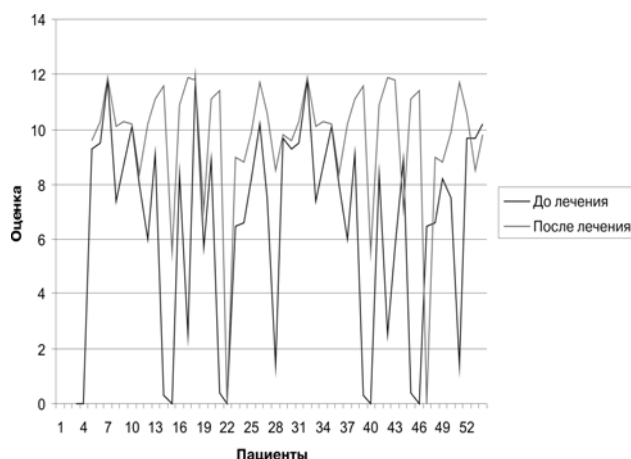

Рис. 1

Нами была получена положительная динамика психологического статуса пациента после проведения психокоррекционных мероприятий.

Литература

1. Аржанцев П.З., Иващенко Г.И. - Лечение травм лица. - М., 2005.
2. Василюк Ф.Е. Фрустрация// Психология состояний. Хрестоматия/ под ред. А.О.Прохорова. М.: ПЕР СЭ; СПб: Речь, 2004. с.432-436.
3. Интегративный тест тревожности (Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.Г.). http://vizel.by.ru/anketa_voz.htm
4. Опросник ВОЗКЖ-100. <http://www.psy-diagnoz.com/clinical-psychodiagnostic/38-diagnosis-of-depression/75-integrative-test-anxiety.html> (обращение от 21.08.2013).
5. Самооценка психических состояний (по Г.Айзенку). <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/01.html> (обращение от 21.08.2013).

Psychological rehabilitation of patients with mandibular fractures

Fisher I.I.

Samara State Medical University

The Problem of studying the psychological status of patients admitted to hospital with an injury of the maxillofacial region, is extremely relevant at present, not only in connection with the growth of the injury, but also due to the high subjective significance of the deterioration in the appearance of the face, which significantly violates the aesthetic appeal of a person; as well as with functional disorders of the acts of chewing, swallowing, breathing, difficulty of speech.

In the last decade in rehabilitation, much attention has been paid to the psychological component. This is due to advances in the treatment of patients with traumatic disease in the first place with the advent and widespread use of pharmacotherapy and modern methods of physiotherapy that allowed me to move the attention of specialists from medical to psychological problems since the acute period of the disease. In the foreground is now out psychological work with patients, leading to the formation of an adequate internal picture of the disease.

Keywords: psychological rehabilitation, mandibular fractures, psychological profile of patients.

References

1. Arzhantsev P. Z., Ivashchenko G.I. - Treatment of injuries of face. - M, 2005.
2. Vasilyuk F.E. Frustration//Psychology of states. The anthology / under the editorship of A.O. Prokhorov. M.: PER SE; SPb: Speech, 2004. page 432-436.
3. Integrative test of uneasiness (Bizyuk A.P., Wasserman L.I., Iovlev B.G.). http://vizel.by.ru/anketa_voz.htm (address from 8/21/2013).
4. Questionnaire of VOZKZh-100. <http://www.psydiagnoz.com/clinical-psychodiagnostic/38-diagnosis-of-depression/75-integrative-test-anxiety.html> (address from 8/21/2013).
5. A self-assessment of mental states (according to G. Ayzenk). <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/01.html> (address from 8/21/2013).